

СБОРНИК

студенческих
работ
2024 года

факультет
Санкт-Петербургская школа социальных наук
НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург

УДК 308(082)
ББК 60я4
С23

Рецензенты:

Степанова Екатерина Сергеевна,
старший преподаватель департамента государственного
администрирования НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург

Стремоухов Денис Александрович,
старший преподаватель департамента политологии
и международных отношений НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург.

Сборник студенческих работ 2024 года факультета Санкт-Петербургская школа социальных наук НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург /
С23 под редакцией А. Н. Сорокина ; НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург. — Санкт-Петербург : Реноме, 2025. — 176 с. : ил.

ISBN 978-5-00256-073-8

Настоящий сборник представляет собой результаты исследовательской работы студентов факультета Санкт-Петербургская школа социальных наук НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург за 2024 год. Сборник подчеркивает значимость социальных наук как области, объединяющей разнообразные теоретические и методологические подходы, и демонстрирует вклад нового поколения исследователей в развитие новых научных знаний.

УДК 308(082)
ББК 60я4

ISBN 978-5-00256-073-8

© Авторы, 2025
© НИУ ВШЭ, 2025
© Оформление. ООО «Реноме», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сорокин А. Н.</i> Предисловие	4
Раздел 1. ГЕНДЕР, ИДЕНТИЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ	
<i>Щукина Т. В.</i> Соотношение подходов к гендерной политике ООН-Женщины и Правительства Республики Казахстан в 2016–2023 гг.	6
<i>Buzenkova J. V.</i> The specificity of the agency of young Latter-day Saints: the results of a study in Saint Petersburg	10
<i>Semenova M. V.</i> Body Image among Young Females with Eating Disorders: A Qualitative Study	13
Раздел 2. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОБРАЗОВАНИЮ	
<i>Хурда Д. П., Заиченко Н. А.</i> Факторы влияния на цифровую социализацию участников образовательных отношений	18
<i>Парфёнова А. А., Баронене С. Г.</i> Клиентоориентированный подход как управленческий инструмент персонализации образовательного процесса (кейс магистерской программы «Управление образованием» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург)	25
<i>Сизов Д. И., Волкова Н. В.</i> Особенности восприятия лидерства в контексте совладающего поведения	30
<i>Lyakhova A. I.</i> Patriotism in School Education as the Soviet system heritage: Investigating Federal State Educational Standards in Russian Schools in the context of Promoting Patriotic Narratives in the Period from 2009 to 2022	35
Раздел 3. РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И УПРАВЛЕНИЕ	
<i>Абрамов П. В.</i> Увеличение роли местного самоуправления в Санкт-Петербурге как шаг к управленческой оптимизации	40
<i>Чернецкий И. С., Лазарев Е. Е., Канаев И. И., Лимонов Л. Э.</i> Оценка индикаторов устойчивого развития российских регионов	47
<i>Михайловская С. В., Вивчар Т. А.</i> Межмуниципальная интеграция как фактор управления развитием территории (на примере Ленинградской области)	55
<i>Гатауллина А. И., Колчинская Е. Э.</i> Развитие промышленных кластеров как фактор повышения конкурентоспособности предприятий химической отрасли	61
<i>Васильева А. Е.</i> Пространственный автокорреляционный анализ социально-экономической сферы Российской Федерации	65
<i>Леонтьева М. М., Степанова Е. С.</i> Ревитализация «серого пояса» Санкт-Петербурга: развитие и функциональное наполнение промышленных территорий	71
<i>Ламанов Д. В., Степанова Е. С.</i> Особенности и проблемы комплексного освоения территории жилой застройки в Санкт-Петербурге	75
<i>Смирнова Ю. Д., Яковлева П. Э.</i> Анализ сетей концентрации креативных индустрий на примере «Лофт Проект Этажи»	81
<i>Яковченко А. Н., Афанасьев К. С.</i> Нелегальное уличное искусство как основной источник нарушений требований к благоустройству территорий крупнейшего города	85
<i>Кутявина В. С.</i> Потенциал и развитие креативных кластеров в г. Санкт-Петербурге	91
<i>Sovchik E. I.</i> Comparison of the public policies targeting small- and middle-sized towns through the prism of territorial governance: cases of France and Italy	96
Раздел 4. СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС	
<i>Слепченко А. П.</i> Мемы как отражение политики: цифровая модернизация в России	102
<i>Краснолобова Т. А.</i> Стратегии демонстрации лояльности российских губернаторов федеральному центру	107
<i>Pankova E. M., Bogatyreva A. A., Boldanova D. B.</i> The difference between Vladimir Putin's interviews to Tucker Carlson and Dmitry Kiselev	112
<i>Ovcharenko V. M., Semichev D. M.</i> «I Want It Third Way»: Populist Middleground for the Polarised Polish System	116
<i>Koriakin K.</i> Virtual Federalism? Construction of Autonomy and Self-Representation of The Russian Governors in Social Media	121
<i>Duev I. V., Ivanova K. O.</i> How is the fear produced under the COVID-19 in Russian public discourse?	125
Раздел 5. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	
<i>Перова П. С.</i> Роль французского наследия в формировании политических принципов Камбоджи	130
<i>Ботникова Е. Э.</i> Отношения между национально-культурными идентичностями в условиях глобализации на примере израильско-палестинского конфликта	135
<i>Nikiforov V. I.</i> Analysis of the influence of non-economic etiology factors on EU competition policy	139
<i>Zharov G. L., Goncharenko D. R.</i> «Piove Sul Bagnato»: Italian polarization during crises	143
<i>Borna A.</i> Discursive Pattern Changes of the Iranian Opposition during the 'Woman Life Freedom' protests	148
<i>Gajardo M. A.</i> Political Determinants of Monetary Policy during Economic Transitions: A Study of Exchange Rate Regime Preferences in Post-Soviet States	154
Сведения об авторах	160
Аннотации	162

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые авторы, читатели, дорогие коллеги!

Перед вами в руках сборник студенческих работ факультета Санкт-Петербургская школа социальных наук НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург. Путь рукописей в этот сборник включал тщательный отбор в несколько этапов: апробация на научных мероприятиях или защита курсовых либо дипломных работ, а также несколько раундов рецензирования, внесения корректировок и редактирования. Без зазрения совести можем сказать, что каждая статья заслуживает внимания и является достижением каждого автора и их научных руководителей и консультантов.

Сборник отражает разнообразие тем и подходов в области исследований управления, образования, международных отношений, социологии и политологии и включает тексты студентов бакалаврских и магистерских программ, реализуемых на департаментах социологии, политологии и международных отношений, государственного и муниципального управления, а также научных подразделений нашего факультета. Междисциплинарный характер сборника подчеркивает богатство и многогранность социальной науки как области знания, а также разнообразие исследовательских оптик и методов, применяемых авторами в своих работах.

Мы надеемся, что сборник станет только пробой пера для начинающих академический путь обучающихся, послужит вдохновением для самих авторов и их сверстников, преподавателей и всех, кто заинтересован в развитии социальных наук. Ведь социальные науки играют ключевую роль в осмыслении современного мира, позволяя понять глубину и разнообразие общественных процессов, механизмов власти и взаимодействий между людьми и государствами, а также найти ответы на нераскрытые вопросы, касающиеся идентичности и культуры, рефлексии и самопонимания, осознанности и устойчивости и иных вопросов развития человека, общественных и не только институтов.

Благодарим всех студентов, преподавателей и исследователей факультета и наших партнеров за бесценный интеллектуальный вклад, сотрудников и руководство Санкт-Петербургского кампуса НИУ ВШЭ за организационную поддержку, чья совместная работа сделала этот проект возможным, и приглашаем читателя к знакомству с результатами свежих и вдумчивых исследований нового поколения.

Приятного чтения, новых открытий и инсайтов.

Сорокин А. Н.

*Декан факультета Санкт-Петербургская школа социальных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург*

Раздел 1

ГЕНДЕР, ИДЕНТИЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ

СООТНОШЕНИЕ ПОДХОДОВ К ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКЕ ООН-ЖЕНЩИНЫ И ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В 2016–2023 гг.

В настоящее время Казахстан усиливает свое влияние на региональном уровне (Yuneman, 2020, 46) и сильнее вовлекается в деятельность международных организаций, включая Организацию Объединенных Наций (Makasheva, 2006, 107). Одной из Целей устойчивого развития ООН является достижение гендерного равенства («Цели в области устойчивого развития — Устойчивое развитие», n. d.), а органом, который преимущественно занимается этим, является Структура «ООН-Женщины» (Там же). При этом, Республика Казахстан — светское государство, в котором все же распространены консервативные и патриархальные взгляды, связанные с религией (Cornell et al., 2017, 7–8). Поэтому представляется интересным рассмотреть, как подход к гендерной политике, реализуемый ООН-Женщины, переносится на контекст этой страны и какими особенностями он обладает.

Хронологические рамки обусловлены тем, что в декабре 2016 г. была издана «Концепция семейной и гендерной политики Республики Казахстан до 2030 года» (ИПС «Әділет», 2016), которая заменила собой соответствующую Концепцию 2006 года. Структура «ООН-Женщины» создана в июле 2010 г., а значит, предположительно, могла повлиять на редакцию новой Концепции. Учитывая, что данное исследование направлено на изучение как структуры «ООН-Женщины», так и правительства Республики Казахстан, такие временные рамки представляются обоснованными.

Исследование построено на методологии интерпретивизма, основной принцип которого — вера в то, что индивиды конструируют свои знания на основе своих собственных интерпретаций и опыта, а также в то, что субъективные значения важны в понимании социально-политических явлений (William, 2024, 1–5). Такая методология позволяет лучше понять мотивы акторов, то, как они воспринимают реальность, и чем их взгляды отличаются друг от друга.

В качестве основной теории была выбрана теория перевода политики (англ. Policy Translation Theory), которую разрабатывали такие авторы как, например, Р. Мейлаертс (Meylaerts, 2011), Р. Фриман (Freeman, 2009). Теория перевода политики позволяет взглянуть на неформальные практики и особенности, связанные с идеологией, контекстом и поведением агентов (Meylaerts. Op. cit.

Р. 163), а также она подчеркивает нелинейность процесса перехода политики от одного актора к другому (Freeman Op. cit. Р. 429), что хорошо встраивается в логику интерпретивистского исследования.

Самый доступный на данном этапе эмпирический материал — официальные документы, а именно *три Стратегических плана ООН-Женщины за 2014–2017 гг., 2018–2021 гг., 2022–2025 гг.* («United Nations Entity for Gender Equality and the Empowerment of Women strategic plan, 2014–2017», 2013; «UN Women Strategic Plan 2018–2021», 2017; «UN Women Strategic Plan 2022–2025», 2021) и «*Концепция семейной и гендерной политики Республики Казахстан до 2030 года*» (ИПС «Әділет», 2016).

Хотя часто в рамках методологии интерпретивизма используются именно качественные методы, это не является обязательным (Della Porta, Keating, 2008, 19). Однако, все же эмпирическая база данного исследования ограничена: пока нет собранных данных интервью, опросов или описаний наблюдений. Поэтому, было принято решение использовать дискурс-анализ, следующий логике погружения в социокультурный контекст. О таком подходе, в частности, писали С. Б. Ньюман и И. В. Ньюман (Neumann & Neumann, 2018, 115).

Проведение дискурс-анализа на данном этапе создаст базу для следующего этапа исследования, который подразумевает использование других качественных методов.

Обозначим степень изученности вопроса. Существует достаточный пласт исследований, касающихся взаимодействия международных организаций и стран Центральной Азии. Например, М. Бузуртанова (Buzurtanova, 2019, 113–114) в своей работе описывает результаты и механизмы взаимодействия Казахстана с подразделениями ООН, в том числе по гендерным вопросам. Она приходит к выводу, что взаимодействие с ООН привело к большому количеству законодательных изменений в области прав женщин, однако Казахстан избирателен в осуществлении этих норм (Ibid. Р. 119).

Существует пул авторов, изучающих разницу между правовой рамкой и реальностью применения гендерной политики, и факторов, которые на нее влияют (Cleuziou & Direnberger, 2016; Khairullayeva et al., 2022; Khamzina et al., 2021; Kozhakhmetova, 2022). Отмечается, что подход

к гендерной политике, который отстаивают международные организации, претерпевает изменения во время реализации в локальном контексте стран Центральной Азии. Эти изменения могут быть связаны с традициями и обычаями, религией, националистическими движениями и другими факторами.

Перевод политики с глобального уровня на локальный изучали К. Ключевска и О. Корнеев (Kluczevska & Korneev, 2021), которые проанализировали нюансы процесса локализации политики в Таджикистане и учли множество субъективных факторов. А. Декальчук, И. Григорьев, А. Стародубцев в рамках своего исследования выявили паттерны взаимодействия стран постсоветского пространства с международными организациями. В частности, было выявлено, что Казахстан достаточно открыт для деятельности международных организаций (Dekalchuk et al., 2024).

Таким образом, существует пул исследований, изучающих роль международных организаций, в том числе ООН, на постсоветском пространстве. Данная статья направлена на изучение деятельности конкретного актора — ООН-Женщины и то, как Правительство Казахстана адаптировало их нормы.

В рамках исследования был описан социальный, политический, экономический и культурный контексты Казахстана, а также выделены основные акторы, которые формируют повестку о гендере в стране: Структура «ООН-Женщины», правительство Казахстана и его подразделения, феминистические и националистические организации гражданского общества.

Было выявлено, что у каждого актора свое видение гендерной политики. Государственные органы и официальные лица, в частности, президенты и министры, говорят как о роли женщин в семье и в сохранении традиций, так и о необходимости их включения в экономические процессы. ООН-Женщины ПРООН не фокусируются на роли женщин в семье, а имеют более широкий дискурс, который больше связан с искоренением всех форм насилия в отношении женщин и девочек. Феминистические организации Казахстана и Центральной Азии отличаются между собой. Однако, общим для них является то, что для них, также как и для ООН, роль женщины в семье не является приоритетом. Традиционалистские и религиозные организации, в свою очередь, максимально акцентируют внимание на этой женской роли.

Что касается описания контекста, то важным выводом стало то, что большую роль в дискурсе о гендере играет демографическая политика. С 2011 г. у Казахстана не было отдельной концепции демографической политики. Однако ее положения были отражены в других документах, например, в Стратегии «Казахстан-2050».

Что касается социально-политического контекста, некоторые исследователи утверждают, что в Центральной Азии в целом и в Казахстане в частности существуют националистические нарративы,

в рамках которых роль женщины связывается с материнством и здоровьем нации (Cleuziou & Direnberger, 2016, 195), является более пассивной и слабой (Belafatti, 2019, 69). Утверждается, что гендер в Центральной Азии связан с нациестроительством, а политика в отношении женщин является его частью (Ibid.). Так, репродуктивное здоровье женщин связывается со здоровьем нации, а значит является предметом внимания государства.

Важной частью новостной повестки является домашнее насилие. Самый известный эпизод, связанный с этим, произошел в ноябре 2023 года. Бывший министр национальной экономики Казахстана Куандык Бишимбаев забил до смерти (по версии следствия) свою жену Салтанат Нуkenову (Forbes Woman, 2024). Судебный процесс по этому делу продолжается и на момент написания работы и выходит за рамки изучаемого периода. Однако кажется важным о нем упомянуть, поскольку он во многом влияет на дискурс о гендерном равенстве в Казахстане и демонстрирует те настроения, которые есть в обществе по этому вопросу.

Таким образом, при анализе гендерной политики Казахстана необходимо учитывать, что в изучаемый период одной из приоритетных задач является поддержка рождаемости, а в обществе большое внимание уделено проблеме домашнего насилия. Кроме того, стоит принимать во внимание последствия пандемии, которые сократили количество работоспособного населения, что делает демографический вопрос еще более острым. Женщины также важны как рабочая сила (UNFPA Казахстан, 2020), поэтому вполне вероятно, что политика в их отношении может быть направлена на расширение их экономических возможностей.

Структура текста во всех трех стратегических планах ООН-Женщины несколько отличается. Нет конкретного одинакового во всех стратегиях пункта, который бы обозначал приоритеты Структуры на выделенный период, они называются: «приоритеты», «стратегические приоритеты», «тематические направления деятельности» (прил. 1).

Несмотря на разные названия, содержание приоритетов повторяется из года в год. В ходе исследования они были объединены и описаны по смыслу и получили соответствующие названия. Смыслы «участие», «экономические права», «отсутствие насилия», «женщины, мир и безопасность» повторялись во всех стратегических документах, а два («Модификация национального законодательства», «Модификация глобального законодательства») встречались не во всех. В целом, количество смыслов сократилось с 6 штук в 2014 г. до 4 в 2022 г.

Что касается Концепции семейной и гендерной политики, то она посвящена, как это и исходит из названия, как политике в отношении семьи, так и политике в отношении женщин. Хотя эти два направления в тексте разделяются: им посвящены отдельные части, смыслы в них все же пересекаются. Так, например, в качестве проблемы как в семейной, так и в гендерной политике отмечено

семейно-бытовое насилие, только в первом случае речь идет о насилии в целом, а в другом — именно в отношении женщин (ИПС «Әділет», 2016).

После анализа всех документов были выявлены следующие общие особенности перевода гендерной политики ООН-Женщины в контекст правительства Республики Казахстан:

- Правительство Казахстана в Концепции гендерной и семейной политики отразило все основные смыслы из стратегических документов ООН-Женщины, но их трактовка изменилась;
- Правительство Казахстана стремится балансировать между политикой, направленной на расширение экономических прав и возможностей женщин, и политикой, направленной на сохранение рождаемости и национальных традиций;
- Домашнее насилие действительно является значимой проблемой, признанной большинством акторов. Дискурс правительства о насилии уже, чем у ООН-Женщин, он фокусируется преимущественно на семейно-бытовом насилии и насилии над детьми;
- Участию женщин в процессе принятия решений уделяется меньше внимания, чем их экономической вовлеченности. Преимущественно речь идет о включении женщин в государственные институты и связанные с государством организации, а не с развитием гражданского общества;
- Наименьшее изменение претерпел смысл «Женщины, мир и безопасность». В документах Казахстана его формулировка и предлагаемые методы во многом совпадают с тем, что написано в стратегических документах ООН-Женщины.

Ограничение исследования на данном этапе состоит в том, что отсутствует достаточная эмпирическая база для выявления более мелких особенностей перевода гендерной политики ООН-Женщины на контекст Республики Казахстан. Также не представляется возможным выявить, реализуются ли меры, заявленные в Концепции семейной и гендерной политики, в реальности, и какие результаты они имеют.

Исследование может быть продолжено в разных направлениях: в рамках изучения инструментов, которыми пользуются акторы для перевода политики, или изучения самих практик перевода и реакции общества на те или иные меры.

Список литературы:

1. Belafatti, F. (2019). Gendered nationalism, neo-nomadism, and ethnic-based exclusivity in Kyrgyz, Kazakh and Uzbek nationalist discourses. *Studia Orientalia Electronica*, 7, 66–81.
2. Buzurtanova M. (2019). On effectiveness of the UN human rights treaty and charter bodies: the case of Kazakhstan. *Казахстан-Спектр*, 88, 113–120.
3. Cleuziou, J., & Drenberger, L. (2016). Gender and nation in post-Soviet Central Asia: From national narratives to women's practices. *Nationalities Papers*, 44 (2), 195–206.
4. Cornell, S. E., Starr, S. F., & Tucker, J. (2017). Religion and the secular state in Kazakhstan. *Central Asia-Caucasus Institute, Paul H. Nitze School of Advanced International Studies*.
5. Dekalchuk, A. A., Grigoriev, I. S., & Starodubtsev, A. (2024). Patterns of international organizations' engagement in reform and policy making in the post-Soviet space. *East European Politics*, 40 (2), 299–321.
6. Della Porta, D., & Keating, M. (2008). How many approaches in the social sciences? An epistemological introduction.
7. Digital library: Publications // Welcome | UN Women — Headquarters. (2021). *UN Women Strategic Plan 2022–2025*. Retrieved from <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n21/186/24/pdf/n2118624.pdf?token=MA1lwC9ZuEcHFZObj9&fe=true>
8. Forbes Woman. (2024). «Сама ударила об унитаз и пол»: что важно знать об убийстве Салтанат Нукеновой. Получено из <https://www.forbes.ru/forbes-woman/510039-sama-udarilas-ob-unitaz-i-pol-cto-vazno-znat-ob-ubijstve-saltanat-nukenovej>
9. Freeman, R. (2009). What is 'translation'? Evidence & Policy, 5 (4), 429–447.
10. Khamzina, Z., Buribayev, Y., Taitorina, B., & Baisalova, G. (2021). Gender equality in employment: A view from Kazakhstan. *Anais da Academia Brasileira de Ciências*, 93.
11. Kluczewska, K., & Korneev, O. (2021). Policy translation in global health governance: localising harm reduction in Tajikistan. *Global Social Policy*, 21 (1), 75–95.
12. Kozhakhmetova, D. (2022). Why do women remain underrepresented in politics in Kazakhstan?. *Norwegian Journal of Development of the International Science*, (93), 64–71.
13. Makasheva, K. (2006). Kazakhstan and the United Nations. *Himalayan and Central Asian Studies*. 10 (4), 107–115.
14. Meylaerts, R. (2011). Translation policy. *Handbook of translation studies*, 2 (1), 163–168.
15. Neumann, C. B., & Neumann, I. B. (2017). Power, culture and situated research methodology: Autobiography, field, text. Springer.
16. UNFPA Казахстан. (2020). UNFPA Казахстан | Анализ положения в области народонаселения в республике Казахстан. Получено из <https://kazakhstan.unfpa.org/ru/publications/анализ-положения-в-области-народонаселения-в-республике-казахстан>
17. United Nations Digital Library System. (2013). *United Nations Entity for Gender Equality and the Empowerment of Women strategic plan, 2014–2017*. Retrieved from <https://digitallibrary.un.org/record/763691?v=pdf>
18. Welcome | UN Women — Headquarters. (2017). *UN Women Strategic Plan 2018–2021*. Retrieved from <https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2017/8/unwomen-strategic-plan-2018-2021>
19. William, F. K. A. (2024). Interpretivism or Constructivism: Navigating Research Paradigms in Social Science Research. *Interpretivism or Constructivism: Navigating Research Paradigms in Social Science Research*, 143 (1), 1–5.
20. Yuneman, R. (2020). Kazakhstan and the Eurasian Economic Union. *Russia in Global Affairs*, 18 (4), 37–55.
21. ИПС «Әділет». (2016). *Об утверждении Концепции семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 года*. Получено из <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1600000384>
22. Организация Объединенных Наций | Мир, достоинство и равенство на здоровой планете. (n.d.). *Цели в области устойчивого развития — Устойчивое развитие*. Получено из <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>

Ключевые смыслы, выделенные в стратегических планах
Структуры «ООН-Женщины» с 2014 по 2025 гг.

Ключевой смысл	2014–2017 — «Приоритеты»	2018–2021 — «Стратегические приоритеты»	2022–2025 — «Тематические направления деятельности»
«Участие»	Повышение ведущей роли женщин и расширение их участия.	Женщины руководят, участвуют и извлекают равную выгоду из систем управления.	Управление и участие в общественной жизни.
«Экономические права»	Расширение доступа женщин, прежде всего самых бедных и наиболее обездоленных, к экономическим возможностям и плодам развития.	Женщины обладают гарантированным доходом, достойной работой и экономической независимостью.	Расширение экономических прав и возможностей женщин.
«Отсутствие насилия»	Обеспечение того, чтобы женщины и девочки имели возможность жить в условиях защищенности от насилия.	Все женщины и девочки живут без насилия.	Искоренение насилия в отношении женщин и девочек.
«Женщины, мир и безопасность»	Повышение ведущей роли женщин и расширение их участия в укреплении мира и безопасности и в осуществлении гуманитарной деятельности.	Женщины и девочки оказывают больше влияние и более активно участвуют в создании устойчивого мира и стабильности, а также получают равные преимущества в результате предотвращения природных катастроф и конфликтов, а также в результате осуществления гуманитарных операций.	Женщины, мир и безопасность, гуманитарная деятельность и уменьшение риска бедствий.
«Модификация национального законодательства»	Механизмы государственного управления и национального планирования должны в полном объеме отражать ответственность за выполнение обязательств и приоритетных задач в области обеспечения гендерного равенства.		
«Модификация глобального законодательства»	Разработка всеобъемлющего и динамичного свода международных норм, правил и стандартов в области достижения гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин, который должен отвечать новым, современным требованиям и который должен применяться правительствами и другими заинтересованными субъектами на всех уровнях.	Комплексный и динамичный набор глобальных норм, политик и стандартов в сфере гендерного равенства и расширения прав всех женщин и девочек укрепляется и реализуется.	

THE SPECIFICITY OF THE AGENCY OF YOUNG LATTER-DAY SAINTS: THE RESULTS OF A STUDY IN SAINT PETERSBURG

Introduction

Youth represent a unique social group in a special “dual position” — being neither kids nor fully adults, whose interactions with the structure are often characterized by vulnerability and disorientation (Görlich & Katznelson, 2018; Pavlenko, 2016). This transitional stage is also inevitably associated with less power compared to adults, and therefore the study of youth as full-fledged social actors and their agency becomes an important research problem. It is especially interesting to consider this topic in the context of religion, since regional organizations can have a significant impact on the formation and rethinking of this concept. Thus, the institutions of the church, through religious texts and belief systems, establish their own norms and rules as well as provide people with moral values on which they can rely in their behavior (Elsayed et al., 2023; Martin, 1980). Therefore, these organizations can be explored in the context of structuring and even suppressing human agency. However, membership in religious organizations is often also associated with ministry, charity, volunteering and other kinds of activities in which young people can, by contrast, get a resource for their agency. (Aziz, 2017; Mylek & Nel, 2010).

At the moment, there is a large research gap regarding the study of youth agency manifestation, especially among religious minorities. In this sense, it is quite interesting to consider this topic using the example of the Mormon community. Despite the similarity of characteristics in relation to the institution as a church, Latter-day Saints have a very high religious identity, and their faith attaches great importance to family, charity and a righteous lifestyle (Lunkin, 2016), which may contribute to rethinking the agency concept among the youth of the LDS Church.

The goal of the paper is to explore the specificity of the youth religious agency on the example of the Church of Jesus Christ of Latter-day Saints (LDS) in Saint Petersburg. The research question is: “What is the specificity of religious agency of young members of the LDS Church in Saint Petersburg?”. The subject of the current work is youth religious agency, and the object of it is young members of the LDS Church in Saint Petersburg. The data were collected using the method of participant observation and semi-structured interviews with parishioners aged 18 to 30.

Literature review

Within the youth studies, the term agency is generally referred to the ‘free will’ concept and described through decision making and young people’s expression (White & Wyn, 1998). However, the actions of young people may look independent and autonomous, but in reality reproduce existing structural inequalities, that is why the term is usually characterized by lack of autonomy compared to human agency (Coffey & Farrugia, 2014; Willis, 1978). In general, this concept admits the subjectivity of youth, but assumes that the degree of its power is limited by social structures (Walther, 2012).

Religious agency is usually associated with “personal and collective claiming and enacting of dynamic religious identity” (Leming, 2007). It suggests that regardless of whether the identity is received or acquired, consistent with religious institutions and their teachings or contrary to them, it is embraced by an individual and actively lived out.

Discussing the relationship between agency and structure, it is necessary to consider A. Giddens’ Structuration Theory, which considers these two components as mutually founding entities. The theory basically suggests that agency is formed by structure and structure is created and reproduced through actions of individuals (Giddens, 1984). Thus, different religious texts offer people moral principles and values that regulate and prescribe specific behaviors and lifestyles (Elsayed et al., 2023), while individuals simultaneously reproduce the structure through their everyday practices. At the same time, individuals can act as active actors capable of changing the current social structure. For instance, researches show how LGBT Catholics use their identity to destigmatize religious sexual minorities and achieve equality in the church (Radojcic, 2016).

The concept of religious agency is also interesting, because the identity of actors can be produced through subordination to structures, which is one of the main differences from secular agency. For example, the researcher S. Mahmood, using the example of the women’s movement at mosques, showed that women’s agency can manifest itself in subordination to the norms and attitudes of Islam, contrary to the widespread opinion about the unfreedom of Islamist women in a patriarchal society (Mahmood,

2023). Another researcher D. Dubovka, in her study of Russian monasteries, also showed that monastic agency can manifest itself in subordination to a social structure, as nuns do not have any clear criteria for tracking their spiritual progress, and therefore their agency is expressed through obedience to the will of the abbesses of monasteries (Dubovka, 2020).

Based on the discussion above, in this work the youth religious agency was defined as the power of young people to form and engage with religious beliefs, practices and institutions, as well as make decisions on religious actions independently, including the submission to the structure.

Methodology

The study focused on the central location of the LDS Church in St. Petersburg due to the greater influx of parishioners, including young people and larger number of religious activities that are provided in the church. The data were collected using the method of participant observation for three months (February–April 2024) and semi-structured interviews with church members aged 18 to 30 years. Membership in the church was determined through the passage of baptism procedure. The information base of the study consisted of 10 interviews with young people aged 19 to 27 years. The final sample also included informants from three other parishes, which is caused by frequent visits of respondents to the parish chosen by the researcher due to the structure of the church. The interviews were recorded with the consent of the informants, then transcribed and analyzed using a thematic analysis approach that suggests determining recurrent themes within the stories shared by the respondents (Kiger & Varpio, 2020).

Results

The logic of the agency of young church members is inextricably linked with external mystical forces that influence a person's choice. Thus, positive mystical factors, for example, the Holy Spirit guides a person to the right decisions and actions, since the feeling of the Holy Spirit gives respondents confidence in the correctness of their actions and their way of life. The evil spirit in the form of Satan, on the contrary, inclines people to break the commandments. That is why the desire to drink, unwillingness to pray or go to church are interpreted by informants as "temptations of Satan".

The manifestations of these mystical forces can also be traced through the example of relationships with people. According to the respondents, a person on his own cannot change another person, but if a person leads a righteous lifestyle and tries to do something, the Holy Spirit can influence other people, which can also contribute to improving relationships. Moreover, in everyday life the feeling of mystical forces can also be felt on a sensory level in the format

of some kind of urge, for example, to urgently turn around or visit someone.

J: *"It happens that all these worldly things, and all this urban fuss, it is so prolonged that you lose the desire after some time to read the Scriptures and, accordingly, attend church. That is, after all, those opposing forces that also exist. There's Satan and all of him... all his demons, so to speak, all his accomplices, they are also doing their job there"*.

According to respondents, external mystical factors have the greatest influence on church members, and not on non-believers. The interpretation of this statement may be as follows: a person's own sense of agency will be more and more aligned with mystical actors based on the extent of institutional involvement within the church. It can also be interpreted as young people's defense of the secular logic of social actors is used to emphasize their otherness and assert identity as believers.

B: *"Less faith, less demand, yeah. People who do not believe in God, in Jesus Christ — they will have a minimal demand, rather than those who in their lives felt the truth of the church, the truth of the commandments and this way of life"*.

To illustrate how this is reflected in the respondents' experience, it is worth referring to the following examples. Thus, thanks to a righteous way of life, young people can receive help from God, which informants describe as resolving a situation after their prayer. In addition, young Latter-day Saints can also feel the influence of the Holy Spirit, which helps them make good decisions.

C: *"It was amazing, because it's basically how the relationship with God works, because I didn't pray at first, honestly. At first, I tried, tried, tried, tried, it didn't work out, it didn't work out. Then at one point I just sat down, it's already been, I don't know, half an hour... and at one point I just sat down, prayed. And just imagine, and right there... at the same moment it starts working"*.

In addition, young people serve in various callings, within which they can receive revelations from God and can change the current social order, which clearly shows how the logic of the informants' agency is attached to the connection of their actions with mystical forces.

A: *"After he gives me this calling, it is done with prayer... After that, I have the right to receive some answers, hints, guidance specifically for my area of responsibility, roughly speaking. That is, I now serve for these girls, and this means that I become an instrument in the hands of God, through which he is like, «So, my dear, it will be good for these girls now if you do an event there about this or this, or help this family there like-then to establish a connection with the girls», roughly speaking"*.

As for secular logic, respondents describe it as "doing and living the way I want", that is, doing and trying everything that a person wants. Informants oppose themselves to this logic, explaining this by people's misunderstanding of how their life will be

arranged after death. Members of the church believe that after death, a person falls into one of the three kingdoms. That's why they feel they need to be more reasonable about their desires in order to enter the higher kingdom after death and live there with their family.

I: *"They try to live... they say: «I live one day. I'm going to die, nothing's going to happen, so I'm going to do the best I can now». Well, the maximum in terms of everything, that is, I want to try everything"*.

Summing up, it can be said that young people of the LDS Church oppose themselves to the logic of secular actors and rely on positive and negative mystical subjects, such as the Holy Spirit or Satan etc. These mystical forces act in such a way that they tempt a person to break some commandment or, conversely, help them make the right decisions, which is well represented in the respondents' experience. And the degree of involvement in church life strengthens the connection with these mystical forces and can be used to establish identity as believers.

Conclusions

This work was devoted to the analysis of the specifics of the agency of young Mormons in St. Petersburg. The institutions of the church are able to have a significant impact on human agency by structuring and suppressing the agency of young people or, conversely, by providing a resource for agency through appealing to these organizations. It is especially interesting to study this topic using the example of the LDS Church because of the specific features of the community (Lunkin, 2016), which can leave their unique imprint on the definition of agency. The theoretical framework of this work was based on a discussion of the relationship between agency and structure, including subordination to structure, which is one of the main differences from secular agency (Dubovka, 2020; Giddens, 1984; Mahmood, 2023).

The religious agency of young church members was studied using the method of participant observation and semi-structured interviews. Finally, 10 interviews with people from 19 to 27 years were collected, and further analyzed using thematic analysis.

In the results of the work, it was found out that in everyday life, young church members proceed from the logic of regulating life by mystical forces that are actively represented in respondents' experiences. It also turned out that a person's degree of involvement in the church can strengthen ties with these external actors, as well as be used by informants to strengthen their identity as believers, in what it can be seen how agency is shaped in accordance with the social structure. These findings are well consistent with academic discussion that the agency of believers has its own specifics in comparison with the secular model of agency. Moreover, young people, who are generally considered as less powerful social actors, on the contrary, acquire their agency thanks to religious institutions. It highlights the ambiguous role of such

social institutions, which not only influence the processes of self-identification, but also contribute to the formation of an active position of modern youth. For further research, it would also be interesting to consider religious agency using the example of adult church members to see which aspects of youth agency persist into adulthood, which are transformed and due to which this transformation occurs.

References:

1. Aziz, G. (2017). Youth ministry as an agency of youth development for the vulnerable youth of the Cape flats. *Verbum et Ecclesia*, 38 (1), 1–6. <https://doi.org/10.4102/ve.v38i1.1745>
2. Coffey, J., & Farrugia, D. (2014). Unpacking the black box: The problem of agency in the sociology of youth. *Journal of Youth Studies*, 17 (4), 461–474. <https://doi.org/10.1080/13676261.2013.830707>
3. Dubovka, D. (2020). To the monastery in peace. In search of secular roots of modern spirituality. EUSP Press.
4. Elsayed, K. G., Lestari, A. A., & Brougham, F. A. (2023). Role of Religion in Shaping Ethical and Moral Values Among the Youths in Athens, Greece. *Journal of Sociology, Psychology & Religious Studies*, 5 (1), 11–20. <https://doi.org/10.53819/81018102t5153>
5. Giddens, A. (1984). *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. University of California Press.
6. Görlich, A., & Katznelson, N. (2018). Young people on the margins of the educational system: Following the same path differently. *Educational Research*, 60 (1), 47–61. <https://doi.org/10.1080/00131881.2017.1414621>
7. Kiger, M. E., & Varpio, L. (2020). Thematic analysis of qualitative data: AMEE Guide No. 131. *Medical Teacher*, 42 (8), 846–854. <https://doi.org/10.1080/0142159X.2020.1755030>
8. Leming, L. M. (2007). Sociological Explorations: What Is Religious Agency? *The Sociological Quarterly*, 48 (1), 73–92. <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.2007.00071.x>
9. Lunkin, R. (2016). Mormons in Russia: Features of community life in the metropolis. In A. A. Krasikov & R. N. Lunkin (Eds.), *Religious missions in the public arena: Russian and international experience* (pp. 129–136). Institute of Europe, Russian Academy of Sciences.
10. Mahmood, S. (2023). *Politics of Piety: The Islamic Revival and the Feminist Subject*. New Literature Observer.
11. Martin, L. J. (1980). The church as teaching agency. In D. Ewert (Ed.), *Called to teach: A symposium by the faculty of the Mennonite Brethren Biblical Seminary* (pp. 97–112). Center for Mennonite Brethren Studies.
12. Mylek, I., & Nel, P. (2010). Religion and relief: The role of religion in mobilizing civil society against global poverty. *Kōtuitui: New Zealand Journal of Social Sciences Online*, 5 (2), 81–97. <https://doi.org/10.1080/1177083X.2010.519391>
13. Pavlenko, E. (2016). Life trajectory as a process of identity formation: The potential of narrative analysis. *RUDN Journal of Sociology*, 16 (2), 258–269.
14. Radojcic, Natasha. (2016). Building a 'Dignified Identity: An Ethnographic Case Study of LGBT Catholics. *Journal of Homosexuality*, 63 (10), 1297–1313. <https://doi.org/10.1080/00918369.2016.1151698>
15. Walther, A. (2012). Youth — Actor of Social Change? Differences and Convergences Across Europe. *Studi Di Sociologia*, 50 (1), 17–40.
16. White, R., & Wyn, J. (1998). Youth agency and social context. *Journal of Sociology*, 34 (3), 314–327. <https://doi.org/10.1177/144078339803400307>

BODY IMAGE AMONG YOUNG FEMALES WITH EATING DISORDERS: A QUALITATIVE STUDY

Introduction

Over the past few decades, the prevalence of beauty standards has received more opportunities to infuse into the expected pattern of the female body image as the norm through different social agents that put considerable pressure on women. In 2015, researchers gathered data on various eating problems among Russian youth, who tend to be that particularly vulnerable group, and concluded that a large group of them mentioned issues around eating (Stickley et al., 2015). In addition, it was found that Russian youth are more concerned about the weight issues than respondents from Estonia and Finland (Sarlio-Lähteenkorva et al., 2003). The findings show that the greater share of Russian youth experienced body image concerns, though there is a scarcity of articles in expanding the beliefs about the development of eating disorders among Russian populations.

First of all, this study aims to investigate the representation of body image among young women who self-identify as having eating disorders. This study aims to demonstrate respondents' perceptions and attitudes regarding the ideal body issue, which is expected to contribute to the formation of body image among Russian female youth. Another focus of the study is to identify the agents of socialization that contribute to the formation of this body image according to the opinion of the affected females. It is also worth identifying how respondents determine their belonging to a group on a social network dedicated to eating disorders.

Research questions:

- a) What beauty ideals exist among young women with EDs? What are the common themes or patterns represented in the body image?
- b) What are the common body image concerns among young females with EDs?
- c) What role do agents such as family, peers, and media play in the development of eating disorders from the point of view of respondents? How do they contribute to the formation of body image among young females with eating disorders from the point of view of respondents?

Literature Review

First of all, it is essential to have an initial overview of the prevalence of beauty standards in society and to focus on the dynamics of this process in order to understand the body image's literature scope. Eating disorders are considered as the mental illness, which is expressed in terms of negative and deviant eating behaviors of individuals by the American Psychiatric Association.

Body image is a multifaceted construct of an individual's perceptions, feelings and behaviors about their physical shape, appearance and attractiveness (Cash, 2004; Grogan, 2008). Body dissatisfaction, which is a particular form of body concern, is a negative attitude of people toward their appearance arising from an individual's evaluation of their actual and ideal body image (Grogan, 2008).

The Tripartite Influence Model was concluded by Thompson in 1999, which identifies three formative influences, including peer, parents and mass communication, which affect body image concerns through the internalization of beauty standards, that might be noticed in individuals' desire to achieve an ideal of beauty, as well as through the appearance comparison mechanism. There is a considerable amount of studies describing the social comparison theory that was suggested by Festinger in 1954 in order to explain the development of body concerns that occurs through comparing individuals' physical appearance with the representatives of thin body figures that tend to be socially ideal shapes. The next theoretical perspective for understanding the relationship between the surroundings and the body image concerns is presented by Fredrickson and Roberts' (1997) theory of objectification about the perception of females as sexual objects in society, causing them to strive for a positive evaluation of their physical appearance and sexuality. Therefore, these perspectives provide the base for the further analysis of the growth of body image concerns, considering the consequences and the level of this impact.

The studies showed that the lack of parental involvement is an important aspect in the development of dissatisfaction with one's body as a global body image problem (Sarvananda, 2020; Rodgers et al., 2023). It was revealed that if the family shows an encouraging reaction on the body weight control, it is

more associated with the emergence of dissatisfaction with one's body, compared with an evaluation and a comment from parents about body (Kluck, 2010). Moreover, White and his colleagues (2023) concluded that mothers play the main role in relation to their daughters in terms of eating behavior and self-esteem of their body. Thus, these research highlight the importance of the influence of family on the formation of attitudes towards body image among young women.

It was confirmed that the pressure from friends predicts body issues for young females when controlling their body mass (Wasylikiw et al., 2013). Friends can influence the negative body image, and it has been found that body teasing causes a lot of stress that leads to eating disorders (Chen et al., 2023). However, the peers' surroundings can mitigate the negative attitude towards the evaluation of body shape, since it was found that friends are more likely to give positive feedback about the figure, but concern about their appearance and ideal figure during the discussion of life also causes concerns about the body image (Curtis et al., 2014).

Mass communications especially demonstrate the influence on the formation of body image in comparison with other social agents such as family and peers, since media allows spreading beauty ideals and is also a common platform for comparing the bodies, based on the reviewed literature (Curtis et al., 2014). Given that there are many types of media, it was found that with the development of technologies social networks have become the most powerful way of mass communication in shaping beauty standards (Fardouly et al. 2017; Grabe et al., 2008). Moreover, in 2016 it was revealed that social media provides the opportunity to promote beauty standards, through spreading images of popular celebrities and peers who are considered to be attractive from the point of view of society (Brown & Tiggemann). Therefore, the considered research provides evidence to claim that social media is the most influential form of mass communication in terms of causing eating disorders in comparison with other types.

Methodology

This study used a qualitative methodology in which data was collected through conducting semi-structured interviews with respondents who self-identified with eating disorders. Interviews were conducted in May 2024 and lasted between 54 and 92 minutes, with the mean duration of 72 minutes. The researcher used a semi-structured interview guide that can be found in Appendix (1).

The purposive sampling was applied for the analysis. The object of the study were 10 females between the age range from 18 to 25 years (average = 20,8 years), who self-identified any type of eating disorders and who were members of thematic groups dedicated to the topic of disordered eating for at least 1 month in the social network Vkontakte. The participants consisted of active members of social networks regarding eating disorders who put likes or comments or write posts about their story of body image concerns, and who meet the criteria of female gender, self-identification of the

eating disorders and staying in the group for at least 1 month for the moment of the interview. For a more detailed table describing the precise age and group membership, refer to the Appendix (2).

To search for respondents, groups with approximately a similar number of subscribers in the area from 30 to 35 thousand were selected, which should contain 'eating disorders' in the name, precisely 'ПИИИ' in Russian language and they must publish active content by April 2024. Links to these communities with full title are provided in the Appendix (4).

The inductive method of thematic coding was used after transcribing the interviews, expressed in re-reviewing the text from meetings with respondents in order to get the subgroups codes that can summarize the participant's meaning. Common themes of codes were selected after the literature review and include the following categories: the ideal body image, the body image concerns, the influence of family, as well as media, and peers, respectively. The subcategories were expanded after the analysis of the interview. Thematic coding was done by using a table that captured the quote, the title of the interview transcript, and the code across three hierarchies.

Results

Answering the first research question about the ideals that exist among women with eating disorders, three types of figures were identified, namely thin, sporty, and healthy. The most common type of ideal figure was the thin type specifically. With the image of the ideal thin body, the attention was concentrated on the minimum weight and those skinny limbs, as legs and arms, and in the visual presence of collarbones. As for the sporty type, the important elements were leanness and dryness of the body mass and the visibility of muscles. The ideal of a healthy figure type focused not so much on the external experience as on the internal state of health of the person. It turned out that at the same time a number of women are trying to struggle with eating disorders and, consequently, to perceive the body not only in terms of appearance but also the functionality of health.

In response to the second research question about common concerns among females with an eating disorder, dissatisfaction with the weight was identified, which was expressed in a fixation on weight loss, and on strict dieting to avoid gaining weight. In addition, there was an underline of the tendency of respondents to hide their body from people and to avoid it for themselves in terms of touch and sight. Next, the dissatisfaction with body shape was divided into two sub-codes. The first sub-code was the oppression of certain parts of the body, specifically described as a strong attention to the legs and abdomen. The second sub-code was about not accepting their figure as the female body matures, since many mentioned that an overgrown figure made them feel heavier. It is also worth mentioning that some respondents focused on the lack of acceptance of their female figure as it objectifies them, mentioning that it may be related to sexual violence. These patterns of

dissatisfaction and body image concerns, frequently were based on a comparative lens between their own bodies and those of other people.

Answering the third question about social agents such as family, peers and media, it is necessary to highlight the main tendencies for each of them and then to summarize the results. As for the family, the respondents confirmed that family body culture expressed in the discussion of the figure or in the display of standards can have both critical and supportive body image directions. However, it was found that respondents pay more attention to criticizing body image, which also shapes their evaluation system. In addition, family comparisons of the individual more often occurred with sisters, which might be initiated more often by the individual or by the mother. If the respondent mentioned that there were no sisters or close female relatives of the same age, the comparison was with the mother. These comparisons placed the individual in a severely negative assessment. In addition, the behavioral influence of family was noted in terms of losing weight or having an eating disorder in other members as well. Regarding friends, body culture was presented as a hidden or more positively evaluated topic. Comparisons with the figure of a friend were more common in real life and at the initiative of the respondents themselves. As for the behavioral influence of peers, there was highlighted the category of friends with eating disorders, since they supported such behavior towards thinness and could trigger topics about the ideal body for young females. Turning to media influence, it was found that it promoted idealization of beauty standards which led to comparison of young women with celebrities in particular more typically. While discussing the type of social media, it should be stressed that it was identified as the strongest predictor of ideal image formation among women, specifically it was expressed in the romanticizing of the thin figure, as well as the more recent promotion of a healthier attitude towards one's body through therapy channels. It has been found that participants in social media groups feel a sense of community, due to the exposure of people and the shared experience with eating disorders. In terms of traditional media, the focus has been shifted to the fact that television programs and movies still show ideal figures of women as a fact, which forms the image of a standardized image in the mind of young females.

Conclusion

In summary, this study involved conducting interviews to obtain respondents' opinions and to answer research questions about ideal body image, common body shape concerns, and about the impact caused by social agents based on their experiences.

Thus, it should be emphasized in accordance with the opinion of respondents, that social media is the strongest predictor in the formation of the attitude to the body, that was highlighted in the constant broadcasting of the image of an ideal figure. The comparative optics was applied to friends, media

and family, but the comparison was more strongly influenced by media. Family was underlined as an important factor in the perception of family standards for body image, and special attention was paid to the comparison of the figure with sisters. The influence of friends was shown to be supportive, but as in the family, critical comments affected the formation of body image more strongly. The particular difference in peer influence was evident in the presence of eating behaviors shared by the informant as well, which can also sometimes be shared among family members, being a model of attitudes toward one's body and toward comparison with others.

Thus, this study confirms the strong influence of the media on young females in the formation of eating disorders, especially highlighting the Russian social network Vkontakte as an example of a negative way of communication. Respondents highlighted the need for renovation of this social network to prevent the creation of communities promoting extreme thinness, leading to EDs.

References:

1. American Psychiatric Association (2022). *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, Fifth Edition, Text Revision (DSM-5-TR)*. Washington, DC, USA: American Psychiatric Publishing.
2. Brown, Z., & Tiggemann, M. (2016). Attractive celebrity and peer images on Instagram*: Effect on women's mood and body image. *Body Image*, 19, 37–43. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2016.08.007>
3. Cash, T. F. (2004). Body image: Past, present, and future. *Body Image*, 1 (1), 1–5. [https://doi.org/10.1016/S1740-1445\(03\)00011-1](https://doi.org/10.1016/S1740-1445(03)00011-1)
4. Chen, D.-R., Lin, L.-Y., & Hsiao, S.-C. (2023). Role of peer support on the cycle of weight teasing, psychological distress and disordered eating in Taiwanese adolescents: A moderated mediation analysis. *Eating Behaviors*, 51, 101815.
5. Curtis, Cate & Loomans, Cushla. (2014). Friends, family, and their influence on body image dissatisfaction. *Women's Studies Journal*. 28. 39–56.
6. Fardouly, J., Pinkus, R. T., & Vartanian, L. R. (2017). The impact of appearance comparisons made through social media, traditional media, and in person in women's everyday lives. *Body Image*, 20, 31–39. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2016.11.002>
7. Festinger L (1954) A theory of social comparison processes. *Human Relations* 7: 117–140.
8. Fredrickson, B., & Roberts, T.-A. (1997). Objectification Theory: Toward Understanding Women's Lived Experiences and Mental Health Risks. *Psychology of Women Quarterly*, 21, 173–206. <https://doi.org/10.1111/j.1471-6402.1997.tb00108.x>
9. Grabe, S., Ward, L. M., & Hyde, J. S. (2008). The role of the media in body image concerns among women: A meta-analysis of experimental and correlational studies. *Psychological Bulletin*, 134 (3), 460–476. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.134.3.460>
10. Grogan, S. (2008). *Body Image: Understanding Body Dissatisfaction in Men, Women and Children*. (2nd ed.), Routledge, New York.
11. Kluck, A. S. (2010). Family influence on disordered eating: The role of body image dissatisfaction. *Body Image*, 7 (1), 8–14. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2009.09.009>

* Recognized as extremist organizations and banned in the territory of the Russian Federation.

12. L. Sarvananda, "A Review of Causing Factors of Sociology Food: Eating Disorder." International Journal of Celiac Disease, vol. 8, no. 1 (2020): 5–9. doi: 10.12691/ijcd-8-1-2.
13. Rodgers, R. F., Laveway, K., Campos, P., & Carvalho, P. H. B. de. (2023). Body image as a global mental health concern. Cambridge Prisms: Global Mental Health, 10, e9. <https://doi.org/10.1017/gmh.2023.2>
14. Sarlio-Lähteenkorva, S., Pärna, K., Palosuo, H., Zhuravleva, I., & Mussalo-Rauhamaa, H. (2003). Weight satisfaction and self-esteem among teenagers in Helsinki, Moscow and Tallinn. Eating and Weight Disorders — Studies on Anorexia, Bulimia and Obesity, 8 (4), 289–295. <https://doi.org/10.1007/BF03325028>
15. Stice, E., & Shaw, H. E. (1994). Adverse Effects of the Media Portrayed Thin-Ideal on Women and Linkages to Bulimic Symptomatology. Journal of Social and Clinical Psychology, 13 (3), 288–308. <https://doi.org/10.1521/jscp.1994.13.3.288>
16. Stickley, A., Koyanagi, A., Koposov, R., McKee, M., Murphy, A., & Ruchkin, V. (2015). Binge Drinking and Eating Problems in Russian Adolescents. Alcoholism: Clinical and Experimental Research, 39 (3), 540–547. <https://doi.org/10.1111/acer.12644>
17. Thompson, J. K., Heinberg, L. J., Altabe, M., & Tantleff-Dunn, S. (1999). Exacting beauty: Theory, assessment, and treatment of body image disturbance (pp. xii, 396). American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/10312-000>
18. White, H. J., Sharpe, H., & Plateau, C. R. (2023). Family body culture, disordered eating and mental health among young adult females during COVID-19. Eating Behaviors, 51, 101792. <https://doi.org/10.1016/j.eatbeh.2023.101792>

Appendix

1. Guide to the interview: https://docs.google.com/document/d/1Y_OOhAqXohpPtG1c92-sD9LBE0s5t_HEkFo0bXtPeo/edit?usp=sharing
2. Information about the research sample.

Name of transcript	Duration of the interview	Respondent's age	Type of Eating disorder	Vkontakte group
Interview 1	72 minutes	24	Anorexia nervosa	"Мам.у меня РПП Анорексия,булимия"
Interview 2	87 minutes	20	Anorexia nervosa, Bulimia nervosa	"Мам.у меня РПП Анорексия,булимия"
Interview 3	60 minutes	20	Bulimia nervosa, Orthorexia	"Мам.у меня РПП Анорексия,булимия"
Interview 4	57 minutes	20	Bulimia, Compulsive overeating	"бабочкин дом рпп, анорексия"
Interview 5	75 minutes	18	Bulimia	"бабочкин дом рпп, анорексия"
Interview 6	67 minutes	25	Anorexia, Orthorexia, Bulimia	"Мам.у меня РПП Анорексия,булимия"
Interview 7	92 minutes	21	Anorexia, Orthorexia, Compulsive overeating	"Мам.у меня РПП Анорексия,булимия"
Interview 8	92 minutes	22	Anorexia, Bulimia	"бабочкин дом рпп, анорексия"
Interview 9	54 minutes	20	Bulimia, Compulsive overeating	"бабочкин дом рпп, анорексия"
Interview 10	74 minutes	18	Bulimia, Compulsive overeating	"бабочкин дом рпп, анорексия"

Figure 1. Information about the respondents and the duration of the interviews

3. Visualization of the coding scheme.

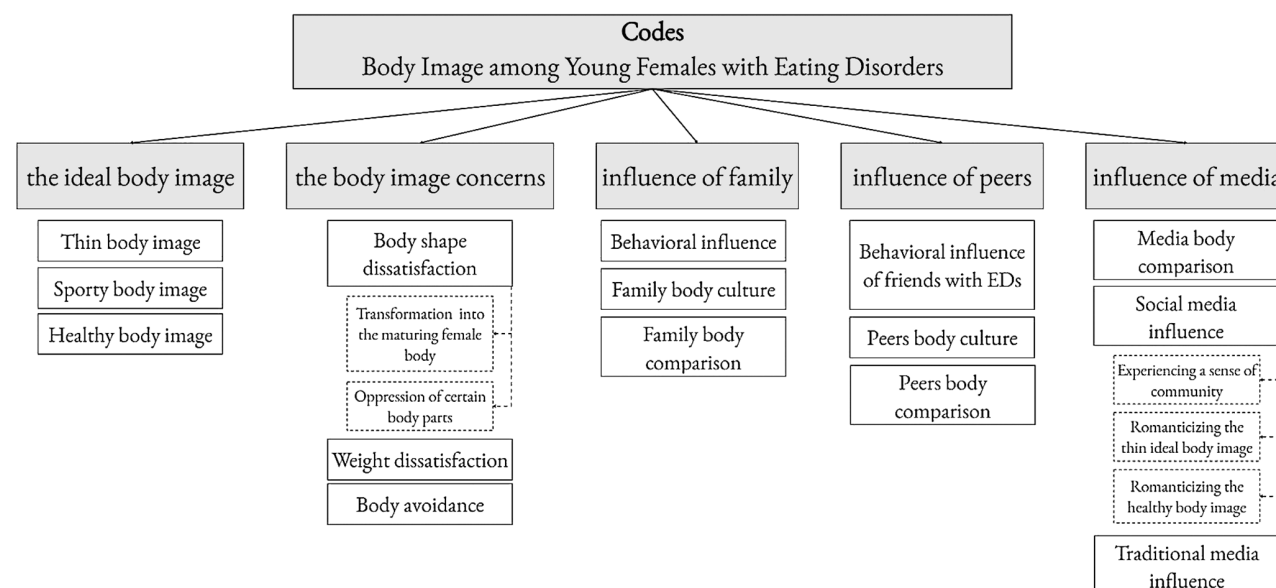

Figure 2. Schematic representation of the coding system

4. Links to Vkontakte social groups under the research.

This appendix section includes the titles of the researched social groups in VKontakte.

1. "Mom, I have EDs | Anorexia, bulimia".
2. The translated title: "butterfly house | EDs, anorexia".

The link: https://vk.com/rpp_helping

The link: <https://vk.com/tutbabochkindom>

Раздел 2

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОБРАЗОВАНИЮ

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА ЦИФРОВУЮ СОЦИАЛИЗАЦИЮ УЧАСТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Введение

Современная школа функционирует в условиях цифровой экономики, создавая цифровую образовательную среду в стенах образовательных учреждений. Данный запрос продиктован не только государственной политикой, но и запросом времени. Однако, школа не всегда испытывает острую необходимость в цифровой трансформации образовательного процесса. Зачастую проводятся лишь поверхностные изменения в инфраструктурном обеспечении или методическом наполнении, а трансформационные процессы происходят в классах, где инноватором является сам учитель, но не система.

В новых реалиях, обусловленных использованием цифровых технологий в учебной процессе, одной из актуальных управленческих проблем становится цифровая социализация участников образовательных отношений. Школа, как социальный институт, призвана упорядочивать социальные отношения и создавать «социальное целое» (Марат, 2008), «удовлетворять потребности индивидов» (Spencer, 1904), в том числе в самоопределении и формировании социальной идентичности в современных реалиях. Однако, цифровая трансформация общества усложняет данную задачу, так как цифровая социализация проходит стихийно как у взрослых, так и у детей. Теперь, школа — как микрофактор социализации (Мудрик, 2011) конкурирует с таким мегафактором как Интернет, который исследователи выделяют в обособленный социальный институт (Там же; Martsinkovskaya, 2012).

Под цифровой социализацией мы понимаем «опосредованный всеми доступными цифровыми технологиями процесс овладения и присвоения человеком социального опыта, приобретаемого в онлайн-контекстах, воспроизводства этого опыта в смешанной офлайн/онлайн-реальности и формирующего его цифровую личность как часть реальной личности» (Солдатова, 2018). В условиях смешанной среды традиционная социализация дополняется цифровой, что обуславливает новые формы социальных взаимодействий. Современные дети рождаются и развиваются как «цифровые сущности» (Кравченко, 2020), интерпретируя цифровые технологии как часть культуры, в то время как взрослые проходят этап вторичной

социализации с целью овладения новыми навыками для адаптации, в связи с чем воспринимают цифровизацию как «элемент внешних условий профессиональной деятельности» (Романова, 2022). В данном случае мы наблюдаем «парадокс осведомленности» (Плетнев, 2020) или эффект «обратной социализации».

Уорд определяет «обратную социализацию» как процесс, посредством которого дети могут влиять на знания, навыки и отношение своих родителей (Ward, 1974). Взрослые усваивают новые ценности, предпочтения и роли в соответствии с тем, чему учат их дети (Mittal, 2010; Joy, 2015). Обратное влияние происходит потому, что дети обладают большими знаниями и опытом, чем взрослые (Othman, 2013). Таким образом, молодое поколение обретает силу над её теряющим старшим поколением (Beck, 2016).

Для того, чтобы цифровая социализация приняла социально-контролируемую форму необходимо обновить правила взаимодействия внутри школы, развивать цифровые навыки, создать школьный цифровой этикет, и как следствие, сформировать у учителей и учащихся адекватное цифровое образовательное поведение.

Цифровое образовательное поведение

Мы исходим из того, что социализация — это «приобретение и присвоение индивидом социального опыта» (Солдатова, 2018). В свою очередь поведение предполагает воспроизведение этого опыта с целью реализации определенной функции (социальной роли). В таком случае, поведение может являться индикатором социализации и определять ее уровень, и мы можем принять цифровое поведение за результат цифровой социализации. Понятие «цифрового поведения» в актуальных исследованиях еще четко не определено, в существующих статьях оно понимается как поведение индивидуума в сети Интернет, его цифровой след и виртуальная активность (Погожина, 2020; Молчанов, 2019). Так как данное определение не отражает сущности рассматриваемого нами явления, мы вводим авторское определение, основанное на философском подходе к трактовке «поведения» в целом, и под цифровым образовательным

поведением мы понимаем «систему действий, осуществляемых субъектом с целью реализации определенной функции (роли), при взаимодействии со всеми участниками образовательных отношений в цифровой среде» (Хурда, 2022).

Любое социальное поведение мотивировано некой предрасположенностью, или социальной установкой, так как выявляет позицию человека (Унарова, 2012). М. Смит выделил три уровня социальных установок (Smith, 1968):

- когнитивный (познание и представления об объекте, на который направлена социальная установка);
- аффективный (оценка и эмоционально-окрашенное отношение к объекту);
- поведенческий (реальные и потенциальные действия по направлению к объекту).

Таким образом, чтобы сформировать некое поведение, для начала необходимо приобрести некоторые знания, затем сформировать отношение и определить собственную предположительную реакцию. На основании этой схемы и для возможности проведения последующей диагностики мы рассматриваем поведение как набор компетенций, которые определяют знания и умения индивида, в сочетании с ценностными ориентациями (определяют аффективный компонент) и принятием социальных норм и правил поведения (формируют поведенческие стратегии).

Поведение, как результат социализации, предполагает приспособление и обособление в обществе, как мы отмечали ранее. В качестве инструмента приспособления индивид использует приобретенный набор знаний и навыков для эффективного взаимодействия. Само взаимодействие строится на усвоенных ценностях и согласованных нормах и правилах. Обособление, в данном случае, выражается сформированностью самоконцепции. Самоконцепция (или Я-концепция) определяется нами как «комплекс мыслей и чувств индивидуума о самом себе» (Hawkins, 1995) и является результатом процесса самоидентификации. Именно через эти категории, а именно: компетенции, этика и самоконцепция, мы видим возможным определить уровень социализации индивидов.

Этические ориентиры и самоконцепция служат вектором поведения, направляя его, и, таким образом, позволяют спроектировать потенциальные поведенческие реакции на внешние стимулы, в том числе в рамках взаимодействия с другими индивидами. Поведенческие рамки ограничиваются уровнем развитости той или иной компетенции. Уровень развитости компетенций отражает то, каким образом реализуется спроектированное поведение. Следовательно, поведение направляется этическим компонентом и самоконцепцией и ограничивается в своем воплощении компетенциями, которыми обладает индивид.

Таким образом, визуальная модель цифрового образовательного поведения можно представить следующим образом (рис. 1):

Рисунок 1. Визуальная модель цифрового образовательного поведения

Поведение, в том числе цифровое, направляется через социальные установки, которые мы определили как компетенции, этику и самоконцепцию. В свою очередь, компетенции мы разделяем на три вида: цифровую техническую, цифровую профессиональную или функциональную и социально-психологическую компетенции. Разделение цифровых компетенций на три вида уже встречалось в ранее проведенных исследованиях, и обосновывается тем, что для выполнения задач и решения проблем в цифровой среде помимо умения пользоваться программным обеспечением или управлять цифровым устройством, также важны когнитивные и социально-эмоциональные навыки (Eshet-Alkalai, 2004). Анализ актуальных исследований в сфере цифровых компетенций и цифровой грамотности, проведенный в 2017 году группой исследователей показал, что становятся очевидными три пересекающихся измерения, которые являются техническим, когнитивным и социально-эмоциональным измерениями цифровой грамотности (Van Laar, 2017).

Цифровая этика

Мы исходим из того, что всякое взаимодействие базируется на определенных принципах, конкретнее — на совокупности правил, которые признаны как на уровне общей культуры, так и в различных социальных группах, в том числе в рамках конкретной организации. Для понимания процесса взаимодействия, его сущности и результатов необходимо рассмотреть системы правил, которые регулируют поведение участников этого взаимодействия. Известно, что «взаимодействие одних и тех же людей с одинаковыми способностями и мотивациями при различных системах правил приводит к совершенно различным совокупным результатам» (Бреннан, 2005).

В сферах деятельности, которые «носят отношенческий характер» (Там же), в том числе, в образовательных организациях, правила становятся ключевым фактором, формирующим поведение индивидов. Правила необходимы школе как социальному институту для формирования у учащихся «подходящего поведения» (Хайек, 1992) для полноценного, адекватного и эффективного

функционирования в обществе (Мудрик, 2021). Особенностью социальных институтов как систем правил является то, что они определяют, как должно протекать социальное взаимодействие в данной сфере социальной жизни (Burns, 1987). Ранее были презентованы результаты опросов педагогов и администраторов школ, в которых респонденты ($N = 1486$) в абсолютном большинстве (82%) утверждали, что «Все проблемы с цифровизацией школы связаны с тем, что никто не понимает по каким правилам будет жить школа при цифре» (Заиченко, 2020).

Особую роль в образовательной организации, как коллективной среде, приобретают моральные правила, «разработанные для того, чтобы ограничивать поведение индивидов в будущих периодах» (Бреннан, 2005). Такие правила, направляющие поведение индивидов и формирующие корпоративную культуру образовательной организации, вместе с ценностями и нравственными установками мы относим к категории этики. В рамках образовательной организации этика предполагает «образцы взаимодействия, сотрудничества в контексте образовательной деятельности на различных уровнях образовательной системы» (Симакова, 2022).

Понятие цифровой этики еще не согласовано в исследовательской практике, поэтому существуют несколько определений, например, «цифровая этика это правила этики при использовании цифровых технологий» (Этика и «цифра», 2020; Henshall, 2018) или «область этики, связанная с изучением и разработкой морально-этических проблем развития ИО и НБИКС-технологий; этических аспектов развития цифровых масс-медиа; этических аспектов социальной жизни в ИО (права человека и безопасность, нормативность и дискриптивность в Интернете и др.)» (Назарова, 2019). Наиболее близкое нашему исследованию определение дано в монографии «Цифровизация начальной школы: сеанс одномоментной игры» (Цифровизация начальной школы, 2022: цифровая этика — это «совокупность нравственных общепринятых принципов и норм нецифрового поведения участников цифрового взаимодействия».

В контексте нашего исследования мы будем понимать под цифровой этикой «совокупность принципов и норм поведения, принятых в цифровой среде школы», где цифровая среда это «совокупность открытых информационных ресурсов, предназначенных для обеспечения различных задач образовательного процесса» (Кушнир, 2020).

Методология

Логика исследования предполагает использование количественных и качественных методов анализа. В силу того, что цифровое образовательное поведение определено нами как многокомпонентная структура, диагностика предполагала несколько этапов:

1. Оценка цифровых компетенций путем тестирования учителей и учащихся и определение

факторов влияния на уровень цифрового образовательного поведения. Инструмент для тестирования учителей был разработан и апробирован на первом этапе исследования (Хурда, 2022) и дорабатывался при подготовке к настоящей диагностике. Тестирование предполагает оценку цифровой технической, цифровой профессиональной (учителя) или функциональной (ученики) и социально-психологической компетенций. Результаты тестирования анализируются при помощи статистических методов с целью определения факторов влияния.

2. Оценка уровня сформированности цифровой этики в школах путем согласования элементов цифрового этикета среди учителей и учащихся проводилась методом фокусных групп. В качестве измерительного материала использовался сформированный нами цифровой этический портфель школы.

3. Оценка различий в самоидентификации учителей и учащихся в цифровой среде проводилась методом Куна-Макпартленда (Kuhn, 1954), который предполагает ответы на открытый вопрос «Кто Я?» в нашей модификации «Кто Я офлайн?» и «Кто Я онлайн?». Ответы классифицировались путем кодирования, анализ проводился в соответствии с руководством Т. В. Румянцевой (Румянцева, 2005).

4. Полученные результаты подлежали экспертной оценке с целью интерпретации и объективизации данных. В качестве экспертов выступают ведущие исследователи и методологи цифровизации образования.

Дизайн исследования представлен на рисунке 2.

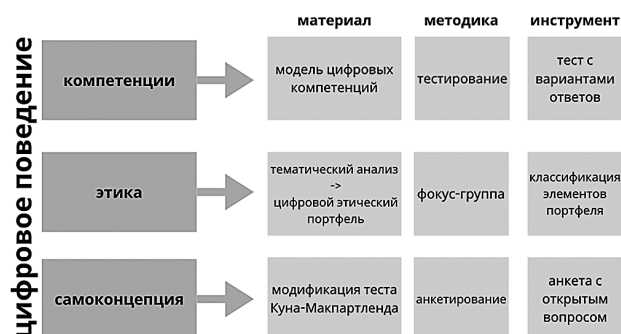

Рисунок 2. Методологический дизайн исследования

Выборка для первого этапа диагностики представлена учащимися 14–15 лет ($n = 274$) и учителями основной и средней ступени ($n = 88$) разнотипных школ (общеобразовательная школа, с углубленным изучением, гимназия, лицей, частная) Санкт-Петербурга.

Выборка для второго и третьего этапов представлена педагогическим коллективом, учащимися и администрацией общеобразовательной школы с углубленным изучением предмета из Петроградского района и общеобразовательной школой Приморского района. Выбор первого образовательного учреждения обусловлен интенсивным использованием цифровых инструментов в учебном процессе, что позволяет согласовать все

уровни этического портфеля (от «Базового» до «Продвинутого»). Выбор второго образовательного учреждения обусловлен минимальным использованием цифровых инструментов в учебном процессе, что позволит впоследствии сравнить эволюцию уровней этического портфеля.

Результаты анализа тестирований

Тестирование учителей проводилось с целью подтверждения/опровержения частной гипотезы о том, что на цифровую социализацию учителей оказывают влияние следующие факторы:

- возраст;
- преподаваемый предмет (гуманитарная или техническая и естественнонаучная направленность);
- педагогический стаж;
- учебная нагрузка в текущем учебном году;
- частота применения цифровых ресурсов в учебном процессе;
- отношение к цифровизации;
- тип образовательного учреждения (общеобразовательная школа, с углубленным изучением, гимназия, лицей, частная), в котором работает учитель;

По результатам регрессионного анализа было выявлено, что на цифровую техническую компетенцию учителя оказывает определенное влияние интенсивность использования учителем цифровых инструментов для решения учебных задач ($p = 0.047$), а также тип образовательной организации ($p = 0.161$). Другие заданные нами факторы статистически значимого влияния не оказывают.

На цифровую профессиональную компетенцию учителей оказывает определенное влияние тип образовательной организации ($p = 0.097$), а также возможно влияние педагогической нагрузки ($p = 0.182$). Мы предполагаем, что данный фактор подлежит дальнейшей диагностике на расширенной выборке, так как может быть логически интерпретирован: чем больше педагогическая нагрузка учителя, тем меньше времени на изучение и овладение новыми цифровыми технологиями. Кроме того, возможно, что учителя не воспринимают цифровые инструменты как ресурсы, сохраняющие время на подготовку и проведение занятий.

Регрессионный анализ не выявил факторов, оказывающих статистически значимое влияние на социально-психологическую компетенцию учителей, однако, некоторое влияние оказывает частота применения цифровых инструментов и тип образовательного учреждения. Однако, Т-тест Манна-Уитни показал различия ($p = 0.010$) по данной компетенции между учителями предметов гуманитарного и технического цикла (у учителей гуманитарного цикла результат несколько выше).

Кроме того, в нашем анализе присутствовала переменная, соответствующая номинальной шкале, а именно «преподаваемый предмет». По результатам Т-теста Манна-Уитни данная переменная не оказывает влияния на общий тестовый

балл ($p = 0.685$), так как не были выявлены статически значимые различия по двум группам (учителя предметов гуманитарного и технического цикла).

Тестирование учащихся проводилось с целью подтверждения/опровержения частной гипотезы о том, что на цифровую социализацию учащихся оказывают влияние следующие факторы:

- посещение специализированных занятий информационно-технической направленности (робототехника, программирование и др.);
- интенсивность использования гаджетов в школе и дома;
- частота применения учителями цифровых ресурсов в учебном процессе;
- тип образовательного учреждения (общеобразовательная школа, с углубленным изучением, гимназия, лицей, частная), в котором обучается учащийся.

В первую очередь стоит отметить, что в инфобанке учащихся присутствовал контрольный вопрос для проверки адекватности самооценки учителей по критерию «частота применения цифровых инструментов для решения учебных задач». Учащиеся оценивали то, как часто их учителя применяют цифровые решения в учебном процессе. Т-теста Манна-Уитни показал ($p = <0.001$), что учащиеся оценивают учителей по данному критерию более высоко, чем учителя самих себя (рис. 3, где stud — учащиеся, teach — учителя).

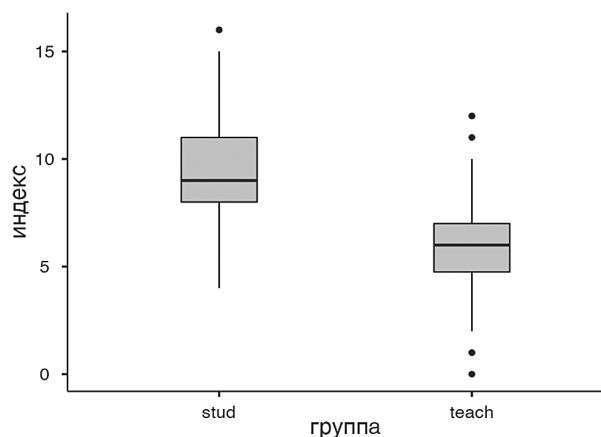

Рисунок 3. Распределение ответов учителей и учащихся по критерию «частота применения цифровых инструментов для решения учебных задач»

По результатам регрессионного анализа было выявлено, что на цифровую техническую компетенцию ученика оказывает определенное влияние частота применения цифровых инструментов учителями ($p = 0.120$) и интенсивность использования гаджетов и компьютеров в школе ($p = 0.134$).

На цифровую функциональную компетенцию учащихся оказывает значительное влияние ($p = 0.046$) интенсивность использования гаджетов и компьютера дома ($p = 0.046$) и частота применения цифровых инструментов учителями ($p = 0.064$).

Регрессионный анализ выявил значительное влияние интенсивности использования гаджетов

и компьютера дома ($p = 0.004$) на социально-психологическую компетенцию. При этом корреляция отрицательна, что означает негативное влияние.

Результаты диагностики цифровой этики и самоконцепции

На данном этапе исследования проведено по четыре фокусные группы (две — с учителями, $n = 24$, две — с учащимися 8–9 классов, $n = 24$) в каждой образовательной организации. Каждой группе участников предлагался набор карточек с зафиксированными элементами цифрового этикета (35). Из предложенного набора группе нужно было собрать согласованный своеобразный «этический портфель», т. е. выбрать те элементы, которые фокус-участники считают необходимыми использовать в их школе.

Обе целевые группы (и учителя и учащиеся) отметили необходимость установления системы правил взаимодействия в цифровой среде, особенно в сети. Учителя зачастую указывали на важность конкретного элемента (например, «проверять отправляемые материалы на наличие вирусов»), но отмечали его как «ненужный» по причине того, что «так никто не делает». Ученики также скорее опирались на реальный, а не нормативный или идеальный контекст. В результате мы получили два разных этических портфеля — учительский и ученический. Обобщенные количественные результаты фокусных групп представлены на рисунке 4.

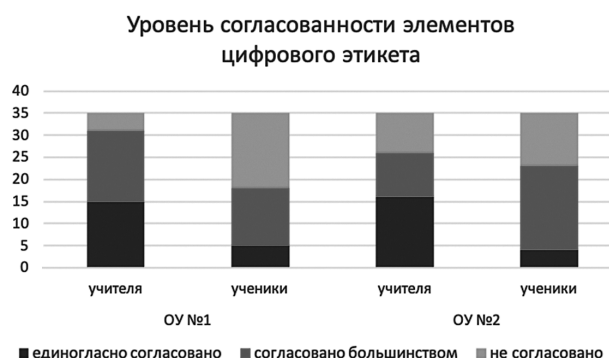

Рисунок 4. Обобщенные результаты фокусных групп по согласованию компонентов цифрового этикета, чел.

Анализ общих результатов целевых групп (по учителям и по ученикам обоих учреждений) показал, что учителя приходят к согласованности чаще, чем учащиеся, однако единогласно принятых позиций все же менее половины (43%). Учащиеся не приходят к единогласию даже по трети пунктов (14%). Единогласно согласованными позициями среди всех учащихся являются «называть файлы так, чтобы получатель без труда нашел их на своем компьютере» и «уважать личностное достоинство каждого участника». Единогласно не согласованными позициями среди всех учителей стали «представлять людей, которые могут быть не знакомы твоему основному адресату, если они

стоят в копии» и «не перезванивать сразу, если ты позвонил, но тебе не ответили». Все остальные компоненты цифрового этикета, представленные нами в этическом портфеле школы, требуют дополнительного обсуждения в рамках учреждений.

Уровень согласованности цифрового этикета внутри рассматриваемых нами образовательных учреждений — 28,6%. Таким образом, мы можем заключить, что уровень согласованности цифрового этикета не зависит от уровня внедрения цифровых технологий в учебный процесс.

В рамках данного этапа диагностики был получен ответ на исследовательский вопрос об уровне согласованности цифрового этикета в школе: было установлено отсутствие согласованности по компонентам цифрового этикета в исследуемых школах. Респонденты опирались на свой индивидуальный пользовательский опыт, который в значительной степени различается у учителей и учащихся (Солдатова, 2023), поэтому их мнения столь противоречивы.

Для оценки самоконцепции в аналоговой и виртуальной средах нами был выбран инструмент, известный как «Тест двадцати утверждений (TST)» или «Тест Куна-Макпартленда», который был разработан в 1954 году (Kuhn, 1954). Существуют различные модификации данного теста, мы используем модификацию Т. В. Румянцевой (отличие от оригинальной версии в отсутствии жесткой регламентации количества ответов) (Румянцева, 2005). Респондентам предлагается ответить на вопрос «Кто Я?» и его вариант «Кто Я онлайн?» в течение 12 минут. Ответы могут содержать любые слова или словосочетания, которые спонтанно возникают в голове.

Анализ самоописаний проводится путем непрямого кодирования (так как тест использует методологию открытых вопросов) путем распределения ответов по семи категориям:

- социальное-Я (социальные роли, групповая, этическая и мировоззренческая принадлежность);
- коммуникативное-Я (общение и взаимодействие с другими);
- материальное-Я (отношение к собственности, материальным благам, внешней среде);
- физическое-Я (описание физических данных, внешности, предпочтений в еде, вредных привычек);
- деятельное-Я (интересы, увлечения, самооценка своей способности к деятельности);
- перспективное-Я (оценка стремлений и перспективы по остальным шести категориям);
- рефлексивное-Я (с разделением на персональную идентичность и глобальное-Я).

Тестирование вызвало затруднение в обеих возрастных группах: респонденты отмечали, что им было трудно отвечать на вопросы, учащиеся беспокоились о конфиденциальности данных, а учителя сочли данные вопросы слишком личными. В связи с этим, некоторые взрослые участники тестирования ограничились односложными ответами вроде

«Я человек», «Я *homosapiens*», «Я млекопитающее». В целом, дети предоставили более разнообразные ответы, чем взрослые. Респонденты подчеркивали, что отвечать на вопрос «Кто Я онлайн» было сложнее, кроме того, некоторые учителя отметили, что не понимают разницы между вопросами и перенесли ответы на первый вопрос в бланк для ответов на второй либо указали во втором бланке «ничем не отличается», «такой же как и в жизни». Выявление «области пересечения», а именно одинаковых ответов в первом и во втором бланках, показало 70% повторов у взрослых и 58% у детей, что свидетельствует о более широком репертуаре онлайн-ролей у учащихся.

Главное различие в ролевом репертуаре заключается в преобладании разных категорий Я. В аналоговой среде учителя чаще упоминают «Социальное Я», а именно профессиональную принадлежность (учитель, педагог, воспитатель) и другие социальные роли (жена, мать, верующий, гражданин, патриот, россиянин), в то время как в ответах учащихся преобладает «Рефлексивное Я» (веселая, общительная, ленивый, стремный, принцесса), то есть индивидуальные характеристики и самоописания. В цифровой среде у взрослых преобладает «Деятельное Я» (покупатель, зритель, потребитель), то есть пользовательское поведение, восприятие цифровых ресурсов как инструментов деятельности, а у детей снова «Рефлексивное Я» (умный, сильный, веселая, красавчик). В онлайн учителя в большей степени склонны сохранять свои социальные роли, но не проявляют свою индивидуальность в той степени, в которой делают это в аналоговой реальности. В то же время дети сохраняют выраженную индивидуальность, но теряют практически все социальные роли, а также ранее отмеченные виды деятельности, реализовывая себя в онлайн скорее как индивидуальность, нежели как пользователь.

Отмечаем, что при «переходе» в онлайн обе возрастные группы теряют характеристики половой принадлежности: в аналоговой среде более 90% респондентов указывали пол через род существительных или окончания прилагательных, однако при ответе на второй вопрос большинство учителей и учащихся использовали гендерно-нейтральные слова.

Среди ответов на вопрос «Кто Я онлайн?» наблюдаются следующие тенденции: у учителей появляются такие слова как «ученик», «обучающийся», «новичок», «чайник», «неумеха», в то время как учащиеся дают ответы вроде «умный», «гений», «уверенный», «интеллектуал». Становится очевидной неуверенность учителей, которую они испытывают переходя в цифровую среду, на ряду с тем, как учащиеся зачастую переоценивают свои навыки и считают, что полностью владеют ситуацией.

Таким образом, самоконцепция учителей и учащихся в виртуальной и в аналоговой реальностях различаются. У учителей преобладают Социальное-Я и Деятельное-Я в аналоговой и виртуальной средах соответственно. У учащихся преобладает Рефлексивное-Я вне зависимости от среды.

Заключение

Цифровая трансформация российского общества оказывает прямое влияние на образовательные учреждения. Внедрение цифровых инструментов в учебный процесс становится неотъемлемой частью современных образовательных методик, а создание цифровой образовательной среды — одной из приоритетных целей школьных администраторов.

Для функционирования цифровой образовательной среды необходимо достаточное материально-техническое обеспечение школы (оборудование, сервисы и платформы, скорость доступа в интернет и пр.), которое, в свою очередь, требует дополнительного финансирования. В данном случае, инфраструктурные возможности школы зачастую определяются выделенным бюджетом со стороны субъекта Федерации.

Однако, нематериальные ресурсы образовательных учреждений также играют важную роль в процессе цифровой трансформации. Школа обеспечивает не только образовательный, но и воспитательный процессы в цифровой среде, представляя собой один из институтов цифровой социализации.

Учитель, ранее важная социализирующая фигура в отношении ребенка, перестает быть «хранителем знания», так как учащиеся больше учителей проводят времени в цифровой среде и значительно быстрее адаптируются к новым цифровым условиям. Во взаимодействии «учитель-ученик» формируется эффект «обратной цифровой социализации», при котором дети влияют на знания, навыки и отношения взрослых в цифровом пространстве.

Процесс социализации, в том числе цифровой, происходит с целью приспособления и обособления индивида в обществе. Результатом цифровой социализации является цифровое поведение, которое может служить индикатором для определения уровня социализации. В рамках данного исследования, в качестве индикатора цифровой социализации участников образовательных отношений мы принимаем цифровое образовательное поведение.

В свою очередь, любое социальное поведение мотивировано социальной установкой: когнитивного (знания), аффективного и поведенческого (этика и ценности) уровней. Данные категории служат для приспособления индивида в обществе. Инструментом обособления может являться самоконцепция, то есть представления индивида о самом себе. Таким образом, цифровое образовательное поведение состоит из пяти компонентов: цифровых компетенций (трех), цифровой этики и самоконцепции в цифровой среде.

В рамках исследования было проведено четыре этапа диагностики: тестирование цифровых компетенций и последующий регрессионный анализ полученных данных; фокусные группы по согласованию цифрового этикета в школах; анкетирование для оценки самоконцепции учителей и взрослых; интервью с экспертами для интерпретации и объективизации данных, полученных в ходе первых трех этапов диагностики.

Нами был разработан и апробирован инструмент для диагностики цифровых компетенций учителей и учащихся. Анализ полученных результатов выявил, что на цифровую социализацию учителей положительно влияет фактор «частота применения цифровых ресурсов в учебном процессе». На цифровую социализацию учащихся положительно влияет фактор «частота применения учителями цифровых ресурсов в учебном процессе» и отрицательно влияют факторы «интенсивность использования гаджетов в школе и дома».

Участники образовательных отношений не выражают сомнений в том, что цифра в их жизни — необратимое явление. Однако, в школьных цифровых взаимодействиях отсутствуют правила — школа находится на этапе формирования скрытых норм цифровых взаимодействий и коммуникативных практик. Цифровой этикет — несогласованное явление в школах, а участники образовательных отношений являются и реципиентами и учредителями новых норм.

Самоидентификация является ключевым процессом для формирования самоконцепции и успешной цифровой социализации участников образовательных отношений. Неуверенность в себе и восприятие учителями виртуального пространства как инструмента, но не среды, может быть одним из барьеров для успешной цифровизации образования. На данном этапе развития цифровых технологий наблюдается эффект «обратной социализации», когда учителя теряют позицию «значимого взрослого» и «носителя знаний» и позиционируют себя как «новичков», в то время как подростки чувствуют свое превосходство и социализируются стихийно, без контроля взрослых или школы.

Список литературы:

1. Бреннан, Д. (2005). Этическая экономия: исследования по этике, культуре и философии хозяйства.
2. Бакушина, А. Н., Заиченко, Н. А., Заиченко, Л. И., Кондратьева, И. Н., Лебедев, О. Е., Писаренко, И. А., & Рубашкин, Д. Д. (2022). Цифровизация начальной школы: сеанс одновременной игры.
3. Заиченко, Н. А., & Набокова, М. В. (2020). Цифровизация-тест на covid. Народное образование, 5 (1482), 71–80.
4. Кравченко, С. А. (2020). Возрастающая роль «цифрового тела» в человеческом капитале: изменения в характере коммуникаций. Коммуникология, 8 (3), 15–28.
5. Кушнир, М. (2022). Цифровая образовательная среда [Электронный ресурс]. <https://medium.com/direktoria-online/thedigital-learning-environment-f1255d06942a>
6. Марат, И. К. (2008). Трактовка понятия «социальный институт» в классической и современной социологии. Актуальные вопросы современной науки, (3), 266–272.
7. Молчанова, Е. В. (2019). О плюсах и минусах цифровизации современного образования. Проблемы современного педагогического образования, (64–4), 133–135.
8. Мудрик, А. В. (2011). Социализация человека.
9. Мудрик, А. В., & Никитская, Е. А. (2021). Воспитание в контексте социализации человека: ретроспектива и педагогическая реальность. Образование. Наука. Научные кадры, (2), 224–230.
10. Назарова, Ю. В., & Анищенко, О. С. (2019). Новая цифровая этика в виртуальном пространстве: дилеммы

- контроля и этической экспертизы. Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 1 (4 (32)), 23–31.
11. Плетнев, А. В. (2020). Социализация представителей поколения Z в цифровой среде и ее влияние на образование. Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, 33 (1), 115–121.
 12. Погожина, И. Н., Подольский, А., Идобаева, О. А., & Подольская, Т. А. (2020). Цифровое поведение и особенности мотивационной сферы интернет-пользователей: логико-категориальный анализ. Вопросы образования, (3), 60–94.
 13. Романова, Е. А., & Брель, Е. Ю. (2022). К проблеме исследования социализации обучающихся и педагогов в цифровой образовательной среде в разрезе теории поколений. СибСкрипт, 24 (1 (89)), 92–98.
 14. Румянцева, Т. В. (2005). Трансформация идентичности студентов медицинского вуза в меняющихся социальных условиях.
 15. Симакова, Т. А. (2022). Этический компонент взаимодействия субъектов высшего профессионального образования в условиях цифровизации. Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития (pp. 122–126).
 16. Солдатова, Г. У. (2018). Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире. Социальная психология и общество, 9 (3), 71–80.
 17. Унарова, Л. Д. (2012). Поведение человека: социально-философское осмысление.
 18. Хайек, Ф. А. (1992). Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма. Новости.
 19. Хурда Д. П. (2022). Возможности измерения цифрового поведения в школе: курсовое исследование. СПб НИУ ВШЭ.
 20. Этика и «цифра»: Этические проблемы цифровых технологий. (2022).
 21. Beck U. (2016). The Metamorphosis of the World. Cambridge: Polity Press.
 22. Burns T. R., Flam H. (1987) The Shaping of Social Organization: Social Rule System Theory with Applications. Sage Publications, London.
 23. Burns T. R., Machado N. (2014) Social Rule System Theory: Universal Interaction Grammars. CIES e-Working Paper N.º 175/2014.
 24. Eshet-Alkalai, Y. (2004). Digital literacy: A conceptual framework for survival skills in the digital era. Journal of Educational Multimedia & Hypermedia, 13 (1).
 25. Hawkins, D. I., Best, R. J., Coney, K. A. Consumer Behavior: Implications for Marketing Strategy. 6-th edition. IRWIN, 1995.
 26. Henshall A. (2018) What is digital ethics? [Электронный ресурс] — URL: <https://www.process.st/digital-ethics/> (дата обращения: 01.07.2022)
 27. Kuhn H.; McPartland Thomas S. An Empirical Investigation of Self-Attitudes Manford. American Sociological Review, Vol. 19, No. 1., 1954, pp. 68–76.
 28. Martsinkovskaya, T. D. (2012) Information socialization in a changing information space. Psychol. Res. 5 (26), 7.
 29. Mittal B. R. M. (2010). Consuming as a family, Modes of Intergenerational Influence on Young Adult: Journal of Consumer Behavior, 239–257.
 30. Othman, M. B. (2013). Adolescent's Strategies and Reverse Influence in Family Food Decision Making. International Food Research Journal 20 (1), 131–139.
 31. Smith M. B. (1968) Attitude Change // International Encyclopedia of the Social Sciences/Ed. by D. L. Sills. Crowell.
 32. Spencer H. (1904) The principles of ethic. N. Y.
 33. Van Laar E., van Deursen A., van Dijk J., Haan J. (2017) The relation between 21st-century skills and digital skills: A systematic literature review, Computers in Human Behavior, Volume 72, pp. 577–588.
 34. Ward, S. (1974). Consumer Socialization: Journal of Consumer Research. 1 (2), 1–14.

КЛИЕНТООРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД КАК УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА (КЕЙС МАГИСТЕРСКОЙ ПРОГРАММЫ «УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ» НИУ ВШЭ — САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

В условиях конкурентной среды образовательным учреждениям необходимо учиться лучше понимать запросы своих клиентов для совершенствования образовательных продуктов и процессов, поскольку все они направлены на привлечение и удержание внешних (студентов) и внутренних (преподаватели) клиентов. Изучая теоретический базис понятий персонализации и клиентоориентированности, мы пришли к выводу, что клиентоориентированный подход к управлению образовательной организацией и персонализированная модель образовательного процесса связаны в контексте создания возможностей и условий обучения, при которых потребности и интересы учащихся находятся в приоритете. В связи с чем мы высказываем предположение, что инструменты клиентоориентированного подхода являются валидными для определения качества персонализации учебного процесса и имеют потенциал использования для образовательных продуктов, ориентированных на персонализацию.

Теоретической основой в теме персонализации образовательного процесса послужили работы отечественных и зарубежных исследователей: Асмолов А. Г., Казакова Е. И., Ермаков Д. С., Кириллов П. Н., Орлов А. Б. и другие исследователи. При изучении клиентоориентированного подхода к управлению образовательными организациями мы обратились к исследованиям Неретиной Е. А., Матросовой Е. Г., Котлера Ф. и др. Определяя связь клиентоориентированного подхода и персонализированной модели мы обнаружили ряд теоретических параллелей:

1. Фокус на потребностях и ожиданиях учащихся.
 - Клиентоориентированная образовательная организация стремится удовлетворить потребности своих клиентов, то есть студентов.
 - Персонализированная модель образовательного процесса предполагает, что эффективность учебных программ и методик выражается в адаптивности к уникальным потребностям каждого учащегося.
2. Важна активная роль учащихся и их обратная связь.
 - Клиентоориентированная организация стремится получать отзывы и мнения клиентов для улучшения своих услуг.
 - Персонализированная модель образовательного процесса включает в себя постоянное взаимодействие между учителями и учащимися, чтобы адаптировать учебный процесс к текущим потребностям.

3. Обе концепции направлены на повышение качества образования.

- Клиентоориентированные организации стремятся удовлетворить потребности клиентов и повысить их удовлетворенность услугами.
- Персонализированный подход в образовании также может улучшить усвоение материала и мотивацию учащихся, что приводит к улучшению академических результатов.

На следующем этапе мы соотнесли индикаторы персонализированного обучения и критерии клиентоориентированности образовательного учреждения (табл. 1).

Таким образом, все критерии клиентоориентированности образовательного учреждения нашли отражение в модели индикаторов персонализированного обучения.

Выбирая инструменты клиентоориентированного подхода, которые используют для оценки удовлетворенности клиентов, мы опирались на следующие критерии:

1. Оценка происходит по критериям, учитывающим специфику отрасли организации;
2. Каждый критерий подвергается оценке степени важности для клиента.

Для измерения уровня удовлетворенности обучением применялся индекс Customer Satisfaction Index (CSI). Для измерения лояльности обучающихся — индекс Net Promoter Score (NPS). В качестве респондентов и информаторов для эмпирического исследования выступили магистранты Санкт-Петербурга (2 и 3 курс 2023г, выпускники (с 2014 г.) (52 респондента), студенты, покинувшие программу и прервавшие обучение («потерянный клиент») (7 респондентов), преподаватели (7 респондентов).

Поскольку в рамках работы мы сфокусировались на кейсе МП «Управление образованием» НИУ ВШЭ Санкт-Петербурга, нам необходимо было уточнить критерии клиентоориентированности, актуальные для обучающихся и выпускников конкретной магистерской программы. Для уточнения критериев мы провели фокус-группу со студентами, прошедшими два года обучения на программе и освоившими курс «Клиентоориентированные образовательные организации». Далее мы сопоставили компоненты персонализированной модели обучения с критериями клиентоориентированности МП «Управление образованием» НИУ ВШЭ, чтобы проверить их соответствие (табл. 2).

Таблица 1

Соотношение индикаторов персонализированного обучения и критериев клиентоориентированности образовательного учреждения

п/п	Индикаторы персонализированного обучения [5]	Критерии клиентоориентированности образовательного учреждения [11]
1	Система ориентиров – учащийся осваивает содержание через систему больших идей и уровневые учебные цели. Гибкость в целях обучения.	– Участие в самоуправлении ВУЗом – Соответствие цена-качество – Учебные программы
2	Индивидуальная траектория – учащийся выбирает задания, оптимальный темп, дополнительное содержание. Гибкость времени и скорости обучения.	– Научная и инновационная деятельность – Дополнительное обучение, курсы – Возможность совмещения с работой для развития навыков – Менеджмент расписания
3	Культура обучения – учащийся развивает самостоятельность и ответственность в индивидуальной и совместной деятельности. Различные способы обучения.	– Социальная поддержка – Спортивно-оздоровительная база – Библиотека
4	Обратная связь – учащийся получает гарантированную, и детальную обратную связь. Поддержка обучения (экспертами и тьюторами).	– Квалификация преподавателей
5	Цифровая среда – вариативность использования технологий и форматов обучения.	– Информационное обеспечение, личный кабинет – Оборудование, ПК и ПО – Доступ в интернет
6	Развивающая и комфортная среда и сообщество – место обучения, коллектив студентов и преподавателей.	– Связь с работодателями – Помощь в трудоустройстве – Организация досуга и общения – Корпоративная культура – Репутация бренда ВУЗа – Безопасность – Квалификация преподавателей – Комфорт в аудитории – Инфраструктура для парастудентов – Организация питания – Месторасположение ВУЗа – Чистота туалетов – Комфорт в общежитии

Таблица 2

Компоненты персонализированной модели обучения с критериями клиентоориентированности

Индикаторы персонализированного обучения [5]	Критерии клиентоориентированности образовательного учреждения
Система ориентиров	
Учащийся осваивает содержание через систему больших идей и уровневые учебные цели. Гибкость в целях обучения	2. Соотношение содержания дисциплин и других форматов учебной работы (НИС, проекты, семинары) с направлением «Государственное и муниципальное управление» 3. Информативность сайта магистерской программы материалами о поступлении, образовательном процессе и перспективах после обучения 13. В ходе обучения каждый магистрант может выбрать индивидуальный способ реализации идеи в рамках курсовой и магистерской работы (исследование, проект, стартап) 32. Программа реализует заявленную миссию
Индивидуальная траектория	
Учащийся выбирает задания, оптимальный темп, дополнительное содержание. Гибкость времени и скорости обучения.	4. Период проведения вступительных испытаний 14. В программе обучения выделен обязательный блок участия в проектной деятельности 15. Оптимальность соотношения теоретического и практического блоков на занятиях 19. Обеспечение возможности участия в конференциях, мастер-классах и других научных активностях 20. Обеспечение возможности публикации научных статей в сборниках 28. Разнообразие курсов и предметов по выбору 29. Организация программы позволяет совмещать обучение и работу 12. Применение накопительной системы оценивания
Культура обучения	
Учащийся развивает самостоятельность и ответственность в индивидуальной и совместной деятельности. Различные способы обучения	16. Интерактивность проводимых занятий (разнообразие форматов работы) 17. Возможность посещать другие образовательные организации в ходе обучения 25. Во время обучения развивается критическое мышление 26. Во время обучения происходит проработка управленческих ситуационных задач 27. Во время обучения осваиваются реальные технологии управления 30. Во время обучения формируются исследовательские навыки

Таблица 2 (окончание)

Индикаторы персонализированного обучения [5]	Критерии клиентоориентированности образовательного учреждения
Обратная связь	
Учащийся получает гарантированную и детальную обратную связь. Поддержка обучения (экспертами и тьюторами)	23. Возможность у магистранта обратиться с задачей/проблемой /вопросом к любому преподавателю 24. Академический руководитель всегда доступен для обращений магистрантов
Цифровая среда	
Вариативность использования технологий и форматов обучения	7. Качество технического оснащения аудиторий 8. Качество организации дистанционного обучения 9. Возможность использовать ресурсы библиотеки ВУЗа 10. Возможность использовать базу знаний программы (защищенные магистерские и курсовые работы, описания проектов и т.д.) 11. Сопровождение учебного процесса в LMS (Smart LMS) (Learning management System)
Развивающая и комфортная среда и сообщество	
Место обучения, коллектив студентов и преподавателей	1. Репутация бренда ВУЗа 5. Доступность места проведения занятий (удобно добираться) 6. Организация питания в месте проведения занятий 18. Возможность установления контактов с потенциальными работодателями 21. Открытые, поддерживающие взаимоотношения преподавателей друг с другом 22. Открытые, поддерживающие взаимоотношения магистрантов друг с другом 31. Поддерживается коммуникации с выпускников разных лет, проводятся совместные мероприятия, которые, по сути, формируют профессиональное сообщество

Таким образом, в рамках нашего исследования мы подразумеваем, что полученные критерии клиентоориентированности характеризуют персонализацию образовательного процесса.

Получив уточненные критерии, мы составили опрос для студентов и выпускников МП «Управление образованием» НИУ ВШЭ Санкт-Петербурга. Опрос методом анкетирования прошли 52 студента, среди которых магистранты, прошедшие более одного года обучения на программе, и выпускники разных лет. По результатам опроса мы смогли определить уровень удовлетворенности обучением и лояльности обучающихся по четырем укрупненным группам: магистранты 2 курса 2023, магистранты 3 курса 2023, выпускники 2022 г., выпускники разных лет (рис. 1).

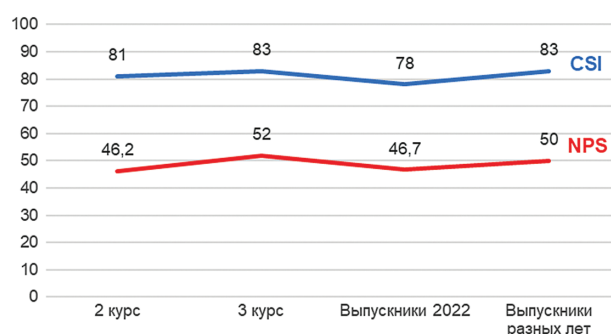

Рисунок 1. Индексы клиентоориентированности (CSI и NPS) МП «Управление образованием» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург в динамике по укрупненным группам

Результаты измерения уровня CSI по каждой выделенной группе позволили построить матрицу (рис. 2) удовлетворенности обучением, на которой параметры оценки разделены на 4 группы:

– I четверть — значимые и удовлетворенные критерии — сильные стороны образовательной

организации, которые делают её особенной и привлекательной для магистрантов;

– II четверть — значимые, но не удовлетворенные критерии — наиболее рискованная зона, которая может стать триггером для прекращения обучения на программе, и на которую следует обращать первоочередное внимание при планировании и реализации управленческих решений;

– III четверть — менее значимые и не удовлетворенные критерии — могут быть учтены при планировании управленческих решений, однако не сильно отразятся на повышении значения удовлетворенности обучением.

– IV четверть — менее значимые и удовлетворенные критерии — характеризуют базовые (минимальные) ожидания студентов от обучения.

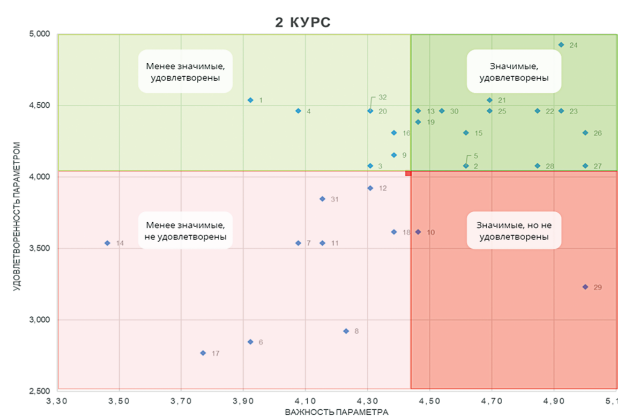

Рисунок 2. Результаты опроса студентов 2 курса 2023 г.

На основе приведённых выше матриц мы составили ранжированный список критериев, которые чаще всего встречались в области «Значимые, но не удовлетворены» среди всех четырех укрупненных групп студентов и выпускников (табл. 3).

Таблица 3

Значимые, но систематически не удовлетворены критерии клиентоориентированности

Критерий	2 курс 2023	3 курс 2023	Выпускники 2022	Выпускники разных лет	Totals
29. Организация программы позволяет совмещать обучение и работу	1	1	1	1	4
10. Возможность использовать базу знаний программы (защищенные магистерские и курсовые работы, описания проектов и т.д.)	1	1	1		3
11. Сопровождение учебного процесса в LMS (Smart LMS) (Learning management System)		1	1	1	3
28. Разнообразие курсов и предметов по выбору		1	1		2
7. Качество технического оснащения аудиторий			1	1	2
8. Качество организации дистанционного обучения		1		1	2
18. Возможность установления контактов с потенциальными работодателями			1	1	2
27. Во время обучения осваиваются реальные технологии управления		1	1		2
26. Во время обучения происходит проработка управленческих ситуационных задач		1	1		2

Таким образом, мы определили рисковые зоны МП «Управление образованием» НИУ ВШЭ Санкт-Петербурга, на которые необходимо в первую очередь обратить внимание при планировании и разработке нововведений со стороны академического руководства.

Дополнительно мы провели сплошной опрос преподавателей программы (внутренние клиенты)

(табл. 4), а также интервью с теми, кто покинул программу (табл. 5).

Для анализа замысла проектировщиков программы и их понимания актуальности добавленной ценности для клиентов, мы провели интервью с академическим руководителем программы, чтобы сравнить его видение фокусов ценности программы для клиентов с ответами студентов и преподавателей (табл. 6).

Таблица 4

Ответы преподавателей: Каких факторов из них не хватает (или они слабые) на магистерской программе «Управление образованием»?

	И1	И2	И3	И4	И5	И6	И7	Totals
Из тех, что я озвучил/а ранее – всего хватает	1	1	1	1	1	1	1	7
Недостаточный обмен профессиональным опытом между преподавателями	0	0	0	1	0	0	2	3
Не хватает возможностей для достаточного изложения экспертной позиции	1	0	0	0	0	0	0	1
Проектная деятельность с реальными результатами	0	0	0	1	0	0	0	1
Технические ограничения	1	0	0	0	0	0	0	1
Финал исследования – не только результаты, но и практические шаги.	0	0	1	0	0	0	0	1
Формат командной защиты проектов /исследований / стартапов	0	0	0	0	0	1	0	1

Таблица 5

Ответы отчислившихся магистрантов: Какое изменение условий МП «Управление образованием» помогло бы продолжить обучение?

Коды	И1	И2	И3	И4	И5	И6	И7	Totals
Не знаю	0	0	0	0	1	1	0	2
Повышение гибкости процесса	0	0	0	0	0	0	2	2
Понимание проведения исследования	1	0	0	1	0	0	0	2
Не хватает междисциплинарности	0	0	0	1	0	0	0	1
Опция смены научного руководителя	0	0	0	1	0	0	0	1
Шикарные условия и возможности	0	0	0	0	0	1	0	1

Таблица 6

Сравнение значимых, но не удовлетворенных критериев клиентоориентированности студентов и академического руководителя

Критерий	Totals «рисковая зона»	Академическое руководство, область в матрице CSI
29. Организация программы позволяет совмещать обучение и работу	4	«Значимые, удовлетворены»
10. Возможность использовать базу знаний программы (защищенные магистерские и курсовые работы, описания проектов и т.д.)	3	«Не значимые, удовлетворены»
11. Сопровождение учебного процесса в LMS (Smart LMS) (Learning management System)	3	«Значимые, но не удовлетворены»
28. Разнообразие курсов и предметов по выбору	2	Пограничная область «значимые, (не)удовлетворены»
7. Качество технического оснащения аудиторий	2	«Значимые, но не удовлетворены»
8. Качество организации дистанционного обучения	2	«Значимые, но не удовлетворены»
18. Возможность установления контактов с потенциальными работодателями	2	Пограничная область «Менее значимые, (не) удовлетворены»
27. Во время обучения осваиваются реальные технологии управления	2	«Значимые, но не удовлетворены»
26. Во время обучения происходит проработка управленческих ситуационных задач	2	Пограничная область «значимые, (не) удовлетворены»

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы:

– Студенты магистратуры и выпускники выражают неудовлетворенность высокой учебной нагрузкой, отмечая ее несовместимость с профессиональными обязательствами. Отчисление студентов является следствием этой проблемы.

– Неудовлетворенность возможностями выбора влияет на личные и временные ограничения, требуя персонализации образовательного процесса.

– Преподаватели высоко оценивают сообщество единомышленников, но в программе «Управление образованием» недостаточно возможностей для обмена опытом.

Таким образом, мы провели апробацию инструментов клиентоориентированного подхода, таких как индексы CSI и NPS. Путем сочетания этих инструментов с анализом результатов интервью со студентами, прекратившими обучение, мы выявили, что критерии, находящиеся в «рисковой» зоне, коррелируют с причинами отчисления «потерянных клиентов». В связи с этим можем сделать вывод, что обозначенные индексы демонстрируют свою валидность в отношении выявления персонализации учебного процесса.

Практическую ценность данная исследовательская работа имеет для академического руководства и профессорско-преподавательского состава программы. Выявление компонентов удовлетворенности/неудовлетворенности клиентов (и внешних, и внутренних) формирует триггеры для оперативного и адекватного управленческого действия. Полученные результаты могут быть учтены при корректировке учебного плана программы, развитии организационного менеджмента, уточнении форм оценивания, а также при определении набора курсов, проводимых в рамках дисциплин по выбору (МАГОЛЕГО).

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 07.05.2018 N 204. (2018). О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года.
2. Перечень поручений по итогам заседания наблюдательного совета Агентства стратегических инициатив, утв. Президентом РФ 30.01.2019 N Пр-118. (2019).
3. Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 N 1642 (ред. от 26.09.2022). (2017). Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования».
4. Асмолов, А. Г., & Ягодин, Г. А. (1992). Образование как расширение возможностей развития личности (от диагностики отбора к диагностике развития). Вопросы психологии, 192, 1–2.
5. Ермаков, Д. С., Кириллов, П. Н., Корякина, Н. И., & Янкевич, С. А. (2020). Персонализированная модель образования с использованием цифровой платформы. Москва. <https://vbudushee.ru/upload/lib/%D0%9F%D0%9C%D0%9E.pdf>
6. Конобеев, А. В., Юхимук, Я. А., Войцеховская, В. Д., & Шчекин, М. (2020). Персонализация как подход к обучению. Дискурс профессиональной коммуникации, 2 (3), 118–138.
7. Котлер Ф. (2002). Основы маркетинга: учебное пособие.
8. Матросова, Е. Г. (2016). Клиентоориентированная деятельность учреждений образования: кому и зачем это нужно?. Социально-гуманитарные знания, (12–1), 166–172.
9. Неретина, Е. А., & Соловьев, Т. Г. (2011). Предпосылки формирования клиентоориентированного подхода к управлению взаимоотношениями с потребителями образовательных услуг высшего учебного заведения. Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки, (2), 161–170.
10. Орлов, А. Б. (1996). Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики (Doctoral dissertation, Психологический институт РАО).
11. ScanMarket, (n.d.). Удовлетворенность и лояльность клиентов (покупателей, потребителей, пользователей) <https://scanmarket.ru/tasks/customer-satisfaction>.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЛИДЕРСТВА В КОНТЕКСТЕ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

Тема феномена лидерства становится все более популярной в школе, а особенно в рамках деятельности ученического самоуправления. Еще в 2014 году в методических рекомендациях о создании и деятельности советов обучающихся в образовательных организациях слово «лидер» не встречается (Письмо Министерства..., 2014). А уже через три года, 2017 году, в методических рекомендациях по организационно-методической поддержке деятельности детских общественных движений и ученического самоуправления слово «лидер» встречается 14 раз (Письмо Министерства..., 2017). В данном документе прописывается целевая установка на формирование и развитие молодых лидеров, через создание и поддержку ученического самоуправления в каждом образовательном учреждении. Таким образом мы приходим к пониманию того, что ученическое самоуправление должно быть средой для формирования и воспитания лидеров, которые принимают участие в управлении образовательным учреждением (Кабак и др., 2020).

Результаты анализа научной литературы, посвященной исследованию лидерства, позволяют утверждать, что это сложный социально обусловленный феномен, при котором один индивид влияет на всех членов группы с целью достижения совместных результатов (Адаир, 2006). На данный момент существует достаточно много концепций, раскрывающих феномен лидерства. Система образования является одним из ключевых социальных институтов раскрытия личностного потенциала каждого ученика в контексте формирования лидерских качеств. Эпоха неопределенности задает системе образования условия для развития у обучающихся способности работать в стрессовой ситуации и в трудной жизненной ситуации (умение работать в таких условиях), а именно формировать у «молодых лидеров» различные стратегии совладающего поведения (Белинская, 2022; Каминская, 2019). В своем исследовании мы отождествляем дефиниции «стратегии совладающего поведения» и «копинг-стратегии» (рис. 1).

Совладающее поведение, копинг, и копинг-поведение (англ. coping behavior) — это особые формы социального поведения, которые обеспечивают продуктивность, здоровье и благополучие

человека в стрессовых ситуациях. Совладающее поведение — это сознательное поведение, направленное на активное изменение ситуации (поддающейся контролю) или приспособление к ней (если ситуация не поддается контролю) (Carver et al., 1989; Park et al., 2001; Lazarus & Folkman, 1984).

На данный момент в психологии феномен совладающего поведения является объектом многих исследований, большинство аспектов которого еще не раскрыты, особенно для подросткового возраста, когда начинают формироваться основы этого поведения (Грановская и др., 1999; Кабак и др., 2020).. В связи с этим целью нашего исследования является выявление различий в представлениях о лидере у школьной молодежи (учащиеся 8–10 классов) из когорты «спортсмены» и когорты «не спортсмены», а также выявлении выбора стратегий совладающего поведения и их влияния на жизнестойкость обучающихся у этих двух когорт.

Объект: школьная молодежь 14–16 летнего возраста (обучающиеся 8–10-х классов) двух когорт «не спортсмены» и «спортсмены», занимающиеся физической культурой и спортом в системе дополнительного образования. Предмет: восприятие лидерства в контексте стратегий совладающего поведения у различных групп обучающихся 8–10-х классов.

Дизайн эмпирической части исследования, включающий сформулированные гипотезы и соответствующие методы исследования, для проверки гипотез, представлен на рисунке 2.

Общий объем выборки — 2188 человек, из них: не спортсмены — 1810 человек, спортсмены — 376 человек. Характеристика отдельных подгрупп выборки представлена на рисунке 3.

Для выявления различий в представлении лидера по мнению не спортсменов и спортсменов нами был использован ортогональный дизайн и совместный (conjoint) анализ в программе для статистической обработки данных SPSS. Были выделены популярные конструкты (составляющие) феномена лидерства у обучающихся 8–10-х классов и сформированы критерии для создания ортогонального дизайна портрета лидера (рис. 4).

Рисунок 1. Теоретическая рамка исследования

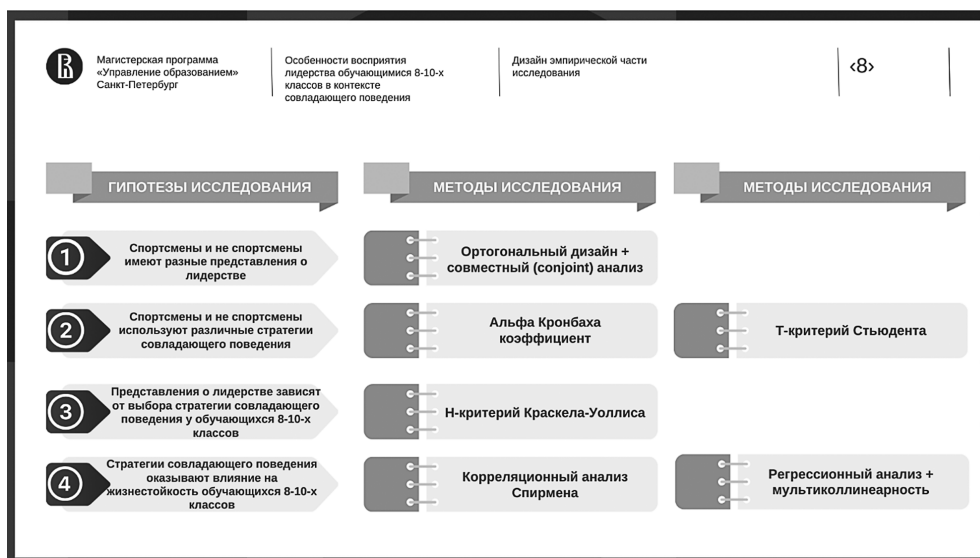

Рисунок 2. Дизайн эмпирической части исследования

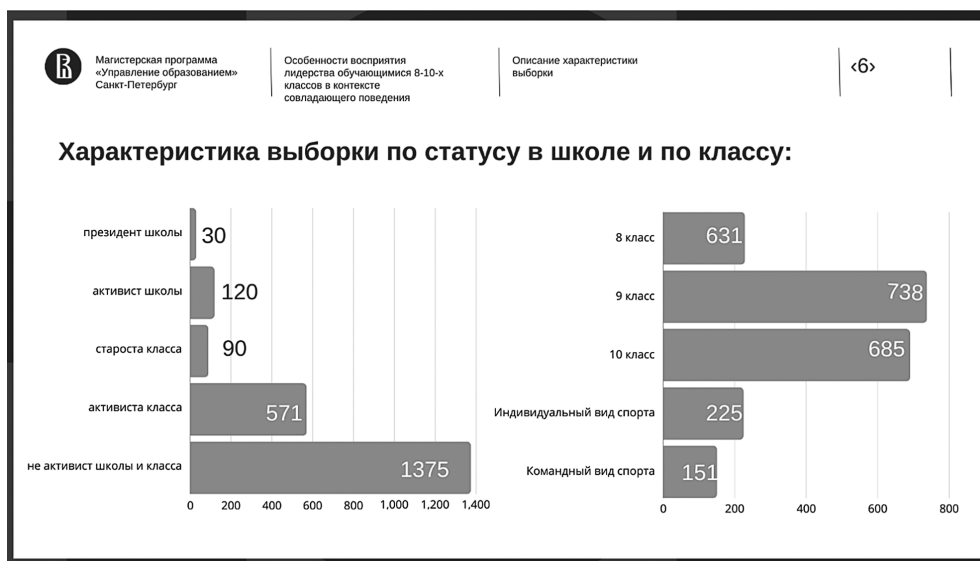

Рисунок 3. Характеристика выборки

	Магистерская программа «Управление образованием» Санкт-Петербург	Особенности восприятия лидерства в контексте совладающего поведения участниками образовательных отношений	ГИПОТЕЗА № 1	<11>
Ортогональный дизайн (SPSS) + совместный (conjoint) анализ				
Статус	Дополнительное образование (увлечения)	Лидерские конструкты		
активист ученического самоуправления	занимается спортом	использование уникальности каждой ситуации		
не активист ученического самоуправления	занимается творческой деятельностью (пение, танцы, рукоделие, театральный кружок и др.)	способность устанавливать и поддерживать связи (контакты) внутри коллектива и за его пределами		
	занимается интеллектуальной деятельностью (математический кружок, робототехника, шахматы, 3D – моделирование)	умение понимать чувства других людей (эмоциональный интеллект)		

Таблица 1 и 2

Рисунок 4. Критерии для создания ортогонального дизайна портрета лидера

Обнаружены различия в представлениях о лидерстве: для «не спортсменов» лидер не обязательно должен быть активистом в школе и классе, но должен быть лидером в академическом плане и показывать возможно лучшие академические результаты; в представлении «спортсменов» лидер должен быть активистом, включенным в ученическое самоуправление и иметь навык владения собой — обладать достаточно высоким уровнем эмоционального интеллекта.

Дополнительно были выявлены приоритеты респондентов относительно критериев лидерства. Для не спортсменов более важны лидерские качества, а не его статус в системе ученического самоуправления. А для спортсменов важен опыт деятельности в статусе лидера, а затем уже качества лидера. Статус формального лидерства в системе ученического самоуправления по степени важности спортсмены определили на третье место. Одна из гипотез была связана с утверждением о том, что спортсмены и не спортсмены используют различные стратегии совладающего поведения.

Для получения объективных выводов мы проверили согласованность ответов респондентов при помощи коэффициента альфа Кронбаха. Проверялись ответы, связанные со стратегиями совладающего поведения: проактивное совладание, рефлексивное совладание, стратегическое планирование, превентивное совладание, поиск инструментальной поддержки, поиск эмоциональной поддержки, жизнестойкость. Коэффициент альфа Кронбаха показал сомнительное значение по ответам на вопросы, относящиеся к стратегическому планированию (0,622). Было принято решение не использовать ответы респондентов по данной стратегии в дальнейшей обработке результатов исследования. По другим стратегиям совладающего поведения было получено достаточное значение надежности ответов (табл. 1).

Таблица 1

Согласованность ответов по блоку
«стратегии совладающего поведения»

№	Стратегии совладающего поведения	Альфа Кронбаха	Значение
1.	Проактивное совладание	0,718	достаточное значение
2.	Рефлексивное совладание	0,774	достаточное значение
3.	Стратегическое планирование	0,622	сомнительное
4.	Превентивное совладание	0,750	достаточное значение
5.	Поиск инструментальной поддержки	0,700	достаточное значение
6.	Поиск эмоциональной поддержки	0,703	достаточное значение
7.	Жизнестойкость	0,727	достаточное значение

При помощи параметрического t-критерия Стьюдента планировалось выявить значимые различия в выборе стратегий совладающего поведения у не спортсменов и спортсменов. Сравнительный анализ t-критерия Стьюдента представленных данных показал, что значимые различия в выборе стратегий совладающего поведения у обеих групп респондентов выявлены по двум параметрам (шкала значимости $p < 0,1$): поиск эмоциональной поддержки и жизнестойкость. У спортсменов данные показатели выше, чем у «не спортсменов» (табл. 2).

Таблица 2
Результаты параметрического анализа
t-критерия Стьюдента

Стратегия совладающего поведения	t-критерий Стьюдента	Не спортс- мены	Спортс- мены
		Среднее значение	Среднее значение
Проактивное совладание (ПРО)	0,828	2,984	2,976
Рефлексивное совладание (РЕФ)	0,470	2,937	2,911
Превентивное совладание (ПРЕВ)	0,086	3,020	2,960
Поиск инструментальной поддержки (ПИП)	0,867	2,752	2,748
Поиск эмоциональной поддержки (ПЭП)	0,057*	2,637	2,751
Жизнестойкость (ЖИЗН)	0,051*	2,648	2,723

Примечание: * $p < 0,1$

Для подтверждения гипотезы о том, что представления о лидерстве зависят от выбора стратегии совладающего поведения у обучающихся 8–10-х классов, воспользовались методом Н-критерий Краскела-Уоллиса.

Для этого мы взяли популярные ответы респондентов (поставленные на первое место) в ранжировании карточек лидерства и ответы респондентов по каждой стратегии совладающего поведения для выявления значимых различий в представлениях о лидерстве в контексте стратегий совладающего поведения. В таблице 3 представлены результаты проведенного анализа. По одной стратегии совладающего поведения: поиск инструментальной поддержки, присутствуют значимые различия в представлениях о лидерстве в контексте выбора стратегии совладающего поведения. Полученные результаты позволяют нам утверждать, что представления о лидерстве у «не спортсменов» зависят от поиска инструментальной поддержки. Гипотеза частично подтверждена (табл. 3).

Для подтверждения четвертой гипотезы, о том, что стратегии совладающего поведения оказывают влияние на жизнестойкость обучающихся 8–10-х классов, проведен регрессионный анализ. Предварительно был посчитан коэффициент мультиколлинеарности. В регрессионном анализе коэффициент мультиколлинеарности проявляется, когда две или более переменных сильно коррелируют друг с другом, на основании чего, они не отражают независимую или уникальную информацию в регрессионной модели. В таком случае мультиколлинеарность отрицательно влияет на интерпретацию и достоверность результатов исследования. Зависимой

переменной при расчете коэффициента была взята шкала жизнестойкости, результаты расчета коэффициента представлены в таблице 4. Значения коэффициента инфляции дисперсии до двух включительно, что указывает на умеренную корреляцию между стратегиями совладающего поведения в модели регрессии. Таким образом корреляция недостаточно серьезная и не оказывает отрицательного влияния на интерпретацию результатов исследования, что позволяет проводить регрессионный анализ.

Таблица 3
Результаты анализа Н-критерия Краскела-Уоллиса:
представления о лидерстве в контексте выбора
стратегий совладающего поведения
у всех групп респондентов

Стратегии совладающего поведения	Н-критерий Краскела- Уоллиса
Проактивное совладание	0,482
Рефлексивное совладание	0,631
Превентивное совладание	0,659
Поиск инструментальной поддержки	0,048*
Поиск эмоциональной поддержки	0,051
Жизнестойкость	0,329

Примечание: * $p < 0,05$

Таблица 4
Мультиколлинеарность
(коэффициента инфляции дисперсии (VIF))

Стратегии совладающего поведения	VIF
Проактивное совладание	1,440
Рефлексивное совладание	1,883
Превентивное совладание	2,045
Поиск инструментальной поддержки	1,437
Поиск эмоциональной поддержки	1,448

В таблице 5 представлены результаты регрессионного анализа. Зависимой переменной является шкала жизнестойкости, предикторами стратегии совладающего поведения: проактивное совладание, рефлексивное совладание, превентивное совладание, поиск инструментальной поддержки, поиск эмоциональной поддержки. Таким образом, четвертая гипотеза подтвердилась: при использовании респондентами стратегии проактивного совладания положительно возрастает уровень жизнестойкости. При использовании стратегии поиск инструментальной поддержки оказывает отрицательное влияние на уровень жизнестойкости обучающихся 8–10-х классов.

Таблица 5
Результаты регрессионного анализа

Стратегии совладающего поведения	Нестандартизированный коэффициент (В)	Значимость
Проактивное совладание	0,305*	000*
Рефлексивное совладание	-0,009	0,751
Превентивное совладание	0,042	0,191
Поиск инструментальной поддержки	-0,094*	000*
Поиск эмоциональной поддержки	-0,023	0,276

Примечание: * зависимая переменная — жизнестойкость

Выводы и рекомендации

Восприятие лидерства у «спортсменов» и «не спортсменов» различное и они используют разные стратегии совладания в преодолении трудных ситуаций:

- «не спортсмены» считают лидерами не активистов, а тех, кто успешен в академической (интеллектуальной) деятельности и использует уникальность каждой ситуации;
- «спортсмены» относят к лидерам тех, кто является активистом ученического самоуправления, занимается интеллектуальной деятельностью и обладает высоким уровнем эмоционального интеллекта;

У «спортсменов» представления о лидерстве зависят от жизнестойкости, и они показывают более высокие результаты по поиску эмоциональной поддержки и жизнестойкости, чем «не спортсмены».

Для «не спортсменов» характерны:

- положительная связь жизнестойкости с проактивным совладанием и отрицательная связь с поиском инструментальной поддержки;
- различия в выборе стратегии совладающего поведения относительно статуса респондента в школе по следующим стратегиям: проактивное совладание, превентивное совладание, поиск инструментальной поддержки, поиск эмоциональной поддержки;
- гендерные различия: в преобладании рефлексивного совладания и жизнестойкости мальчиков и поиск эмоциональной поддержки у девочек.

У спортсменов индивидуальных видов спорта показатели выше, чем у спортсменов командного вида спорта по стратегиям совладающего поведения в части: проактивного, рефлексивного и превентивного совладания.

На основании полученных результатов исследования педагогическому коллективу и администрации школ, являющимися благополучателями исследования, можно рекомендовать разработать или скорректировать уже имеющиеся лидерские программы воспитания для включения в них практических и теоретических занятий в области концепций лидерства; развития эмоционального интеллекта; развития навыков ситуационного лидерства. Включить в программы воспитания классов и школы практические занятия по формированию стратегий совладающего поведения и жизнестойкости в контексте вышеуказанных концепций лидерства. Особое внимание необходимо уделить формированию стратегий поиска инструментальной поддержки и поиска эмоциональной поддержки.

Педагогу-психологу и педагогу организатору в деятельности по ученическому самоуправлению рекомендуем включить в программу службы сопровождения школы формирование лидерских качеств и стратегий совладающего поведения, в том числе жизнестойкости. Для «не спортсменов», в представлениях которых лидер не является активистом ученического самоуправления, можно рекомендовать создание прозрачной (открытой) системы отбора активистов ученического самоуправления класса и школы на основании авторской методики, разработанной в исследовании.

Список литературы:

1. Адаир, Дж. (2006). Психология лидерства.
2. Белинская, Е. П. (2022). Совладание с трудностями в эпоху неопределенности и глобальных рисков: основные исследовательские тренды. СибСкрипт, 24 (6 (94)), 760–771.
3. Грановская, Р. М., & Никольская, И. М. (1999). Защита личности: психологические механизмы. СПб.: Знание, 352, 96.
4. Письмо Министерства образования и науки РФ от 14 февраля 2014 г. N BK-264/09. (2014). О методических рекомендациях о создании и деятельности советов обучающихся в образовательных организациях.
5. Письмо Министерства образования и науки РФ от 02.08.2017 N TC-512/09. (2017). О направлении методических рекомендаций.
6. Кабак, Е. И., & Сурвило, В. И. (2010). Особенности копинг-стратегий лидеров студенческих групп. Мир науки. Педагогика и психология.
7. Каминская, Э. А., Волк, М. И., & Сичкар, Е. В. (2019). Роль стрессогенных условий в проявлении лидерского потенциала. Мир науки. Педагогика и психология, 7 (1), 72.
8. Carver, C. S., Scheier, M. F., & Weintraub, J. K. (1989). Assessing coping strategies: a theoretically based approach. Journal of personality and social psychology, 56 (2), 267.
9. Park, C. L., Folkman, S., & Bostrom, A. (2001). Appraisals of controllability and coping in caregivers and HIV+ men: testing the goodness-of-fit hypothesis. Journal of Consulting and Clinical psychology, 69 (3), 481.
10. Lazarus, R. S., & Folkman, S. (1984). Stress, appraisal, and coping. Springer publishing company.

PATRIOTISM IN SCHOOL EDUCATION AS THE SOVIET SYSTEM HERITAGE: INVESTIGATING FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARDS IN RUSSIAN SCHOOLS IN THE CONTEXT OF PROMOTING PATRIOTIC NARRATIVES IN THE PERIOD FROM 2009 TO 2022

Introduction

The Russian educational system regularly experiences various adjustments, be they teacher- or student-oriented changes. One may argue that some of these adjustments might not be a novelty produced by the ministers; rather, they may follow as “ghosts” of the previous Soviet system. For example, one may argue that there is a growing emphasis on patriotism in education, which now seems intuitive; however, it was not the case right after the collapse of the USSR.

This research focuses on the presence of patriotic narratives as indicators of state propagated version of patriotism in official documents that control the whole educational system in Russia. The research relies on the theoretical framework that suggests that features inherent to the former (Soviet) system are now recurring because of the conservative stage of the system’s cycle.

This paper will study Federal State Educational Standards using content analysis to identify patriotic narratives and their symbols that are used in educational documents.

The goal of this research is to assess whether the use of patriotic narratives and symbols in Russian Federal Educational Standards has intensified from 2009–2012* to 2022 and discover how they changed during the period.

Literature Review

Concepts of “Propaganda” and “Education”

Patriotism is generally an ambiguous notion. Nevertheless, scholars have found that Russian state official documents present patriotism in one particular way: “love and loyalty to one’s homeland, a determination to serve its interests, as well as a readiness to protect the Fatherland up to the point of self-sacrifice” (Piattoeva, 2014, 45). Scholars note that Russian state patriotism as well as patriotic education prioritise state interests over individual ones and aim to convince students and citizens alike that state interests are indeed more important (Rapoport, 2009). Rapoport suggests that patriotism, thus, discourages people from thinking about it critically (Rapoport, 2009).

The Russian state version of patriotism is not exhaustive of the notion, as there is an important distinction between constructive or critical and blind or pseudo-patriotism (Rapoport, 2017, 111). The main difference between the two is that blind patriotism doesn’t allow any criticism towards the state, while constructive patriotism allows recognition of drawbacks and criticism or alternative views as they can help the state improve (Sanina, 2018). Blind patriotism is also considered linked to nationalism and disrespect for countries other than the homeland (Sanina, 2018).

Apparently, blind patriotism should be avoided in education by presenting and exploring a number of perspectives regarding different issues to encourage independent thinking and foster “healthy” constructive patriotism.

Propaganda of Patriotism in Russian Education along with centralisation**

Under President Vladimir Putin, the regime has achieved centralisation of the education system, textbook publishing market concentration, and control over educational materials, policies, and curriculum (Liñán, 2010).

There is considerable research mostly exploring propaganda in history textbooks, but also in Social Studies and the Fundamentals of Life Safety, and how these subjects are used for indoctrination (Akerø, 2023). Zajda (2007) traced the way the field of history textbooks in Russia went from being pluralistic to unified. He analysed textbooks from 1992 to 2004 and noted that earlier textbooks contained criticism towards politics of the USSR and multiple perspectives, while later textbooks lacked these and paid more attention to patriotism and national identity (Zajda, 2007). After the scandal with Dolutsky’s textbook the Ministry of Education declared that all history textbooks had to be evaluated and approved by state experts (Zajda, 2007). The study exposed a clear shift towards standardisation and centralisation of the education system (see also Liñán, 2010).

More recent research by Akerø (2023) discovers the increased militarization in Russian education;

* When the first version of standards was created.

**NB: Both “propaganda” and “patriotism” shall be considered neutral here (rather than with negative or positive connotations).

military patriotism was imposed in Fundamentals of Life Safety, History, and Social Studies textbooks as Putin centralised curriculum control following the 2014 Crimea conflict (Akerø, 2023).

Even though the field of studies exploring patriotism in the Russian education system is extensive, general educational programmes as well as educational materials beyond textbooks are understudied. This research will try to contribute to the broader field of research on patriotism in Russian education by investigating educational standards in Russian schools in the context of promoting patriotic narratives in the period from 2009 to 2022.

Theoretical framework

A study by Lisovskaya and Karpov (2020) lays the foundation for this study's theoretical framework.

The authors propose a model that explains why there are two different periods of the Russian education system (Lisovskaya and Karpov, 2020). They define the 1990s as a period of radical reforms (i.e., the radical stage), which were good at destroying the old Soviet education system; however, according to the authors, it is nearly impossible to construct anything new during the radical stage due to instability (Lisovskaya & Karpov, 2020). After the radical stage, there is the conservative one, which is quite stable, so that this stage allows for the implementation of constructive reforms; however, they tend to reconstruct the old system (Lisovskaya & Karpov, 2020). This model perfectly explains why there couldn't be a new democratic education system in the 1990s and why the current education system has characteristics of the Soviet one, such as centralisation and standardisation.

Rapoport finds that contemporary education and that of Soviet times share features like national unification, mass mobilisation, and militarisation (Rapoport, 2017). Thus, one may assume that patriotism becomes a part of the current education system just like it was the case in the Soviet system.

Furthermore, Rapoport argues that these tendencies within the patriotic education campaign are not merely a symbolic stylistic shift but rather a substantive counter-reform deliberately implemented to depart from liberal ideals and control the ideological framework of education and society (Rapoport, 2009). Importantly, he criticises these programmes, reforms, and the promoted version of patriotism in general, as they are associated with aggressiveness, intolerance, and blind acceptance of the official narratives, which can result in chauvinism and xenophobia, especially in a multi-ethnic state (Rapoport, 2009). Even more importantly, Rapoport argues that the current patriotic education campaign contradicts the stated goals of building a democratic educational system and civil society (Rapoport, 2009).

Relying on this framework, I assume that patriotism in Russian education went from being eliminated or forgotten to being increasingly relied on. In order to explore the phenomenon, I will study versions of Federal State Educational Standards that were made since 2009 and how patriotism and its narratives developed there.

The Federal State Educational Standards that will be examined concern educational programmes, extracurricular activities, and educational processes at three levels of the Russian school education system (primary, secondary, and high school). Importantly, the standards are published and adjusted by the Russian Ministry of Education, which means that these documents are the primary source and, thus, most accurately reflect state position, goals, and views on education and the educational process.

Methodology, data collection and analysis

In total, there are eight documents related to school Federal State Educational Standards that were created during the period.

The method used for the investigation of state documents is content analysis, as it allows for systematic examination, finding specific topics and narratives that are used by the state, and tracing the changes over time qualitatively. The coding is done manually relying on the code schemes developed in the study by Sanina (2018). Codes primarily represent parts of the narratives or symbols that are used by the state to promote its version of patriotism, for example, "spiritual development", "traditional values", "family values", "Great Patriotic War", etc. Nevertheless, sometimes full-fledged narratives are also met and coded separately, for example, "Revival of the Russian Federation as a world power," "Role of the Armed Forces of the Russian Federation in ensuring peace," etc.

Results of the analysis

Notably, there is a growing emphasis on so-called 'Russianness' as symbols containing the word "Russian" became used more often as the programmes were developed (Russian (Russkiy, instead of Rossiyskiy), Russian language, Russian values, Russian culture, Russian history). It is consistent with the creation of "Russian" identity, which is clearly a major part of patriotism in Russia. Moreover, different kinds of values are increasingly promoted (e.g. Russian, cultural, spiritual, traditional, societal, moral values, and faith), which may appeal to a great number of people across the whole country. Country's cultural and historical aspects are also emphasised more (e.g. Country's contribution to the world heritage, the cultural development of Russia, cultural values, the historical

role of Russia, the legacy of Russia, traditions), as well as other symbols.

Some symbols and narratives appeared only in later editions of the standards. New symbols appeared (e.g. constitutional duty, Great Patriotic War, heroic struggle, homeland, territorial integrity, Orthodox Church) as well as distinct full-fledged narratives became pronounced (e.g. difficult 1990s, modern Russia aspiring to the future, reunification with Crimea). In 2022 editions, there were even more symbols and narratives that appeared to be less neutral and more state-friendly than previous ones (e.g. Historical Truth, Protection of Memory, Readiness to fight back against falsifications, Reunification with Crimea and Sevastopol, revival of the Russian Federation as a world power, role of the armed forces of the Russian Federation in ensuring peace, special military operation in Ukraine, military threats). The narratives promoted in the official documents — standards regulating the schooling of children — intensified in accordance with the current political agenda of the state (increasing the image of Russia as a world superpower — “sverhderzhava”).

Discussions

The study’s theoretical framework states that features inherent to the former (Soviet) system are now recurring because of the conservative stage of the system’s cycle. Relying on it, I assumed that over the years there would be an increase and a change in patriotic narratives in Federal State Educational Standards regulating educational processes in Russian schools. The analysis showed that a significant part of patriotic symbols intensified in use in 2021–2022, as compared with previous years.

The major qualitative finding is that in the beginning of the period documents mostly contained symbols that are parts of general state patriotism and parts of its narratives; however, closer to the end of the period under study, it is seen that symbols begin to build full-fledged narratives that rely on history and align with the state narratives in terms of its political agenda including the focus on Russia’s image on the international arena.

The distinction between blind and constructive patriotism is similar to the distinction between propaganda and education. It is impossible to develop critical thinking under blind patriotism because of the exposure to the only acceptable perspective (i.e., the state perspective), as is the case under propaganda, which aims to promote a particular perspective that favours the interests of one group. Constructive patriotism, on the contrary, encourages viewing things critically, just as education should aim to develop critical thinking among learners. The Russian state version of patriotism requires unquestionable love, loyalty, and service to the state and its interests; it

defines criticism as treason (Sanina, 2018), from which it follows that this version of patriotism falls under the category of blind patriotism.

For this reason, Sanina calls for a reconsideration of patriotism in Russia and suggests a definition that incorporates aspects of civic education and nation-building that do not contradict each other: “Patriotism is love for the Motherland, loyalty to one’s state, knowledge of the country’s historical and contemporary achievements, support of spiritual and moral values, manifestation of a civic position, active participation in the activities of institutions of civil society, the holding of one’s own position, and the ability to provide constructive criticism of the government.” (Sanina, 2018, 480).

Still, there is a need for examination of a wider range of data — not only the official state documents but also actual classroom practices — to see how the standards are implemented, work in reality, and find data beyond the educational standards, for example, what are the effects of the hidden curriculum. This can in turn allow one to assess the actual effects of state propagation of patriotism in Russian education in general. For these purposes, new and earlier findings on patriotism in textbooks as well as on teachers’ perspectives will be useful and will reveal a much broader picture.

Conclusion

This study aimed at contributing to the field of patriotism and its propagation in Russian education research by investigating the main documents in the Russian education system — Federal State Educational Standards — that defined educational programmes and extracurricular activities in Russian schools from 2009–2012 to 2022 and will continue to do so. The content analysis of the documents showed that the majority of patriotic narratives and their symbols have intensified in the content of educational programmes over the period.

The findings are consistent with the framework and the assumption made based on it — patriotism is one of the many elements of the Soviet system that is now recurring.

The Russian state version of patriotism falls under the category of blind — the one, which is known for prevention of critical thinking. This can in turn be harmful for students’ cognitive abilities that should be developed by the education system. Thus, there might be a need in reconsidering the propagated dominant version of state patriotism.

References:

1. Akerø, J. H. (2023). Education Under Threat? Navigating the Intersection of Informational Autocracy and Indoctrination in Russian Education (Master’s thesis).

2. Liñán, M. V. (2010). History as a propaganda tool in Putin's Russia. *Communist and Post-Communist Studies*, 43 (2), 167–178. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2010.03.001>.
 3. Lisovskaya, E., & Karpov, V. (2020). Russian education thirty years later: Back to the USSR?. *European Education*, 52 (3), 283–296. <https://doi.org/10.1080/10564934.2020.1759098>.
 4. Piattoeva, N. (2005). Citizenship education as an expression of democratization and nation-building processes in Russia. *European Education*, 37 (3), 38–52. <https://doi.org/10.1080/10564934.2005.11042395>.
 5. Rapoport, A. (2009, April). Patriotic education in Russia: Stylistic move or a sign of substantive counter-reform?. In *The Educational Forum* (Vol. 73, No. 2, pp. 141–152). Taylor & Francis Group. <https://doi.org/10.1080/00131720902739569>.
 6. Rapoport, A. (2016). Tendencies in Civic Education in Russia: The Perception of Patriotism among Secondary School Teachers. *Journal of International Social Studies*, 6 (2), 109–124. <https://www.semanticscholar.org/paper/Tendencies-in-Civic-Education-in-Russia%3A-The-of-Rapoport/4b3011fbfc57a905f058a8fcb4f0a9155f7cba3>.
 7. Sanina, A. G. (2018). Patriotism and patriotic education in contemporary Russia. *Russian social science review*, 59 (5), 468–482. <https://doi.org/10.1080/10611428.2018.1530512>.
 8. Sproule, J. M. (1994). *Channels of Propaganda*. ERIC/EDINFO Press, Indiana University, PO Box 5953, Bloomington, IN 47407
 9. Woody, C. H. (1935). Education and propaganda. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 179 (1), 227–239. <https://doi.org/10.1177/000271623517900129>.
 10. Zajda, J. (2007). The new history school textbooks in the Russian Federation: 1992–2004. *Compare*, 37 (3), 291–306. <https://doi.org/10.1080/03057920701330164>.
- Data:** Federal State Educational Standards (ФГОС) taken from the official website of the Ministry of Education <https://edu.gov.ru/>.

Раздел 3

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И УПРАВЛЕНИЕ

УВЕЛИЧЕНИЕ РОЛИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ КАК ШАГ К УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ОПТИМИЗАЦИИ

Введение

Санкт-Петербург, являясь городом федерального значения, имеет уникальные характеристики взаимодействия регионального и местного уровней власти, что повышает значимость изучения данного взаимодействия с различных сторон рассмотрения.

В данной работе анализируется распределение финансовых ресурсов и полномочий между региональным уровнем власти и местным самоуправлением, представленным внутригородскими муниципальными образованиями. Авторская позиция в данном исследовании выражается в том, что распределение полномочий и бюджетных средств в Санкт-Петербурге чрезмерно централизовано и требует изменений в сторону расширения полномочий местного самоуправления и их финансовой самостоятельности. В рамках данной статьи помимо аргументации указанного утверждения предлагается конкретный вариант возможных изменений с построением модели, демонстрирующей альтернативное распределение доходов местных бюджетов.

Данная работа призвана в том числе и расширить аргументацию, приведенную в ранее опубликованной статье по данной теме (Абрамов, Заостровцев, 2023), а также привести более точную модель возможных финансовых изменений по сравнению с предыдущими расчетами.

В первую очередь в данном исследовании обращено внимание на теоретическую аргументацию возможных положительных эффектов децентрализации в рамках теории бюджетного федерализма.

Далее предпринята попытка оценить степень однородности экономического пространства в Санкт-Петербурге.

После этого в работе обращено внимание на существующее распределение полномочий между уровнями власти.

Следующий шагом является анализ распределения финансовых ресурсов между уровнями бюджетной системы, в том числе и в разрезе различных видов внутригородских муниципальных образований.

Наконец, в конце предлагается модель возможного распределения доходов местных бюджетов и формулируются выводы исследования.

Литературный обзор

В данной работе используются исследовательские работы по теории бюджетного федерализма, связанные с зависимостью между благосостоянием сообществ (Oates, 2008), распространением информации (Hayek, 1945) и децентрализацией, конкуренцией между юрисдикциями (Tiebout, 1956) и условиями формирования «федерализма, сохраняющего рынок» (Weingast, 2009). Также в работе обращается внимание и на более практические статьи, касающиеся путей достижения сбалансированности бюджета (Overton & Bland, 2022), управленческих практик Европейского Союза (Pavy, 2024), а также состоянием местного самоуправления в России (Шевцова и др., 2022; Sumskaya, 2022) и в Санкт-Петербурге в части его административно-территориальной организации (Шогенова, 2019), а также распределения властных полномочий и финансовых ресурсов между уровнями власти (Левина, 2020; Хмельченко, 2017).

Положительные эффекты децентрализации

В понимании возможных эффектов децентрализации может помочь теория бюджетного федерализма. Важным вкладом в данную теорию является теорема децентрализации У. Э. Уотса. Данная теорема говорит о повышении благосостояния сообществ в случае использования децентрализованного предоставления благ в сравнении с централизованным при условии отсутствия экономики от масштаба (Oates, 2008, p. 314). Другим примером может выступать работа Ф. А. Хайека, где он обращает внимание на проблемы информации, выделяя вид информации, который не может аккумулироваться в форме статистических данных, что делает централизованное управление в таком случае неэффективным (Hayek, 1945, p. 524). Ч. М. Тибу обращает внимание на то, что жители могут рассматриваться в качестве потребителей, которые могут выбирать между теми, кто предоставляют соответствующие услуги,

и для оптимальной работы данного механизма необходимо обеспечение мобильности граждан (Tiebout, 1956). Такие процессы могут создавать конкуренцию между самостоятельными юрисдикциями и опосредованно улучшать качество жизни граждан. Б. Р. Вейнгаст приводит в своей работе (Weingast, 2009, р. 281) пять условий формирования «федерализма, сохраняющего рынок»:

- 1) властная иерархия;
- 2) автономия субнациональных правительств;
- 3) общий рынок;
- 4) жесткие бюджетные ограничения;
- 5) институционализированное распределение власти.

Смотря на данные условия, можно сделать вывод о важности ограничения центральной власти и наличия жестких бюджетных ограничений. Жесткие бюджетные ограничения предполагают наличие бремени ответственности органов власти за последствия принятых ими решений (см. также: Kornai, 1980).

Конечно, нельзя не упомянуть реализуемых в Европейском союзе принципов субсидиарности и близости (Pavy, 2024). Первый подразумевает обеспечение самостоятельности нижестоящих уровней власти в тех случаях, когда полномочия могут более эффективно осуществляться на нижестоящих уровнях, а второй осуществление властных полномочий настолько близко к гражданам, насколько это возможно.

В целом можно сделать вывод, что децентрализация необходима в случае неоднородности

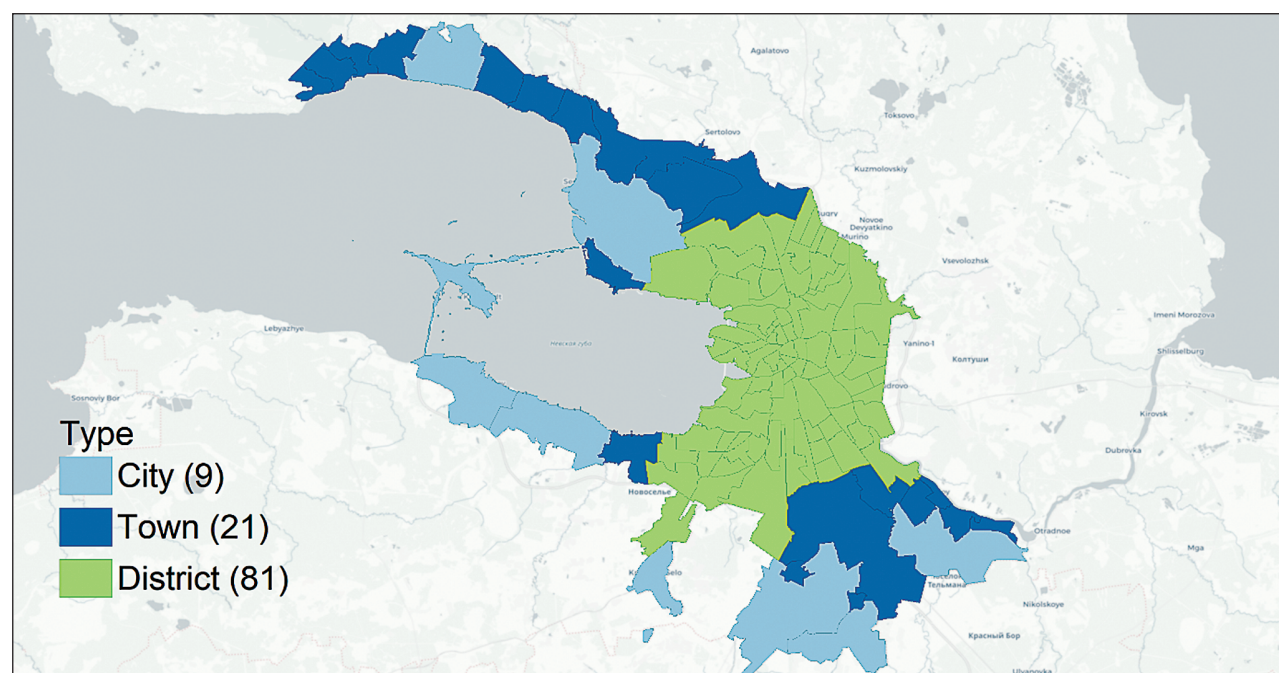
управляемых систем, так как в таком случае необходимо учитывать различия между юрисдикциями. И наоборот, централизация является более оптимальным вариантом в однородной среде.

Пространственная неоднородность Санкт-Петербурга

Всего в Санкт-Петербурге в пределах 18 районов находится 111 внутригородских муниципальных образований. При этом есть различия по видам муниципальных образований, что сигнализирует о необходимости учета особенностей данных территорий. В городе присутствуют 81 муниципальный округ, 9 городов и 21 поселок (рис. 1).

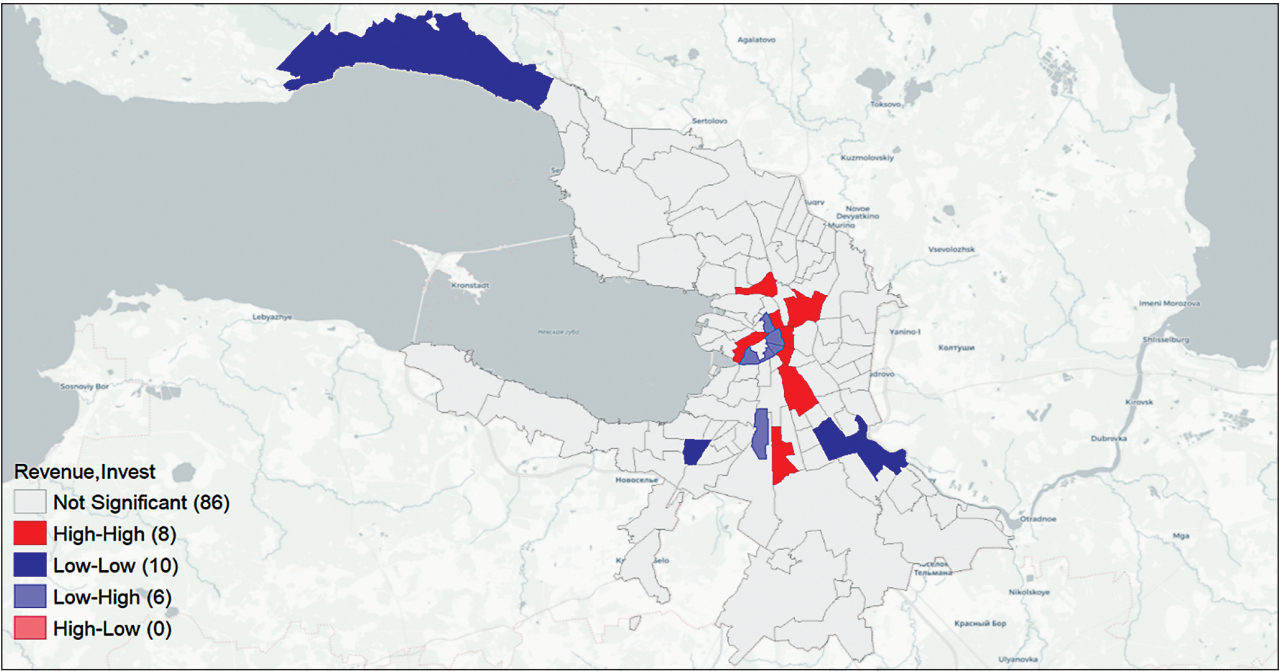
Для оценки пространственной однородности Санкт-Петербурга были рассчитаны двухфакторные локальные индикаторы пространственной автокорреляции чистой выручки и инвестиций в основной капитал по муниципальным образованиям в Санкт-Петербурге (рис. 2).

При помощи картограммы был сделан вывод, что в целом территория Санкт-Петербурга неоднородна по рассматриваемым показателям даже при наличии некоторой зависимости между относительно высокими (в центре) и низкими (дальше от центра) показателями. Более того, кластеризация высоких и низких значений не происходит в пределах районов за исключением Курортного, что говорит об их неоднородности. Общие результаты анализа представлены в таблице 1.

City — город, Town — поселок, District — муниципальный округ

Рисунок 1. Пространственное распределение видов внутригородских муниципальных образований на территории Санкт-Петербурга

Revenue — выручка, Invest — инвестиции

Рисунок 2. Картограмма кластеров двухфакторных локальных индикаторов пространственной автокорреляции по муниципальным образованиям Санкт-Петербурга

Таблица 1

Общие результаты анализа пространственной автокорреляции показателей чистой выручки и инвестиций в основной капитал*

Индекс Морана	Псевдо р-значение	Z-оценка	Количество наблюдений	Количество перестановок
0.122	0.02	2.53	111	99 999

* Рассчитано по (Росстат, n.d.)

Полномочия местного самоуправления

Несмотря на относительно низкую роль местного самоуправления в масштабах всей России (Шевцова и др., 2022; Sumskaya, 2022), подобные тенденции проявляются в Санкт-Петербурге особенно остро. Фактически полномочия муниципалитетов в городе крайне ограничены (Законодательное Собрание СПб, 2009). Помимо вопросов местного значения, обеспечивающих основную деятельность муниципальных образований, муниципалитеты осуществляют ограниченные административно-организационные и социальные функции, связанные с информированием жителей, организацией общественных работ, оказанием натуральной помощи нуждающимся гражданам, выдачей разрешений на

вступление в брак лицам, достигшим шестнадцати лет, и другими полномочиями, а также полномочия по благоустройству территории. При этом значительная доля полномочий связана именно с участием и содействием муниципальных образований, а не самостоятельным выполнением.

Превалирующей группой полномочий муниципальных образований являются именно вопросы местного значения, связанные с благоустройством (рис. 3). В основном муниципальные образования занимаются благоустройством внутриквартальных территорий и озеленением насаждений местного значения.

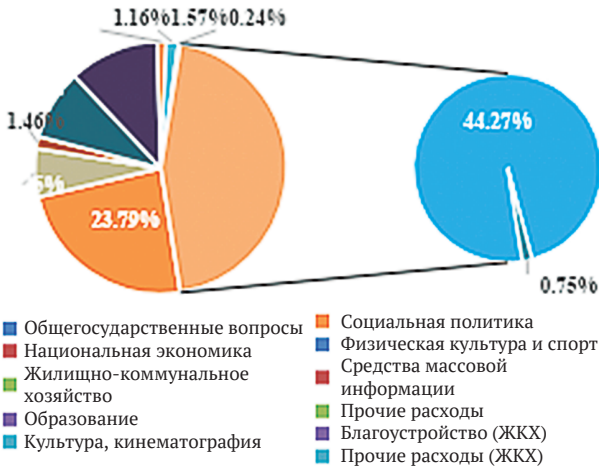

Рисунок 3. Структура расходов бюджетов внутригородских муниципальных образований в Санкт-Петербурге в 2022 г.

Однако в Санкт-Петербурге существует определенная территориальная дифференция перечня вопросов местного значения. Так города и поселки осуществляют дополнительно благоустройство воинских захоронений, размещение и содержание информационных щитов и стенов, а также содержание ограниченного числа дорог (Правительство СПб, 2006). Также муниципальные округа Горелово и Лахта-Ольгино имеют аналогичные полномочия по содержанию дорог.

Более того, города и поселки, а также муниципальные округа Горелово, Коломяги, Константиновское, Лахта-Ольгино, Народный, Обуховский, Полюстрово, Ржевка и Шувалово-Озерки имеют расширенный перечень видов территорий, на которых они могут осуществлять благоустройство и озеленение.

Доходы местных бюджетов

Доходы местных бюджетов в консолидированном бюджете Санкт-Петербурга совершенно незначительны. Их удельный вес в 2022 году равнялся всего 1.15% (рис. 4). При этом доля местных доходов с 2017 года постоянно уменьшается.

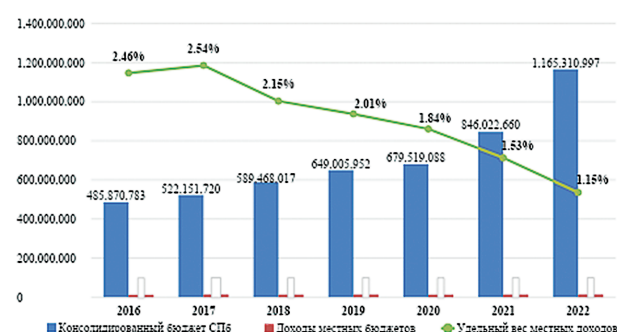

Рисунок 4. Отношение доходов консолидированного бюджета Санкт-Петербурга и доходов местных бюджетов в 2016–2022 гг., тыс. руб.

Также интерес представляет структура доходов местных бюджетов по видам муниципальных образований, которая оценивалась в части налоговых и неналоговых доходов и доходов от межбюджетных трансфертов (рис. 5).

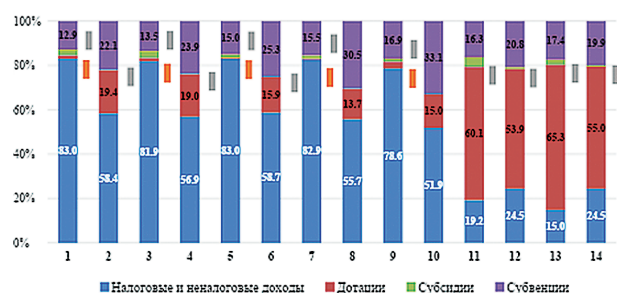

Рисунок 5. Структура бюджетов муниципальных округов и городов и поселков в 2016–2022 гг., %*

* Рассчитано по (Росстат, n.d.) и внутренним данным Комитета финансов СПб

Для оценки структурных различий в работе были применены квадратические коэффициенты абсолютных (формула (1)) и относительных структурных сдвигов (формула (2)). Результаты расчетов представлены в таблице 2.

$$\sigma_{d_1 - d_0} = \sqrt{\frac{\sum (d_1 - d_0)^2}{n}} \quad (1)$$

$$\sigma_{d_1 / d_0} = \sqrt{\frac{\sum (d_1 - d_0)^2}{d_0}} \times 100 \quad (2)$$

Таблица 2

Квадратические коэффициенты абсолютных и относительных структурных сдвигов доходов бюджетов городов и поселков и муниципальных округов в 2016–2022 гг., %*

Коэффициент	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
$\sigma_{d_1 - d_0}$	16.0	16.2	15.3	16.9	16.7	4.9	7.2
σ_{d_1 / d_0}	153.6	155.2	260.7	282.9	85.6	24.8	30.9

* Рассчитано по (Росстат, n.d.) и внутренним данным Комитета финансов СПб

Основной вывод из анализа структур доходов заключается в непостоянстве доходов местных бюджетов. Если с 2016 по 2020 годы прослеживалась отчетливая разница между структурами доходов муниципальных округов с одной стороны и городов и поселков с другой, то с 2021 года разница между ними стирается, а зависимость от межбюджетных трансфертов муниципальных округов становится даже больше, чем у городов и поселков. Это связано с нестабильностью состава доходов местных бюджетов, который постоянно изменялся в сторону уменьшения собственных налоговых и неналоговых доходов (см., например: Законодательное Собрание СПб, 2021)). О неизбежности появления проблемы мягких бюджетных ограничений при подобном установлении доходных источников местных бюджетов пишет и Левина (2020, с. 36).

Модель возможных изменений

Для раскрытия нереализованного потенциала местного самоуправления в условиях высокой территориальной неоднородности Санкт-Петербурга, на что обращалось внимание и ранее (Абрамов, Заостровцев, 2023, с. 17, 19), необходимы масштабные изменения в распределении финансовых ресурсов и полномочий, суть которых сводится к значительному увеличению самостоятельности и сферы ответственности органов местного самоуправления. При этом исследователи обращают внимание на несовершенство существующей

территориальной организации местного самоуправления, выражающейся в том числе в большом числе территориально небольших муниципалитетов (Шогенова, 2019).

В связи с этим предлагается создание двухуровневой системы местного самоуправления, где нижний уровень местного самоуправления территориально не изменяется, а новообразованный верхний уровень в виде муниципальных районов территориально совпадает с существующими районами Санкт-Петербурга. При этом администрации районов ликвидируются, а их полномочия передаются органам местного самоуправления с перераспределением полномочий между двумя уровнями муниципальных образований.

Вопросы местного значения нижнего уровня могут быть расширены за счет дополнительных полномочий по содержанию автомобильных дорог районного и местного значения, а также в сферах законности, правопорядка и безопасности, молодежной политики, физической культуры и спорта, культуры, социальной политики, труда и занятости населения, межнациональных отношений и реализации миграционной политики, благоустройства, жилищной политики, жилищно-коммунального хозяйства, капитального ремонта общего имущества, имущественных отношений, потребительского рынка, развития и поддержки малого и среднего предпринимательства, строительства, архитектуры, социального питания и образования и др., закрепленных за администрациями районов (Правительство СПб, 2017). Расширение полномочий внутригородских муниципальных образований предлагалось и другими авторами (Левина, 2020; Хмельченко, 2017), и такое расширение во многом пересекается с видением предлагаемого расширения полномочий нижнего уровня местного самоуправления в данной работе. Более того, необходима передача имущества в муниципальную собственность для реализации полученных полномочий. В случае, если отдельные полномочия невозможно оставить на местном уровне власти, они могут быть централизованы на уровне городской администрации.

Важно обратить внимание на то, что подобная широкая передача полномочий не имеет принципиальных препятствий для осуществления с точки зрения управляемости, так как полномочия администраций районов уже имеют территориальную специфику. Более того, даже при расширении полномочий местного самоуправления сохраняется осуществление общего правового регулирования важных с точки зрения городских властей полномочий.

Для финансирования расширенных полномочий органов местного самоуправления возможно использование налога на доходы физических лиц (далее — НДФЛ), который будет распределяться между двумя уровнями муниципальных образований в соответствии с их расходами. Среди преимуществ НДФЛ можно отметить его относительную стабильность, связанную с особенностями

его налоговой базы. Важно обратить внимание, что Бюджетный кодекс (Государственная Дума, 1998) практически полностью передает собранный НДФЛ в региональные и местные бюджеты, а в случае городов федерального значения — в региональный.

При подобном закреплении доходов неизбежны значительные диспропорции между муниципальными образованиями что, тем не менее, не препятствует закреплению НДФЛ в качестве основного дохода будущих бюджетов муниципальных образований. Необходимо понимать, что подобные различия в собираемости налогов отражают объективные экономические особенности территорий, что способствует созданию адекватной конкуренции между ними. Подобных диспропорций невозможно полностью избежать без высокого уровня перераспределения доходов, подрывающего экономические стимулы.

Вместо этого более оптимальным кажется подход с сохранением имеющихся различий между территориями, но с обеспечением покрытия обязательных расходов и созданием определенного запаса свободных денежных средств, которые исследователи рассматривают как фактор стабильности бюджета (Overton & Bland, 2022, p. 4), для реализации собственных инициатив. Это позволит раскрыть преимущества местного самоуправления, которое находится ближе к гражданам и лучше учитывает особенности территории. Для этого в модели заложена необходимость иметь 10% от общей суммы доходов в виде свободных финансовых ресурсов в рамках каждого района. Результаты построения модели возможных совокупных доходов муниципальных образований обоих уровней в рамках территории соответствующих районов можно увидеть на рисунке 6 и в таблице 3.

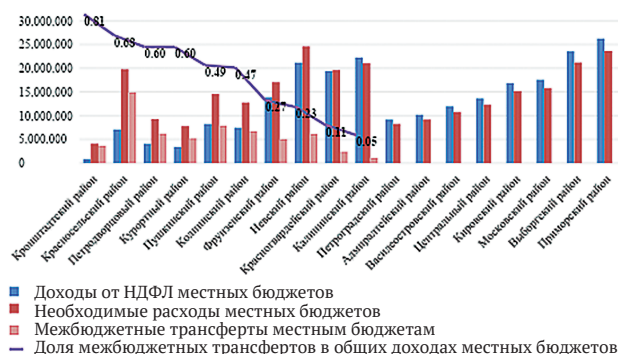

Рисунок 6. Модель возможного распределения доходов местных бюджетов по районам Санкт-Петербурга в 2022 г., тыс. руб.

В данной модели межбюджетные трансферты предоставляются на территории десяти из восемнадцати возможных муниципальных районов. При этом значительные объемы межбюджетных трансфертов получают только восемь муниципальных районов. В представленной модели зависимость от межбюджетных трансфертов значительно меньше, чем при существующем распределении доходов.

Таблица 3

Модель возможного распределения доходов местных бюджетов по районам Санкт-Петербурга в 2022 г.*

Территория	Доходы от НДФЛ местных бюджетов, тыс. руб.	Необходимые расходы местных бюджетов, тыс. руб.	Межбюджетные трансферты местным бюджетам, тыс. руб.	Доля межбюджетных трансфертов в общих доходах местных бюджетов
Кронштадтский район	856,979.46	4,087,644.60	3,684,847.88	0.81
Красносельский район	7,084,883.48	19,806,436.09	14,922,267.74	0.68
Петродворцовый район	4,069,153.24	9,271,302.55	6,232,294.04	0.60
Курортный район	3,419,322.35	7,777,633.55	5,222,492.70	0.60
Пушкинский район	8,249,678.42	14,550,226.16	7,917,239.54	0.49
Колпинский район	7,448,446.28	12,759,860.64	6,729,176.66	0.47
Фрунзенский район	13,884,072.01	17,051,106.53	5,061,601.91	0.27
Невский район	21,179,015.89	24,613,624.12	6,169,455.35	0.23
Красногвардейский район	19,373,662.02	19,603,184.42	2,407,654.00	0.11
Калининский район	22,261,613.23	21,033,536.71	1,108,983.11	0.05
Петроградский район	9,176,176.64	8,258,558.97	–	–
Адмиралтейский район	10,190,834.99	9,171,751.49	–	–
Василеостровский район	11,970,595.78	10,773,536.20	–	–
Центральный район	13,645,159.95	12,280,643.95	–	–
Кировский район	16,836,106.56	15,152,495.90	–	–
Московский район	17,570,761.76	15,813,685.58	–	–
Выборгский район	23,560,854.84	21,204,769.36	–	–
Приморский район	26,259,747.07	23,633,772.36	–	–
Санкт-Петербург	237,037,063.96	266,843,769.20	59,456,012.93	0.20

* Рассчитано по (Федеральная налоговая служба, 2023; Комитет финансов СПб, n.d.)

Сами межбюджетные трансферты могут предоставляться в форме дотаций. При этом желательно предоставлять дотации в форме дополнительных налоговых отчислений, так как это может дополнительно мотивировать органы местного самоуправления наращивать налоговую базу.

Необходимо отметить, что из-за недостатка данных данная модель не учитывает возможные неналоговые доходы местных бюджетов, которые,

впрочем, были бы незначительны по сравнению с представленными налоговыми доходами.

В таблице 4 представлена информация о том, как предлагаемые изменения отразятся на консолидированном бюджете Санкт-Петербурга.

Как можно увидеть, в предлагаемой модели доходы местных бюджетов формируют четверть всех доходов консолидированного бюджета Санкт-Петербурга, а межбюджетные трансферты составляют 5.1% консолидированного бюджета.

Таблица 4

Модель возможной структуры консолидированного бюджета Санкт-Петербурга в 2022 г.*

Доходы консолидированного бюджета СПб, тыс. руб.	Доходы местных бюджетов, тыс. руб.	Удельный вес доходов местных бюджетов в консолидированном бюджете СПб, %	Объем межбюджетных трансфертов местным бюджетам, тыс. руб.	Удельный вес межбюджетных трансфертов местным бюджетам в консолидированном бюджете СПб, %
1,165,310,996.53	296,493,076.90	25.44	59,456,012.93	5.10

* Рассчитано по (Федеральная налоговая служба, 2023; Комитет финансов СПб, n.d.)

Ожидаемыми эффектами от реализации выдвинутого предложения являются:

- 1) Увеличение общего объема финансовых ресурсов и полномочий органов местного самоуправления.
- 2) Увеличение уровня ответственности органов местного самоуправления в связи с расширением полномочий.
- 3) Уменьшение зависимости местных бюджетов от межбюджетных трансфертов.
- 4) Увеличение зависимости органов власти от волеизъявления граждан за счет выборных процедур местных органов власти.

Заключение

В данной работе было обращено внимание на теоретические подходы к пользе децентрализации, на пространственную неоднородность Санкт-Петербурга, незначительность полномочий и доходов муниципалитетов, а также непостоянство указанных доходов.

Для раскрытия потенциала местного самоуправления и перехода к жестким бюджетным ограничениям было предложено создание двухуровневой системы местного самоуправления, а также построена модель соотношения возможных доходов и расходов муниципальных образований, демонстрируя принципиально иной подход к распределению доходов между уровнями власти.

Дальнейшие перспективы для исследования могут быть связаны с построением более сложных моделей с большим количеством используемых в них видов налогов, а также более подробной разработкой вопросов перераспределения полномочий.

Список литературы:

1. Государственная Дума. (1998). Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 145-ФЗ. Консультант Плюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/.
2. Законодательное Собрание СПб. (2005). О территориальном устройстве Санкт-Петербурга: Закон Санкт-Петербурга от 25.07.2005 411-68. Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». <https://docs.cntd.ru/document/8414528>.
3. Законодательное Собрание СПб. (2009). Об организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге: Закон Санкт-Петербурга от 23.09.2009 420-79. Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». <https://docs.cntd.ru/document/891818221>.
4. Законодательное Собрание СПб. (2021). О бюджете Санкт-Петербурга на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов: Закон Санкт-Петербурга от 25.11.2021 558-119. Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». <https://docs.cntd.ru/document/727119915>.
5. Правительство СПб. (2006). О Перечне дорог, расположенных в пределах границ внутригородских муниципальных образований Санкт-Петербурга, текущий ремонт и содержание которых осуществляют органы местного самоуправления в Санкт-Петербурге: Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 26.06.2006 779. Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». <https://docs.cntd.ru/document/8432763>.
6. Правительство СПб. (2017). Об администрациях районов Санкт-Петербурга: Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 19.12.2017 1098. Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». <https://docs.cntd.ru/document/556099653>.
7. Абрамов, П. В., Заостровцев, А. П. (2023). Реорганизация системы разграничения полномочий и финансовых ресурсов уровней власти в Санкт-Петербурге: роль местного самоуправления. *Финансы и бизнес*, 19 (4), 14–25.
8. Левина, В. В. (2020). Особенности и проблемы реализации муниципальных образований в городах федерального значения. *Вопросы управления*, 1, 33–46.
9. Хмельченко, Е. Г. (2017). Проблемы и перспективы развития местного самоуправления в городах федерального значения: Москве и Санкт-Петербурге. *Вестник университета*, (3), 204–209.
10. Шевцова, И. К., Гилев, А. В., & Завадская, М. А. (2022). Когда мэры против: факторы муниципальной автономии в условиях централизации. *Мир России. Социология. Этнология*, 31 (2), 75–96.
11. Шогенова, А. Т. (2019). Укрупнение муниципальных образований как способ совершенствования межбюджетных отношений в Санкт-Петербурге. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*, (2 (116)), 179–184.
12. Hayek, F. A. (1945). The Use of Knowledge in Society. *The American Economic Review*, 35 (4), 519–530.
13. Kornai, J. (1980). «Hard» and «Soft» Budget Constraint. *Acta Oeconomica*, 25 (3/4), 231–245.
14. Oates, W. E. (2008). On the evolution of fiscal federalism: Theory and institutions. *National Tax Journal*, 61 (2), 313–334.
15. Overton, M. R., & Bland, R. L. (2022). Budget Volatility and Economic Base Composition in Local Governments. *Municipal Finance Journal*, 43 (1), 1–23.
16. Sumskey, T. V. (2022). Trends in Financial Support of the Budget Powers of the Authorities of Large Cities in the Russian Federation. *Regional Research of Russia*, 12 (3), 271–282.
17. Tiebout, C. M. (1956). A pure theory of local expenditures. *Journal of political economy*, 64 (5), 416–424.
18. Weingast, B. R. (2009). Second generation fiscal federalism: The implications of fiscal incentives. *Journal of Urban Economics*, 65 (3), 279–293.
19. Росстат. (n.d.). Официальная статистика. <https://rosstat.gov.ru/folder/10705>.
20. Комитет финансов СПб. (n.d.). Бюджетная отчетность. <https://fincom.gov.spb.ru/budget/reporting>.
21. Федеральная налоговая служба. (2023). Отчет по форме № 5-НДФЛ за 2022 год. https://www.nalog.gov.ru/rn78/related_activities/statistics_and_analytics/forms/13793659/.
22. Pavy, E. (2024). The Principle of Subsidiarity. *European Parliament*. <https://www.europarl.europa.eu/factsheets/en/sheet/7/the-principle-of-subsidiarity>.

Чернецкий И. С., Лазарев Е. Е., Канаев И. И., Лимонов Л. Э.

ОЦЕНКА ИНДИКАТОРОВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Вводная часть

В условиях нарастающих глобальных вызовов, таких как социально-экономическое неравенство и деградация природных ресурсов, концепция устойчивого развития приобретает все большее значение. Устойчивое развитие направлено на сбалансированное решение экологических, экономических и социальных задач, что особенно важно для регионального уровня, где проявляются различные аспекты этих проблем.

Метод оценки индикаторов устойчивого развития описан в учебном пособии (Бобылев и др., 2001), на основе которого проведено настоящее исследование.

В исследованиях могут использоваться универсальные и специальные индикаторы устойчивого развития. Как утверждают Егорова Н. Н. и Руденко Л. Г. «индикаторы должны учитывать задачи и цели, следующие из стратегических программ региона и государства, а также должны обеспечивать их реализацию» (Егорова, Руденко, 2022).

Учитывая изучение и сравнение регионов, входящих в состав разных федеральных округов, авторами исследования применены общие универсальные для российских регионов индикаторы устойчивого развития (табл. 1).

Настоящее исследование состоит из вводной части, основной части, содержащей методику изучения, интерпретацию полученных данных и группировку регионов по уровню устойчивого развития, а также заключение.

Основная часть

Для мониторинга и оценки успехов в достижении устойчивого развития используются индикаторы, которые позволяют измерить прогресс по ключевым направлениям.

Субъекты Российской Федерации значительно отличаются по уровню социально-экономического развития, природно-климатическим условиям и другим факторам, что создает необходимость детальной оценки их устойчивости. Важность такого анализа обусловлена потребностью в выработке эффективных мер государственной политики, направленных на сокращение региональных

диспропорций и достижение целей устойчивого развития, определенных ООН.

Целью исследования является оценка устойчивого развития российских регионов на основе интегральных индексов, построенных по ключевым показателям для последующего выявления сильных и слабых сторон социально-экономического и экологического развития регионов, а также типологизация субъектов России по степени их устойчивости за прошедшие 5 лет, начиная с 2018 года.

Были поставлены следующие задачи исследования:

- Собрать и проанализировать данные по 15 показателям устойчивого развития для исследуемых регионов.
- Рассчитать интегральные индексы устойчивого развития для каждого региона.
- Определить темпы роста интегральных индексов по годам.
- Построить тепловые карты, отражающие динамику устойчивого развития регионов.
- Сгруппировать регионы по уровням интегральных индексов и темпов их роста.
- Разработать типологию регионов по уровню устойчивого развития.

Для целей настоящего исследования были выбраны регионы, входящие в состав Уральского и Северо-Кавказского федеральных округов, в связи с почти сопоставимым количественным составом входящих в их состав субъектов Российской Федерации, а также город Москва как наиболее развитый регион России.

Для исследования была выбрана методика интегрирования различных показателей регионального развития (Бобылев и др., 2001). Данная методика демонстрирует процесс развития регионов в пределах заданного диапазона. Система индикаторов устойчивого социально-экономического развития включает 15 показателей:

1. Валовой региональный продукт на душу населения (с корректировкой на коэффициент стоимости фиксированного набора товаров и услуг) в постоянных ценах 2018 г.

2. Динамика промышленного производства (к 2018 г. нарастающим итогом).

3. Объем инвестиций в основной капитал на душу населения.

4. Объем внешнеторгового оборота на душу населения.

5. Доля собственных доходов (налоговых и неналоговых) в доходах консолидированного бюджета области.

6. Доля среднесписочной численности работников, занятых на малых предприятиях (без учета внешних совместителей и работающих по договорам гражданско-правового характера), в общей среднесписочной численности работников, занятых в предприятиях и организациях.

7. Ввод в действие жилых домов на 1000 человек населения.

8. Выпуск специалистов высшими и государственными средними учебными заведениями, человек на 10000 населения.

9. Охват образованием детей и молодежи в возрасте 7–24 года.

10. Миграционный прирост (убыль) на 10000 человек населения.

11. Уровень общей безработицы по МОТ.

12. Соотношение среднедушевых денежных доходов и величины прожиточного минимума.

13. Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума.

14. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении.

15. Младенческая смертность на 1000 родившихся живыми.

Для отслеживания динамики фактического положительного или отрицательного роста показателей регионального развития в настоящем исследовании будут использованы следующие минимальные и максимальные значения показателей, формирующие диапазон референтных точек (табл. 1).

Для расчета каждого частного индекса используется формула (1):

$$\text{Индекс} = \frac{X_{\text{факт}} - X_{\min}}{X_{\max} - X_{\min}} \quad (1)$$

При этом для индексов, имеющих обратную направленность, например, смертность, используется следующая формула (2):

$$\text{Индекс} = 1 - \frac{X_{\text{факт}} - X_{\min}}{X_{\max} - X_{\min}} \quad (2)$$

Таблица 1

Максимальные и минимальные значения показателей, формирующие диапазон референтных точек

№	Индикаторы	Референтные точки	
		max	min
1	Валовой региональный продукт на душу в ценах 2018 г., тыс. руб.	300	10
2	Динамика промышленного производства (к 2018 г. нарастающим итогом), %	150	30
3	Объем инвестиций в основной капитал на душу населения в ценах 2018 г.	120	0
4	Объем внешнеторгового оборота на душу населения, тыс. долл.	15 000	0
5	Доля собственных доходов (налоговых и неналоговых) в доходах консолидированного бюджета области, %	100	0
6	Доля среднесписочной численности работников, занятых на малых предприятиях, %	30	0
7	Ввод в действие жилых домов на 1000 человек населения, кв.м. площади жилья	1000	0
8	Выпуск специалистов высшими и государственными средними учебными заведениями, человек на 10000 населения	300	50
9	Охват образованием детей и молодежи в возрасте 7–24 года. Рассчитывается как сумма учащихся в общеобразовательных школах и профессиональных учебных заведениях всех видов к общей численности населения в данном возрасте, %	100	40
10	Миграционный прирост (убыль) на 10 000 человек населения	100	–100
11	Уровень общей безработицы по МОТ, % к экономически активному населению	30	0
12	Соотношение среднедушевых денежных доходов и величины прожиточного минимума	600	100
13	Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, % в общей численности населения	60	0
14	Ожидаемая продолжительности жизни при рождении, лет	85	25
15	Младенческая смертность на 1000 родившихся живыми	50	5

После расчета частных индексов по каждому из годов рассчитывается интегральный индекс как среднеарифметическое всех частных индексов.

Целью данной статьи является оценка индикаторов устойчивого развития регионов Уральского и Северо-Кавказского федеральных округов, а также города Москвы. В ходе исследования использованы данные по 15 ключевым показателям, которые отражают достижение целей устойчивого развития. На их основе были рассчитаны интегральные индексы устойчивости регионов и темпы их роста, что позволило провести комплексный анализ устойчивости регионов и разработать их типологию по этим показателям.

Данная работа вносит вклад в понимание региональных различий в достижении целей устойчивого развития и предоставляет информацию, необходимую для разработки стратегии устойчивого развития на федеральном и региональном уровнях.

Результаты исследования

В рамках исследования рассмотрены следующие субъекты Российской Федерации, находящиеся в Уральском и Северо-Кавказском федеральных округах, а также город федерального значения Москва (рис. 1).

В рамках исследования для исследуемых регионов была собрана информация из официальной статистики Росстата (Региональная статистика..., 2024) по 15 показателям, отражающим

достижение целей устойчивого развития. На основе полученных данных, были рассчитаны интегральные индексы устойчивости регионов (табл. 2), а также темпы роста интегральных индексов (табл. 3).

На основании полученных данных были построены тепловые карты значений интегральных индексов российских регионов (рис. 2) и темпов роста интегральных индексов российских регионов (рис. 3).

На следующем этапе регионы были сгруппированы относительно двух показателей (интегральные индексы устойчивости регионов, темпы роста интегральных индексов).

Были выделены следующие уровни значений интегральных индексов регионов — 0–0,25;

– 0,25–0,5;

– 0,5–0,75;

– 0,75–1;

– более 1.

Также были выделены следующие уровни значений темпов роста интегральных индексов регионов:

– 50–75%;

– 75–100%;

– 100–125%;

– 125–150%;

– более 150.

В результате регионы сгруппированы следующим образом. Типология по значению интегрального индекса за 2022 год представлена в виде таблицы (табл. 4) и графически в виде карты (рис. 4).

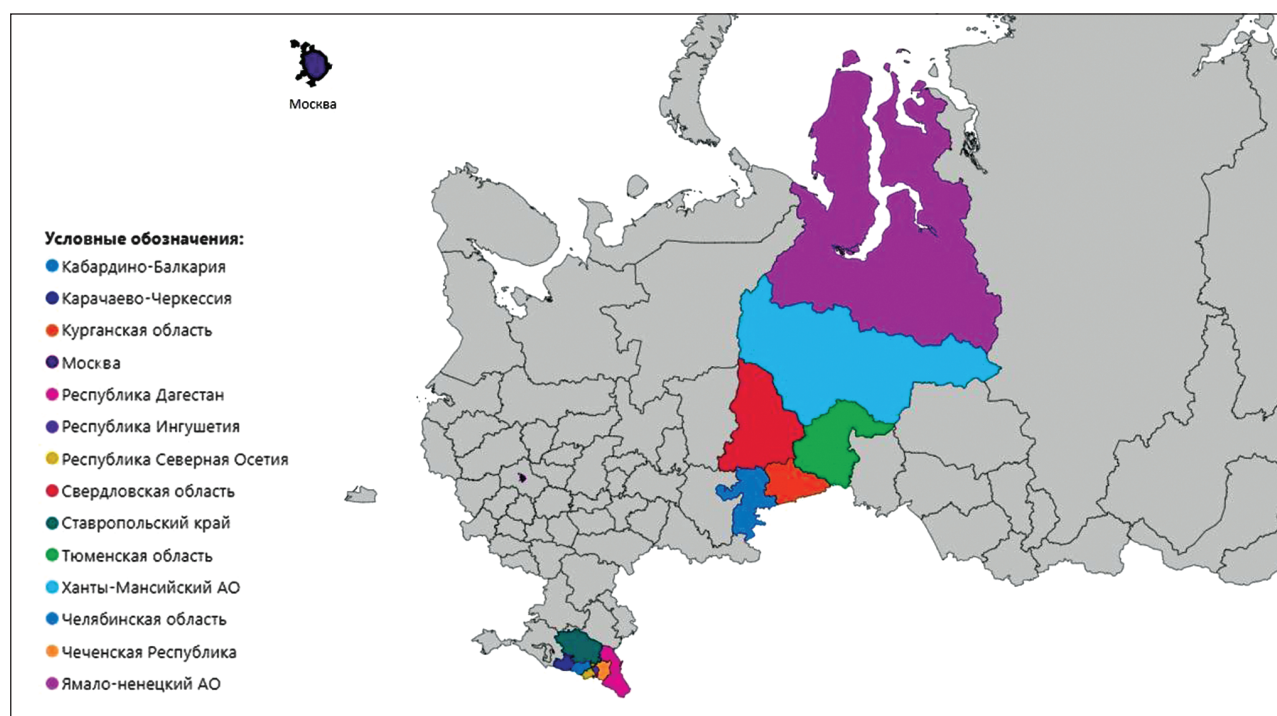

Рисунок 1. Карта рассматриваемых в рамках проекта субъектов Российской Федерации

Таблица 2

Значения интегральных индексов рассматриваемых субъектов Российской Федерации в период с 2018 по 2022 г.

	2018	2019	2020	2021	2022
Уральский федеральный округ					
Курганская область	0,50	0,55	0,54	0,54	0,57
Свердловская область	0,71	0,74	0,73	0,80	0,80
Тюменская область	0,94	0,92	0,88	0,94	1,00
ХМАО – Югра	1,37	1,42	1,28	1,57	1,82
Челябинская область	0,56	0,57	0,54	0,59	0,61
ЯНАО	2,63	2,46	2,51	3,32	4,07
Северо-Кавказский федеральный округ					
Республика Дагестан	0,51	0,53	0,53	0,55	0,60
Республика Ингушетия	0,38	0,39	0,35	0,34	0,37
Кабардино-Балкария	0,46	0,51	0,52	0,54	0,54
Карачаево-Черкесия	0,44	0,46	0,44	0,49	0,52
Северная Осетия – Алания	0,49	0,49	0,51	0,54	0,56
Ставропольский край	0,57	0,61	0,60	0,64	0,64
Чеченская Республика	0,44	0,45	0,45	0,48	0,55
Центральный федеральный округ					
Москва	0,99	1,03	1,02	1,19	1,27

Таблица 3

Значения темпов роста интегральных индексов рассматриваемых субъектов Российской Федерации в период в 2019–2022 гг по отношению к 2018 году

	2019	2020	2021	2022
Уральский федеральный округ				
Курганская область	111,2	107,9	108,5	115,7
Свердловская область	104,8	103,7	113,2	112,6
Тюменская область	97,1	93,8	100,0	105,8
ХМАО – Югра	103,3	93,5	114,5	132,5
Челябинская область	102,6	97,6	105,5	109,4
ЯНАО	93,5	95,5	126,3	154,8
Северо-Кавказский федеральный округ				
Республика Дагестан	105,1	104,2	108,0	117,3
Республика Ингушетия	103,3	92,7	91,1	99,2
Кабардино-Балкария	109,5	112,1	115,5	116,2
Карачаево-Черкесия	105,1	99,4	112,8	118,9
Северная Осетия – Алания	99,7	103,1	110,0	113,4
Ставропольский край	106,5	104,7	112,1	112,8
Чеченская Республика	103,5	102,2	108,8	124,8
Центральный федеральный округ				
Москва	103,7	103,3	120,4	128,2

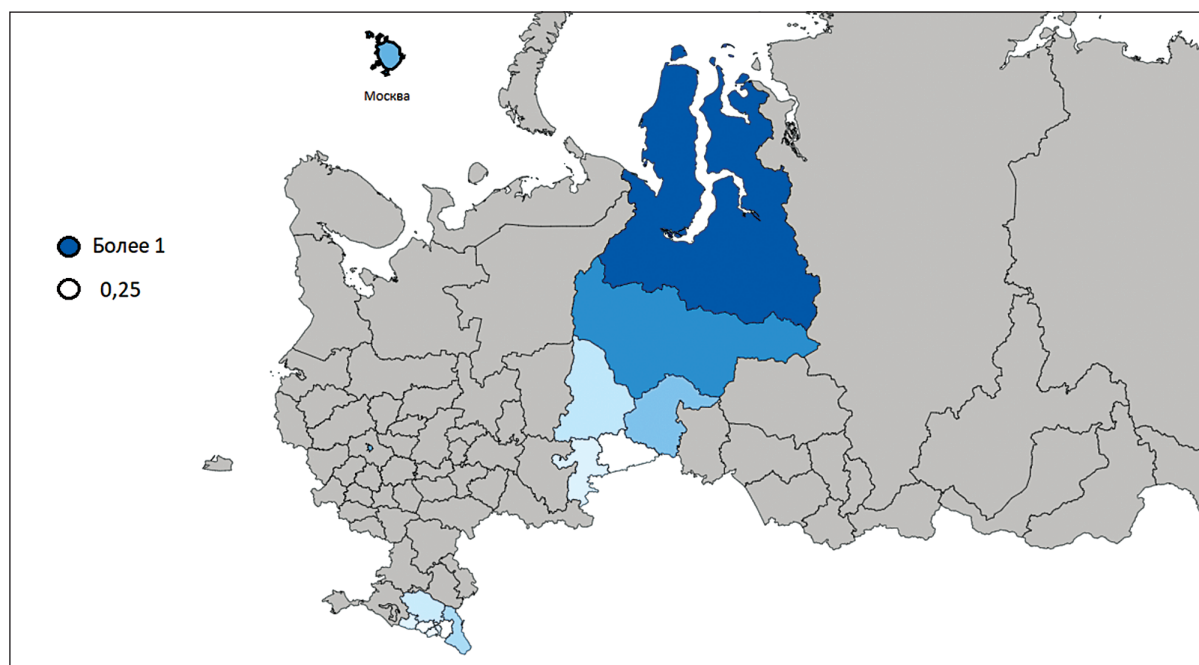

Рисунок 2. Тепловая карта интегральных индексов субъектов Российской Федерации в 2022 г.

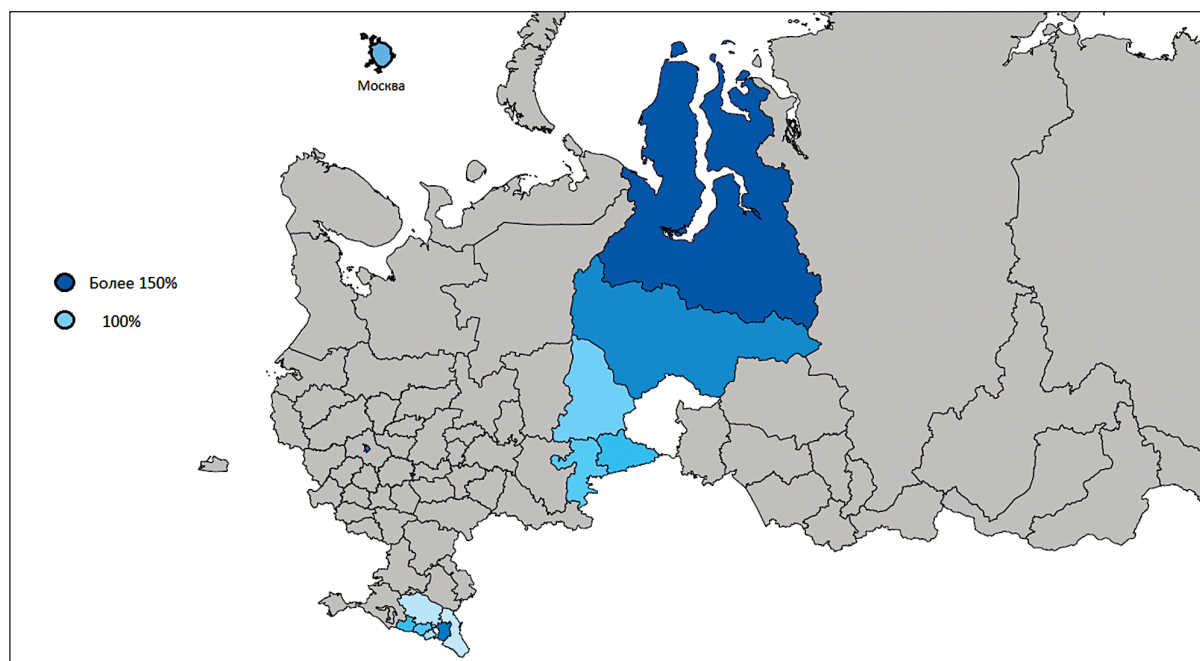

Рисунок 3. Тепловая карта темпов роста интегральных индексов субъектов Российской Федерации в 2022 г.

Таблица 4

Типология по значению интегрального индекса (2022)

Значение интегрального индекса	0,25–0,5	0,5–0,75	0,75–1	более 1
Наименования субъектов Российской Федерации	Республика Ингушетия	Карачаево-Черкесия; Кабардино-Балкария; Чеченская Республика; Северная Осетия; Курганская область; Республика Дагестан; Челябинская область; Ставропольский край	Свердловская область; Тюменская область	Москва; ХМАО – Югра

Рисунок 4. Типология по значению интегральных индексов субъектов Российской Федерации в 2022 г.

Аналогичная типология сделана по темпу роста интегрального индекса (табл. 5, рис. 5). По каждому из рассматриваемых субъектов Российской Федерации в Уральском и Северо-Кавказском федеральных округах прослеживается тенденция увеличения значения интегрального индекса на рассматриваемом периоде с 2018 по 2022 гг. В 2022 г. (по отношению к 2018 г.) по всем субъектам федеральных округов отмечаются значения темпов роста свыше 100, т.е. отмечается

положительные темпы роста. Лишь у двух из рассматриваемых субъектов на протяжении анализируемого периода отмечаются отрицательные темпы прироста. Наиболее активный рост значения интегрального индекса отмечается в Ямало-Ненецком АО. Это может объясняться ростом ВРП и объема инвестиций на душу населения при относительно небольшой численности населения (если сравнивать с другими анализируемыми регионами).

Таблица 5

Типология по темпу роста интегрального индекса (2022), %

Значение темпа роста интегрального индекса, %	100–125	125–150	более 150
Наименования субъектов Российской Федерации	Тюменская область; Ставропольский край; Северная Осетия – Алания; Республика Дагестан; Свердловская область; Челябинская область; Кабардино-Балкария; Карачаево-Черкесия; Курганская область	Чеченская Республика; ХМАО – Югра; Республика Ингушетия	ЯНАО; Москва

Рисунок 5. Типология по значению интегральных индексов субъектов Российской Федерации в 2022 г.

Стоит отметить, что среди субъектов УрФО есть регионы со значением интегрального индекса, превышающим 1, что не характерно для СКФО. Ни для одного из рассматриваемых регионов не характерно значение интегрального индекса ниже 0,25. Группа со значениями интегрального показателя в диапазоне от 0,25 до 0,5 включает в себя 3 региона (Чеченская Республика, Курганская область, Кабардино-Балкария). Данная группа регионов близка к средней, однако уровень ее

социально-экономического развития ниже среднего. Для данных регионов характерны низкие значения по следующим показателям:

- объем внешнеторгового оборота на душу населения;
- доля собственных доходов (налоговых и неналоговых) в доходах консолидированного бюджета;
- доля среднесписочной численности работников, занятых на малых предприятиях (без

учета внешних совместителей и работающих по договорам гражданско-правового характера), в общей среднесписочной численности работников, занятых в предприятиях и организациях;

- выпуск специалистов высшими и государственными средними учебными заведениями, человек на 10 000 населения;
- соотношение среднедушевых денежных доходов и величины прожиточного минимума.

Также для этих регионов характерны высокий уровень общей безработицы и высокая доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума. Тем не менее, в данных регионах прослеживается тенденция увеличения значения интегрального индекса, что связано с ростом объема инвестиций в основной капитал на душу населения, ростом ВРП на душу населения и ожидаемой продолжительности жизни. Отдельно необходимо отметить увеличение показателя по вводу в действие жилых домов на 1000 человек населения в Чеченской Республике в 2022 году, который составил 1323 кв. м площади жилья на 1000 человек населения (в период с 2018 по 2021 год в Чеченской Республике наибольшее значение по данному показателю наблюдалось в 2021 году на уровне в 680 кв. м. площади жилья на 1000 человек населения).

Группа, значения интегральных индексов которой находятся в пределах 0,5–0,75, образована такими регионами, как Северная Осетия-Алания, Карачаево-Черкесская Республика, Челябинская область, Ставропольский край. Для регионов данной группы характерен средний уровень социально-экономического развития. Наблюдаются высокие показатели по ВРП на душу населения (исключение составляет Челябинская область), динамике промышленного производства, ожидаемой продолжительности жизни. Положительная динамика интегрального индекса также продиктована ростом значений по данным показателям. Однако, эти регионы показывают низкие значения по объему внешнеторгового оборота на душу населения и невысокие значения по доле среднесписочной численности работников, занятых на малых предприятиях. В Карачаево-Черкесской Республике и Северной Осетии-Алания последний показатель не превышает 1%, в то время как в Челябинской области этот показатель в среднем равен 21,82%, а в Ставропольском крае — 30,46%.

Группа, для которой значения интегральных индексов устойчивости установлены на уровне 0,75–1, объединила Свердловскую область, Республику Ингушетию, Республику Дагестан, Тюменскую область. Данные регионы характеризуются уровнем социально-экономического развития выше среднего. Высокие значения интегральных показателей в Свердловской области, Тюменской области и Республике Дагестан достигаются благодаря высокому уровню ВРП на душу населения и объему инвестиций в основной капитал

на душу населения. Также для них характерна высокая доля собственных доходов (налоговых и неналоговых) в доходах консолидированного бюджета области. Среди социальных показателей наблюдаются высокие показатели по охвату образованием детей и молодежи в возрасте от 7 до 24 лет, ожидаемой продолжительности жизни. В Республике Ингушетию значения интегрального показателя складывается, в первую очередь, благодаря динамике промышленного производства, доля среднесписочной численности работников, занятых на малых предприятиях, ожидаемой продолжительности жизни при рождении, охвату образованием детей и молодежи в возрасте 7–24 лет. Среди экономических показателей отмечаются низкие значения по ВРП на душу населения, объему внешнеторгового оборота, соотношению среднедушевых денежных доходов и величины прожиточного минимума.

Группа, в которой значения интегральных индексов выше 1, образована тремя регионами, а именно Москва, ХМАО — Югра, ЯНАО. Для этих регионов характерен высокий уровень социально-экономического развития. Такой уровень складывается в первую очередь благодаря следующим показателям: ВРП на душу населения, динамика промышленного производства, объем инвестиций в основной капитал на душу населения, объем внешнеторгового оборота, доля собственных доходов (налоговых и неналоговых) в доходах консолидированного бюджета. По социальным показателям Москва в значительной степени обгоняет ХМАО — Югра и ЯНАО. В Москве наименьший вклад в интегральный индекс имеет показатель по доле среднесписочной численности работников, занятых на малых предприятиях.

Основные выводы, сделанные по итогам исследования:

- Все регионы, рассматриваемые в исследовании, демонстрируют положительные темпы роста интегральных индексов, что свидетельствует о позитивных изменениях в области устойчивого развития с 2018 по 2022 гг.
- Наибольшие успехи отмечаются в регионах с высоким уровнем ВРП на душу населения и значительными инвестициями, как, например, в ЯНАО и Москве.
- Факторы, влияющие на устойчивое развитие: В регионах с низкими значениями интегральных индексов (0,25–0,5) наблюдаются проблемы в таких областях, как уровень безработицы, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, и низкие значения по экономическим показателям (например, внешнеторговый оборот на душу населения).

В регионах с высокими значениями интегральных индексов (более 1) положительные результаты обусловлены высокими показателями ВРП на душу населения, объемами инвестиций и эффективностью местных политик устойчивого развития.

Рекомендации по улучшению устойчивости регионов:

- Регионам с низкими показателями необходимо сфокусироваться на улучшении экономической и социальной инфраструктуры, снижении безработицы и увеличении инвестиций в основной капитал.
- Для поддержания и усиления положительных тенденций регионам с высокими показателями следует продолжать инвестировать в ключевые секторы экономики, развивать человеческий капитал и улучшать качество государственных услуг.

Заключение

Исследование демонстрирует значительные различия в уровнях устойчивого развития регионов России. Оно подчеркивает важность инвестиций, экономического роста и эффективного управления для достижения целей устойчивого

развития. Рекомендации, предложенные в документе, могут служить основой для разработки стратегий, направленных на улучшение устойчивости менее развитых регионов и поддержание положительной динамики в ведущих регионах.

Список литературы:

1. Егорова, Н. Н., & Руденко, Л. Г. (2022). Система индикаторов устойчивого развития промышленного региона. Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством, 4 (54), 63–72.
2. Бобылев, С. Н., Зубаревич, Н. В., Соловьева, С. В., & Власов, Ю. С. (2011). Устойчивое развитие: методология и методики измерения.
3. Региональная статистика, (n.d.). Федеральная служба государственной статистики [Официальный сайт]. https://rosstat.gov.ru/regional_statistics
4. Официальный сайт Федеральной налоговой службы — реестр субъектов МСП, (n.d.) <https://ofd.nalog.ru>
5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики, (n.d.). <https://rosstat.gov.ru/>

МЕЖМУНИЦИПАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ФАКТОР УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ТЕРРИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Введение

В системе государственного и муниципального управления приоритетное значение отводится решению местных вопросов и интеграции органов местного самоуправления в целях обеспечения эффективного управления развитием территорий, направленного на повышение качества жизни граждан. Ограниченность разного рода ресурсов (финансовых, материальных, кадровых и прочих) не позволяют иногда органам местного самоуправления оперативно решить возникающие проблемы в рамках средств своего муниципального образования. В этой связи, вопросы развития межмуниципальной интеграции являются актуальными.

Цель данной работы — предложить направления и подходы к совершенствованию межмуниципальных интеграций в России и дать рекомендации по развитию межмуниципального взаимодействия в Ленинградской области.

Для достижения данной цели необходимо решить *задачи*: 1) определить основные формы межмуниципального сотрудничества; 2) рассмотреть зарубежные практики и изучить нормативно-правовые акты; 3) провести кластерный анализ социально-экономического развития муниципальных образований Ленинградской области; 4) провести пространственный анализ; 5) провести анализ уровня развития форм межмуниципальной интеграции в Ленинградской области.

В статье будут рассмотрены основные формы межмуниципальной интеграции, дан анализ уровня развития форм межмуниципального сотрудничества в Ленинградской области, представлены результаты кластерного анализа муниципальных районов Ленинградской области по уровню социально-экономического развития и проведена оценка влияния пространственной близости муниципальных образований на межмуниципальную интеграцию. В заключительной части работы будут предложены рекомендации по улучшению межмуниципального взаимодействия в Ленинградской области и в России.

Теоретические основы межмуниципальной интеграции

Межмуниципальная интеграция представляет собой взаимодействие нескольких муниципальных образований для совместного решения вопросов

жизнеобеспечения населения. Следовательно, данное направление рассматривается как вид деятельности органов местного самоуправления, ориентированной на достижение социально-экономических целей муниципальных образований посредством кооперации и межтерриториального сотрудничества. Данная форма управления развитием территории используется в случаях ограниченности ресурсов, а также для усиления конкурентных преимуществ, повышения качества и увеличения количества оказываемых населению услуг (Ворошилов, 2021).

Информационной базой статьи послужили научные труды Е. С. Арумовой, Е. С. Барабаша, С. Н. Бородина, Н. В. Ворошилова, Е. С. Губановой, О. В. Мироновой, и других, а также методические материалы Совета по местному самоуправлению и Совета Федерации РФ.

Межмуниципальная интеграция обладает следующими преимуществами: помощь в преодолении кризисных ситуаций, сокращение муниципальных расходов на предоставление услуг, эффективное перераспределение бюджета (Доклад..., 2020), преодоление фрагментарности местного самоуправления, экономия за счет масштаба, повышение качества услуг, привлечение инвестиций и увеличение объема предоставляемых льгот.

Несмотря на выгоды, межмуниципальное сотрудничество также сталкивается с рядом серьезных проблем: несбалансированность интересов муниципальных образований (Миронова, 2016) при совместном оказании услуг; отсутствие контакта между сотрудничающими сторонами; неясность по вопросам компетенций и ответственности сторон; трудности в связи с неправильным выбором формы межмуниципальной интеграции (Доклад..., 2020). Для минимизации вышеперечисленных барьеров необходимо заранее учитывать мотивацию сторон и выбирать наиболее подходящий тип интеграции.

Наиболее распространёнными в России формами считаются: 1) ассоциации (советы) муниципальных образований; 2) межмуниципальные коммерческие объединения; 3) межмуниципальные некоммерческие объединения.

Анализ зарубежных практик показал, что во многих странах межмуниципальная интеграция представлена с большим разнообразием форм сотрудничества и более проработанной нормативно-правовой базой, нежели в России. К примеру,

Дания использует кооперативное общество, товарищество, открытое акционерное общество, покупку услуг одним муниципалитетом у другого, совместные администрации (Арумова, 2011). Германия применяет передачу полномочий по соглашению, центр по вопросам совершенствования местного самоуправления (Барабаш, 2012). Кроме ограниченного спектра форм межмуниципального сотрудничества, существенным недостатком является отсутствие в законодательной базе нашей страны такого понятия, как «вопросы местного значения межмуниципального характера» («Об общих...», 2003).

Для того чтобы оценить возможности и перспективы развития межмуниципальной интеграции в России, следует провести ряд исследований на примере отдельного региона: кластерный анализ социально-экономического развития муниципальных районов, оценку влияния пространственной близости муниципальных образований на межмуниципальную интеграцию и анализ уровня развития форм межмуниципальной интеграции Ленинградской области.

Методы и результаты

Кластерный анализ представляет собой статистический метод анализа данных, при котором выборка объектов исследования разбивается на относительно однородные группы (кластеры), обладающие общими свойствами (Бородин, 2023). Оценка уровня социально-экономического развития муниципальных образований нужна, чтобы определить, какие муниципальные районы могли бы взаимодействовать между собой, улучшая значения по показателям. Выборка представляет собой данные по муниципальным районам Ленинградской области в составе 17 объектов.

Для проведения кластерного анализа социально-экономического развития муниципальных районов Ленинградской области автором были выбраны следующие показатели: число муниципальных спортивных сооружений; число общеобразовательных учреждений; число организаций культурно-досугового типа; число стационарных учреждений социального обслуживания; инвестиции в основной капитал за счет средств бюджета муниципального образования; доходы местного бюджета.

Все данные для анализа получены на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики (Федеральная служба...). Автор выбрал показатели на основе имеющихся актуальных данных, тем самым охватывая наиболее важные области развития. Отобранные критерии кластерного анализа разделены на социальную и экономическую части из-за существенных различий в единицах измерения.

По каждому показателю были обработаны и проанализированы данные для кластерного анализа. Если значение муниципального района по показателю строго превышает среднее, то данный объект относится к первой (лидерской) группе. Если же значение муниципалитета по критерию

ниже или равно среднему, то район относится ко второй (отстающей) группе.

Кластерный анализ социального развития показывает, что муниципальные районы Ленинградской области можно разделить на 7 кластеров (рис. 1):

1) Абсолютные лидеры по всем показателям («Л-Л-Л-Л»); 2) Отстающие по всем показателям («О-О-О-О»); 3) Отстающие по числу спортивных сооружений, но лидеры по остальным трем показателям («О-Л-Л-Л»); 4) Отстающие по числу спортивных сооружений и образовательных учреждений, но лидирующие по остальным двум критериям («О-О-Л-Л»); 5) Отстающие по числу спортивных сооружений, образовательных и культурных учреждений, но лидирующие по критерию социального обслуживания (О-О-О-Л»); 6) Отстающие по числу спортивных сооружений и образовательных учреждений, а также по критерию социального обслуживания, но лидирующие по культурно-досуговому показателю («О-О-Л-О»); 7) Лидирующие по числу спортивных сооружений, образовательных и культурных учреждений, но отстающие по социальному обслуживанию («Л-Л-Л-О»).

Аналогично проводился кластерный анализ экономического развития. Исследование показало, что муниципальные районы Ленинградской области по уровню их экономического развития можно разделить на 2 кластера (рис. 2), поскольку их значения одновременно по обоим критериям либо ниже, либо выше средних.

Кластер 1: Л-Л-Л-Л	Кластер 2: О-О-О-О
Гатчинский	Бокситогорский
	Кировский
	Лодейнопольский
	Сланцевский
	Тихвинский
Кластер 3: О-Л-Л-Л	Кластер 4: О-О-Л-Л
Волховский	Волосовский
Выборгский	Кингисеппский
Тосненский	Киришский
Кластер 5: О-О-О-Л	Кластер 6: О-О-Л-О
Подпорожский	Ломоносовский
	Лужский
	Приозерский
Кластер 7: Л-Л-Л-О	
Всеволожский	

Рисунок 1. Кластерный анализ социального развития

Кластер 1: Лидеры по 2-м показателям	Кластер 2: Отстающие по 2-м показателям
Всеволожский муниципальный район	Бокситогорский муниципальный район
Выборгский муниципальный район	Волосовский муниципальный район
Гатчинский муниципальный район	Волховский муниципальный район
Ломоносовский муниципальный район	Кингисеппский муниципальный район
	Киришский муниципальный район
	Кировский муниципальный район
	Лодейнопольский муниципальный район
	Лужский муниципальный район
	Подпорожский муниципальный район
	Приозерский муниципальный район
	Сланцевский муниципальный район
	Тихвинский муниципальный район
	Тосненский муниципальный район

Рисунок 2. Кластерный анализ экономического развития

Обосновать лидерство муниципальных районов можно близостью к крупнейшему рынку сбыта — городу Санкт-Петербургу. Таким образом, можно сделать вывод о том, что географическое положение влияет на степень экономического развития районов. Кроме того, важно отметить, что Ленинградская область развивается неравномерно. Большая часть инвестиций сосредоточена во Всеволожском, Гатчинском, Ломоносовском и Выборгском муниципальных районах, в то время как многим другим районам недостаёт инвестиционных средств для развития промышленности и сектора услуг.

Обобщая полученные результаты кластерного анализа, можно сделать вывод о том, что абсолютными лидерами по уровню социально-экономического развития являются Гатчинский и Выборгский муниципальные районы. Тем временем, большинство муниципальных образований Ленинградской области находится на среднем или неудовлетворительном уровне развития.

В исследованиях, посвященных межмуниципальной интеграции, часто не уделяется внимание пространственным особенностям, что нарушает комплексность оценки. В связи с этим, проведена оценка влияния пространственной близости на межмуниципальную интеграцию в Ленинградской области.

Для того чтобы посмотреть, какие муниципальные районы имеют общие границы, то есть расположены максимально близко друг к другу, воспользуемся «матрицей соседства по смежности». Соседство (близость) представляет собой пространственное свойство, которое описывает положение целевого объекта относительно другого, то есть показывает, находится ли один или несколько объектов исследования в непосредственной близости друг от друга. Для построения матрицы соседства по смежности

необходимо использовать следующие формулы (1), (2):

$$W_{ij} = \begin{cases} 0, & \text{если } i=j \\ 1, & \text{если } j \text{ граничит с } i \\ 0, & \text{не граничит} \end{cases} \quad (1)$$

$$W_{ij} = \frac{x_{ij}}{\sum} \quad (2)$$

Применим формулы к нашей матрице (табл. 1).

Анализируя полученную матрицу, можно обратить внимание на то, что лидерами по числу соседей стоит считать Волосовский, Тихвинский и Тосненский муниципальные районы (5 соседей). Самый низкий показатель по количеству соседей у Бокситогорского района, расположенного рядом с Тихвинским (1 сосед).

Следовательно, можно предположить, что если муниципальный район имеет общую границу с другим муниципалитетом, то они максимально близко друг к другу расположены и могут осуществлять взаимодействие. Однако на практике бывает, что расстояние в километрах до районного центра ближайшего соседа достаточно протяженное, поэтому взаимодействовать с ним было бы неудобно, и наоборот. Для того чтобы проверить данные варианты, необходимо построить «Матрицу расстояний».

Матрица расстояний представляет собой квадратную матрицу по типу «объект-объект», содержащую в качестве элементов расстояния между объектами в метрическом пространстве. Чтобы измерить расстояние от одного муниципального района до другого, необходимо измерить расстояние между районными центрами.

Применим формулы (3), (4) для анализа географического положения муниципальных районов Ленинградской области относительно друг друга (табл. 2).

Таблица 1

Матрица соседства по смежности муниципальных районов Ленинградской области (нормированная)

	Бокситогорск	Волосово	Волхов	Всеволожск	Выборг	Гатчина	Кингисепп	Кириши	Кировск	Лодейное поле	Ломоносов	Луга	Подпорожье	Приозерск	Сланцы	Тихвин	Тосно	сумма
Бокситогорск	0															1		1
Волосово		0				1/5	1/5				1/5	1/5			1/5			1
Волхов			0					1/4	1/4	1/4						1/4		1
Всеволожск				0	1/4				1/4					1/4			1/4	1
Выборг				1/2	0									1/2				1
Гатчина		1/4				0					1/4	1/4					1/4	1
Кингисепп		1/3					0				1/3				1/3			1
Кириши			1/4					0	1/4							1/4	1/4	1
Кировск			1/4	1/4				1/4	0								1/4	1
Лодейное поле			1/3							0			1/3			1/3		1
Ломоносов		1/3				1/3	1/3				0							1
Луга		1/4				1/4						0			1/4		1/4	1
Подпорожье									1/2				0			1/2		1
Приозерск				1/2	1/2									0				1
Сланцы		1/3					1/3					1/3			0			1
Тихвин	1/5		1/5					1/5		1/5			1/5			0		1
Тосно				1/5		1/5		1/5	1/5			1/5					0	1

$$W_{ij} = \frac{1}{d_{ij}} \quad (3);$$

$$W_{ij\text{норм}} = \frac{W_{ij}}{\sum_i W_{ij}} \quad (4).$$

Таблица 2

Матрица расстояний муниципальных районов Ленинградской области (нормированная)

	Бокситогорск	Волосово	Волхов	Всеволожск	Выборг	Гатчина	Кингисепп	Кириши	Кировск	Лодейное поле	Ломоносов	Луга	Подпорожье	Приозерск	Сланцы	Тихвин	Тосно	СУММА	
Бокситогорск	0	0,033	0,073	0,044	0,028	0,037	0,029	0,071	0,050	0,049	0,036	0,029	0,040	0,027	0,025	0,354	0,043	0,094	1
Волосово	0,021	0	0,033	0,060	0,032	0,164	0,110	0,035	0,055	0,022	0,102	0,064	0,019	0,028	0,060	0,023	0,077	0,149	1
Волхов	0,063	0,045	0	0,074	0,034	0,056	0,036	0,132	0,098	0,072	0,052	0,035	0,053	0,034	0,029	0,080	0,067	0,110	1
Всеволожск	0,029	0,063	0,058	0	0,048	0,096	0,043	0,039	0,177	0,032	0,084	0,041	0,027	0,047	0,033	0,034	0,089	0,141	1
Выборг	0,035	0,063	0,050	0,090	0	0,074	0,053	0,044	0,072	0,037	0,090	0,043	0,032	0,096	0,044	0,038	0,067	0,075	1
Гатчина	0,022	0,151	0,038	0,084	0,034	0	0,059	0,039	0,080	0,024	0,107	0,063	0,020	0,031	0,038	0,025	0,115	0,162	1
Кингисепп	0,023	0,139	0,033	0,052	0,034	0,080	0	0,034	0,050	0,024	0,080	0,055	0,021	0,030	0,159	0,025	0,054	0,118	1
Кириши	0,065	0,051	0,142	0,054	0,033	0,062	0,040	0	0,069	0,052	0,052	0,047	0,042	0,032	0,033	0,088	0,097	0,102	1
Кировск	0,032	0,055	0,072	0,168	0,036	0,087	0,040	0,047	0	0	0,078	0,038	0,028	0,037	0,029	0,037	0,131	0,149	1
Лодейное поле	0,053	0,038	0,090	0,052	0,032	0,044	0,033	0,061	0,060	0	0,042	0,032	0,259	0,032	0,028	0,062	0,049	0,088	1
Ломоносов	0,023	0,102	0,038	0,080	0,046	0,117	0,064	0,036	0,079	0,025	0	0,041	0,021	0,037	0,043	0,026	0,080	0,148	1
Луга	0,031	0,106	0,043	0,064	0,036	0,113	0,072	0,053	0,063	0,031	0,068	0	0,028	0,038	0,076	0,035	0,082	0,090	1
Подпорожье	0,050	0,037	0,076	0,049	0,032	0,042	0,033	0,056	0,055	0,297	0,041	0,033	0	0,032	0,029	0,056	0,047	0,076	1
Приозерск	0,036	0,059	0,053	0,094	0,102	0,071	0,050	0,045	0,077	0,039	0,077	0,048	0,034	0	0,041	0,039	0,068	0,071	1
Сланцы	0,026	0,099	0,035	0,051	0,037	0,068	0,207	0,037	0,048	0,027	0,069	0,075	0,024	0,032	0	0,028	0,053	0,091	1
Тихвин	0,318	0,032	0,085	0,045	0,027	0,038	0,028	0,086	0,053	0,052	0,036	0,030	0,041	0,027	0,024	0	0,046	0,105	1
Тосно	0,028	0,080	0,051	0,087	0,035	0,129	0,045	0,069	0,136	0,030	0,082	0,051	0,025	0,033	0,034	0,033	0	0,144	1
СУММА	0,878	1,265	1,006	1,215	0,669	1,367	1,039	0,917	1,280	0,873	1,262	0,769	0,736	0,629	0,786	1,008	1,223		

Представленная матрица расстояний окрашена в разные цвета для того, чтобы наглядно показать разные случаи: 1) Зелёным цветом выделены случаи, при которых муниципальные районы имеют общие границы и расположены относительно близко друг друга; 2) Светло-зелёным выделены случаи, при которых центры муниципальных районов находятся на небольшом расстоянии друг от друга, хоть и не имеют общих границ; 3) Оранжевым цветом выделены случаи, при которых муниципальные районы, имеющие общие границы, относительно далеко расположены друг от друга (Михайловская, 2024).

Соответственно, мы получаем потенциальные возможности для межмуниципальной интеграции районов Ленинградской области, не имеющих общих границ, но обладающих относительно небольшим расстоянием. Следовательно, расширились возможности межмуниципального сотрудничества для Волосовского, Всеволожского, Гатчинского, Кингисеппского, Кировского, Ломоносовского и Тосненского районов.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что данный анализ помог обозначить круг муниципалитетов, с которым может взаимодействовать каждый район, а также расширил потенциальные возможности межмуниципального сотрудничества для 7-ми районов.

Сравнительный анализ уровня развития межмуниципальной интеграции в Ленинградской области на основе данных Росстата о количестве муниципалитетов, принимающих участие в той или иной форме сотрудничества, показателей Северо-Западного федерального округа и Российской Федерации показал, что Ленинградская область

имеет отрицательную динамику по всем формам интеграции (Михайловская, 2024). Наибольшую активность проявляют сельские и городские поселения, а наименьшую — муниципальные районы и городские округа. С годами происходит сокращение общего числа муниципалитетов, что связано с проведением административной реформы, предполагающей укрупнение муниципалитетов.

Рекомендации и выводы

Применение межмуниципального сотрудничества (важного фактора управления развитием территории) стимулирует сокращение расходов на оказание услуг, повышение их качества и социально-экономического уровня развития муниципальных образований. Таким образом, важно сфокусироваться на перспективах развития межмуниципальной интеграции в Ленинградской области и по всей России.

Транспортная отрасль неразрывно связана с основными услугами, которыми часто пользуются люди. В связи с этим, хочется подробнее остановиться на рассмотрении рекомендаций для сотрудничества муниципальных районов Ленинградской области в рамках транспортной сферы.

Опираясь на результаты пространственного анализа, можно выделить несколько групп муниципальных районов, между которыми целесообразно межмуниципальное сотрудничество для организации транспортного обслуживания: Волосовский район + 5 соседей; Тихвинский район + 5 соседей; Тосненский район + 5 соседей; Всеволожский район + 2 соседа. Соответственно, для каждого района предложены свои варианты (рис. 3).

Красным цветом обозначены условные зоны межуниципальных инфраструктурных проектов (в том числе дороги).

В результате реализации данного направления межмуниципального сотрудничества может быть повышен уровень доступности общественного транспорта для населения, а также транспортная связность внутри муниципалитетов и с другими районами Ленинградской области, что приведет к снижению неравномерности развития территорий (Губанова, Клещ, 2021) и повышению эффективности муниципального управления.

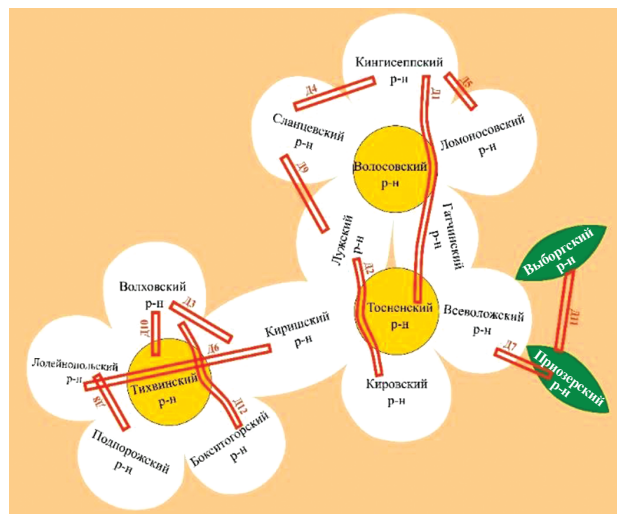

Рисунок 3. Модель межмуниципальной интеграции Ленинградской области, разработанная автором

Продолжение сотрудничества совета муниципальных образований Ленинградской области с советом муниципалитетов Санкт-Петербурга будет также способствовать объединению ресурсов и повышению эффективности управления территориями. Особый интерес представляет участие в программе Министерства сельского хозяйства РФ по созданию сельских агломераций, что позволит сельским поселениям Ленинградской области привлечь финансовые средства и снизить дефицит ресурсов.

Для совершенствования системы межмуниципального взаимодействия в России необходимо решить проблемы в 4-х подсистемах: в ресурсной (дефицит кадров и финансовых средств у муниципалитетов), организационной (не хватает структуры, которая бы содействовала в процессах межмуниципальной интеграции), нормативно-правовой (противоречия и пробелы в законах по вопросам организации межмуниципальной интеграции) и информационной (несовершенства муниципальной статистической базы и отсутствие сервиса для обмена лучшими практиками межмуниципального сотрудничества).

Для решения выявленных проблем предлагаются следующие рекомендации:

Ресурсная подсистема: взаимодействие муниципалитетов с альтернативными источниками финансирования и формирование единого кадрового резерва для участников межмуниципальных объединений.

Организационная подсистема: рекомендуется актуализировать функции ассоциаций муниципальных образований таким образом, чтобы они не только методически и юридически участвовали в межмуниципальной интеграции, но и практическим образом.

Нормативно-правовая подсистема: рекомендуется устранить все пробелы и противоречия в нормативно-правовых актах, которые на данный момент являются главной причиной медленного развития межмуниципальной интеграции на территории России. А также рекомендуется внести в нормативно-правовые акты такой термин как «вопросы местного значения межмуниципального характера».

Информационная подсистема: устранить несовершенство муниципальной статистической базы, обеспечив её регулярным обновлением данных.

Таким образом, вместо применения реформы по укрупнению муниципалитетов, которую можно реализовывать бесконечно долго, предлагается использовать механизмы межмуниципальной интеграции, которые позволят решить проблемы местного значения в условиях дефицита материальных, финансовых и кадровых ресурсов.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что с помощью межмуниципальной интеграции можно уменьшить неравномерность развития муниципалитетов, повысить качество оказываемых услуг, сэкономить ресурсы и повысить благосостояние регионов. На сегодняшний день, к сожалению, межмуниципальная интеграция в России и Ленинградской области развивается достаточно медленно и сложно ввиду наличия нормативно-правовых, организационных и информационных барьеров. По итогам исследований даны конкретные рекомендации по способам совершенствования организации межмуниципальной интеграции в Ленинградской области и на всей территории страны.

Список литературы:

1. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ. (2003), с.112.
2. Арумова, Е. С. (2011). Организация межмуниципального сотрудничества: российский и зарубежный опыт. *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*, 2, 37–46.
3. Барабаш, Е. С. (2012). Зарубежный опыт организации межмуниципального сотрудничества. *Известия МГЭИ*, № 3, 69–73. // URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17776797_72724740.pdf
4. Бородин, С. Н. (2023). Прогнозирование направлений государственной политики региона на основе кластерного

- анализа показателей социально-экономического развития его муниципальных образований. *Управленческое консультирование*, № 10 (178), 157–178.
5. Ворошилов, Н. В. (2021). Межмуниципальное сотрудничество в России: состояние, проблемы и перспективы развития. *Экономические и социальные изменения: факты, тенденции, прогноз*, т.14, № 6, 141–159. DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.8.
6. Губанова, Е. С., Клещ, В. С. (2021). Межмуниципальное сотрудничество как инструмент снижения неравномерности пространственного развития региона (на примере Вологодской области). *Креативная экономика*, т. 15, № 12, 5093–5108.
7. Миронова, О. В. (2016). Методологические подходы к формированию потенциала межмуниципального хозяйственно-договорного сотрудничества как механизма стимулирования социально-экономического развития территорий. *Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика*, № 21, 138–144.
8. Михайловская, С. В. (2024). Выпускная квалификационная работа по теме «Межмуниципальная интеграция как фактор управления развитием территории». URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/924499995>
9. Hulst, R., & Van Montfort, A. (Eds.). (2007). *Inter-municipal cooperation in Europe* (Vol. 238). Dordrecht: Springer.
10. Доклад «Межмуниципальное сотрудничество: эффективные практики, проблемы и перспективы развития» Совета по местному самоуправлению при Совете Федерации Федерального собрания РФ. (2020). С.110. URL: <http://council.gov.ru/media/files/Q5IE1LyY7WAJI7uUU8dsIsA5pMglm4IT.pdf>
11. Доклад «Межмуниципальное сотрудничество: эффективные практики, проблемы и перспективы развития». (2022). Получено из: Информационно-аналитический материал Комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, МСУ и делам Севера. С. 303.
12. Федеральная служба государственной статистики — Муниципальная статистика, (n.d.). <https://www.gks.ru/folder/11110/document/13263>

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ КЛАСТЕРОВ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ХИМИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ

Введение

В современных условиях глобализации и увеличения конкуренции на местных и мировых рынках активно развивается концепция промышленных кластеров как эффективного инструмента повышения конкурентоспособности предприятий различных отраслей. Кластеры способствуют эффективному использованию ресурсов за счёт пользования их участниками общей инфраструктурой и рационального разделения труда между предприятиями. В свою очередь это обуславливает более устойчивое развитие региона расположения кластера, позволяя ему лучше справляться с глобальными вызовами.

Несмотря на то, что темой кластеров интересуются многие отечественные и зарубежные учёные, а также на то, что данная тема изучается продолжительный промежуток времени, на данный момент существует не так много исследований, в которых бы количественно доказывалось положительное влияние кластеров на экономическую деятельность предприятий. В связи с этим гипотеза исследования звучит следующим образом: развитие промышленных кластеров в химической отрасли может способствовать экономической устойчивости предприятий в условиях изменяющихся рыночных требований и геополитических вызовов.

Целью данной работы является получение количественной оценки эффекта для промышленного предприятия от включения его в кластер (на примере кластеров специализации «Химическая промышленность»).

Объект исследования: предприятие, входящее в кластер.

Предмет исследования: оценка влияния участия предприятия в кластере на его результаты работы.

Обзор литературы

Основоположником теории кластеров является М. Портер (1998), согласно его работам, промышленный кластер — это группа предприятий, располагающихся в непосредственной близости и функционирующих в определенной отрасли.

Согласно Сону (2015), кластеры играют важную роль как тип межорганизационной сети, способствующей региональному развитию и конкурентоспособности. Авторы Cusin J., Loubaresse E. (2018) также подчеркивают актуальность исследований промышленных кластеров как межорганизационной сети, связанной с региональным развитием и конкурентоспособностью.

Необходимо отметить, что в работах Ксенофонта О. Л. (2015), Наташкина Е. А. и Ермолаев Д. В. (2018) говорится о том, что промышленные кластеры помогают улучшить социально-экономическую ситуацию региона путем создания синергии между предприятиями, что способствует повышению их экономической эффективности. Это в свою очередь способствует решению проблем, связанных с безработицей, привлекательностью для инвестиций и экономическим развитием.

В отечественной и зарубежной литературе отмечается, что развитие промышленных кластеров способствует экономической устойчивости предприятий по следующим причинам:

1. Кластеры позволяют предприятиям совместно использовать инфраструктуру, ресурсы и услуги, что ведет к снижению затрат на производство и, следовательно, повышению эффективности и производительности.
2. В рамках кластера предприятия могут обмениваться опытом, знаниями и технологиями, что способствует инновационному развитию и улучшению продукции, отвечающей изменяющимся рыночным требованиям.
3. Взаимодействие между предприятиями в рамках кластера позволяет создавать синергию и конкурентные преимущества, а также укреплять позиции на рынке в условиях геополитических вызовов и конкуренции.
4. В случае изменений на рынке или геополитических кризисов, предприятия в кластере могут совместно принимать меры для снижения рисков и обеспечения устойчивости бизнеса.
5. Кластеры способствуют формированию сетей поставщиков и потребителей, что обеспечивает стабильное снабжение сырьем и реализацию готовой продукции.

Понятие промышленного кластера закреплено в Российской Федерации на федеральном уровне. В соответствии с Федеральным законом от 31 декабря 2014 года № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» (далее — 488-ФЗ) под промышленным кластером понимается совокупность субъектов деятельности в сфере промышленности, связанных отношениями в указанной сфере вследствие территориальной близости и функциональной зависимости и размещенных на территории одного субъекта Российской Федерации или на территориях нескольких субъектов Российской Федерации.

Согласно Постановлению Правительства РФ от 31 июля 2015 г. № 779 «О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров» промышленный кластер должен:

1. иметь договоры между участниками;
2. состоять минимум из 5 участников, которые располагаются в пределах РФ;
3. иметь производителя конечной продукции;
4. реализовать или планировать реализовать не менее 3 проектов по производству импортозамещающей продукции;
5. учитывать стратегии и схемы территориального развития Российской Федерации и субъектов.

Согласно данным Минпромторга постановлению правительства № 779 соответствуют всего 53 промышленных кластера, тем не менее согласно данным ГИСП на территории РФ функционируют

85 кластеров, а согласно данным Российской кластерной обсерватории их 116.

Методы и анализ полученных результатов

Проведя анализ литературы, автор работы рассматривает промышленный кластер как взаимодействие предприятий из определённой экономической отрасли, расположенных в непосредственной близости друг к другу с целью получения синергетического эффекта. Данному определению соответствуют все кластеры, представленные в списках ГИСП, Российской кластерной обсерватории и Минпромторга. В связи с этим было принято решение составить свой совокупный список, который включил в себя 167 промышленных кластеров. Распределение промышленных кластеров представлено на рисунке 1.

Для проверки гипотезы о том, что развитие промышленных кластеров в химической отрасли может влиять на выручку предприятий необходимо отобрать регионы, на которых, располагаются кластеры, а также регионы со схожими социально-экономическими показателями, но на которых кластеры отсутствуют. Для проведения данного анализа были рассчитаны коэффициенты локализации регионов РФ по ОКВЭД предприятий, функционирующих в кластере. В результате проведения анализа были найдены все регионы «аналоги». Результат проведения данного анализа представлены на рисунке 2.

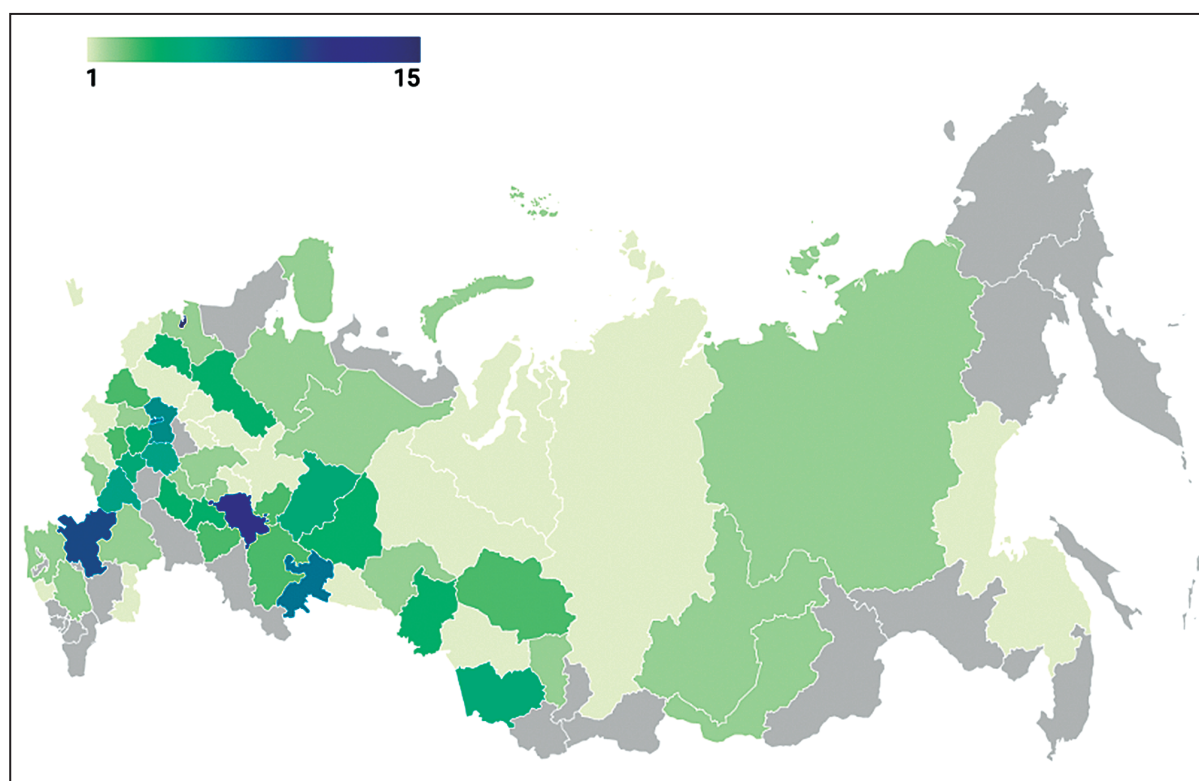
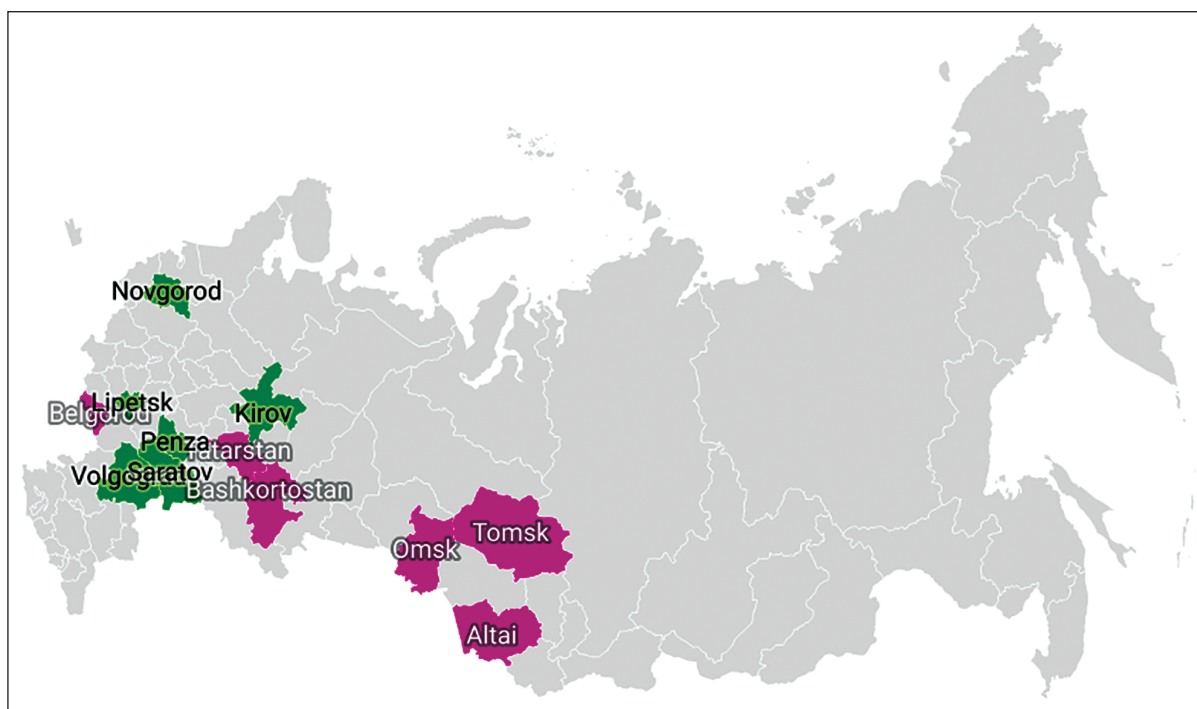

Рисунок 1. Распределение кластеров по регионам РФ

Розовым цветом выделены регионы, в которых есть промышленные кластеры химической отрасли, а зеленым выделены территории «аналоги»

Рисунок 2. Регионы, в которых располагаются кластеры химической промышленности и их «аналоги»

Для определения влияния вхождения предприятия в кластер на его выручку был проведён регрессионный анализ, основанный на функции Кобба-Дугласа (1). Выбор этой функции обусловлен тем, что она доказана и апробирована многими исследователями.

$$Y = A \times La \times Kb, \quad (1)$$

где:

Y — показатель объема производства, характеризующий реальную стоимость товаров и услуг, произведенных в определённый период времени; A — общий показатель технологической продуктивности факторов;

K — затраты вложенного капитала в производство определенного объема продукции, выражающиеся в реальной стоимости оборудования и машин, используемых в производстве (капитальные вложения в основные производственные фонды);

L — затраты труда в производство определенного объема продукции, выражающиеся в количестве человеко-часов, отработанных всеми работниками за указанный период времени (трудоzатраты);

a — коэффициент технологической эластичности капитала;

b — коэффициент технологической эластичности труда.

В процессе работы были собраны данные о 180 предприятиях, функционирующих в кластерах «Химическая промышленность», а также об

167 независимых предприятиях за период с 2019 по 2022 г. Данные включали информацию о количестве сотрудников, собственном капитале и выручке.

На основании логарифмированной модели Кобба-Дугласа была построена регрессионная модель с фиксированными и случайными эффектами, а также выполнена линейная регрессия. Результаты анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1
Результаты построения моделей в «R-studio»

Переменная	Модель сквозной регрессии (pooled regression)	Модель (fixed-effects regression)	Модель (random-effects regression)
Ln_capital	0,26**	0,15***	0,2***
Ln_labor	0,74***	0,37***	0,65***
Cluster	0,59***	–	1,05***
Intercept	3,87**	4,29***	4,24***
Observations	1392	1392	1392
Time periods	4	4	4
R ²	0,799	0,23	0,55

По результатам проведения попарного сравнения моделей, была выбрана модель со случайными эффектами. Основываясь на модели со случайными эффектами, можно утверждать, что нахождение предприятия в кластере положительно влияет на его выручку. В форме уравнения данная модель выглядит следующим образом:

$$\ln(\text{Revenue}) = 4,23 + 1,052 \times \text{Cluster} + 0,197 \times \ln(\text{capital}) + 0,648 \times \ln(\text{labor}), \quad (2)$$

где:

$\ln(\text{Revenue})$ — Логарифмированный показатель выручки предприятий;

Cluster — бинарная переменная отражающая принадлежность предприятия к кластеру;

$\ln(\text{capital})$ — Логарифмированный показатель собственного капитала предприятий;

$\ln(\text{labor})$ — Логарифмированный показатель количества сотрудников предприятий.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что при увеличении численности персонала в компании на 1% выручка предприятия увеличится на 0,648%. При увеличении собственного капитала предприятия на 1%, выручка увеличится на 0,197%. В случае если предприятие состоит в кластере, его выручка увеличивается в 1,052 раза, т. е. на 5,2%. Все перечисленные коэффициенты статистически значимы и имеют $p\text{-value} < 0,001$.

Заключение

В результате проведенного регрессионного анализа были получены результаты, подтверждающие положительное влияние кластера на выручку предприятия. В связи с этим можно сделать вывод о том, что предприятия, состоящие в кластере, работают эффективней предприятий, работающих самостоятельно.

Несмотря на то, что кластерная политика проводится на протяжении продолжительного промежутка времени, работа предприятий в кластере и создание кластерных взаимодействий нуждается в улучшении. Для увеличения синергетического эффекта от кластерной кооперации необходимо проработать следующие моменты:

1. Создать сети связей между предприятиями в кластере для обмена информацией, опытом и ресурсами.
2. Необходимо разработать меры по повышению уровня осведомленности о кластерных возможностях среди предпринимателей

и населения, чтобы поддержать интерес к развитию кластеров.

3. Необходимо создать механизм оценки результатов деятельности кластера и его участников для постоянного улучшения работы и достижения поставленных целей.

Следует отметить, что успешное развитие промышленных кластеров в химической отрасли требует интеграции усилий всех участников экосистемы, активной и долгосрочной государственной поддержки, а также постоянного обновления стратегий развития с учетом текущих тенденций и вызовов на рынке.

В целом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о значимости промышленных кластеров как фактора повышения конкурентоспособности предприятий химической отрасли.

Список литературы:

1. О промышленной политике в Российской Федерации: федеральный закон № 488-ФЗ. (2014). Принят 31 декабря 2014 года; ред. от 05 декабря 2022 года.
2. О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров. (2015). Постановление правительства РФ от 31 июля 2015 г. № 779.
3. Ксенофонтова, О. Л. (2015). Промышленные кластеры как фактор развития региона: теоретический аспект. Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение, (4), 44.
4. Наташкина, Е. А., Ермолаев, Д. В., & Ажлуни, А. М. (2018). Развитие инновационных процессов в промышленности Тульской области. Регион: системы, экономика, управление, (2), 135–139.
5. Sohn, A. P. L. (2015). Aprendizagem interorganizacional: Análise de canais de transmissão de conhecimento em clusters têxteis e de vestuário no Brasil e na Europa. Теза докторской диссертации, Universidade Federal de Santa Catarina, Santa Catarina.
6. Cusin, J., & Loubaresse, E. (2018). Inter-cluster relations in a cooptation context: The case of Inno'vin. Journal of Small Business & Entrepreneurship, 30 (1), 27–52.
7. Porter, M. E. (1998). Clusters and the new economics of competition. Harvard Business Review, 76 (6), 77–90.
8. ГИСП, (n.d.). <https://gisip.gov.ru/gisip/#/sections/parks:2326/map/78.857233,57.576429/3/parks:wkWIC?lng=ru&object=parks.clustersgeninfo.165>
9. Российская кластерная обсерватория, (n.d.). <https://map.cluster.hse.ru/cluster/67>

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АВТОКОРРЕЛЯЦИОННЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вступление

Пространственное развитие — это совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития (Стратегия..., 2019). Одним из ключевых документов стратегического планирования является Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года. В качестве ключевых проблем пространственного развития Российской Федерации в Стратегии на первом месте выделяется «высокий уровень межрегионального социально-экономического неравенства» (Стратегия..., 2019), и для обеспечения устойчивости его развития необходимо достичь «сокращения межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорения темпов экономического роста» (Стратегия..., 2019).

Актуальность данного исследования связана с тем, что пространственное развитие Российской Федерации характеризуется значительной территориальной дифференциацией. Это обусловлено факторами природно-географического, экономического, политического характера и выражается в существенных различиях между регионами и муниципальными образованиями по уровню социально-экономического развития (Ворошилов, 2019, 276). Применение пространственного подхода для исследования социально-экономических процессов позволяет детально изучать социо-экономические, технологические и иные параметры территориальных систем, выявлять вклад отдельно взятых регионов в развитие их совокупности и определять предельное значение неоднородности развития (Магомадов, Рамзанов, 2017, 70).

В современное время ключевым методом пространственного подхода является пространственный анализ. Он позволяет одновременно осуществлять реализацию и пространственной, и временной интеграции и судить об изменении статистических показателей территорий в динамике (Довлатова, Каращенко, 2023, 280). Основным методом данного исследования стал пространственный автокорреляционный анализ,

позволяющий установить схожесть соседних объектов. В данной работе ими являются социально-экономические показатели развития регионов Российской Федерации.

Целью данного исследования является осуществление комплексного анализа уровня социально-экономического развития регионов и выявление существующих пространственных зависимостей между регионами на основе пространственного анализа. В качестве гипотез исследования были выдвинуты три утверждения. Во-первых, пространственный анализ подтвердит наличие высокого уровня пространственной автокорреляции социально-экономического развития регионов Российской Федерации. Во-вторых, более сильная пространственная взаимосвязь показателей социально-экономического развития наблюдается между регионами, которые входят в состав одного федерального округа. Наконец, более высокий уровень межрегиональной дифференциации приходится на показатели экономической сферы.

Основная часть

Научными работами, которые имеют схожие теоретические основы и методы исследования, являются статьи Батуровой Г. В. (2017), Гравшиной И. Н. (2021), Коломак Е. А. (2013), Ворошилова Н. В. (2019). Пространственный подход для анализа социально-экономической применяли Довлатова Г. П. и Каращенко В. В. (2022), Павлов Ю. В. и Королева Е. Н. (2014), Котов А. В. (2021), а также Данилова И. В., Савельева И. П. и Резепин А. В. (2022). Методология проведения пространственного автокорреляционного анализа была основана на работе Окунева И. Ю. о пространственном анализе (2020).

Пространственная автокорреляция для множества N , состоящего из n географических единиц, есть соотношение между переменной, наблюдаемой в каждой из n единиц, и мерой географической близости, определенной для всех $n \times (n-1)$ пар единиц из N (Окунев, 2020). Наиболее точным способом расчета пространственной автокорреляции является вычисление глобального индекса Морана. Его формула приведена ниже.

$$I = \frac{N}{W} \times \frac{\sum_i \sum_j W_{ij} \times (x_i - \bar{x}) \times (x_j - \bar{x})}{\sum_i (x_i - \bar{x})},$$

где:

i и j — единицы;

x_i и x_j — значения в i -й и j -й единице;

\bar{x} — выборочное среднее значение по всем единицам;

W_{ij} — вес пространственной связи между i -й и j -й единицей;

N — количество единиц;

W — сумма пространственных весов (Окунев, 2020, 161).

Индекс Морана принимает значения от -1 до 1 , где значения больше 0 свидетельствуют о положительной пространственной автокорреляции, а меньше — об отрицательной. Помимо расчета индекса Морана, важнейшим этапом исследования является построение диаграммы рассеяния Морана (рис. 1).

Рисунок 1. Оси пространственной диаграммы рассеяния Морана.

По оси ординат откладываются значения вектора пространственного лага WZ , а по оси абсцисс — стандартизированные z -значения исследуемого показателя. На диаграмме также строится линия регрессии WZ на Z , чей угол наклона соответствует значению индекса Морана (Невзорова и др., 2020, 467). При построении диаграммы образуются четыре квадранта (локальных кластера): квадрант high-high (HH), low-low (LL), high-low (HL) и low-high (LH). Квадранты LL и HH указывают на положительную пространственную автокорреляцию, т. е. наличие схожих значений у соседей, а квадранты LH и HL на отрицательную пространственную автокорреляцию и непохожие значения.

Кластерный анализ позволяет выделить определенные группы (кластеры) схожих объектов на основе всего набора данных, что может быть использовано для обнаружения пространственных

взаимосвязей между регионами. Помимо этого, кластерный анализ позволяет выделить группы отстающих и более развитых регионов.

Данными для выполнения практической части исследования стали значения 19 показателей социально-экономического развития 85 регионов Российской Федерации из сборника Росстата «Регионы России. Статистические показатели» 2023 года. Показатели были выбраны на основе существующих методологий оценки уровня социально-экономического развития, а именно, комплексной оценки, разработанной министерством экономического развития (Федеральная..., 2001), и исследований Веприковой Е. Б., Кисленок А. А., Гулидова Р. В. (2022), Полынева А. О., Гришиной И. В., Тимонина С. А. (2012) и Мазелис Л. С., Красовой Е. В., Бойко А. А. (2022). В качестве основных показателей были выбраны следующие параметры:

- валовой региональный продукт на душу населения;
- объем инвестиций в основной капитал;
- ожидаемая продолжительность уровня жизни при рождении;
- среднедушевые денежные доходы населения;
- численность населения с денежными доходами ниже границы бедности/величины прожиточного минимума;
- заболеваемость на 1000 человек населения (количество пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни);
- площадь жилищ, приходящаяся в среднем на одного жителя;
- коэффициент младенческой смертности (число детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1000 родившихся живыми).

Для того, чтобы обеспечить комплексный подход к оценке социально-экономического развития, автором были составлены и рассчитаны два интегральных показателя социальной и экономической сфер. Частные показатели уровня социально-экономического развития, входящие в состав этих индексов, представлены на рисунке 2.

Для определения структуры выбранных интегральных индексов была рассчитана матрица парных коэффициентов корреляции. Сумма коэффициентов парной корреляции позволяет выбрать самый значимый показатель и определить его весовой коэффициент. Так, согласно формуле:

$$W_j = \frac{\sum_{i=1}^m |r_{ij}|}{\sum_{i=1}^m \sum_{j=1}^m |r_{ij}|},$$

где:

W_j — весовой коэффициент частного показателя;

r_{ij} — коэффициент парной корреляции между частными показателями (i и j), которые входят в состав интегрального индекса;

m — количество частных показателей, входящих в состав интегрального индекса.

Частные показатели социальной сферы

- обеспеченность дошкольными образовательными учреждениями (валовой коэффициент охвата дошкольным образованием детей в возрасте 1 – 6 лет);
- выпуск специалистов высшими учебными заведениями (количество выпускников бакалавриата, магистратуры и специалитета);
- обеспеченность населения амбулаторно-поликлиническими учреждениями (количество посещений в смену в расчете на 10 тыс. чел. населения);
- обеспеченность врачами (количество работников в расчете на 10 тыс. чел. населения);
- обеспеченность средним медицинским персоналом (количество работников в расчете на 10 тыс. чел. населения).

Частные показатели экономической сферы

- индекс промышленного производства;
- индекс сельскохозяйственной продукции;
- индекс физического объема работ по виду деятельности «Строительство»;
- индекс физического объема оборота розничной торговли;
- индекс физического объема оборота общественного питания;
- индекс физического объема платных услуг населению.

Рисунок 2. Частные показатели социальной и экономической сфер

В соответствии с формулой интегрального индекса $Y = \sum_{j=1}^m X_j W_j$, где Y — это интегральный индекс, были получены следующие формулы для социального (S) и экономического (E) интегральных индексов соответственно:

$$S = X_1 \times 0,194 + X_2 \times 0,093 + X_3 \times 0,228 + X_4 \times 0,261 + X_5 \times 0,224,$$

$$E = X_1 \times 0,212 + X_2 \times 0,122 + X_3 \times 0,1 + X_4 \times 0,197 + X_5 \times 0,15 + X_6 \times 0,22,$$

где: X_n — частный показатель.

Ключевым этапом пространственного анализа является создание матрицы пространственных весов, которая отображает пространственную структуру данных и взаимосвязь исследуемых объектов. В данном исследовании матрица пространственных весов была построена на основе метода ферзя (Contiguity Edges Corners). Помимо матрицы пространственных весов, в GeoDa также была построена гистограмма соседства регионов (рис. 3).

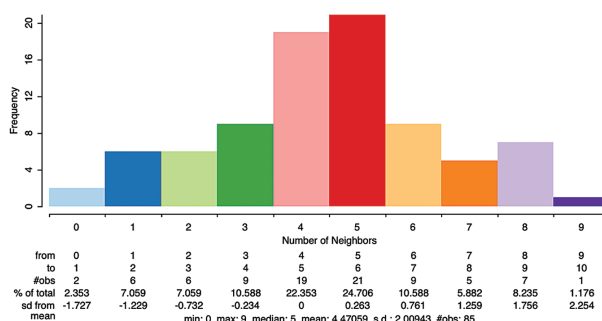

Рисунок 3. Гистограмма распределения регионов по смежности

Как следует из данного графика, средним количеством соседей было 4 или 5, максимальным — 9 (у Кировской области), а минимальным — 0 (у Калининградской и Сахалинской областей).

На рисунке 4 представлены итоги расчета глобального индекса Морана для 8 основных показателей и 2 интегральных индексов уровня социально-экономического развития. Графики расположены в порядке увеличения значения индекса, где наименьшее значение принадлежит показателю коэффициента младенческой смертности — 0,02, а наибольшее — жилой площади приходящейся в среднем на одного жителя, 0,511. С увеличением значения индекса Морана прямая становится более крутой, что связано с тем, что угол ее наклона равен значению индекса.

Нулевой гипотезой пространственного анализа является утверждение о «полной пространственной хаотичности». Для того, чтобы ее подтвердить или опровергнуть, рассчитываются z-оценка и p-значение. Нулевую гипотезу опровергается, если z-оценка по модулю превышает 1,65, а p-значение равно 0. Более того, если z-оценка по модулю больше 2,58, а p-значение меньше 0,01, нулевая гипотеза опровергается с вероятностью 99%. В таблице 1 представлены значения всех индексов, наравне с рассчитанными в программе ArcGIS z-score и p-value.

Таким образом, с вероятностью в 99% можно сделать вывод о том, что нулевая гипотеза о хаотичном распределении пространственных объектов опровергнута для всех 10 рассмотренных показателей, кроме коэффициента младенческой смертности. Это означает, что рассмотренные регионы представляют из себя связанную пространственную модель, в которой наблюдаются не случайные пространственные закономерности и существенная пространственная зависимость их уровня социально-экономического развития. Первая гипотеза исследования подтверждена.

Далее был рассчитан локальный индекс Морана. В отличие от глобального, локальный определяет связь между соседними объектами в отдельных кластерах, расположение этих кластеров и наличие локальных закономерностей, а не только пространственную автокорреляцию всей выборки.

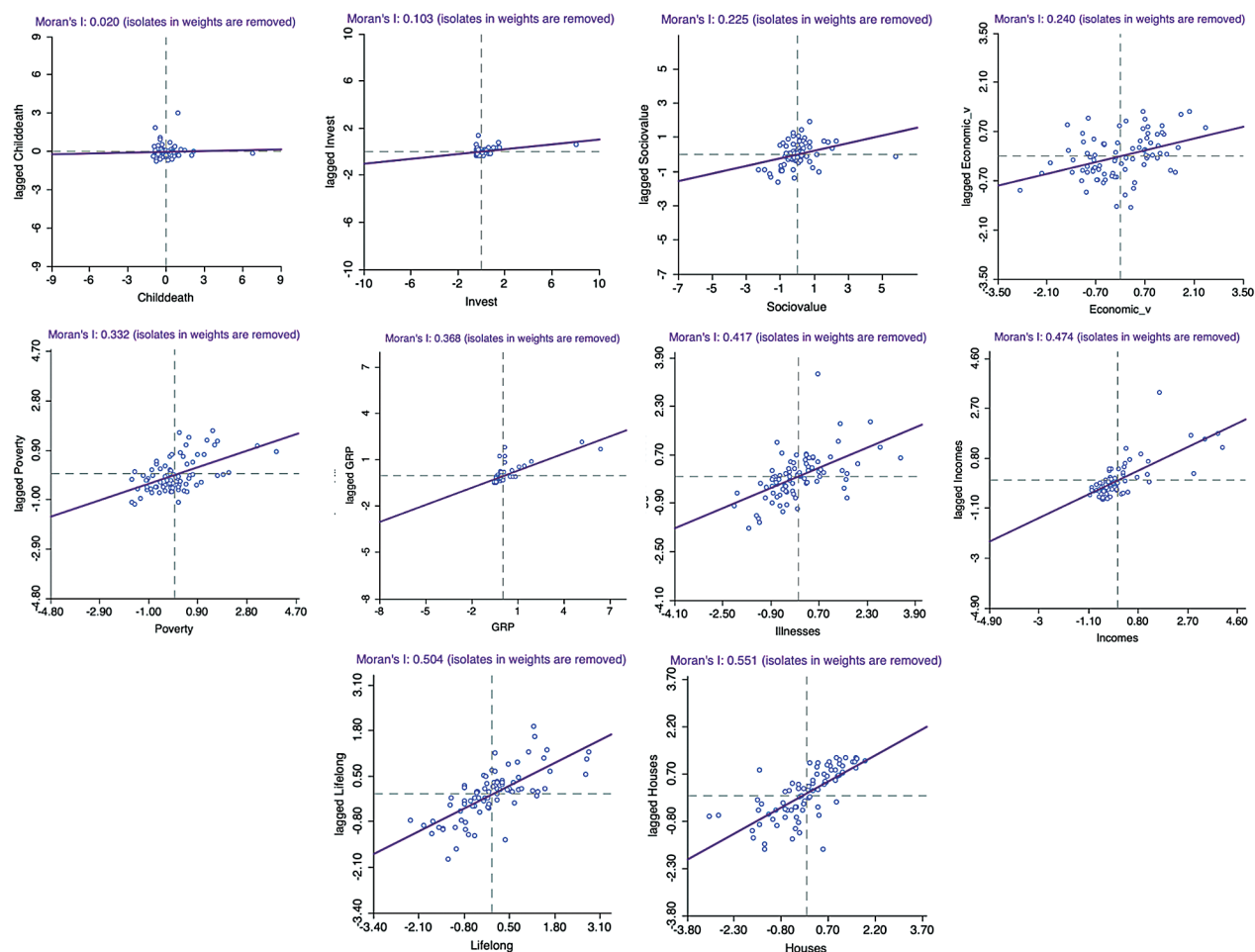

Рисунок 4. Диаграммы рассеяния Морана для 8 основных показателей и 2 интегральных индексов

Таблица 1

Значения индекса пространственной автокорреляции, z-score и p-value

Показатель, по которому рассчитывался индекс Морана	Полученные значения индекса Морана в GeoDa	Полученные значения z-оценки (z-score)	Полученные значения p-значения (p-value)
ВРП на душу населения	0,368	5,812	0
Среднедушевые денежные доходы населения	0,474	6,426	0
Объем инвестиций в основной капитал	0,103	2,502	0,01
Численность населения с денежными доходами ниже уровня бедности	0,332	4,49	0,000006
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	0,504	6,598	0
Заболеваемость на 1000 человек населения	0,417	5,624	0
Коэффициент младенческой смертности	0,02	0,545	0,585
Площадь жилищ, приходящаяся в среднем на 1 жителя	0,551	7,329	0
Интегральный индекс экономической сферы	0,24	3,367	0,0007
Интегральный индекс социальной сферы	0,225	3,031	0,0024

При расчете локального индекса Морана строятся карты статистической значимости полученных результатов и карты кластеров LISA (Local Indicators of Spatial Autocorrelation). На картах кластеров LISA можно выделить 5 кластеров — 4 локальных квадранта (High-High, Low-Low, High-Low, Low-High) и кластер объектов, для которых значение пространственной автокорреляции не является статистически значимым.

В свою очередь, при анализе горячих точек строятся кластеры высоких значений («горячих точек») и низких значений («холодных точек») с разными уровнем достоверности — 90%, 95% и 99% (Sánchez-Martín et al., 2019).

Построенные в ходе кластерного анализа на основе LISA и анализа горячих точек карты кластеров для 6 основных показателей представлены на рисунке 5.

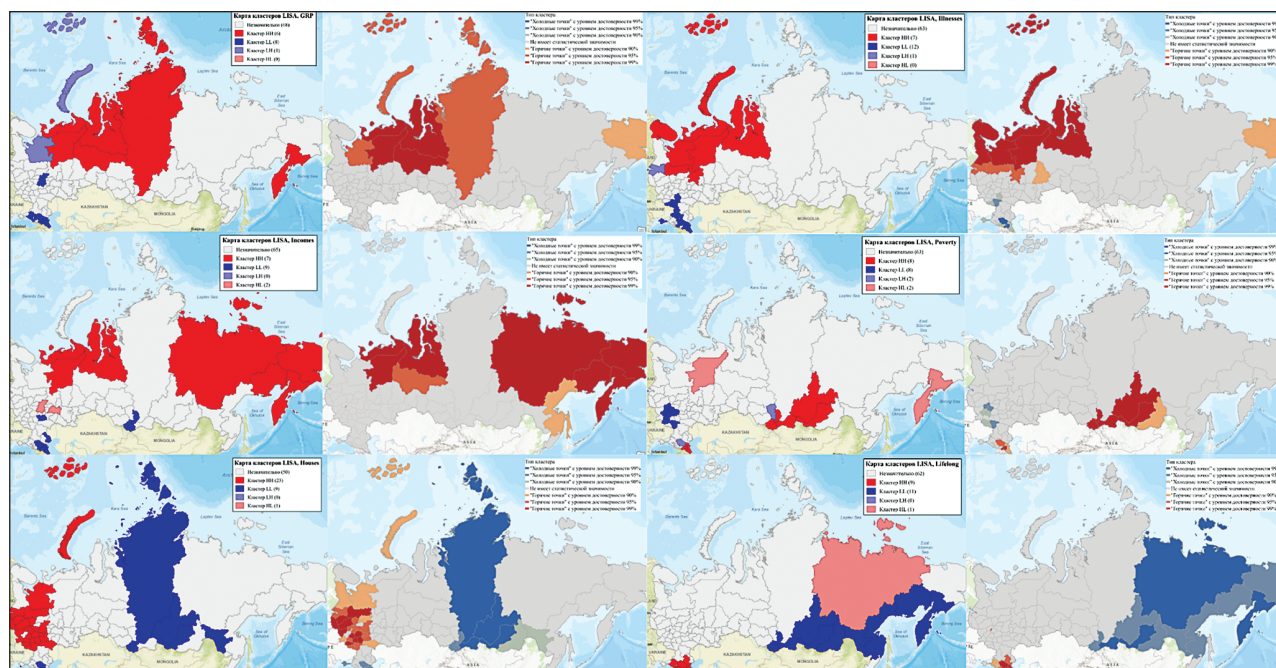

Рисунок 5. Кластеры высоких и низких значений на основе 6 основных показателей

Как следует из полученных карт, результаты кластеризации регионов, полученные в ходе проведения 2 кластерных анализов, достаточно схожи. Так, при кластеризации регионов по жилой площади, приходящейся в среднем на одного жителя, были получены наиболее масштабные кластеры — в кластер высоких значений вошло 25 регионов 3 федеральных округов, а в кластеры низких значений — 8 и 6 регионов. Наименьшее

количество регионов было кластеризовано по показателю численности населения с доходами ниже границы бедности — в кластер низких значений вошло 8 регионов, а в кластер высоких — 6. Третья гипотеза исследования подтверждена.

Проведенные кластерные анализы позволяют выделить группы регионов с наиболее схожим уровнем социально-экономического развития. Эти группы представлены в таблице 2.

Таблица 2

Полученные пространственные кластеры регионов

Группа регионов	Показатель, на основе которого выделен кластер высоких значений	Показатель, на основе которого выделен кластер низких значений
Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа и республика Коми	ВРП на душу населения, средне-душевые денежные доходы населения, заболеваемость на 1000 человек населения	—
Ставропольский край и республики Дагестан, Северная Осетия, и Ингушетия	ВРП на душу населения, ожидаемая продолжительность жизни при рождении	Площадь жилищ, приходящаяся в среднем на одного жителя, заболеваемость на 1000 человек населения
Республики Дагестан, Северная Осетия и Чеченская	Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности, ожидаемая продолжительность жизни при рождении	ВРП на душу населения, средне-душевые денежные доходы населения, заболеваемость на 1000 человек населения
Забайкальский край, республики Алтай, Тыва, Бурятия и Хакасия и Иркутская область	Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, площадь жилищ, приходящаяся в среднем на одного жителя
Белгородская, Воронежская и Тамбовская области	Площадь жилищ, приходящаяся в среднем на одного жителя	Заболеваемость на 1000 человек населения
Воронежская, Орловская, Курская, Рязанская, Тульская и Московская области	Площадь жилищ, приходящаяся в среднем на одного жителя	Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности

К группе регионов с наиболее низким уровнем социально-экономического развития относятся Забайкальский край, республики Алтай, Тыва,

Бурятия и Хакасия и Иркутская область. Напротив, к более развитым кластерам относятся сразу два. В состав первого входят Белгородская, Воронежская

и Тамбовская области, а второго — Воронежская, Орловская, Курская, Рязанская, Тульская и Московская области. Стоит также отметить, что почти все выделенные группы регионов принадлежат одному федеральному округу, кроме регионов 1 группы — они входят в состав двух разных ФО, Северо-Западного и Уральского федеральных округов. Это позволяет подтвердить вторую гипотезу исследования.

Результаты кластерного анализа имеют несколько практических применений. Во-первых, для кластеров низких значений стоит определить схожие социально-экономические характеристики регионов, чтобы точнее определить причины их отставания. В случае с кластерами высоких значений, важно выделить цели и задачи федеральных и региональных политик, ключевые особенности управления социально-экономической сферой и т. д. Помимо этого, регионы, которые входят в кластеры низких значений, могут усилить межрегиональное взаимодействие и разработать совместные программы развития для преодоления отставания. В то же время, регионы, которые вошли в кластеры высоких значений, могут приложить совместные усилия для их дальнейшего развития.

Заключение

Таким образом, данное исследование подтверждает актуальность и целесообразность использования пространственного подхода для изучения социально-экономической сферы и ее пространственного развития. Пространственный анализ является ключевым при исследовании региональных процессов Российской Федерации, поскольку она является сложно организованной пространственной системой и характеризуется высоким уровнем территориальной дифференциации. Методы пространственной аналитики позволяют более детально выявлять пространственные закономерности развития группы схожих регионов, изучать взаимосвязи между ними и многое другое. Именно поэтому автор считает, что данный исследовательский подход может способствовать совершенствованию системы управления пространственным развитием страны при применении его на практике органами государственной власти.

Продолжение данного исследования автору видится в следующих форматах:

- использование пространственно-временного и динамического подходов для оценки динамики изменения показателей, темпов развития и т. д.;
- поиск альтернативных методов анализа для изучения регионов, которые попали в кластеры низкой статистической значимости;
- анализ ядер кластеров, ключевых регионов выделенных групп;
- оценка уровня социально-экономического развития в городах, в особенности, тех, которые входят в состав регионов из кластеров низких значений;
- качественное и количественное изменение показателей, являющихся основой исследования.

Список литературы:

1. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 № 207-р. (2019).
2. Федеральная целевая программа «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 годы и до 2015 года)»: постановление Правительства Российской Федерации от 11.10.2001 № 717. (2001).
3. Батурова, Г. В. (2017). Пространственное развитие социальной сферы в системе государственного и муниципального управления. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление, 4 (1), 34–49.
4. Веприкова, Е. Б., Кисленок, А. А., & Гулидов, Р. В. (2022). Методика оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований региона на основе выявления признаков локальной депрессивности. Власть и управление на Востоке России, 3 (100), 71–86.
5. Ворошилов, Н. В. (2022, May). Методы и инструменты регулирования территориальной дифференциации. In Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий. Материалы IV международной научно-практической интернет-конференции (г. Вологда, 15–17 мая 2019 г.) (p. 276). Litres.
6. Гравшина, И. Н. (2021). Региональные проблемы пространственного развития территорий (на примере Рязанской области). In Пространственное развитие российской федерации: современные тенденции и вызовы (pp. 19–26).
7. Данилова, И. В., Савельева, И. П., & Резепин, А. В. (2022). Влияние межтерриториальной связанности на развитие экономического пространства регионов. Экономика региона, 18 (1), 31–48.
8. Довлатова, Г. П., & Карашенко, В. В. (2023). Пространственный анализ показателей социально-экономического развития Ростовской области. МИР (Модернизация. Инновации. Развитие), 14 (2), 277–293.
9. Коломак, Е. А. (2013). Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии. Вопросы экономики, 2, 132–150.
10. Котов, А. В. (2021). Пространственный анализ структурных сдвигов как инструмент исследования динамики экономического развития макрорегионов России. Экономика региона, 17 (3), 755–768.
11. Магомадов, Э. М., & Рамзанов, А. М. (2017). Пространственный подход в стратегическом развитии регионов. Вестник науки и образования, 1 (3 (27)), 69–72.
12. Мазелис, Л. С., Красова, Е. В., & Бойко, А. А. (2022). Комплексная оценка качества жизни населения в регионах Российской Федерации. Экономика и управление, 28 (8), 753–766.
13. Невзорова, Е. Н., Киреенко, А. П., & Майбуров, И. А. (2020). Пространственные взаимосвязи и закономерности распространения теневой экономики в России. Экономика региона, 16 (2), 464–478.
14. Окунев, И. Ю. (2020). Основы пространственного анализа.
15. Павлов, Ю. В., & Королева, Е. Н. (2014). Пространственные взаимодействия: оценка на основе глобального и локального индексов Морана. Пространственная экономика, (3), 95–110.
16. Гришина, И. В., Полюнев, А. О., & Тимонин, С. А. (2012). Качество жизни населения регионов России: методология исследования и результаты комплексной оценки. Современные производительные силы, (1), 70–83.
17. Sánchez-Martín, J. M., Rengifo-Gallego, J. I., & Blas-Morato, R. (2019). Hot spot analysis versus cluster and outlier analysis: An enquiry into the grouping of rural accommodation in Extremadura (Spain). ISPRS International Journal of Geo-Information, 8 (4), 176.

РЕВИТАЛИЗАЦИЯ «СЕРОГО ПОЯСА» САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Введение

Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2035 года задает курс на преобразование территорий «серого пояса», прилегающих к центру города, в русле многофункциональности. В то же время исследование от архитектурного бюро «MLA+» констатирует, что нынешний девелопмент нацелен преимущественно на строительство жилых объектов, которые позволяют девелоперам извлекать максимальные прибыли из этих городских территорий (Нераскрытый ... 2021). Подобный девелопмент препятствует развитию комфортной городской среды и сохранению историко-культурного аспекта данных территорий. Следовательно, необходимо стимулировать развитие «серого пояса» в рамках многофункциональности и ревитализации, что позволит преобразовывать бывшие промышленные территории не только в интересах девелоперов, но и в интересах города, и его жителей. Это может быть достигнуто благодаря реализации практик соучаствующего проектирования на территории «серого пояса». Поэтому, исследовательский вопрос настоящей статьи — стимулирует ли соучаствующее проектирование ревитализацию «серого пояса» в русле многофункциональности, которая бы отвечала интересам максимально возможного числа городских акторов.

Концепция ревитализации

Ввиду процесса деиндустриализации, который активно происходил в период с 1970 по 1990-е года, многие промышленные предприятия были перемещены за пределы городских территорий (Мироненко и др., 2020). Это сформировало в городах неактивные промышленные зоны. Впоследствии они стали окружены жилой застройкой, которая качественно отличается по уровню благоустройства (Демидова, 2013). Образовавшиеся бывшие промышленные зоны могут создавать ряд проблем. Например, такие территории выступают в роли барьера, который разъединяет разные части города и снижает их транспортную и пешую доступность (Нераскрытый ... 2021). Кроме того, такие городские образования могут пагубно сказываться на экологии, снижать притягательность данной части города для горожан в виду отсутствующего смыслового, эстетического

и функционального наполнения. Также износ зданий и сооружений на таких территориях исключает прежний формат использования, что затрудняет процесс «оживления» подобных городских районов (Шаракин, 2016).

Срединный характер таких территорий и зачастую имеющийся исторический контекст позволяет преобразовывать эти территории посредством ревитализации. В литературе ревитализация рассматривается, как процесс «оживления» территории или объекта, которые на данный момент не функционируют, путем создания для населения качественной и благоприятной городской среды, предоставления возможностей для творческого и профессионального роста, социализации и культурного развития (Демидова, 2013).

Ревитализация — это вид девелопмента, который развивает современный функционал территории с учетом историко-культурного аспекта. Ревитализация имеет ряд преимуществ перед остальными видами преобразования городских территорий. Во-первых, ревитализационное городское пространство способно формировать местные сообщества и генерировать «чувство места», если до этого они не были сформированы. Во-вторых, ревитализация способствует созданию новых рабочих мест, повышению прибыли бизнеса, находящегося на этой территории или близ нее, и увеличению стоимости земли и недвижимости, которая находится в собственности у местного населения. В-третьих, ревитализация позволяет наделить городскую территорию различным функционалом: торговыми точками, офисными помещениями, научно-образовательными и культурно-художественными центрами, музеями, тд. (Leshchenko & Tovbych, 2019). В-четвертых, ревитализация позволяет раскрывать имеющийся природный потенциал, который впоследствии развивает рекреационную функцию.

Ревитализация может быть реализована «сверху вниз» и «снизу вверх» (Гуныко и др., 2019). В первом случае — это большие проекты, идея которых и компетенции по реализации находятся вне соответствующего географического места и опираются на внешние ресурсы. Формат «снизу вверх» — это вовлечение сообществ в решение вопросов городского развития. Данный подход делает проект более прозрачным и ориентированным на потребности местного населения.

Понятие соучаствующего проектирования

Вовлечение местных сообществ в процесс ревитализации может быть осуществлено посредством соучаствующего проектирования. В большинстве работ данный термин понимается, как проектирование с участием заинтересованных акторов, в процессе которого они совместно определяют цели и задачи развития городской территории (Афанасьев и Степанова, 2021). Такой формат проектирования позволяет выявить настоящие проблемы и потребности местных сообществ, а также повысить эффективность проекта.

В целом, соучаствующее проектирование — это один из вариантов городского соуправления, которое противопоставляется городскому управлению. Городское соуправление ориентировано на формулирование и достижение коллективных целей городских акторов, которые принимают участие в управлении городом (Титов, 2019). Подобное участие горожан позволяет увеличить количество альтернативных вариантов решения городской проблемы, положительно сказывается на прозрачности и подотчетности проводимых в городе изменений, а также позволяет локализовать принимаемые решения (Ianniello et al., 2019).

«Серый пояс» Санкт-Петербурга

Постиндустриальная и точечно до сих пор функционирующая промышленная территория в Санкт-Петербурге, располагающаяся между историческим центром и полу-периферией города, носит название «серого пояса» (Нераскрытый ... 2021). Ныне активные предприятия «серого пояса», в основном, относятся к обрабатывающей промышленности, транспортировке, складским помещениям и деятельности водного транспорта. На момент 2020 года «серый пояс» включал в себя 76 предприятий и 488,7 тысяч рабочих мест, не все из которых относятся к промышленности (История развития серого пояса ... 2020). Тем не менее, считается, что большая часть «серого пояса» — это нерентабельные площади, преобразование которых затруднено, и характеризующиеся сложной структурой управления и использования (табл. 1).

Ввиду имеющихся у «серого пояса» достоинств, его шансы на преобразование повышаются. Например, данные территории имеют выгодное расположение между центром и полу-периферийными и периферийными районами, что благоприятно сказывается на транспортной доступности и потенциальном экономическом и социальном развитии. Более того, эти территории имеют сформированную систему коммуникаций. Также территории обладают потенциалом для комплексного развития, под которым стоит понимать учет аутентичности городской среды, в которую входят экономические, исторические, эстетические и экологические особенности (Potseshkovskaya & Soroka, 2021). Из-за того, что «серый пояс» города активно формировался в конце 19 и начале 20 века, многие объекты «серого пояса» имеют историко-культурную ценность, что может стать драйвером нового развития. Важно еще отметить, что расположение «серого пояса» близ рек и Финского залива позволяет развивать рекреационный и природный потенциал территории.

Сейчас в «сером поясе» уже имеются некоторые примеры ревитализации. Например, «Севкабель Порт», многофункциональный комплекс «Степан Разин», «Новая Голландия». Данные объекты «серого пояса» многофункциональны и ориентированы на удовлетворение различных потребностей жителей. Но, анализируя опыт Санкт-Петербурга, можно сказать, что практики соучаствующего проектирования преимущественно не применяются на территории «серого пояса» и судить о их влиянии на многофункциональность нельзя без какого-либо анализа.

В контексте применения соучаствующего проектирования на территории «серого пояса» трудность может вызвать работа с населением, так как проблематично оценить сформированность местных сообществ на территориях, застроенных большим числом объектов промышленности. Так или иначе, территории «серого пояса» попадают в границы различных муниципальных образований. Концентрация бывших и до сих пор действующих промышленных объектов на территориях муниципальных образований может означать, что их жители, формирующие местные сообщества, могут быть заинтересованы в преобразовании таких объектов, потому что они находятся близ их места проживания.

Таблица 1

Основные проблемы «серого пояса» Санкт-Петербурга

Сформировавшаяся среда	Законы	Эмоции и восприятие
1. Большое число собственников на территории одного объекта;	1. Часто меняющаяся нормативно-правовая база Санкт-Петербурга, регулирующая территории «серого пояса»;	1. Отсутствие смыслового и функционального наполнения;
2. Наличие действующих предприятий, некоторые из которых имеют санитарно-защитные зоны;	2. Наличие статуса объекта культурного наследия у части объектов «серого пояса», что накладывает ограничения на девелопмент.	2. Негативный образ «серого пояса», сложившийся у жителей Санкт-Петербурга
3. Экологические проблемы (загрязнение почв и акваторий);		
4. Плохо развитая инфраструктура.		

На составленной схеме видно (рис. 1), что 23 муниципальных образования Санкт-Петербурга включают в себя объекты «серого пояса». Самое большое число объектов промышленности сосредоточено в южной части «серого пояса». В целом, на территории «серого пояса» и близ него проживает значительная часть населения Санкт-Петербурга.

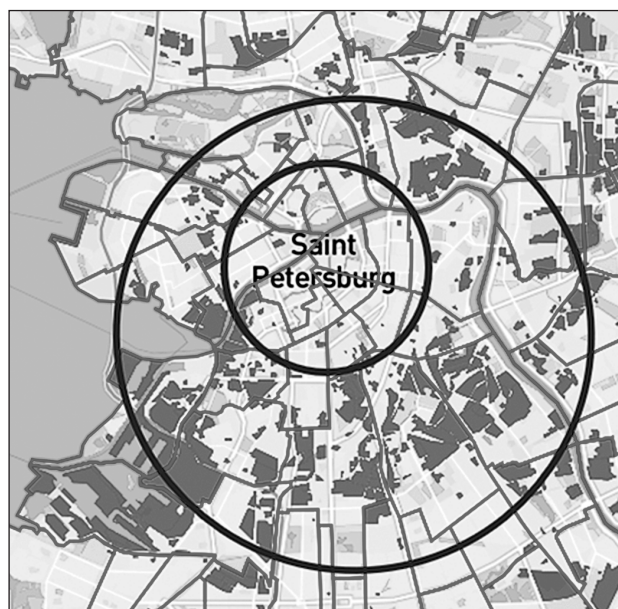

Рисунок 1. Промышленные зоны Санкт-Петербурга в границах муниципальных образований

Констатировать наличие сформированных местных сообществ сложно, потому что они не всегда очевидны, хотя, в то же время, присутствуют и четко сформировавшиеся (Например, в МО Коломна, МО Нарвский округ, МО Гавань). Получается, есть база местных сообществ, которые потенциально могут быть вовлечены в ревитализацию «серого пояса». Более того, отечественные практики реновации показали, что девелопмент активизирует формирование местных сообществ и налаживает внутри них связи (Zhelnina, 2022). Получается, основа для соучаствующего проектирования есть, и данная практика может быть применена на территории «серого пояса» Санкт-Петербурга.

Методология

Основным методом исследования являлось экспертное полу-структурированное интервью. В качестве первого информанта выступил главный архитектор одного из архитектурных бюро Санкт-Петербурга (далее — Информант А). Он был приглашен ввиду имеющегося у него опыта работы с «серым поясом» и его экспертности в области соучаствующего проектирования. Вторым информантом был главный специалист Комитета по промышленной политике, инновациям и торговле

Санкт-Петербурга (далее — Информант Б). Третьим информантом являлся городской планировщик одного из архитектурных бюро Санкт-Петербурга (далее — Информант В). Четвертый информант — архитектор (далее — Информант Г), который имеет активистскую позицию по отношению к «серому поясу» и выступает за его развитие в русле ревитализации. Три из четырех интервью были проведены онлайн и записаны с разрешения участников.

Результаты исследования

В ходе интервью все информанты отметили, что однозначно сказать, что «серый пояс» соответствует потребностям населения, нельзя. Например, Информант Б считает, что интересы населения недостаточно отражены в городской среде ввиду наличия дисбаланса в застройке города. Информант Г отметил также, что у населения есть потребность в появлении на территории «серого пояса» новых по функционалу объектов, но многие жители города сейчас негативно относятся к «серому поясу» ввиду сложившегося у него образа разрушенных территорий. Информант Г считает, что это можно исправить посредством образовательных лекций, семинаров, которые позволили бы раскрывать «серый пояс» с новой стороны.

Все информанты подтвердили, что соучаствующее проектирование может и должно применяться по отношению к «серому поясу». Вовлечение горожан, со слов Информанта Б, позволяет реализовать неубыточный и востребованный проект. Сейчас примеров соучастия в «сером поясе» Санкт-Петербурга мало, потому что, со слов Информанта А, «серый пояс» воспринимается, как территория «бесправия», где можно организовывать любой девелопмент без согласования с кем-либо. Кроме того, эксперты отмечают, что вовлечение в ходе ревитализации «серого пояса» должно включать участие не только жителей, но и городских и муниципальных властей, девелоперов, предпринимателей и др. Например, проекты в «сером поясе» часто включают в себя систему резидентства на территории того или иного объекта, поэтому очень важно вовлекать арендаторов, чтобы создать для них наиболее благоприятную среду. Кроме того, нет унифицированного формата соучастия с конкретным списком вовлеченных сторон. По мнению Информанта А, это объясняется тем, что каждый проект находится на своей фазе развития. Участие большого числа стейкхолдеров в проекте ревитализации может способствовать созданию более устойчивого объекта к изменчивой внешней и внутренней среде проекта.

Соучастие в рамках ревитализации «серого пояса» может идти как «снизу», так и «сверху». Например, Информант В считает, что вовлечение и жителей, и бизнеса должно быть основано на низовых инициативах. И чем они будут «ниже», тем лучше. Сейчас в «сером поясе» достаточно большая концентрация малого бизнеса ввиду низких

арендных плат, но город продолжает развиваться «большими проектами». Информант Г отмечает, что инициатива по реализации практик соучастия будет зависеть от того, кто является заказчиком и инвестором преобразуемой территории. В то же время, соучастие не должно обременять группы людей, которые ответственны за проект ревитализации в «сером поясе», поэтому может быть создана отдельная группа специалистов, которая была бы ответственна за соучастие.

В рамках вовлечения жителей, Информант А говорит о том, что имеются некоторые трудности в виде малого количества людей, которым было бы интересно развитие бывших промышленных объектов и территорий из-за отсутствия у них смыслового наполнения. Также жители могут иметь низкую заинтересованность, поэтому могут отказываться принимать участие в соучаствующем проектировании. В случае, если население не заинтересовано в работе с бывшими промышленными территориями, инициаторы проекта могут постепенно развивать и популяризировать проект без вовлечения. Когда проект будет предан некоторой гласности, практики соучастия станут более востребованными различными стейкхолдерами, потому что у них сформируется более цельный образ этого объекта и его культурный код. Могут также быть вовлечены люди, которые не живут около объекта девелопмента, но которые тоже заинтересованы в преобразовании и имеют сформированное представление о нем. Более того, можно работать не только с местными сообществами, проживающими близ ревитализируемого объекта, но и с временными арендаторами, которые иногда делают большой вклад в процесс соучастия. В целом, Информант А считает, что практики соучастия могут положительно сказываться на функциональном разнообразии «серого пояса» Санкт-Петербурга.

Заключение

Настоящее исследование показало, что практики соучаствующего проектирования могут оказывать положительное влияние на функциональное разнообразие «серого пояса», а существующие сейчас подходы к развитию этих территорий должны быть пересмотрены. Ввиду того, что у населения Санкт-Петербурга имеется спрос на мелкокомасштабную деятельность и на локальные проекты, на территории «серого пояса» должны поддерживать инициативы «снизу». Сейчас реализация подобных проектов затруднена, так как у их инициаторов нет достаточного количества ресурсов, как, например, административных или финансовых.

Соучастие с населением города по вопросам реавитализации «серого пояса» может происходить после соучастия девелопера с предпринимателями, креативным классом и другими заинтересованными акторами. Целью девелопера в этом случае является создание наиболее комфортных условий для арендаторов и тех, кто будет продвигать объект девелопмента. Население же может быть подключено

к процессу соучастия после популяризации и огласки проекта. Такой подход способен нивелировать риск отказа населения от участия в соучаствующем проектировании из-за отсутствия смыслового наполнения у территории. Также работа может вестись не только с местными сообществами, проживающими близ преобразуемой территории, но и с остальным населением Санкт-Петербурга, которое заинтересовано в развитии.

Важно отметить, что, преимущественно, инициатива по развитию «серого пояса» должна идти со стороны городских властей. Для того, чтобы «серый пояс» развивался в русле многофункциональности, важно, чтобы городские власти стимулировали девелоперов осуществлять те проекты, которые менее выгодны для них. Кроме этого, важно образовываться как городу, так и девелоперам, чтобы ценность «серого пояса» и смешанного использования территорий осознавалась всеми акторами более четко. Местные жители, которые тоже могут быть заинтересованы в ревитализации «серого пояса», имеют возможность влиять на процесс его девелопмента посредством объединения и продвижения идей по развитию данных территорий в том ключе, в котором хотят они.

Список литературы:

1. Афанасьев К. С., Степанова Е. С. (2021) The Day After: жизнь и судьба проектов соучаствующего проектирования в городах России. Городские исследования и практики, 6 (2), 26–47.
2. Гунько М. С., Пивовар Г. А., Аверкиева К. В. (2019) Ревитализация в малых городах Европейской России (на примере Боровичей, Выксы, Ростова). Известия Российской академии наук. Серия географическая, (5), 18–31.
3. Демидова Е. В. (2013) Реабилитация промышленных территорий как части городского пространства. Академический вестник УралНИИпроект РААСН, (1), 8–13.
4. Мироненко О. В., Калашник Д. К., Милавски С. (2020) Джентрификация в сфере развития неблагоприятных городских территорий. Техническая эстетика и дизайн-исследования, 2 (2), 37–46.
5. Нераскрытый Серый Петербург (2021) Исследование потенциала Серого пояса Санкт-Петербурга. MLA+/PromLab.: С.-Петербург, 294 с.
6. Титов Э. А. (2019) Городское соуправление: Концепция и Современные Исследования. Вопросы государственного и муниципального управления, (1), 173–194.
7. Шаракин В. С. (2016) Актуальные проблемы управления проектами redevelopment промышленных территорий в России. Вестник университета, (5), 46–51.
8. Ianniello M., Iacuzzi S., Fedele P., Brusati L. (2019) Obstacles and solutions on the ladder of citizen participation: a systematic review. Public Management Review, 21 (1), 21–46.
9. Leshchenko N., Tovbych V. (2019) Modern approaches to the revitalization of historical ex-industrial architecture. Journal of Heritage Conservation, (60), 51–58.
10. Potseshkovskaya I. V., Soroka A. N. (2021) Revitalization of urban industrial areas based on sustainable development principles. E3S Web of Conferences, (266), 1–11.
11. Zhelnina A. (2022) Bring Your Own Politics: Life Strategies and Mobilization in Response to Urban Redevelopment. Sociology, 56 (4), 783–799.
12. История развития серого пояса Санкт-Петербурга (2020) Урбаника. URL: <http://urbanica.spb.ru/project/istoriya-razvitiya-serogo-poyasa-sankt-peterburga/>

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОГО ОСВОЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ ЖИЛОЙ ЗАСТРОЙКИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Введение

Комплексное освоение территории сегодня является одним из ключевых методов жилой застройки. Комплексное освоение территории (КОТ) — это многосторонний и системный подход к использованию земельных ресурсов, который учитывает все экономические, социальные, технологические и геополитические аспекты. На современном этапе можно выделить несколько целей создания проектов КОТ, в том числе равномерное распределение центров деловой активности, обеспечение баланса объемов строительства жилой недвижимости и инфраструктуры, решение проблемы высокой автомобилизации, организация транспортной доступности территорий (Прохорова, 2019).

Законодательная основа проектов КОТ

КОТ характеризуется особым правовым режимом земельного участка и особенностями порядка его предоставления и освоения, что отражается в нормативно-правовых документах. Основными документами и регламентами регулирования комплексного освоения территории в России являются Земельный кодекс, Градостроительный кодекс, федеральные законы и постановления правительства, а также локальные нормативные акты.

Стоит заметить, что в настоящее время законодательством предусмотрена иная форма реализации проектов комплексного освоения территории. В нормативной базе вводится понятие «комплексное развитие территории», в котором КОТ фигурирует в качестве жилой застройки ранее не освоенных территорий. Четкие механизмы регулирования таких проектов не определены законом. Тем не менее, проекты комплексного освоения территории, реализация которых началась до принятия правок в Градостроительный кодекс, регулируются согласно отмененным статьям документа.

Особенности КОТ в Петербурге

Санкт-Петербург, являясь одним из крупнейших городов РФ, имеет множество особенностей и проблем, связанных с географическим положением, историческим и культурным значением города. Застройка в центре Санкт-Петербурга

затруднена количеством свободного для реализации проектов места, наличием зон охраны объектов культурного наследия, высокой ценой земельных участков и ограничениями Генерального плана. Поэтому комплексное освоение территории Санкт-Петербурга чаще всего реализуется по принципам *greenfield development* — для застройки выбирается неосвоенная местность в черте города, преимущественно на окраине. Для того, чтобы лучше понять основные тенденции развития комплексного освоения территории в Петербурге, а также их особенности и проблемы, стоит провести непосредственный анализ уже реализованных в городе проектов.

Методология

Оценка выбранных проектов проводилась исходя из данных Администрации Санкт-Петербурга, цифрового Генплана и открытых интернет-данных о наличии на территории проекта необходимой инфраструктуры. С помощью программы ArcGIS на карту города точно были нанесены инфраструктурные объекты, обозначены территориальные границы застройки путем построения полигона, построены буферные зоны, которые определяют радиус обслуживания и доступность объектов для населения. Затем произведен расчет проектной мощности объектов, который необходимо сравнить с действительными показателями обеспеченности. Последние в свою очередь рассчитаны на основе данных застройщика или исходя из общей площади застройки проекта. Пространственный анализ для написания данной статьи был выбран основным видом исследования по ряду причин. Пространственные данные сегодня в первую очередь позволяют решать жизненно важные для государства задачи, имеют высокий потенциал для развития экономики и служат основой цифровой трансформации отраслей (Белогурова и др., 2020).

Согласно нормативно-правовым актам, регулирующим нормы градостроительного проектирования Петербурга, была составлена таблица 1, в которой описаны расчетные показатели обеспеченности и доступности образовательных учреждений. Наравне с этим была составлена таблица 2, содержащая расчетные показатели обеспеченности и доступности для объектов нормирования в области здравоохранения.

Таблица 1

Нормы обеспеченности и доступности образовательных учреждений

Вид образовательного учреждения	Подвид образовательного учреждения	Обеспеченность на 1000 человек	Радиус обслуживания
Дошкольные образовательные организации	Детский сад	61 место	300 метров
Общеобразовательные организации	Начального общего образования	120 мест	500 метров
	Основного общего образования		
	Среднего общего образования		

Таблица 2

Нормы обеспеченности и доступности медицинских учреждений

Подвид амбулаторно-поликлинического учреждения	Обеспеченность на 1000 человек	Радиус обслуживания
Поликлиники для детей	5,7 посещений в смену	1000 метров
Поликлиники для взрослых	14,1 посещений в смену	
Стоматологические поликлиники	2,8 посещений в смену	
Женские консультации	1,7 посещений в смену	
Центр общей врачебной практики (дети)	3,7 посещений в смену	
Центр общей врачебной практики (взрослые)	10,6 посещений в смену	

Также были задействованы данные Министерства здравоохранения РФ, которые позволили определить мощность амбулаторно-поликлинических учреждений (АПУ) на территории жилого комплекса и удовлетворяют ли они критерию транспортной и пешей доступности (60 мин.).

Данная работа включает анализ трех наиболее значимых и масштабных проекта комплексного освоения территории в Санкт-Петербурге: ЖК «Северная долина», ЖК «Балтийская жемчужина» и ЖК «Новая Охта».

Анализ проектов КОТ: Северная долина

ЖК «Северная долина» — один из крупнейших проектов комплексного освоения территории в городе. Комплекс расположен на севере города около станции метро «Парнас» (Выборгский район). ЖК вошел в перечень стратегических объектов Санкт-Петербурга и программу «Доступное и комфортное жилье». Застройщик проекта — «Главстрой Санкт-Петербург», класс жилья — эконом. На данный момент комплекс включает в себя 52 здания этажностью 26–27 этажей, реализовано 16 очередей строительства. Площадь застройки комплекса составляет 270 га, а общая жилая площадь превышает 2 мл. кв. м. Главная идея проекта — создать «город в городе» — место, где можно удовлетворить все базовые потребности, не выезжая за пределы комплекса.

Экономическая инфраструктура. Около 85% территории занимает жилая застройка, и лишь 5% приходится на общественно-деловую зону. Бизнес и предприятия преимущественно размещаются на первых этажах зданий, что не позволяет полностью удовлетворить спрос населения на рабочие места

в пределах комплекса. По данным застройщика, на территории объекта расположено более 200 объектов коммерческой инфраструктуры, планируется строительство торгового центра в южной части ЖК.

Социальная инфраструктура. На данный момент на территории комплекса расположены 4 школы, 6 детских садов, 1 кабинет врача общей практики для детей и взрослых. Согласно рисунку 1, на территории ЖК существуют 3 средние общеобразовательные школы и 1 основная общеобразовательная. Радиус обслуживания объектов покрывает часть комплекса за исключением северо-востока земельного участка. По произведенным расчетам, примерная численность населения ЖК на сегодняшний день составляет 61 тыс. человек. На данное количество жителей должно быть предусмотрено 7,32 тысяч мест в общеобразовательных организациях. Но общая расчетная мощность существующих объектов равна 3,6 тысяч мест, что меньше нормы в 2 раза.

На данный момент на территории ЖК «Северная долина» реализовано 6 детских садов общей проектной мощностью 1,2 тысячи мест. Радиус их обслуживания покрывает чуть больше половины территории, кроме северо-восточной и северо-западной частей. При текущей численности населения норма по обеспеченности дошкольными образовательными учреждениями составляет 3721 мест, что в 3 раза меньше нормы.

Что касается медицинских учреждений, можно отметить следующее — на 61 тыс. жителей сегодня приходится лишь 1 кабинет врача общей практики. Проектная мощность такого ЦОВП должна составлять 872 приема в смену, что меньше заявленной мощности, равной 150 посещений в смену, почти в 6 раз. Тем не менее, радиус обслуживания кабинета покрывает всю территорию жилого комплекса и находится в пешей доступности.

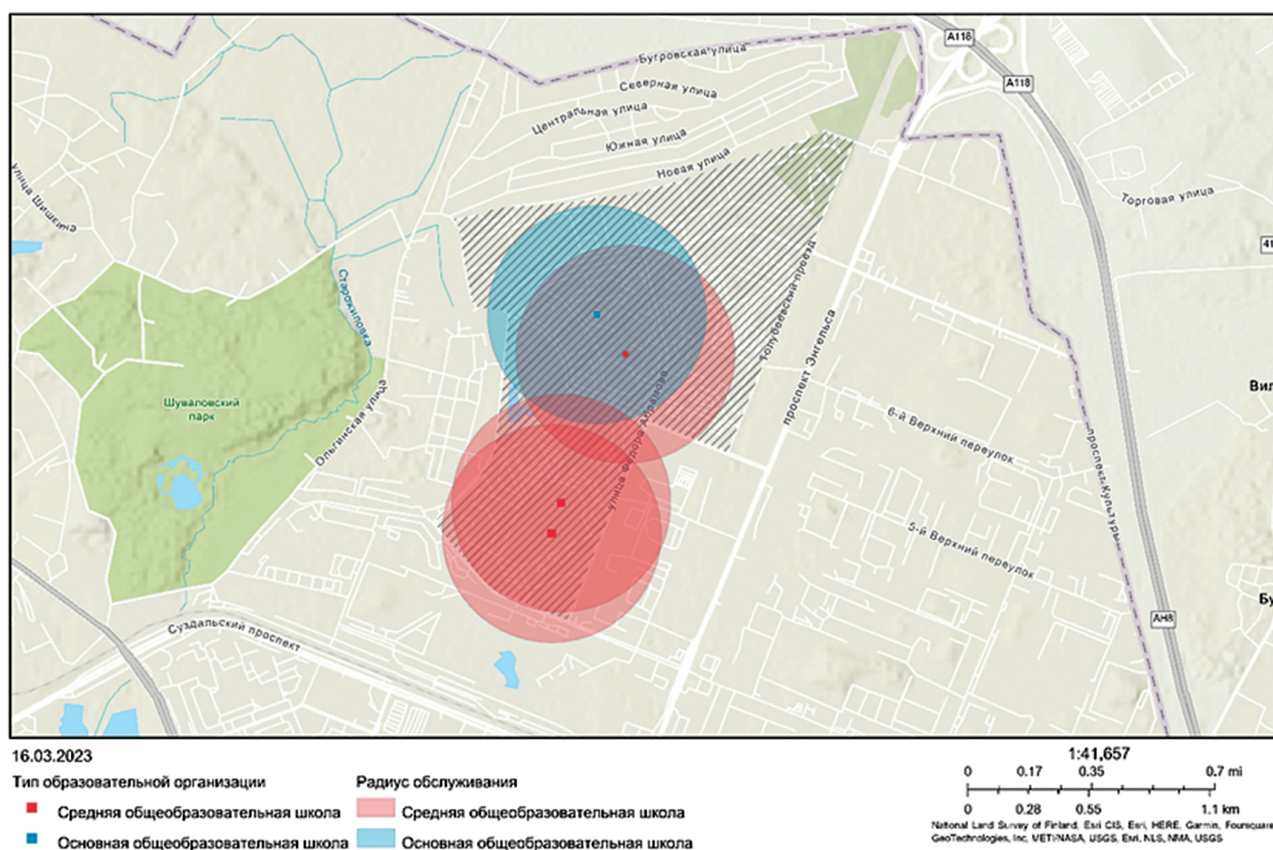

Рисунок 1. Доступность существующих школ ЖК «Северная долина»

Транспортная доступность. Территория проекта имеет отличную транспортную инфраструктуру. Она включает в себя остановки общественного транспорта, центральную (ул. Валерия Гаврилина) и основные магистральные улицы (ул. Николая Рубцова, ул. Федора Абрамова, ул. Заречная, ул. Михаила Дудина). Также рядом с комплексом находится выезд на кольцевую автодорогу (КАД). «Северная долина» расположена в непосредственной близости от станции метро «Парнас» и автостанции.

Рекреационные зоны. На участке «Северной долины» рекреационные зоны, согласно цифровому Генплану, составляют лишь 10% общей территории. На данный момент жители ЖК не обеспечены местами для отдыха и занятий спортом, прогулок на свежем воздухе. Функцию рекреационной зоны выполняет парк «Dolina» площадью 11 га, находящийся на западе участка, а также Шуваловский парк, расположенный неподалеку.

Экологические аспекты. Так как на участке комплексного освоения территории не может быть расположено промышленных предприятий, нужно обратить внимание на близлежащие территории. Камнем преткновения в данном случае является расположение промышленной зоны напротив комплекса, в которой находятся машиностроительный завод, металлообрабатывающее предприятие, производство пищевого сырья.

Анализ проектов КОТ: Балтийская жемчужина

ЖК «Балтийская жемчужина» — один из первых проектов комплексного освоения территории в Санкт-Петербурге. Он находится на юго-западе города в Красносельском районе. Застройщик проекта — ЗАО «Балтийская жемчужина». Она является дочерней структурой Шанхайской Заграничной Объединенной Инвестиционной Компании (ШЗОИК). Класс жилья — комфорт-элит. Территория жилого комплекса составляет 205 га, а площадь реализованной жилой застройки — 1,073 млн. кв. м. Всего проект включает 9 объектов жилой недвижимости. На данный момент идет окончание реализации проекта и строительства двух новых объектов. «Балтийская жемчужина», по данным застройщика, рассчитана на 40 тысяч человек. Этажность зданий варьируется от 4 до 22 этажей и обеспечивает невысокую плотность застройки. Уникальной чертой проекта является его местоположение: жилой комплекс расположился на берегу Финского залива в окружении нескольких парков. Миссия компании «Балтийская жемчужина» заключалась в создании современного района на границе города и моря для комфортной и уютной жизни.

Экономическая инфраструктура. Около 30% территории жилого комплекса занимает общественно-деловая зона. По информации

строительной организации, реализовано порядка 320 тыс. кв. м коммерческих площадей, в том числе 40 тыс. кв. м встроенных коммерческих помещений в жилых домах. На территории комплекса находятся торгово-развлекательные и деловые комплексы, гостиницы, выставочные центры, рестораны. Это говорит о наличии рабочих мест и возможности жителей макрорайона работать в границах самого комплекса.

Социальная инфраструктура. На март 2023 года на территории комплекса построены 2 школы, 6 детских садов и 3 амбулаторно-поликлинических учреждения. К моменту завершения строительства общее число проживающих на территории ЖК, по предварительным расчетам, составит 32,5 тысячи человек.

В пределах комплекса располагаются 1 специальная общеобразовательная и 1 средняя общеобразовательная школы. Южная часть земельного участка входит в границы обслуживания и обеспечена школами, когда вся северная часть испытывает дефицит. Общая расчетная мощность ОУ равна 1650 мест. Нормой для заданного количества проживающих является 3900 мест, что больше расчетной мощности в 2,4 раза.

В границах территории жилого комплекса «Балтийская жемчужина» действуют 6 дошкольных образовательных учреждений. Радиус их обслуживания охватывает все зоны жилой застройки, находящиеся на территории ЖК, кроме небольшой части в центре. Общая расчетная мощность равна 820 мест. Нормой мощности при заданном количестве жителей комплекса является 1982 места, что выше действительного показателя более чем в 2 раза.

На территории проекта находятся 2 городские поликлиники (взрослое и детское отделение) и отделение скорой медицинской помощи. Радиус обслуживания таких объектов равен 1 километру, что делает их доступными для населения на всей территории ЖК. Также медицинские учреждения соответствуют критерию транспортной и пешей доступности. Отделения поликлиники обладают мощностью в 420 посещений в смену каждое. На 32,5 тысячи человек норма мощности для взрослого отделения — 458 посещений в смену, а для детского — 185 посещений в смену. Критерию обеспеченности полностью удовлетворяет детское отделение поликлиники, взрослое отделение незначительно отходит от нормы.

Транспортная доступность. Комплекс имеет развитую транспортную сеть: на территории расположены остановки общественного транспорта, а также проходят магистральные дороги (ул. Адмирала Трибуца, пр. Героев). ЖК имеет доступ к Петергофскому шоссе — одной из главных магистралей города. Несмотря на удаленность от центра, станция метро «Проспект Ветеранов» находится в 15 минутах езды на общественном транспорте, а до 2030 года запланировано строительство станции «Петергофское шоссе».

Рекреационные зоны. На территории самого комплекса расположено несколько зон для отдыха

и прогулок вдоль Матисова канала, но их размер незначителен. Зато вокруг комплекса находятся Южно-Приморский парк и парк Новознаменка, что в полной мере обеспечивает жителей ЖК зонами рекреации.

Экологические аспекты. В непосредственной близости к комплексу нет производственных зон. Это делает место одним из самых чистых в городе. Более того, ЖК расположен на берегу Финского залива, что способствует улучшению здоровья населения.

Анализ проектов КОТ: Новая Охта

ЖК «Новая Охта» — крупный проект на завершающей стадии. Обособленный жилой квартал расположен в новой развивающейся части Красногвардейского района, между рекой Охтой и Муринской дорогой. Застройщик проекта — ООО «ЛСР», класс жилья — эконом. Территория застройки комплекса составляет 110 га. Проект включает строительство 63 многоэтажных домов общей площадью 918 724,73 кв. м, в том числе жилой — 743 677,19 кв. м. Реализация проекта, по данным застройщика, ориентирована на семьи, для которых важны благоустройство территории, чистовая отделка, места для отдыха и занятий спортом.

Экономическая инфраструктура. В пределах макрорайона расположены продуктовые магазины, салоны красоты, досуговые центры, пекарни, аптеки, паркинги. Тем не менее, по цифровому Генплану, доля общественно-деловой застройки составляет порядка 10%.

Социальная инфраструктура. На территории ЖК находятся 1 основная общеобразовательная школа и 1 средняя общеобразовательная с углубленным изучением предмета. Радиус обслуживания покрывает всю территорию. Суммарная расчетная мощность школ составляет 1025 мест. При данном количестве проживающих нормой обеспеченности является 3340 мест на 1000 человек, что больше реального показателя более чем в 3 раза.

На территории функционирует 3 детских сада. Радиус обслуживания, согласно построенным буферным зонам, не покрывает весь участок жилой застройки — детские сады малодоступны для жителей северо-востока комплекса. Общая расчетная мощность детских садов составляет 590 мест. Нормой обеспеченности в данном случае является 1698 мест. Это почти в три раза больше расчетной мощности существующих объектов.

ЖК примечателен обилием инфраструктуры в сфере медобслуживания. Сегодня на территории «Новой Охты» функционирует 6 АПУ, включая взрослую и детскую городские поликлиники, женскую консультацию, офис врача общей практики, центр общей врачебной практики (ЦОВП) и стоматологическую поликлинику. Доступность государственных медучреждений определяется радиусом в 1 километр. Так, АПУ на участке ЖК обеспечивают всю территорию комплекса и даже близлежащие территории.

Транспортная доступность. Комплекс имеет хорошую транспортную доступность. Вдоль центральной магистрали макрорайона (Муринской дороги) расположены остановки общественного транспорта. Также существует выезд с территории ЖК на КАД. Тем не менее, чтобы добраться до станции метро «Гражданский проспект» понадобится более 20 минут езды на общественном транспорте из-за особенностей автомобильной развязки, расположенной севернее участка комплекса.

Рекреационные зоны. Несмотря на то, что территория расположена вдоль реки Охта, наблюдается резкий недостаток зон рекреации. Рядом с комплексом нет парков и скверов, где люди могут гулять, заниматься спортом и отдыхать.

Экологические аспекты. Вблизи территории застройки не расположено производственных зон. Но экологическую ситуацию осложняет дорожная система, характеризующаяся высоким трафиком, что приводит к обилию автомобильных выбросов. Также кольцевая автодорога отделяет комплекс

от зоны инженерной инфраструктуры, где находятся автомастерские, автосервисы и котельная. В результате создается шум, ухудшается качество воздуха, что негативно сказывается на здоровье жителей комплекса.

Результаты исследования

На основе представленного анализа можно сделать выводы относительно комплексного освоения территории в Санкт-Петербурге. По итогам анализа была составлена сравнительная таблица 3. В ней отражены основные показатели проанализированных проектов комплексного освоения территории в Санкт-Петербурге, в том числе класс жилья, показатели социальной и экономической инфраструктуры, наличие рекреаций, факторы, влияющие на экологическую ситуацию и доступность территории для транспорта. По результатам анализа сделаны следующие выводы.

Таблица 3

Сравнение проектов КОТ в Санкт-Петербурге

Критерий сравнения	ЖК «Северная долина»		ЖК «Балтийская жемчужина»		ЖК «Новая Охта»	
Класс жилья	Эконом		Комфорт-элит		Эконом	
Общая площадь (га)	270		205		110	
Площадь жилой застройки (% от общей площади)	85		60		80	
Численность населения на текущий момент (чел.)	61 000		32 500		23 672	
Число объектов социальной инфраструктуры:	Количество существующих объектов	Соответствие нормативным показателям	Количество существующих объектов	Соответствие нормативным показателям	Количество существующих объектов	Соответствие нормативным показателям
ООУ (школы)	4	в 2 раза меньше	2	в 2,4 раза меньше	2	в 3 раза меньше
ДОУ (детские сады)	6	в 3 раза меньше	6	в 2 раза меньше	3	в 3 раза меньше
АПУ (поликлиники, кабинеты врача общей практики, стоматологии, женские консультации)	1	в 6 раз меньше	3	в 1,1 раза меньше для взрослого населения, для детей – норма	6	в 2,5 раза меньше для взрослого населения, для детей – в 1,5 раза меньше
Экономическая инфраструктура (% от общей площади, занятой общественно-деловой зоной)	5		30		10	
Транспортная доступность (высокая, средняя, низкая)	Высокая		Высокая		Средняя	
Рекреационные зоны (степень обеспеченности наличие парками, скверами, зонами отдыха)	Средняя (2 парка, нет мест для прогулок, отдыха и занятий спортом)		Высокая (2 парка, есть зоны для отдыха и прогулок)		Низкая (отсутствие парков и скверов)	
Экологические факторы	ЖК расположен рядом с промышленной зоной (отрицательные факторы – загрязнение воздуха отходами машиностроения и металлообработки)		ЖК расположен на берегу Финского залива (благоприятная экологическая обстановка)		ЖК расположен рядом с автодорогами (отрицательный фактор – загрязнение воздуха выхлопными газами)	

Во-первых, все проекты размещаются вдали от центра, в районе периферии или даже на окраине города вблизи его границы. Это происходит потому, что застройка в центре Санкт-Петербурга затруднена количеством свободного для реализации проектов места, наличием зон охраны объектов культурного наследия, высокой ценой земельных участков и ограничениями Генерального плана (функциональные зоны, высотность зданий).

Во-вторых, на территории комплексов наблюдается резкий недостаток социально-экономической инфраструктуры, особенно учреждений школьного и дошкольного образования, амбулаторно-поликлинических объектов. Это вынуждает жителей макрорайонов воспользоваться услугами данных учреждений вне комплекса. Также существует недостаток рабочих мест внутри границ ЖК. Вместе эти факторы усиливают маятниковую миграцию и способствуют высокой загрузке транспортной сети.

В-третьих, комплексы расположены преимущественно вдоль основных городских артерий — магистралей и шоссе. Это обеспечивает высокую транспортную доступность для территорий, расположенных вдали от центра города.

Последнее, что стоит отметить, это этажность комплексов. Преимущественно проекты застройки составляют жилые дома высотой более 20 этажей, что позволяет застройщику получить максимальная прибыль при размещении максимального числа квадратных метров жилья небольшой территории.

Заключение

Описанные выше факторы способствуют созданию негативного имиджа проектов КОТ. Несмотря на это, спрос на жилье в таких комплексах остается высоким благодаря относительно низкой цене квартир и активной рекламе от застройщиков.

Основным решением данной проблемы станет совершенствование законодательной базы, а также поддержка девелоперов, совершенствование механизма государственно-частного партнерства и поддержка рынка жилья на разных уровнях с помощью льгот и субсидий. Кроме того, представляется необходимым усилить надзор за осуществлением комплексного освоения территории на каждом этапе, в том числе организовать проведение государственной экспертизы проектов КРТ.

Список литературы:

1. Градостроительный кодекс РФ от 29.12.2004 № 190. Ст. 46 с изм. и допол. в ред. от 29.12.2022. (2022). Особенности подготовки документации по планировке территории применительно к территории поселения, территории городского округа.
2. Земельный кодекс РФ от 16.07.2009 № 582. (2009). Размер арендной платы за земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности.
3. Постановление Правительства РФ от 05.05.2007 № 265. (2007). Об экспериментальных инвестиционных проектах комплексного освоения территорий в целях жилищного строительства.
4. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 11.04.2017 № 257. (2017). Об утверждении нормативов градостроительного проектирования Санкт-Петербурга.
5. Приказ Министерства Здравоохранения РФ от 27.02.2016 № 132н. (2016). О требованиях к размещению медицинских организаций государственной системы здравоохранения и муниципальной системы здравоохранения исходя из потребностей населения.
6. Прохорова, Е. А. (2019). Комплексное освоение территорий в условиях современного города. Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral», (3), 22–28.
7. Спиренков, В. А., Шкуров, Ф. В., Белогурова, Е. Б., Воробьев, В. Е., Гвоздев, О. Г., Головшинский, К. И., ... & Шлюпиков, В. А. (2020). Пространственные данные: потребности экономики в условиях цифровизации.

АНАЛИЗ СЕТЕЙ КОНЦЕНТРАЦИИ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ НА ПРИМЕРЕ «ЛОФТ ПРОЕКТ ЭТАЖИ»

Введение

Креативные индустрии занимают особое место в современных странах. Они оказывают положительное влияние на финансовую составляющую территории присутствия, а также способствуют улучшению общего качества жизни людей (Абанкина, 2021). Сами креативные индустрии представляют собой, по сути, любую деятельность, связанную с творческими навыками людей, в результате которой создаются креативные продукты (Creative Industries Mapping Documents, 1998). Данные индустрии прошли, и до сих пор проходят, через множество процессов трансформации, уйдя от обычной «культуры», к получению «творческого» статуса (Вейнмейстер, 2017). Изначально это было связано с изменением представления о творческом подходе и расширением сфер деятельности, которые рассматриваются как творческие. Сейчас основной список креативных индустрий гораздо более широк, чем несколько десятилетий назад, но даже его нельзя назвать окончательным (Зеленцова и Гладких, 2010):

- архитектура;
- дизайн, графический дизайн;
- исполнительное искусство (театр, шоу, танцы);
- кино, видео, стриминговые сервисы;
- литература, издательская деятельность;
- мода;
- музыка;
- прикладное искусство;
- IT сфера, программное обеспечение;
- реклама;
- телевидение, радио и др.

Растущая популярность данных индустрий объясняется массовостью потребления ее продуктов деятельности. Массовость же происходит от того, что творческие индустрии, в отличие от «не креативных», воспринимаются людьми как что-то приятное (Абанкина, 2021). В связи с этим, люди радуются появлению новых общественных мест и пространств для досуговой деятельности (Флорида, 2011). Однако, отдельно взятая единица креативной индустрии редко существует на территории в полном одиночестве, так как она привлекает иных творческих деятелей, что, по итогу, может привести к созданию креативного кластера.

Понятие «креативного кластера»

Понятие «кластер» в экономике, само по себе, обычно подразумевает объединение компаний и организаций, находящихся на одной территории, что повышает эффективность их деятельности из-за близости и взаимодействия (Хакимова, 2013). Креативный характер кластера дает больше преимуществ за счет моментального потребления продукта творческой деятельности (Хакимова, 2013). Это же является причиной того, что креативным кластерам жизненно необходимо, чтобы людям было комфортно находиться на их территории. Ведь именно удобство и развитость инфраструктуры в наше время привлекает большее число посетителей. Поэтому, если на какой-то территории появляется объединение творческих людей, предлагающих свою продукцию или услуги, инфраструктура стремится «подстроиться» под него, так как видит спрос людей на такую деятельность. Так, креативные кластеры приводят к развитию транспортных путей на своей территории, привлекают организации общественного питания, способствуют общему улучшению внешнего вида территории (Королева и Резван, 2023).

Сами креативные кластеры не являются чем-то новым, в зарубежной практике они являются привычным элементом многих крупных городов. Тем не менее, в России они все еще изучаются, так как пока что не стали чем-то обычным для многих населенных пунктов. Этот процесс усложняет то, что большая часть нынешних креативных кластеров находится на территории Москвы и Санкт-Петербурга, как самых крупных центров притяжения творческих людей (Королева, Резван, 2023). Такая практика показывает, что в России творческие объединения такого характера могут существовать только в крупных городах, которые дают им не только площадку для развития, но и заинтересованных в их деятельности людей.

Методология

Кластеры, как уже говорилось ранее, создают прекрасные условия для взаимодействия организаций в их рамках. И такая коммуникация приводит к тому, что между членами кластеров (креативных, в частности) возникают связи, своего

рода сети, которые могут влиять на функционирование всего объединения в целом. Для анализа и изучения подобных связей используют метод сетевого анализа, который позволяет визуализировать взаимодействие компании в виде графов (Дегтерев, 2015). Такой метод позволяет оценить частоту взаимодействия резидентов кластера, их надежность и значимость для кластера в целом. Сами связи могут представлять собой любую коммуникацию, как непосредственное сотрудничество друг с другом, так и простое «соприкосновение» в процессе своей деятельности.

Стоит отметить, что степень связи между членами креативного кластера может отличаться в зависимости от того, сколько у нее связей и какое значение они имеют друг для друга. Относительно этого, в структуре одного кластера можно выявить условных лидеров, которые оказывают наибольшее влияние на коммуникацию внутри кластера и задают основное направление его деятельности. При чем позиция лидера может как давать преимущества, так и быть бременем ответственности за сохранение единства всей сети.

Сетевое взаимодействие показывает не только то, как участники кластера взаимодействуют друг с другом (если такая коммуникация существует), но и то, на каком основании строится эта связь, что является причиной ее появления. Таких причин может быть множество, особенно в среде креативных кластеров. При этом, если из-за развития таких связей креативный кластер будет привлекать на свою территорию функционирования все больше заинтересованных в активном сотрудничестве организаций, то это может оказать положительное влияние даже на сам город. Выстраивание связей, в первую очередь, приносит выгоду самим резидентам кластера, так как они их устанавливают по собственной воле ради конкретных целей. Тем не менее, такие связи могут привести к тому, что посетители, жители территории расположения кластера и другие группы людей могут получать от таких связей положительные экстерналии, на которые они не претендовали.

**«Лофт Проект Этажи»
Санкт-Петербурга**

Для применения метода сетевого анализа на практике нами был выбран один из самых первых креативных кластеров в России — «Лофт проект Этажи» («Этажи»). Основанные в 2007 году в Санкт-Петербурге, «Этажи» прошли через множество стадий: первыми в стране преобразовали промышленное здание в творческое пространство, расширив свою территорию к 2023 году до 7000 кв. м.; первыми стали осуществлять деятельность креативного кластера по европейским стандартам — организовывали выставки, мероприятия; преобразовали кластер в стартап пространство, предоставляющее помещения для инициативных и творческих людей (Лофт Проект Этажи, эл. ресурс). Последний факт

наиболее важен, так как из-за таких преобразований «Этажи», по сути, стали местом концентрации большого числа маленьких магазинов.

На 2023 год число таких магазинов (резидентов) составило 190 (158, если не учитывать недействующие организации). Распределение резидентов по сферам деятельности представлено на рисунке 1. Такой «набор» резидентов не удивителен: «Этажи» расположены на Лиговском проспекте, одном из самых молодежных и оживленных мест в Санкт-Петербурге (Лофт Проект Этажи, эл. ресурс). Из-за чего данное место притягивает креативных и активных людей.

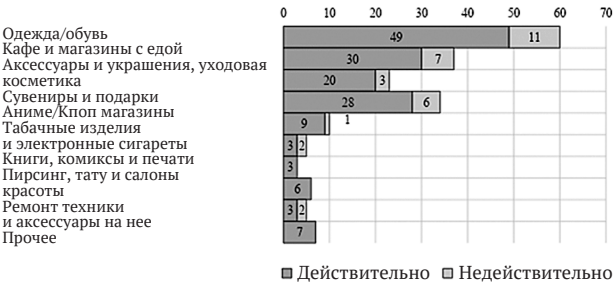

Рисунок 1. Классификация резидентов «Лофт Проекта Этажи» по сфере деятельности

Результаты исследования

Сами магазинчики чаще всего небольшого размера. Их открытием зачастую занимаются молодые люди, для которых такой опыт является первой попыткой ведения собственного дела. В силу размера и формы собственности данных организаций (в основном это индивидуальные предприниматели — ИП), собрать информацию о таких организациях из открытых источников достаточно сложно. Тем не менее, удалось установить наличие связей между 58 резидентами за 8 лет (с 2015 по 2023 год). Данные связи можно разделить на 8 категорий (табл. 1). Особенность данных связей заключается в том, что большая их часть представляет собой не прямую коммуникацию между резидентами, а косвенную связь через участие в одних и тех же мероприятиях (к ним не относятся только коллаборации и сотрудничества с другими субъектами). На основе выявленных связей была построена сеть взаимодействий между участниками «Этажей» (рис. 2).

Сетевой граф представляет собой систему как связанных, так и отделенных, не входящих в общую цепочку, резидентов. В ранее упомянутой таблице 1 также представлены обозначения цветов: каждому цвету присвоен род связи между участниками. Закодированы и вершины связей — тип фигуры указывает на то, на какой территории пространства находится тот или иной участник. Из рисунка видно, что большая часть участников не связаны с общей цепью (21 резидент), а связи остальных отличаются неоднородной плотностью. При этом, по видам связи сеть практически

разделяется на «сектора», которые связывают между собой несколько центральных резидентов. Такими крепкими связующими (лидерами) являются магазины «Fan Stuff», «Akiba Ramen», «Funky shop», «Otaku», «Массив Деко». Они имеют наибольшее

число связей с другими участниками «Этажей», и являются примерами степенной центральности. Многие же резиденты, находящиеся по «краям» общей сети, представляют собой степенную неполноту, так как имеют хаотичные связи.

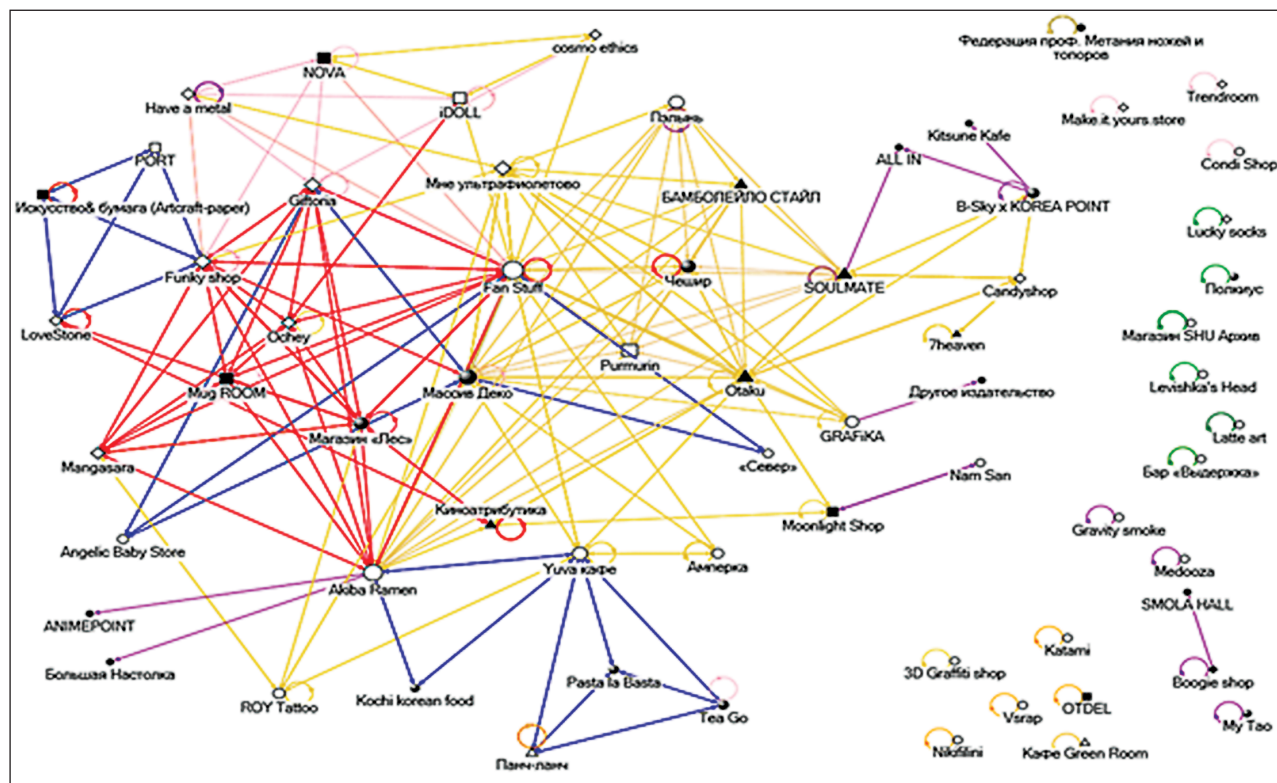

Рисунок 2. Сеть взаимодействия резидентов «Лофт Проект Этажи»

Таблица 1

Условные обозначения Сети взаимодействия резидентов «Лофт Проект Этажи»

Род связи	Цвет связи	Этаж	Обозначение расположения организации (на этаже)
Благотворительность	Зеленый	Первый двор, Второй двор (Пространство «Улица Контейнерная»)	Круг
Коллаборации	Оранжевый	Цокольный этаж (один резидент – Федерация проф. Метания ножей и топоров)	Диск
Торговля на онлайн платформах	Синий	Пространство Стридфуд, 0 этаж, Пространство Катушки	Сфера
Сотрудничества с магазинами / людьми / брендами / сообществами и др.	Фиолетовый	Этаж 1.0	Квадрат
Фестивали	Желтый	Этаж 1.2	Закрашенный квадрат
Ярмарки	Красный	Этаж 2.0	Ромб
Маркеты	Розовый	Этаж 2.8	Закрашенный ромб
Турниры	Серый	Этаж 3.0	Треугольник
		Этаж 4	Закрашенный треугольник

В целом, в получившейся сети взаимодействия видно то, что преобладающие цвета — это желтый, красный, розовый и синий. Первые три цвета — фестивали, маркеты, ярмарки, последний — присутствие продукции на торговых онлайн площадках. Все эти связи не являются конкретным взаимодействием участников между собой, они лишь говорят о том, что данные организации принимали (или принимают) участие в одних и тех же мероприятиях. К тому же, перемешивания цветов (то есть пересечения участников в разных видах связи) очень незначительно. Это говорит о слабом уровне сетевого взаимодействия участников «Этажей» между собой, о незаинтересованности контактировать друг с другом. Нежелание идти на сотрудничество можно объяснить тем, что резиденты входят в одну или очень близкую отраслевую специализацию, из-за чего они конкурируют между собой за потенциальных покупателей.

Заключение

Отсутствие коммуникации между участниками внутри креативного пространства говорит о том, что резиденты стремятся получать выгоду лишь единолично, и не видят возможного выигрыша при сотрудничестве. От этого теряет и городское пространство: отчуждение участников друг от друга приводит к тому, что «Этажи» превращаются в неформальный торговый центр, не способный предложить новые интересные проекты, связанные с уже существующими участниками. Из-за этого статус и популярность «Этажей» к данному времени угасают, на первый план выходят «Новая Голландия» или «Севкабель Порт».

«Лофт Проект Этажи» является прекрасной площадкой для взаимодействия и сотрудничества креативных людей друг с другом, для взаимной помощи и развития. Тем не менее, проведенный анализ показал, что ни пространство, ни сами участники не используют перспективы и возможности данного места. Вместо этого, магазинчики продают схожую продукцию, чаще всего даже не

ручного труда, а перекупленную от поставщиков для продажи. А ведь активная деятельность и коммуникация творческих личностей в самом центре города привлекала бы таких же креативных людей, способствуя повышению уникальности данного места. Из-за этого, пространство теряет часть аудитории, которую не привлекает продукция данных магазинов, но которой симпатизируют творческие площадки. В результате, можно считать, что преобразование креативного кластера в стартап пространство в данном случае не принесло положительного эффекта для города больше, чем до изменений в организации.

Список литературы:

1. Абанкина, Т. В., Николаенко, Е. А., Романова, В. В., & Шербакова, И. В. (2021). Креативные индустрии в России: тенденции и перспективы развития. Москва: Изд-во Grey Matter.
2. Вейнмейстер, А. В., & Иванова, Ю. В. (2017). «Культурные индустрии» и «креативные индустрии»: границы понятий. Международный журнал исследований культуры, (1 (26)), 38–48.
3. Дегтерев, Д. А. (2015). Сетевой анализ международных отношений. Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения, (4), 119–138.
4. Зеленцова, Е. В., & Гладких, Н. В. (2021). Творческие индустрии: теории и практики (pp. 209–209). Т8 RUGRAM.
5. Королева, О. С., & Резван, А. В. (2023). Создание креативных кластеров в России и перспективы их развития. In Современные перспективы строительства (pp. 121–127).
6. Лофт Проект Этажи, (n.d.). <https://www.loftprojectetagi.ru/about/istoriya/>
7. Флорида, Р. (2011). Креативный класс: люди, которые меняют будущее.
8. Хакимова, Е. Р. (2013). Креативный кластер как элемент креативного потенциала территории. Актуальные вопросы экономических наук, (34), 121–124.
9. Creative Industries Mapping Document, (1998). <https://www.gov.uk/government/publications/creative-industries-mapping-documents-1998>
10. Giuliani, E., & Pietrobelli, C. (2011). Social Network Analysis Methodologies for the Evaluation of Cluster Development Programs. Inter-American Development Bank, Capital Markets and Financial Institutions Division.

НЕЛЕГАЛЬНОЕ УЛИЧНОЕ ИСКУССТВО КАК ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК НАРУШЕНИЙ ТРЕБОВАНИЙ К БЛАГОУСТРОЙСТВУ ТЕРРИТОРИЙ КРУПНЕЙШЕГО ГОРОДА

Введение

В последние годы города Российской Федерации, в первую очередь крупнейшие, сталкиваются со значительным ростом числа объектов нелегального уличного искусства. Это не только наносит урон благосостоянию города и его жилищному фонду, вызывая дополнительный и незапланированный расход как бюджетных средств, так и средств собственников на удаление надписей, но и приводит к ухудшению внешнего облика зданий, снижению чувства визуального комфорта, повышению уровня преступности. Кроме того, это снижает привлекательность города среди жителей и туристов, в результате чего города лишаются дополнительных доходов. Всё вышеперечисленное обуславливает необходимость оценки эффективности принимаемых в Российской Федерации мер в сфере устранения нарушений требований к благоустройству территорий крупнейшего города, возникших из-за объектов нелегального уличного искусства, а также разработка рекомендаций по оптимизации бюджетных расходов в данной сфере.

Концентрация внимания в исследовании именно на крупнейших городах обусловлена тем, что большое число жителей в таких городах обуславливает появление значительного числа уличных художников, нарушающих требований к благоустройству территорий. В то же время большой объём объектов и поверхностей используемых райтерами (лицами, наносящими надписи и рисунки), не позволяют городским властям оперативно реагировать на возникающие нарушения.

Основные термины

Согласно Своду Правил 42.13330.2016 «СНиП 2.07.01-89* Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений» утвержденному Приказом Минстроя России от 30 декабря 2016 г. № 1034/пр. в Российской Федерации крупнейшим городом признаётся город с численностью населения более 1 миллиона. Таких городов в России 16 — это Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург,

Казань, Нижний Новгород, Челябинск, Красноярск, Самара, Уфа, Ростов-на-Дону, Омск, Краснодар, Воронеж, Пермь, Волгоград.

Также необходимо обозначить основные понятия из сферы уличного искусства:

- «Уличное искусство» (*street-art*, *street-art*) — любые направления творческой деятельности, вне зависимости от их легальности, реализуемые в городской среде с целью её трансформации и взаимодействия со зрителем.
- «Паблик-арт» (*public art*) — направление уличного искусства, включающее в себя художественные практики, осуществляемые художниками в сотрудничестве с государственными службами на легальной основе.
- «Тэггинг» (*tagging*) — художественная практика, целью которой является тиражирование своего имени или названия команды для маркирования урбанистического пространства и утверждения своего присутствия (Пиликин, 2018).
- «Граффити» (*graffiti*) — одна из художественных практик уличного искусства, выполняемая в ярко выраженном урбанистическом стиле.
- «Мурал» (*mural*) — произведение настенной живописи большого размера.

Зарубежный опыт

Зарубежная практика работы с уличным искусством прошла путь от борьбы к сотрудничеству. Первоначально города руководствовались «Теорией разбитых окон» (Wilson, Kelling, 1982), утверждавшей, что терпимость к мелким правонарушениям, таким как граффити, ведет к росту более серьезных преступлений. На основе этой теории проводились масштабные кампании по борьбе с нелегальными рисунками, например в Нью-Йорке в 1994 году (Ливайн, 2016) и Сан-Хосе в 2013 году (Tavares, 2014), что позволило временно сократить количество нарушений правил благоустройства.

Однако критики, в частности Натан Глэйзер, уже в 1979 году отмечали, что подход имеет ограничения: пойманных райтеров часто отпускали, а привлечение их к очистке рисунков лишь давало

им опыт в сокрытии будущих работ. Защитные барьеры оказались дорогостоящими и легко преодолеваемыми, хотя до сих пор применяются для защиты шоссе и автострад (Teng et al., 2016).

Альтернативой стала легализация творчества. В 1979 году Глэйзер предлагал переводить уличных художников на холсты и создавать для них легальные площадки (Glazer, 1979). Впоследствии власти стали использовать этот подход. Так, в Лондоне в 2008 году и в Лос-Анджелесе в 2011 году прошли выставки «Уличное искусство» и «Искусство на улицах» (Frederick, 2016). Хотя эти проекты вызвали положительную реакцию у художников, рост нелегальных граффити в прилегающих районах вызвал скепсис со стороны властей.

Наиболее эффективным решением стало выделение специальных зон для легального творчества. Например, в Утрехте (Нидерланды) художникам предоставили 500-метровую стену, что значительно сократило количество нелегальных рисунков в других районах города (Кожанов, Приказчикова, 2020). В Беларуси с 2009 года начались фестивали стрит-арта, такие как «Гравитация» в Витебске (Гончарова, 2019). С 2014 года в Минске проводится бело-русско-бразильский фестиваль «Vulica Brazil», поддерживаемый городскими властями и Министерством культуры. Эти мероприятия позволили не только сократить число нелегальных граффити, но и значительно улучшить внешний облик городских территорий.

Уличное искусство в России

В России взаимодействие с уличным искусством пока находится на этапе борьбы. Специализированные законы отсутствуют, поэтому художников привлекают по общим статьям: КоАП РФ ст. 7.17 «Уничтожение или повреждение чужого имущества» (штраф 300–500 рублей) или УК РФ ст. 214 «Вандализм» с наказанием вплоть до 3 месяцев ареста. Местные власти также могут устанавливать законы о благоустройстве, обычно возлагая ответственность за удаление граффити на собственников зданий. Это вынуждает их быстро закрашивать рисунки, не учитывая их художественную ценность.

Однако, в некоторых российских городах власти уже активно взаимодействуют с уличным искусством, в первую очередь с паблик артом, используя его как для развития городского облика, так и для патриотического воспитания. Например, в Москве в 2014 году появилась роспись, посвящённая событиям в Крыму (Шоломова, 2021), а в 2023 году в Симферополе на фасаде здания был создан мурал с изображением Героя России Валерия Черныкова, участника спецоперации (15, 2023).

Также уличное искусство используется российскими городскими властями для развития

«стрит-арт-туризма» (Приказчикова, Кожанов, 2020). Так, большой популярностью пользуются международное биеннале уличного искусства «АРТМОССФЕРА», проходящее в Москве, и санкционированные фестивали уличного искусства, такие как «STENOGRAFFIA» в Екатеринбурге или «Место» в Нижнем Новгороде (Шоломова, 2021).

Отдельного упоминания заслуживают и моногорода. Так в городах Выкса и Альметьевск проходят ежегодные фестивали уличного искусства «Арт-Овраг» и «Сказка о золотых яблоках» (Приказчикова, Кожанов, 2020). Партнёром таких мероприятий зачастую выступают не только городские власти, но компании-владельцы градообразующего предприятия города.

В Российской Федерации также практиковались и выставки стрит-арта. Например, в Санкт-Петербурге в 2012 году был открыт первый в мире Музей стрит-арта и Институт исследования стрит-арта, в котором на регулярной основе проходили выставки объектов уличного искусства (Приказчикова, Кожанов, 2020). Однако, музей был закрыт в 2022 году своими создателями, а осенью 2023 года все работы были закрашены.

Методология и выборка

Для более точной оценки эффективности реализуемых в настоящий момент мер было принято решение в исследовании обратиться ко всем сторонам данной сферы.

В работе были проведены интервью не только с представителями государственных органов, работающих непосредственно с благоустройством и имеющих соответствующие компетенции, но с отдельными райтерами и представителями художественных объединений, выполняющих свои работы как легально, так и занимающихся несогласованным творчеством.

В связи с этим, для использования в данной работе был выбран метод качественного исследования на основе интервью.

Для подбора экспертов в сфере благоустройства были выделены следующие требования:

- Работа непосредственно в сфере благоустройства территорий (сотрудники районных и городских администраций).
- Стаж более 5 лет.
- Работа в одном из 16 крупнейших городов Российской Федерации.

Таким образом, выбранные эксперты обладали глубокими знаниями и опытом в сфере устранения нарушений требований благоустройства, а за время их работы данные эксперты множество раз так или иначе сталкивались с объектами нелегального уличного искусства. Условие о их работе в одном из крупнейших городов позволяет отсеять некорректный опыт из городов с другой спецификой.

От представителей уличного искусства требовалось являться на момент исследования уличным художником или представителем творческого сообщества.

Отсутствие других ограничений обусловлено желанием получить как можно больше мнений от райтеров для исследования, так как большинство из них, особенно действующих нелегально, избегают публичности и широкой огласки. Более того, данная сфера не требует обширных знаний и компетенций.

Для проведения экспертных интервью с представителями сферы благоустройства был разработан список вопросов, состоящий из одиннадцати вопросов, два из которых позволяют получить оценку эффективности реализуемых в настоящий момент в городах экспертов мер, а четыре — открытые и предполагают развёрнутый ответ о действующих мерах и мерах, позволяющих оптимизировать бюджетные расходы и повысить эффективность работы с объектами нелегального уличного искусства.

Список вопросов для экспертов в сфере уличного искусства был в целом аналогичен. С целью сохранения анонимности художников были исключены вопросы, указывающие на личность интервьюируемого, а также изменены некоторые формулировки вопросов для простоты их понимания лицами, не связанными с государственной службой.

В исследовании приняли участие 52 эксперта из 11 городов и 6 федеральных округов Российской Федерации (табл. 1).

Среди недостатков исследования можно выделить неравное число экспертов по городам. Также, в ходе экспертных интервью были опрошены эксперты не из всех 11 существующих в Российской Федерации крупнейших городов.

Таблица 1

Распределение экспертов по городам

Город	Число экспертов	
	Благоустройство	Уличное искусство
Москва	1	3
Санкт-Петербург	4	2
Новосибирск	8	1
Екатеринбург	8	2
Казань	2	–
Нижний Новгород	5	1
Красноярск	1	–
Самара	6	–
Ростов-на-Дону	1	–
Пермь	6	1
Иркутск	–	1

Описание результатов

Теперь, описав методологию и выборку можно переходить непосредственно к полученным результатам.

Анализ ответов на вопрос об угрозе несогласованного уличного искусства для благоустройства территорий показал (рис. 1), что эксперты в сфере благоустройства оценивают её на уровне 3,83 из 5, что указывает на серьёзность проблемы для крупных городов России и необходимость поиска эффективных мер для снижения затрат на её устранение. Однако эксперты в сфере уличного искусства не видят угрозы, оценивая её всего в 1,72 балла из 5, что более чем в два раза ниже. Это расхождение подчёркивает необходимость разъяснительной работы с художниками о возможном ущербе, который нелегальные рисунки наносят городским объектам и бюджету.

Как Вы оцениваете угрозу несогласованного уличного искусства благоустройству территорий?

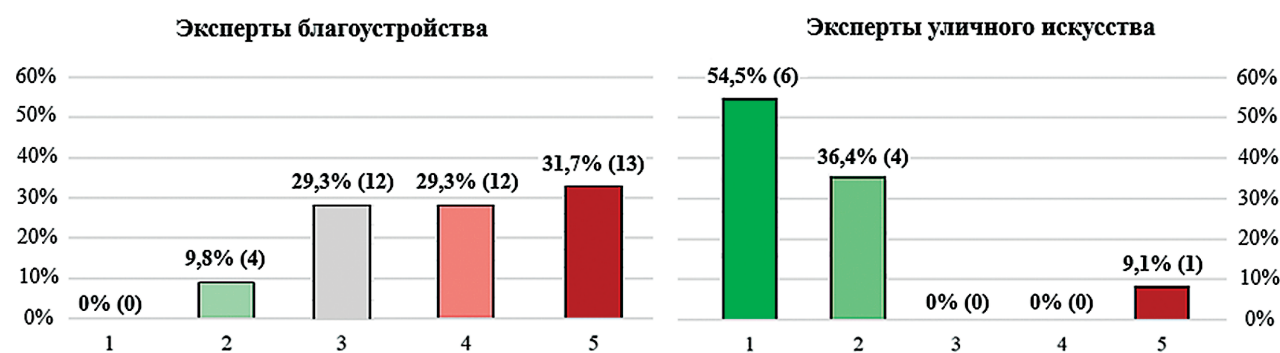

Рисунок 1. Оценка угрозы несогласованного уличного искусства благоустройству территорий

Мнения экспертов в области благоустройства по вопросу «Является ли незаконное уличное искусство ключевым фактором нарушений норм благоустройства?» разнятся. Доли экспертов,

ответивших «Да» и «Нет», практически равны и составляют 39% и 41% соответственно. При этом 20% специалистов указали, что рассматривают нелегальное уличное искусство как одну

из основных проблем. Таким образом, данные результаты свидетельствуют о том, что незаконное уличное искусство является одним из основных факторов, влияющих на нарушения требований к благоустройству.

Эксперты в сфере благоустройства и уличного искусства сходятся во мнении, что среди основных причин распространения нелегального уличного

искусства в городах России — потребность молодежи в самовыражении, отсутствие пространств для легального творчества, неухоженность окружающей среды, незанятость молодежи и желание выразить политический протест (рис. 2). Эксперты по благоустройству также указывают на отсутствие культуры воспитания, реальных наказаний для нарушителей и популярность вандализма как хобби.

Причины широкого распространения несогласованного уличного искусства

Рисунок 2. Причины широкого распространения нелегального уличного искусства

Большинство экспертов в сфере благоустройства считают устранение несогласованных объектов и санкции к нарушителям основными мерами борьбы с нелегальным уличным искусством, что подчеркивает недостаток профилактических мер. Однако в некоторых городах уже начали проводить фестивали уличного искусства, предоставлять места для легального творчества, вести работу с молодежью и использовать антивандальные покрытия, что даёт надежду на развитие профилактической практики.

В то же время, не смотря на некоторую архаичность применяемых мер и почти полное отсутствие работы на предупреждение, эксперты в целом позитивно оценивают эффективность реализуемых мер (рис. 3). Средняя оценка составляет 3,25 балла из 5. Возможно, такая, достаточно высокая удовлетворенность результатами уже действующих мер со стороны городских властей

и является причиной медленного внедрения новых мер, направленных на предупреждение возникновения новых надписей и рисунков.

Рисунок 3. Действующие меры по устранению и профилактике объектов нелегального уличного искусства

Как Вы оцениваете эффективность реализуемых мер?

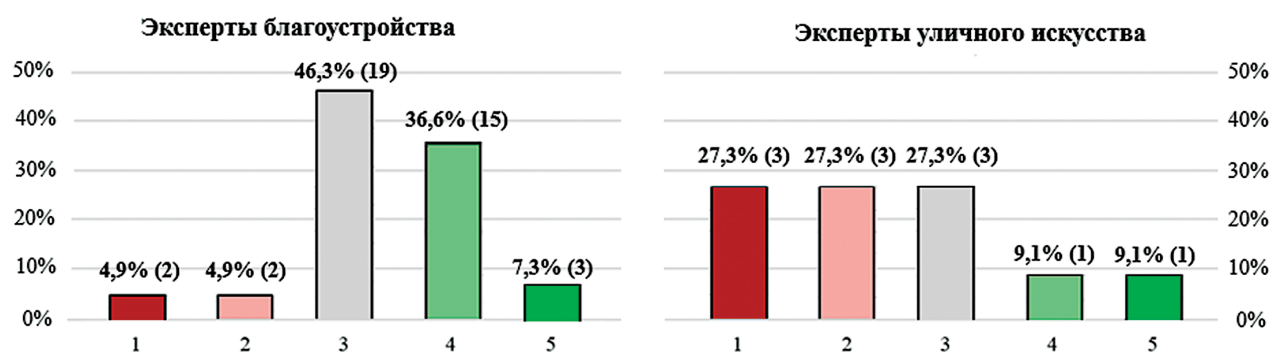

Рисунок 4. Эффективность реализуемых мер

Эксперты выделяют ряд недостатков текущих мер:

- Перекалывание юридической и финансовой ответственности на владельцев объектов, пострадавших от вандализма (53% экспертов).
- Сложность привлечения нарушителей к ответственности (26% экспертов).
- Отсутствие у художников мотивации для создания легального уличного искусства (13% экспертов).
- Сложности при согласовании официальных стрит-арт проектов (8% экспертов).

Равные доли экспертов в сфере благоустройства и сфере уличного искусства (более 70% экспертов) ответили, что предоставление уличным художникам легальных пространств и проведение санкционированных фестивалей может значительно снизить количество нелегальных

граффити, еще 7% экспертов в сфере благоустройства считают это частично эффективным. Это подчеркивает важность разработки городскими властями профилактических мер для предотвращения появления несанкционированного уличного искусства.

Эксперты в сфере благоустройства и уличного искусства сходятся во мнении о мерах, которые могут оптимизировать бюджетные расходы на устранение нарушений в крупнейших городах. Среди ключевых предложений отмечены усиление ответственности за создание нелегального уличного искусства, легализация и развитие стрит-арта, организация пространств и мероприятий для легального творчества, профилактическая работа с молодёжью и художниками, усиление контроля, использование антивандальных покрытий и уход за ветхими постройками (рис. 5).

Меры, способные оптимизировать бюджетные расходы

Рисунок 5. Меры, способные оптимизировать бюджетные расходы

Рекомендации

Для повышения эффективности борьбы с нарушениями благоустройства необходимо комплексное применение различных мер.

Увеличение срока удаления нелегального уличного искусства до 7 дней позволит использовать качественные материалы и снизить затраты, а введение онлайн-голосования жителей за сохранение социально значимых граффити сократит расходы на удаление и укрепит взаимодействие граждан с муниципальными органами.

Ужесточение санкций для нарушителей, включая штрафы от 10 тысяч рублей и обязательные работы по удалению граффити, повысит профилактику вандализма и снизит нагрузку на бюджет.

Дополнительно предлагается использовать антивандальные покрытия, которые позволяют легко удалять граффити без химических средств, сохраняя внешний облик здания. Хотя они дороже в установке, в долгосрочной перспективе это решение снижает расходы и предотвращает порчу фасадов. В отличие от менее эффективных

методов, таких как ребристые кожухи и сетка «рабица», которые нарушители легко обходят, антивандальные покрытия значительно эффективнее, так как минимизируют вред от повреждений.

Также следует усилить контроль за городскими сооружениями: установить камеры видеонаблюдения и увеличить количество патрулей, что вместе с участием местных жителей в мониторинге повысит уровень безопасности и сократит акты вандализма.

Важным шагом станет создание легальных пространств для уличного искусства — галерей, арт-парков и фестивалей, которые мотивируют художников к законному творчеству, улучшая облик города и привлекая туристов и инвесторов.

Для долговременного эффекта необходима разработка федерального законодательства по регулированию стрит-арта и создание специальных муниципальных отделов, контролирующих его развитие.

Наконец, профилактические беседы с молодёжью и художниками о вреде вандализма и возможных

наказаниях помогут снизить количество нелегальных граффити, сформировать уважение к городской среде и популяризировать легальные формы уличного искусства.

Заключение

Таким образом, методы взаимодействия городских властей с объектами уличного искусства прошли довольно долгий эволюционный путь от активной борьбы, до взаимодействия в целях создания комфортной городской среды.

По итогам исследования было определено, что нелегальное уличное искусство является одним из основных источников нарушений требований к благоустройству территорий крупнейшего города в Российской Федерации.

Кроме того, нелегальное уличное искусство несёт в себе высокую угрозу для благоустройства территорий и требует повышенного внимания и контроля.

В то же время, основная часть реализуемых в российских городах является методами борьбы и направлена на устранение уже возникших граффити, что ставит администрации в позицию отстающих от уличных художников. Напротив, профилактические меры, способные предотвращать возникновение новых несанкционированных надписей и рисунков, не пользуются большим распространением, хотя многие представители городских властей заинтересованы в их внедрении в практику и активном использовании.

Однако, эффективность уже реализующихся мер оценивается экспертами достаточно высокого, что отчасти тормозит внедрение новых методов. Также, текущие способы не лишены недостатков, в первую очередь сложности с наказанием нарушителей и переложение ответственности за несанкционированные объекты уличного искусства на собственников строений.

В качестве возможных к реализации мер городским властям стоило бы рассмотреть легализацию уличного искусства и его развитие, проведение профилактических бесед с молодежью, а также усиление контроля и ответственности за совершенные нарушения.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ. (1996). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/16c58fcfeaddf59b31e94654ddfc3bdcdcf26657/
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ. (2001). <https://base.garant.ru/12125267/def94041856c6edd9deb9e56a3b0cda6/>
3. Приказ Минстроя России от 30 декабря 2016 г. № 1034. (2016). СП 42.13330.2016 «СНиП 2.07.01-89* Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений».
4. В Симферополе появился мурал с героем спецоперации, (n.d.). <https://crimea24tv.ru/content/v-simferopole-rozavilsya-mural-s-geroem/>
5. Гончарова, С. А. (2019). Граффити в Беларуси: легальный стрит-арт. In: Образование. Наука. Культура (pp. 108–110).
6. Кожанов, А. П., & Приказчикова, Н. П. (2020). Граффити: «искусство или вандализм?». Инженерно-строительный вестник Прикаспия, (3 (33)), 34–39.
7. Ливайн, М. (2017). Разбитые окна, разбитый бизнес: Как мельчайшие детали влияют на большие достижения. Альпина Паблишер.
8. Пиликин, Д. Г. (2018). Терминология уличного искусства. Опыт словарных дефиниций. Эстетика стрит-арта: сб. ст. / под общ. ред. КА Куксо. СПб.: СПбГУПТД, 4–9.
9. Приказчикова, Н. П., & Кожанов, А. П. (2020). Влияние граффити и стрит-арт на современную городскую среду. In: Потенциал интеллектуально одаренной молодежи-развитию науки и образования (pp. 203–207).
10. Шоломова, Т. В., & Андрейчик, Е. О. Стрит-арт и проблема его институционализации. Университетский научный журнал Учредители: Санкт-Петербургский университетский консорциум, (61), 33–39.
11. Frederick, E. (2016). From the Museum to the Street: a discussion of the tensions that arise when street art is institutionalized (Doctoral dissertation, Dissertação de Mestrado. https://www.academia.edu/30929594/From_the_Museum_to_the_Street_A_Discussion_of_the_Tensions_that_Arise_When_Street_Art_is_Institutionalized_Evelyn_Frederick_Art_History_and_Museum_Curating_with_Photography [consultado em 10-02-2018]).
12. Glazer, N. (1979). On subway graffiti in New York. The Public Interest, 54, 3.
13. Tavares, S. S. (2014). California Graffiti Removal Programs: Benchmarking San José's Graffiti Abatement Program against Best Practices in the Cities of Long Beach, San Diego, and Santa Ana.
14. Teng, H., Puli, A., Kutela, B., Ni, Y., & Hu, B. (2016). Cost and benefit evaluation of graffiti countermeasures on the Nevada highways. Journal of Transportation Technologies, 6 (5), 360–377.
15. Wilson, J. Q., & Kelling, G. L. (1982). Broken windows.

ПОТЕНЦИАЛ И РАЗВИТИЕ КРЕАТИВНЫХ КЛАСТЕРОВ в г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Введение

Актуальность данной работы обусловлена тем, что в настоящее время потенциал креативной экономики в Российской Федерации реализован недостаточно эффективно: в России валовая добавленная стоимость креативных индустрий составляет 2390 млрд руб. (или 2,4% от ВВП). Приведенные данные означают, что, хотя показатель Российской Федерации и близок к среднемировому значению (3%), но является более низким, чем в странах-лидерах (Бредихин и др., 2021). При этом согласно исследованиям ИСИЭЗ НИУ ВШЭ Российская Федерация входит в топ-30 стран, обладающих высоким потенциалом в развитии креативных индустрий (Боос и др., 2022).

Креативные кластеры являются одной из наиболее перспективных и распространенных форм развития креативных индустрий. Более того, они обладают высоким туристическим потенциалом, о чем говорят В. Гордин и М. Малецкая: по их словам, креативные кластеры способны вмещать разные культурные институты и представлять слабо институционализированные формы искусства (Гордин, Малецкая, 2012).

Креативные кластеры — важный элемент процесса капитализации культурного наследия, а Санкт-Петербург обладает богатым архитектурным фондом, значительную часть которого составляют неэксплуатируемые здания, подверженные риску сноса и разрушения в случае неправильного содержания и обслуживания. Согласно актуализированному индексу креативного капитала (Creative Capital Index), отражающему возможности реализации креативного потенциала российских городов, Санкт-Петербург занял второе место среди 25 исследуемых городов в 2022 году (Creative Capital Index, 2022). Данный факт говорит о высоком потенциале Санкт-Петербурга в отношении развития креативных индустрий. Разработка новых эффективных стратегий по размещению креативных кластеров на территории города может стать действенным инструментом для успешного осуществления данного процесса.

Методология и данные

В России не существует законодательно установленного перечня креативных индустрий. Тем не менее, большой интерес для исследований

представляет классификация креативных индустрий в Российской Федерации, созданная ИСИЭЗ НИУ ВШЭ на основе общероссийского классификатора видов экономической деятельности (Развитие креативных индустрий в огне России: ключевые индикаторы, 2021). Данная классификация была взята за основу для анализа уровня развития креативных индустрий в Санкт-Петербурге, а также для создания карты территорий города, потенциально пригодных для размещения новых креативных кластеров.

Анализ уровня развития креативных индустрий в Санкт-Петербурге был проведен на основе выборок данных, полученных с помощью справочно-информационной системы «СПАРК». Выборки состоят из компаний, для которых коды из классификации креативных индустрий в России являются основным видом деятельности. Местом регистрации и деятельности компаний из выборок является город Санкт-Петербург. Всего было получено 5 состоящих из 1430 компаний выборок за каждый год в период с 2017 по 2021 годы в целях рассмотрения уровня развития креативных индустрий в Санкт-Петербурге в динамике.

В анализе были использованы такие показатели, как валовая рентабельность, доходы, выручка, налоги, коэффициент текущей ликвидности.

Результаты исследования

В целом за 5 последних лет согласно средним значениям показателей выручки и доходов среди организаций, относящихся к креативным индустриям и осуществляющим свою деятельность в Санкт-Петербурге, наблюдается положительная динамика (рис. 1). Данный факт свидетельствует о росте развития креативных индустрий в Санкт-Петербурге.

По показателю налогов среди анализируемых организаций наблюдается увеличение среднего значения в более, чем два раза с 14 949 668 до 31 570 462 рублей (рис. 2). Рост уплачиваемых налогов также говорит о росте прибыли компаний, что тоже может свидетельствовать о развитии креативных индустрий в городе.

Что касается средней валовой рентабельности организаций, то, несмотря на ее положительные значения в каждый год указанного периода, показатель стал более низким в 2021 году по сравнению

с 2017 (рис. 3). Более того, в 2020 году наблюдался крупный относительно других лет спад в значении. Данный факт может быть связан с влиянием на деятельность организаций коронавирусной пандемии. Также данный показатель может говорить о том, что производственные мощности не используются компаниями наиболее эффективно.

Также состояние креативных индустрий в Санкт-Петербурге может быть описано с помощью показателей текущей и абсолютной ликвидности. Непрерывный в течение 5 последних лет рост среднего коэффициента текущей ликвидности говорит об улучшении платежеспособности предприятий (рис. 4).

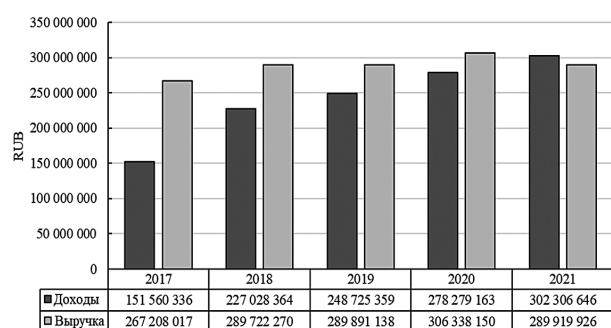

Рисунок 1. Средние доходы и выручка организаций в сфере креативных индустрий в период 2017–2021 гг. в г. Санкт-Петербурге

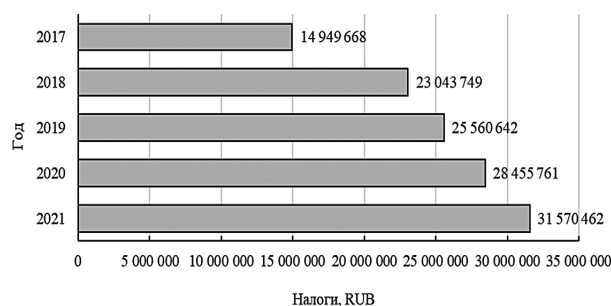

Рисунок 2. Средний объем налогов, уплачиваемых организациями в сфере креативных индустрий в период 2017–2021 гг. в г. Санкт-Петербурге

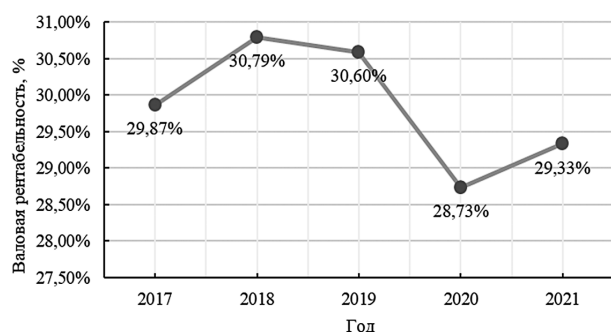

Рисунок 3. Средняя валовая рентабельность организаций в сфере креативных индустрий в период 2017–2021 гг. в г. Санкт-Петербурге

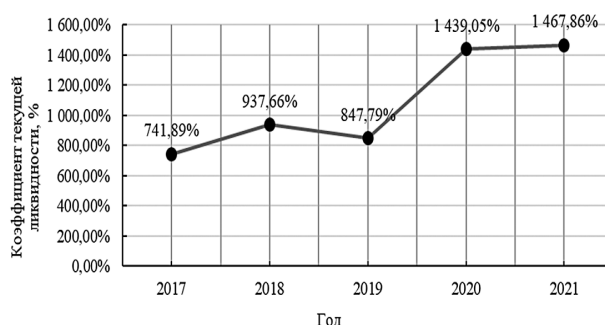

Рисунок 4. Средний коэффициент текущей ликвидности организаций в сфере креативных индустрий в период 2017–2021 гг. в г. Санкт-Петербурге

Некоторые российские исследователи утверждают, что значительная площадь неэксплуатируемых промышленных территорий в Санкт-Петербурге используется неэффективно. По их словам, некоторые креативные кластеры вынуждены покинуть рынок из-за низкой рентабельности проектов резидентов (Дорина и др., 2022). Авторы также отмечают более низкие расходы на финансирование культуры в Санкт-Петербурге по сравнению с Москвой. Данные факты свидетельствуют о том, что сфера креативных индустрий в Санкт-Петербурге требует дополнительного финансирования и большего внимания со стороны органов государственной власти.

Карта территорий, потенциально пригодных для размещения креативных кластеров в Санкт-Петербурге

Для получения точных выводов об особенностях размещения креативных кластеров в Санкт-Петербурге и определения мест, потенциально пригодных для размещения на их территории креативных кластеров, с помощью геоинформационной системы «QGIS» была смоделирована карта, иллюстрирующая очаги скопления организаций в Санкт-Петербурге, осуществляющих деятельность в сфере креативных индустрий (рис. 5).

На карте отмечены действующие организации Санкт-Петербурга, осуществляющие свою деятельность в сфере креативных индустрий, по состоянию на 2022 год.

На карте были также отмечены места расположения основных действующих креативных кластеров Санкт-Петербурга. Судя по очагам тепловой карты, крупнейшие действующие креативные кластеры располагаются не в очагах концентрации организаций, осуществляющих креативную деятельность, а на близлежащих к ним территориях. Данный факт может говорить о том, что потенциал существующих креативных организаций не является основным фактором кластеризации, что становится предлогом для выработки рекомендаций и мер для более эффективной реализации политики города в отношении креативных кластеров.

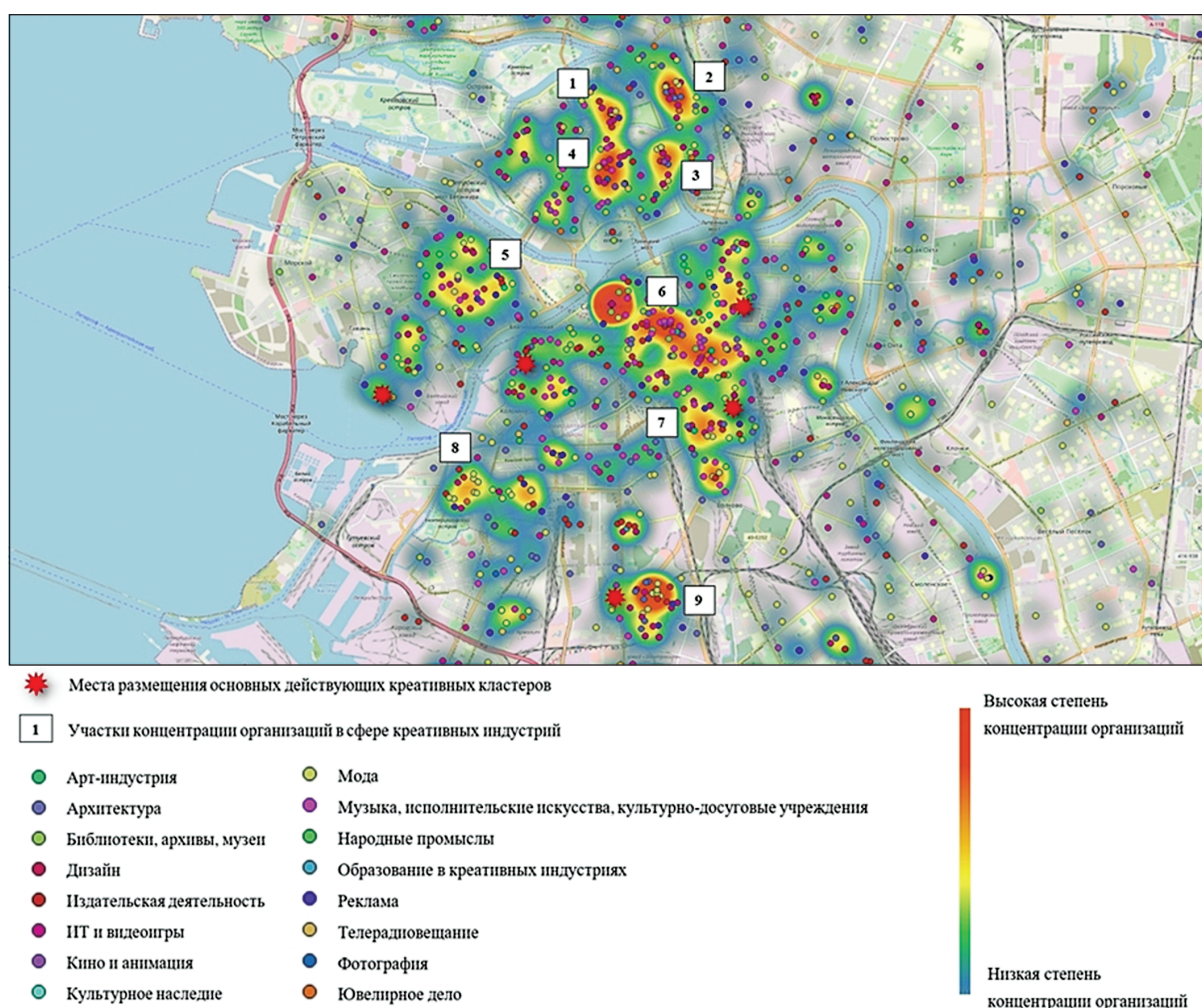

Рисунок 5. Карта территорий, потенциально пригодных для размещения креативных кластеров в городе Санкт-Петербурге

Креативные кластеры Санкт-Петербурга размещаются на территориях, здания которых относятся к объектам культурного наследия и представляют большую историческую ценность, а также на территориях бывших промышленных объектов.

Практически все основные действующие креативные кластеры Санкт-Петербурга размещены в разных районах города: Василеостровском, Московском, Василеостровском, Адмиралтейском (исключение составляют кластеры «Флигель» и «Этажи», размещенные в Центральном районе Санкт-Петербурга).

Очаги концентрации креативных индустрий в Санкт-Петербурге

Всего было отмечено 9 участков достаточно высокой концентрации организаций, осуществляющих креативную деятельность. Каждый из участков обладает своими особенностями в территориальном, архитектурном и культурном аспектах. Ниже описываются достоинства и преимущества выделенных очагов концентрации креативных индустрий.

В Петроградском районе располагается наибольшее количество очагов наиболее высокой концентрации (участки № 1, № 3, № 4). Сейчас Петроградский район является одним из самых креативных районов Санкт-Петербурга. Тем не менее, за исключением большого количества креативных пространств и лофтов, на территории района не расположено ни одного креативного кластера. Что касается выделенных участков концентрации, то в их пределах широко распространены организации, осуществляющие основную деятельность в сфере таких креативных индустрий, как ИТ и видеоигры, мода, реклама.

Участок № 2 также обладает высокой концентрацией организаций и находится на территории делового квартала «Выборгская набережная» в Выборгском районе. Деловой квартал имеет площадь 1,5 га, расположен в перспективной зоне деловой активности, включает в себя 3 бизнес-центра и близок к центру города. На территории участка сконцентрированы организации в сферах архитектуры, ИТ и видеоигр.

Один из участков средней концентрации расположен в Василеостровском районе (№ 5).

На территории выделенного участка концентрируются организации в сфере таких креативных индустрий, как ИТ и видеоигры и мода, располагается большое количество музеев, крупное креативное пространство «Артмуза», станция метро «Василеостровская». В Василеостровском районе также располагается один из наиболее успешных креативных кластеров города — «Севкабель Порт».

В Центральном районе сосредоточено два участка концентрации: один из участков (№ 6) сосредоточен вокруг Невского проспекта и обладает самым близким расположением к центру Санкт-Петербурга; второй участок (№ 7) сосредоточен на юге района вокруг Лиговского проспекта. На достаточно близкой к участку № 7 территории размещен один из крупнейших креативных кластеров города «Этажи». В этом же районе располагается креативный кластер «Флигель». Что касается концентрации конкретных креативных индустрий, то на участке № 6 в основном действуют организации в сфере музыки и исполнительского искусства и культурно-досуговые учреждения. На участке № 7 нет определенной тенденции к концентрации конкретных индустрий: на его территории замечены организации в сфере таких креативных индустрий, как ИТ и видеоигры, реклама, мода, издательская деятельность и другие.

Еще один очаг (№ 8) обнаружен вокруг набережной Обводного канала в Адмиралтейском районе. Район входит в число наиболее развитых районов в области промышленности. Архитектурный облик Адмиралтейского района сложился примерно в середине XIX века, поэтому в данном районе, в частности, на выделенном участке, обнаружена большая концентрация объектов культурного наследия Санкт-Петербурга [5]. В Адмиралтейском районе размещен действующий креативный кластер «Бутылка».

Последний очаг (№ 9) обладает наибольшей территориальной отдаленностью от центра города и расположен на севере Московского района в муниципальном округе Московская застава. Московский район относится к промышленно развитым районам Санкт-Петербурга. Рядом с участком расположен креативный кластер «Скороход». Наибольшую долю в концентрации занимают организации, осуществляющие деятельность в сфере моды. В границы участка входит культурно-досуговый центр «Московский», известный национальный шоу-музей «Гранд Макет Россия».

Наибольший интерес вызывают очаги № 1, 3 и 4, расположенные в Петроградском районе Санкт-Петербурга: обнаруженные участки обладают высокой относительно других участков концентрацией. Высокой концентрацией относительно других очагов также обладают участки № 6 и № 9. Благодаря географическому преимуществу кластеризация организаций, входящих в данные участки,

могла бы стать отличным решением для развития креативных индустрий Санкт-Петербурга.

Следует отметить, что очаги концентрации креативных индустрий Санкт-Петербурга располагаются в разных районах города (Центральном, Адмиралтейском, Петроградском, Василеостровском, Московском, Выборгском). Наибольшее количество очагов с самой высокой концентрацией выявлено на территории Петроградского района. Каждый участок обозначенных территорий обладает особенностями архитектуры и инфраструктуры, определяющими потенциал и выгоды кластеризации креативных индустрий на данных участках.

Выработка рекомендаций по осуществлению креативной политики Санкт-Петербурга

В постановлении Правительства Санкт-Петербурга от 13.05.2014 № 355 «О Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года» указано, что одним из главных факторов, которые обеспечивают развитие Санкт-Петербурга в сфере инноваций, должно стать развитие креативных индустрий. Кроме того, в постановлении заявлено, что существует необходимость в поддержке талантливых авторов в реализации творческих проектов в рамках креативных пространств города. Для развития креативных индустрий в цели по развитию сегментов экономики с высокой добавленной стоимостью и формированию условий для устойчивого экономического роста выделена отдельная задача, в которой констатируется необходимость оказания имущественной и финансовой поддержки организаций креативных индустрий, а также поддержки в создании и развитии креативных пространств, в том числе, на территории не востребуемых промышленных объектов.

Решением поставленных Правительством Санкт-Петербурга задач может стать размещение новых креативных кластеров на месте обнаруженных очагов концентрации организаций, осуществляющих свою деятельность в сфере креативных индустрий. Также согласно Стратегии пространственного развития Российской Федерации, одной из главных проблем пространственного развития России является недостаток количества центров экономического роста для обеспечения его ускорения в стране (Распоряжение Правительства РФ N 207-р, 2019). Одним из типов центров экономического роста России как раз могут стать креативные кластеры.

Преимуществами совместного расположения и взаимодействия организаций креативных индустрий являются высокая плотность экономических, социальных и культурных связей между людьми, расширение аудитории потребителей творческих продуктов, создание условий для

повышения деловой активности региона и развитию новых бизнес-связей. Сфера креативных индустрий достаточно сильно отличается от иных составляющих экономики, поскольку главным аспектом в ее развитии является интеллектуальный труд, эффективные результаты которого достигаются с помощью синергетического эффекта от объединения работников различных творческих профессий.

Следовательно, процесс кластеризации креативных индустрий и увеличение объемов их финансирования со стороны государства будет способствовать решению возникших проблем. Более того, существует острая необходимость в поддержке действующих креативных кластеров. На данный момент из-за финансовых и управленческих проблем закрыто 4 из 9 крупных креативных кластеров Санкт-Петербурга.

В постановлении Правительства Санкт-Петербурга от 17 июня 2014 г. N 488 «О государственной программе Санкт-Петербурга «Развитие сферы культуры в Санкт-Петербурге» утверждается, что на территории города расположено около 9000 объектов культурного наследия, из которых более 40% являются памятниками истории и культуры федерального значения, отмечается необходимость выработки мер по их сохранению. Как было выявлено ранее, на территории выявленных очагов концентрации креативных индустрий располагается большое количество зданий, представляющих собой историческую ценность и являющихся объектами культурного наследия. Размещение на них креативных кластеров может способствовать сохранению этих объектов и, соответственно, архитектурного облика Санкт-Петербурга и уникального имиджа города.

Еще одним эффективным решением могла бы стать разработка нормативно-правовой базы, посвященной развитию креативных индустрий. Органами власти Санкт-Петербурга еще не было издано ни одного нормативно-правового акта, принятого в отношении развития креативной экономики в Санкт-Петербурге — аспекты развития креативных индустрий и креативной экономики выделяются в качестве целей и задач отдельных государственных программ и стратегий. Составление нормативно-правовых актов, посвященных развитию креативных индустрий в Санкт-Петербурге, может способствовать более детальному рассмотрению факторов развития креативных индустрий и определению наиболее действенных мер его реализации.

Заключение

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что Санкт-Петербург обладает высоким потенциалом в развитии креативных индустрий и грамотные решения и действия помогут достичь высоких результатов в данном отношении. Осуществление рекомендованных мер будет способствовать более эффективной реализации политики по развитию креативных индустрий и политики в отношении креативных кластеров в Санкт-Петербурге. Размещение креативных кластеров является одним из самых востребованных и действенных вариантов в достижении целей развития креативных индустрий, поскольку позволяет мобилизовать творческий класс и достичь наибольших выгод в креативном секторе экономики благодаря синергетическому эффекту взаимодействия резидентов.

Список литературы:

1. Боос, В., Куценко, Е., & Тюрчев, К. Какие страны выбирают звезды креативных индустрий?. ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. — URL: <https://issek.hse.ru/news/679775451.html> (дата обращения: 29.09.2022).
2. Бредихин, С. В., Власова, В. В., Гаврилова, Н. В., Гершман, М. А., Гохберг, Л. М., Демьянова, А. В., ... & Попова, Я. А. (2021). Развитие креативных индустрий в России: ключевые индикаторы. Научный дайджест, 1.
3. Дорина, А. А., Лимонина, И. Г., Ермакова, Н. А., & Демидова, Л. Г. (2022). Роль креативных кластеров в социально-экономическом развитии городов на примерах Осло и Санкт-Петербурга. Столыпинский вестник, 4 (3), 1020–1035.
4. Перечень объектов культурного наследия и выявленных объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга, (n.d.). https://kgiop.gov.spb.ru/deyatelnost/uchet/list_objects/
5. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13.05.2014 № 355. (2014). О Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года.
6. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 17 июня 2014 г. N 488. (2014). О государственной программе Санкт-Петербурга «Развитие сферы культуры в Санкт-Петербурге».
7. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 N 207-р (ред. от 30.09.2022). (2022). Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года.
8. СПАРК — Проверка контрагента, (n.d.). <https://spark-interfax.ru/>
9. Creative Capital Index, (n.d.). <http://creativecapitalindex.com/cities>
10. Gordin, V. and Matetskaya, M. (2012) 'Creative tourism in Saint Petersburg: the state of the art', Journal of Tourism Consumption and Practice, 4 (2), p.55–77.

COMPARISON OF THE PUBLIC POLICIES TARGETING SMALL- AND MIDDLE-SIZED TOWNS THROUGH THE PRISM OF TERRITORIAL GOVERNANCE: CASES OF FRANCE AND ITALY

Introduction

Only at the end of 2000s were small and medium-sized towns (SMSTs) in Europe recognised as “growth zones” as they faced pauperisation of populations, deindustrialisation, and devitalisation of their centres and urban shrinkage (Chouraqui, 2021). France and Italy are currently among those actively developing integrated policies targeting SMSTs specifically: among the most recent, Action cœur de ville (2018) for medium-sized towns, and Strategia nazionale per le aree interne (2014) specifically focused on intermediate “fragile” territories located outside of agglomerations.

Comparison of these countries has its reason because they have quite compatible institutional milieu: being unitary and comparatively centralised republics, France and Italy comprise a great number of small- and very small localities, operate within a context of multi-level governance, where an overlap of powers in the areas of urban regeneration exists, and have recently undertaken decentralisation reforms. However, in France, municipal authorities are historically and institutionally more salient, and the State in cooperation with municipalities jointly develop a nationwide policy framework for SMSTs, while in Italy, regions play a leading role in urban revitalisation, which means that the projects are carried out by subnational entities to a greater extent.

From this observation, a following research question can arise: how do different modes of multi-level governance influence the content, implementation and challenges of the programmes targeting SMSTs? The aim of this work is to compare the French and the Italian approaches to the resolution of structural problems of SMSTs and determine how the institutional context frames the scope and broadens or limits the effectiveness of these policies. The analysis is conducted primarily from a comparative perspective by means of in-depth content analysis of the Guides of the above-mentioned programmes, supporting documentation and related policy papers through the prism of earlier theoretical findings and practical evidence.

The paper is organised as follows: in the literature review, the notion of SMSTs is developed, as well as the key dilemmas emerging in connection with decentralised policymaking are described; in the following section, the specifics of the French territorial governance and the way it shapes the design, possibilities and complexities of the Action cœur de ville national programme are discussed; next, the Italian decentralised government is considered along with its implications for the Strategia nazionale per le aree interne; in conclusion, the inferences drawn are summarised and the comparison of the two cases is finalised.

Literature review

Occupying the intermediate position on the urban-rural continuum, SMSTs can be characterised by performing traditional tasks which encompass residence, leisure activities, working, public service and trade and maintenance of inter-municipal flows (Cabodi et al., 2014: 9). To this list, the centrality and influence of SMSTs on their surroundings should also be added (Demazière, 2012). In terms of population size, SMSTs range from 5,000 to 50,000 inhabitants (Servillo et al., 2014), though the demographic boundaries largely depend on the patterns of population settlement within a particular country.

Initially, SMSTs were believed to be less important contributors to the national wealth and hardly encouraging innovation, overshadowed by metropolises, integral elements of global supply chains and capital flows, which mainly benefited from public investment (Parkinson et al., 2014). Such an attitude was reconsidered as some SMSTs demonstrated noticeable economic and demographic records and innovation-driven restructuring of industries and services (Servillo et al. 2014), while others entered quite a depressed socio-economic condition and, thus, looked to targeted public action. The TOWN project initiated in 2012 by the European Observation Network for Territorial Development and Cohesion marked the beginning

of the systematic research on the role of SMSTs in sustainable spatial development. Concurrently, the policies targeting small- and medium-sized towns emerged on the regional and national levels (see, for example, German *Kleinstädte in Deutschland Initiative* and Polish *Local Development Programme*).

Although being a matter of municipal territorial development, national programmes related to SMSTs assign subnational and national actors separate roles in decision-making as well. In this regard, it is assumed that decentralised governance is accompanied by more efficient public expenditures that are tailored to the needs of local communities (Oates 1993). However, there still remain some dilemmas about the impact of different modalities of decentralised governance on policy design and implementation: one issue is related to the choice between framing a policy output as a national good, which subnational authorities are authorised to provide in accordance with prescribed standards (top-down approach), and promoting this output as a matter of regional or local development (bottom-up approach). At the centre of this dilemma lies an equity-efficiency trade-off (Charbit 2011): if the former way is expected to negate regional disparities in spite of disregarding territorial heterogeneity, the latter is more likely to facilitate innovation and avoid homogeneity, while boosting inequality.

Another dilemma concerns regionalisation vis-à-vis municipalisation of policy-making related to territorial development. Sometimes, that is not even a question of funding because municipalities can be given significant fiscal autonomy to finance infrastructure projects, but of cohesion and cooperation between territorial units (Meijers & Burger 2022: 24). Opting for a regionalisation strategy towards SMSTs is also explained on the ground of advantages that economies of scale may promise (Breuillé & Duran-Vigneron, 2023). However, such an approach brings about the loss in the diversity and flexibility of policy responses, making it harder for local populations to make direct decisions concerning their communities. These considerations will specifically be touched upon in this essay.

France: nationwide policies ensuring high level of municipal discretion

The Fifth Republic is characterised by quite a complex multi-layered system of governance: it comprises 18 regions in metropolitan and overseas territories together, which are divided into 101 departments and 34 935 communes (COG, 2024). The territorial units of municipal order benefited the most from the decentralisation reforms launched

in 1982, which eliminated ex-ante administrative supervision of local authorities. The next steps in this direction ensured the right of municipalities to introduce their own taxation and encouraged the formation of inter-municipal associations. Despite current trends towards recentralisation manifested in regionalisation and increasing salience of metropolises (Semeko, 2017), French communes still exercise considerable political power and are financially autonomous.

All the layers of government are jointly in charge of various aspects of urban development: while the State's tasks are linked to financing, drafting of city contracts and regulation of general housing questions, regions are focused on vocational training, public transport and creation of economic development plans, including sustainable land use plans. In the meantime, municipalities are primarily responsible for spatial planning and preparation of territorial coherence schemes, housing, and issuing building and land use permits (*Repartition Des Competences* 2019).

This distribution of competences was reflected in the *Action cœur de ville* (ACV) programme specifically designed for medium-sized towns and launched in 2018. As part of this project run by the National Agency for Territorial Cohesion, €5 billion euros for 234 medium-sized towns were allocated over the course of 5 years. The top priorities were designated as supporting energy and ecological transition, increasing towns' attractiveness through revitalisation of their centres, strengthening the commercial sector, and enhancing urban-rural cooperation. Initially, identification of the socio-economic challenges took place, then a consistent and precise action plan was developed, on the basis of which funding was distributed (*Ministère de la Cohésion des territoires et des relations avec des collectivités locales*, 2019).

Eventually, the ACV achieved great results and even created its own brand. From 2018 to 2022, nearly 80,000 buildings were renovated, real estate transactions showed a rise of 17% with the reduction in the long-term vacancy in the private sector being tracked, and the number of visitors to historic centres rose by 15% (*Action Coeur de Ville* 2, 2022). These convincing successes could partially be attributed to the features of the ACV design, and first of these was a flexible, evolutionary approach to the strategies of urban development presented by municipalities: it meant that the former were sometimes subject to substantial amendments even after the initial approval. The next peculiarity was multidimensionality of the programme as it addressed a broad range of aspects — from housing to the preservation of cultural heritage. Last but not least, the salience of mayors in the project management at all stages, from formulation of development strategies to their implementation,

was apparent. The national public agencies only navigated the process and provided financing, while also depriving regions of any significant influence on the projects' adjustment (Cour des comptes, 2018).

Such a policy design that combined extensive decentralisation of execution with noticeable presence of the State had its drawbacks. First problem was the apparent dependency of local authorities on the national ones, most notably, in terms of finance. Such a limitation restricted communes' access to supplementary funds and put a serious strain on their financial flexibility. The next weakness was highlighted by A. Delpirou (2019), who pointed at the disregard of strategic targets of spatial development, be them regional or national. Indeed, the ACV was centred on a municipality alone in each individual case, and such an emphasis might have impaired the opportunities to respond to multi-scale challenges going beyond an SMST and its surroundings.

Italy: place-based approach from the perspective of regional development

Italy is an example of historically and economically stipulated regionalism. Being characterised by an ever-present North/South economic divide, Italy has an asymmetrical quasi-federal structure of the territorial governance (Baldini & Baldi, 2013): it is divided in 15 "ordinary" regions and 5 regions with a special status and extended autonomy, 107 provinces and 7896 communes (Italia — Istituzioni, Geografia E Statistiche, 2024).

The decentralisation reforms began from the 1990s after a major corruption scandal Tangentopoli, after which the Italian Parliament undertook steps towards political regionalism and strengthening the autonomy of communes by introducing popular elections of mayors and local councils, the Presidents of Provinces and the Presidents of Regions (Bassanini 2012). These changes were cemented after the major revision of the Constitution in 2001, which devolved considerable legislative authority to the Regional Councils, revised State-subnational relations in a federalist manner and promoted fiscal decentralisation.

With respect to spatial governance, regions have the right to adopt legislation in the areas related to land-use planning, construction and maintenance of major infrastructure, transportation networks, coordination of public funds, and housing, while being entitled to have independent resources to finance various projects within these domains. The State, at the same time, reserves the right to balance inter-regional disparities and foster territorial cohesion through equalisation funds.

The above-mentioned institutional features are overtly manifested in Strategia Nazionale per le Aree Interne (SNAI). Carried out from 2014 to 2020, the project was centred on the so-called "inner areas", diversified yet fragile territories distant from the main centres of supply of essential services and with access to important environmental and cultural resources. The main targets of the programme, which included 1,060 municipalities with 2,2 million residents, were, thus, the improvement of basic public services (such as healthcare, education, mobility etc.) and encouragement of the local development initiatives and investment to reverse depopulation and marginalisation of inner areas (Accordo Di Partenariato, 2021).

Among specific features of SNAI, funding should necessarily be mentioned: a total of more than €1 billion euros was accumulated, a significant part of which (45%) consisted of the resources of the Regional Operational Programmes and European investment funds as well as sectoral policy interventions (Barca et al., 2014). These diversified pooled funds practically introduced shared financial responsibility. Besides, regions had a strong say at all the stages of the programme development, from the selection of pilot towns during a desk stage, to the final approval of Area Strategies and implementation of proposals (Accordo Di Partenariato, 2021).

Addressing the impact of SNAI, the studies of independent researchers are worth mentioning. In particular, a group of scholars including G. Monturano, G. Resce, M. Ventura (2023) preliminarily revealed that the number of plants in chosen municipalities and surrounding localities increased as a result of the realisation of the National Strategy. However, one of the strategy's primary goals — turning back a depopulation trend — was not achieved. Here came one of the major issues with the SNAI policy design, namely, an excessive focus on the infrastructural output, which did not imply an automatic rise in towns' attractiveness.

Thereby, SNAI embraced a bottom-up, or place-based approach and put regions forward in territorial policies in accordance with the institutional arrangement of the Second Republic. Even further, SNAI did not set the limits of subnational units' participation, and this left a room for discretion for the regional authorities (Cotella & Brovarone, 2020), some of which coordinated with the centre and let the territories develop autonomously, while others (for instance, Piedmont) arbitrarily embraced a centralised approach towards municipal spatial development.

Conclusion

Both France and Italy embarked on a path of decentralisation: in the former, the emphasis on historically salient communes was made at the

expense of departments and regions, and key powers in the spatial policies were transferred to municipal councils and mayors; in the latter, a trend towards federalisation could be observed, with regions acquiring a wide range of competences in various domains of urban politics.

French municipalisation and Italian regionalisation stipulated a major difference in the approaches to counter the negative trends which many SMSTs faced in two countries. In its turn, Action cœur de ville addressed the issues that particular municipalities faced and encouraged local authorities to decide urban development strategies and particular action plans independently, while the Italian Strategia Nazionale per le Aree Interne took urban and suburban areas as reference points, putting a significant strain on municipalities' autonomy by assigning key coordination and implementation responsibilities to regions. The policy design à la française provided for the delivery of services and goods tailored to local communities' needs as well as for multidimensionality of the issues addressed but limited the possibility to respond to the challenges to regional territorial cohesion by focusing on central municipalities alone. In Italy, the scope of the SNAI allowed for a positive industrial spillover effect on neighbouring localities but did not reverse the depopulation trend — the failure which could be attributed to the disregard of the heterogeneity among municipalities and the reluctance to invest in their financial self-sufficiency.

As regards the framing of the delivered policies, in France, the State was the main fundraiser, and the quality of life in medium-sized towns a national priority, while the Italian, by introducing shared financial responsibility and not specifying the extent of regions' interference to local development projects, practically followed a bottom-up model. As a result, these institutionally determined characteristics compelled France to restrict the entrance of private investors and, thus, limit the flexibility of municipalities in terms of funding and led to the mismatch between subnational units on the scope of regional participation in Italy.

The research in this direction can be continued by comparing the impact of the ACV and the SNAI by applying both qualitative and quantitative instruments and using appropriate universal indicators. Some other programmes can also become a subject of in-depth research — for instance, Petites ville de demain in France or Plus e città medie sud in southern Italy. Finally, based on this study and those that will follow, the search for a balanced strategy towards the decline of SMSTs can be, thus, facilitated by associating successes and failures of different urban projects with the modes of decentralised governance adopted and the scope of activities determined.

References:

1. Accordo di Partenariato. (2021). Agenzia per La Coesione Territoriale. <https://www.agenziacoesione.gov.it/lacoesione/accordo-di-partenariato/>
2. Action cœur de ville 2 (2022). Agence Nationale de la Cohésion. https://www.ecologie.gouv.fr/sites/default/files/documents/DP_ACV_Nov22_logoACV.pdf
3. Baldini, G., & Baldi, B. (2013). Decentralisation in Italy and the Troubles of Federalisation. *Regional & Federal Studies*, 24 (1), 87–108.
4. Barca, F., Casavola, P., & Lucatelli, S. (Eds.). (2014). A Strategy for Inner Areas in Italy: Definition, Objectives, Tools and Governance. Public Investment Evaluation Unit (UVAL). https://www.agenziacoesione.gov.it/wp-content/uploads/2020/07/MUVAL_31_Aree_interne_ENG.pdf
5. Bassanini, F. (2012). Federalising a Regional State. In A. Benz & F. Knüpling (Eds.), *Changing Federal Constitutions* (pp. 229–248). Barbara Budrich.
6. Breuillé, M.-L., & Duran-Vigneron, P. (2023). *Inter-municipal cooperation in France and related tax issues*. University of Chicago Press.
7. Cabodi, C., de Luca, A., Di Gioia, A., & Toldo, A. (2014). Small and medium sized towns in their functional territorial context: Case Study Report | Italy (pp. 1–112). ESPON. https://archive.espon.eu/sites/default/files/attachments/TOWN_Case_Study_Report_-_Italy.pdf#viewer.action=download
8. Charbit, C. (2011). *Governance of Public Policies in Decentralised Contexts: The Multi-level Approach*. OECD ILibrary. https://www.oecd-ilibrary.org/governance/governance-of-public-policies-in-decentralised-contexts_5kg883pkxkxhc-en
9. Chouraqui, J. (2021). Medium-sized cities in decline in France: between urban shrinkage and city centre devitalisation. *Spatial Research and Planning*, 79 (1), 3–20.
10. Code officiel géographique (COG). (2024). Plateforme ouverte des données publiques françaises. <https://www.data.gouv.fr/fr/datasets/code-officiel-geographique-cog/>
11. Cotella, G., & Brovarone, E. V. (2020). The Italian National Strategy for Inner Areas: A Place-Based Approach to Regional Development. In J. Bański (Ed.), *Dilemmas of Regional and Local Development*. Routledge.
12. Cour des comptes. (2018). Observations définitives sur le programme Action Cœur de Ville. <https://www.ccomptes.fr/sites/default/files/2023-10/20220929-S2022-1266-1-programme-action-coeur-ville.pdf>
13. Delpirou, A. (2019). Enjeux et écueils de l'action publique dans les villes moyennes en déclin: une comparaison entre Bourges, Moulins et Nevers. *Géographie, Économie, Société*, 21 (1), 67–87.
14. Demazière, C. (2012). Observation des dynamiques économiques et stratégies des villes petites et moyennes de la région Centre. Université François-Rabelais, UMR CITERES.
15. Italia — Istituzioni, geografia e statistiche. (2024). Guida Ai Comuni, Alle Province Ed Alle Regioni D'Italia. <https://www.tuttitalia.it/italia/>
16. Meijers, E., & Burger, M. (2022). Small and medium-sized towns: out of the dark agglomeration shadows and into the bright city lights? In H. Mayer & M. Lazzeroni (Eds.), *A Research Agenda for Small and Medium-Sized Towns* (pp. 23–38). Edward Elgar Publishing.
17. Ministère de la Cohésion des territoires et des relations avec des collectivités locales. (2019). Guide du programme national Action Cœur de Ville. <https://www.entreprises>

- [gouv.fr/files/files/directions_services/coeur-de-ville/acv-guidedeprogramme.pdf](https://www.gouv.fr/files/files/directions_services/coeur-de-ville/acv-guidedeprogramme.pdf)
18. Monturano, G., Giuliano, E., & Ventura, M. (2022). Place-Based Policies and the location of economic activity: evidence from the Italian Strategy for Inner areas. Working Paper. Sapienza University of Rome.
 19. Oates, W. (1993). Fiscal Decentralization and Economic Development. *National Tax Journal*, 46 (2), 237–243.
 20. Parkinson, M., Meegan, R., & Karecha, J. (2014). City Size and Economic Performance: Is Bigger Better, Small More Beautiful or Middling Marvellous? *European Planning Studies*, 23 (6), 1054–1068.
 21. Répartition des compétences — Tableau synthétique. (2019). Collectivités locales. https://www.collectivites-locales.gouv.fr/files/Comp%C3%A9tences/1.%20les%20comp%C3%A9tences/tableau_de_compétences-novembre2019.pdf
 22. Semeko, G. (2017). Territorial'nye reformy vo Francii: ot decentralizacii k recentralizacii gosudarstvennogo upravleniya. *Ars Administrandi*, 9 (3), 476–494.
 23. Servillo, L., Atkinson, R., Smith, I., Russo, A., Sykora, L., & Demazière, C. (2014). TOWN, small and medium sized towns in their functional territorial context. Final Report. ESPON.

Раздел 4

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

МЕМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИКИ: ЦИФРОВАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ

Немногие исследователи берутся спорить с важностью медиа в политике, однако в этой теме всё равно есть множество исследовательских лакун. Учёные делают большой фокус на изучении механизмов воздействия медиа на «реальную политику», то есть на принятие решений, результаты выборов и референдумов (Dean, 2018). Но эмоциональная динамика политики и политического участия, в частности построение взаимоотношений в цифровом пространстве, остается малоизученной (Ibid).

Сейчас в российской политике происходят значительные изменения, одни из них — это цифровая модернизация и политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей. Помимо разработки проектов «Цифровая экономика» и «Электронное правительство», создания единой биометрической системы и расширения функционала сервиса «Госуслуги», взаимодействие с которым прочно вошло в жизнь многих россиян, государство обрело новые инструменты авторитарного контроля: слежка в социальных сетях, онлайн-пропаганда и ограничение публичного доступа к ряду онлайн-ресурсов. Параллельно с этим, большое значение придается защите института семьи — указом президента 2024 год был объявлен Годом Семьи, в Государственной Думе многократно обсуждались законопроекты по запрету аборт, поступают предложения по созданию раздела безопасных знакомств на «Госуслугах» (РИА Новости, 2024).

В социальных сетях ведется прямое обсуждение ключевых политических процессов, но также набирают популярность мемы об «альтушках» и «скуфах». Альтушки — это молодые девушки, как правило привлекательные, предпочитающие «альтернативный» стиль (графичный и яркий макияж, одежда темных цветов, пирсинг и татуировки), а скуфы — это их противоположность: неухоженные мужчины средних лет с лишним весом, которые много проводят времени дома за компьютером или просмотром футбольных матчей. Мемы в основном строятся на комичности взаимодействия этих архетипов. Их используют для продвижения товаров, о них снимают ролики блогеры-миллионники и пишут газеты. Внутри этого мема появляется новый троп, получивший название «альтушка с Госуслуг» (РБК Тренды, 2024): выходят юмористические видео-инструкции

о том, как повысить свои шансы получить альтушку с помощью подачи заявления на Госуслугах, и выпускается видеоигра «Альтушка для скуфа» за авторством компании всемирно известного комиксиста Виталия Терлецкого, в которой фигурирует пародия на «Госуслуги» — сервис «Скуф Услуги» (Steam, 2024).

В этом исследовании я ищу причину неожиданного сочетания юмористических типажей и государственного сервиса в рамках мема и отвечаю на следующие вопросы: является ли мем «альтушка с Госуслуг» реакцией на усиление цифрового контроля в России? Какие политические и гендерные нарративы присутствуют в коллективных представлениях пользователей сети относительно этого мема? Чтобы выяснить это, в исследовании были использованы два метода: критический дискурс-анализ, потому что он позволяет выделить в самих мемах фреймы и идеологические пресуппозиции; и заочное анкетирование с открытыми и полужакрытыми вопросами: такой метод сбора данных дал возможность узнать, как мемы воспринимаются их аудиторией и какие смыслы в них видят пользователи.

Мем изначально обозначал культурный аналог гена — устойчивую структуру информации, способную к репликации (Dawkins, 1989). Привычный нам интернет-мем (для удобства называемый просто мемом) может быть песней, видео, танцем, но чаще всего под мемом подразумевается картинка с емкой смешной подписью. Мемы присущи следующие черты: он является единицей культурной информации, удобной для репликации всеми возможными способами; мем позволяет быстро кодировать и декодировать информацию, которая содержит в себе концентрат общественного опыта и эмоций, и это свойство делает мемы вирусными (Кузнецов, 2022). Также мемы делят на две составляющие: оболочку и семантическое ядро, в котором кроется смысл мема: набор ассоциаций и установок (Rushkoff, 1996). Помимо этого, мемам свойственна ассоциативность и актуальность: они вписаны в современный социокультурный контекст и несут в себе свойственные ему подтексты (Кузнецов, 2022). Эти характеристики делают мем удобным форматом передачи политизированных сообщений и превращают мем в своего рода упрощение политической идеологии (Ibid).

Мемы имеют несколько политических функций, которые трудно отделить друг от друга. В первую очередь, мем — форма выражения политического участия. Он даёт возможность заняться активизмом, не вставая с дивана, и удовлетворить желание вербализировать свою позицию с помощью репоста — для этого даже необязательно создавать новый мем. Следующая функция мема — создание виртуальных «мест близости», в которых для общения собираются люди схожих интересов, целей и мировоззрения (Gee, 2004). Это делает мемы не просто инструментом общения, но способом укрепления солидарности внутри политических сообществ: публикация тематических мемов на странице, посвящённой тому или иному политическому движению, позволяет дополнительно идеологически сплотить подписчиков, в том числе активизируя через юмор деление на Своих и Чужих. Из этого вытекает третья функция: мемы являются дискурсивным оружием — они распространяют информацию альтернативного дискурса, разрушая гегемонию мейнстримного мнения (Denisova, 2016). Они продвигают определённое послание от пользователя к пользователю, что делает мемы удобным инструментом гражданского активизма (Lievrouw, 2011). Это помогает активистам не только сформировать альтернативный дискурс, но и заниматься пропагандой: мемы, зародившись в одном сообществе, быстро расходятся по сети, в том числе оказываются за пределами первоначального дискурсивного поля той или иной идеологии (Esteves & Meikle, 2015). Четвертая политическая функция мема, тесно переплетенная с третьей, — карнавальное сопротивление. Она особенно важна для данного исследования и понимания вирусной природы мемов об альтушках, поскольку определяется двумя главными характеристиками — абсурдом и инверсией обыденного и возвышенного (в данном случае — обыденного-юмористического и государственного). Средневековый карнавал, согласно теории Михаила Бахтина, это ограниченная по времени протестная манифестация, разрушение официальных ценностей: шуты пародиями обличают королей, люди, скрытые под масками, говорят всё, что захотят, используя резкий и порой вульгарный юмор (Bakhtin, 1984). Это определение стало основой для понятий карнавального сопротивления и карнавализации, которые вышли за пределы изучения литературы и истории и активно используются в анализе современных медиа и юмора. В цифровом карнавальном сопротивлении пользователи сети, как и гости маскарада, могут скрыться за масками своих аккаунтов, что позволяет им ещё более открыто выражать своё мнение, обличенное в шутки. При этом такая форма протеста обычно не ведёт к мобилизации граждан оффлайн и остаётся лишь экспрессивным выражением мнения (Denisova, 2016). Таким образом, карнавальное сопротивление в сети — это неформальный инструмент рефлексии социального и политического опыта. В авторитарных режимах, где

выражение оппозиционного мнения преследуется, сопротивление с помощью мемов и юмора в целом имеет особое значение — нередко оно оказывается единственным способом выразить недовольство относительно происходящего в стране и найти единомышленников. В пример можно привести политический анекдот в СССР или мемы в современном Китае: они являются способом обойти цензуру (Mina, 2014); Наглядные примеры — это китайские мемы о ламе и крабе, ставшие оппозиционными символами, и онлайн-кампания в поддержку арестованного в 2006 году правозащитника Чэня Гуанчэна: она была выражена в безобидных мемах и массовом анонимном флэшмобе, не несущим в себе никаких политических атрибутов: люди только выкладывали в сеть селфи в солнцезащитных очках (Ibid). Несмотря на явную политичность этих проявлений карнавального сопротивления, некоторые учёные подразумевают под карнавализацией не политический жест, а бесконечную репликацию образа или фразы, которая вовсе теряет свой смысл — в пример можно привести социоформулу «Я/МЫ», которая изначально была высказыванием в поддержку оппозиционного журналиста Ивана Голунова, но быстро превратилась в сетевой мем не-политической направленности (Гурова и Ломыкина, 2020). Это приводит к ещё одной функции мема — игровой: мем создаётся не ради цели, например, высказывания мнения или политической агитации, а ради процесса — пользователи сети получают удовольствие от обмена мемами и их создания как от формы общения друг с другом; следовательно, внешнее влияние мемов скорее является побочным результатом этой коммуникативной игры (Seiffert-Brockmann et al., 2017).

Тем не менее, превращаясь в игру или хаотичное карнавальное шествие, мемы могут сохранять за собой функцию выражения рефлексии политического опыта или нести в себе её следы, как чего-то, что изначально стало причиной для возникновения того или иного мема. Более подробное обсуждение этой мысли изложено в анализе ниже. Он поделен на несколько блоков в соответствии с выявленными темами рассматриваемого мема. В этих блоках представлены краткие результаты критического дискурс-анализа в формате выявления дискурсивных полей, в которых распространяется мем, главных фреймов и идеологических маркеров; и более подробные результаты заочного анкетирования (см. Приложение).

Абсурд

Неудивительно, что абсурд — это первое, с чем ассоциировался у опрошенных мем «альтушки с Госуслуг»: 63 человека (64,2%) выбрали абсурдность как причину смехотворности мема. 5 респондентов подкрепили свой выбор развернутыми ответами, в которых отмечали, что им кажется смешным сочетание альтернативно выглядящих девушек и государственного сервиса — оно

настолько неожиданно, что вызывает улыбку. Одна девушка написала: «...для меня это как мем с цифрой 6, где подписано «четыре»». Другая респондентка ответила, что ей кажется абсурдным понять, почему что-то является абсурдным, и не дала больше никаких подробных комментариев к вопросам анкеты. Тем не менее, в частях ниже будет более подробно объяснено, что скрывается за абсурдом в этих мемах и какими общественными проблемами он был вызван.

Цифровая модернизация

В ходе анализа подтвердилось предположение о том, что мем «альтушки с Госуслуг» частично является реакцией пользователей Сети на проявления цифрового авторитаризма — использования информационных технологий для слежки, подавления и манипулирования населением (Polyakova & Meserole, 2019). Помимо таких масштабных проектов, как суверенный интернет, российская модель цифрового авторитаризма включает в себя информационный контроль с помощью кооперации с частными компаниями, общественными организациями и административными ресурсами (Ibid). К последним можно отнести сервис «Госуслуги»: он собирает большой массив информации о пользователе. Особое опасение сервис вызвал у граждан после того, как во время мобилизации осенью 2022 года он начал использоваться как платформа для рассылки повесток.

Более половины респондентов действительно отмечают в развернутых ответах, что рассматриваемый мем — это реакция на усиливающиеся черты цифрового авторитаризма в России. Ниже представлены наиболее яркие цитаты из полученных данных (см. Приложение):

«Это абсурд цифрового гуглага (госуслуг)», — здесь автор высказывания приравнивает сервис «Госуслуги» к распространённой мифологеме «цифрового концлагеря», которая подразумевает, что из-за информационных технологий и онлайн-контроля человек утрачивает свободу (Прилуцкий, 2021).

«Госуслуги настолько многофункциональны и связаны со столькими областями деятельности, что выдача альтушек по талонам не кажется такой уж нереальной»

«Стёб над попытками российских чиновников систематизировать и проконтролировать любые действия в интернете, запретом дейтинг-приложений...»

Также пять респондентов делают акцент на модернизированной программе призыва:

«Госуслуги — с одной стороны удобную, но с другой — немного пугающую государственную систему, которая используется в том числе для уведомления о штрафах и повестках в армию...»

Из-за специфики мемов как феномена и особенностей абсурдного юмора, в рассматриваемом медиамеме трудно отследить единое семантическое ядро, в которое было бы вложено утверждение

о Госуслугах. Оно разнится от мема к мему и зачастую даже на одном меме (из-за недостатка деталей, идеологических маркеров на изображении и в текстовой составляющей) есть место для интерпретаций — в том числе диаметрально противоположных. В сюжете этого медиамема Госуслуги предстают как платформа, предоставляющая пользователю благо в виде привлекательной девушки-«альтушки», однако отследить за этим чёткий фрейминг Госуслуг как полезного или, наоборот, вредоносного сервиса для пользователей невозможно. Результаты анкеты подтвердили этот вывод: меньше половины респондентов считают, что мем транслирует нейтральное отношение к Госуслугам, а остальные дают кардинально разные ответы (рис. 1).

Какое отношение к Госуслугам в основном транслируют эти мемы?

101 responses

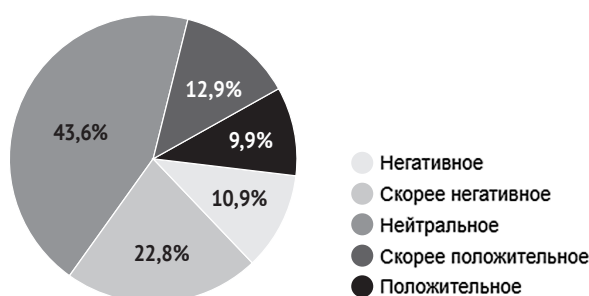

Рисунок 1. Отношение, транслируемое мемами к «Госуслугам» (прил. 1)

Фрейминг как инструмент создателя мема для формирования мнения аудитории становится невыраженным или полностью отсутствующим, потому что сам мем не несёт в себе идеологического утверждения, и оказывается в руках «распространителя» мема — публичного сообщества, канала или человека, который использует мем в личной переписке или своём профиле в социальных сетях. Мем перестаёт выступать в роли самостоятельного фрейма, что традиционно считается одним из проявлений мема как дискурсивного оружия (Кузнецов, 2022), и становится лишь дополнительной метафорой, имеющей смысл только в определённом контексте — дополнительными политизированными символами или идеологической направленности медиаисточника, где мем публикуется, или текстового высказывания, которое сопровождает мем. Во-первых, это свидетельствует о том, что смысл мема как информационной и культурной единицы куда больше зависит от личного трактования зрителя, чем от пресуппозиции автора. Также это помогает расширить аудиторию медиамема и позволить ему появляться в кругах разной идеологической направленности — в них он может обрести своё значение, которое не будет вызывать отторжения у пользователей сообщества. Это подтверждается мнением респондентов: ответы на вопрос «Какие идеологии соответствуют взглядам основной аудитории этих мемов?» оказались неоднородными (рис. 2).

Как Вы думаете, какие идеологии соответствуют взглядам основной аудитории этих мемов?

101 responses

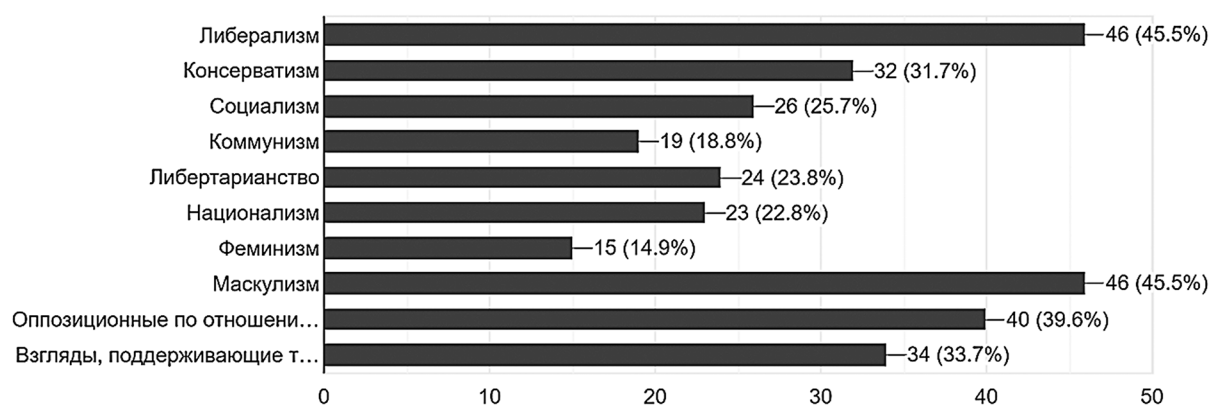

Рисунок 2. Варианты ответов: либерализм; консерватизм; социализм; коммунизм; либертарианство; национализм; феминизм; маскулизм; оппозиционные по отношению к текущему политическому курсу РФ; взгляды, поддерживающие политический курс РФ (прил. 1)

Во-вторых, это наблюдение может характеризовать то, какую замысловатую скрытую форму вследствие самоцензуры и карнавализации может принять медиамем, используемый как выражение оппозиционного мнения, ведь за картинкой, не содержащей в себе прямого высказывания или даже политического символа, пользователь, который изначально не разделяет оппозиционных взглядов, не увидит противоречащего его взглядам посыла. Это позволяет целевой аудитории этого медиамема, который в данном случае может отражать негативное отношение к Госуслугам как к инструменту ограничению свободы гражданина, не подвергаться осуждению других пользователей, не бояться цензуры со стороны правоохранительных органов или модерации социальных сетей и пользоваться мемом как символом, понятным только для «Своих». В ответах респондентов также прослеживается эта идея (см. Приложение):

«Ирония этих приколов в отсутствии прямого оппозиционного дискурса, но все всё понимают»

«[Причиной является] Ограниченность возможностей юмора о политике...»

Это доказывает, что в на первом взгляд бессмысленном меме пользователи находят множество способов выразить свои эмоции и мнение о политике.

Мужское / женское

Поначалу рассмотрение вопроса отношений между мужчинами и женщинами в меме «альтушки с Госуслуг» не являлось целью исследования, но данные опроса показали, что для пользователей эта тема значима: её считают основной причиной, по которой мем кажется смешным, почти 40% опрошенных, а некоторые из них считают отражение этой темы более явным и ярким, чем проблемы цифровизации. 23 респондента из 47, ответивших на открытые вопросы, оставили

комментарии о связи рассматриваемого мема с трудностями построения отношений и гендерными ролями. Одной из конкретных проблем пользователи считают внешний вид мужчин: многие отмечают тенденцию «скуфизации» мужского населения — под этим подразумевается, что мужчины уделяют мало внимания своей внешности. Альтушки являются контрастирующим фоном для высмеивания таких мужчин. Этот контраст респонденты описывают следующим образом (прил. 1)):

«В странах СНГ во многих парах девушка выглядит как кукла барби, а парень — как шрек, мемы про альтушек по той же логике работают»

«Отношения этих архетипов ***** (прим. автора: очень) как распространены в РФ...»

«Скуф и альтушка — как дельфин и русалка. Они не пара, не пара, не пара»

Три респондента связали популярность троп альтушки и скуфа с годом семьи, «...который абсолютно никак не решает проблемы института семьи, а только сильнее его разрушает»:

«...они иронизируют над годом семьи, где каждому стремному мужику найдут красивую девушку»

Особого внимания заслуживают ответы о связи мема с движением инцелов, считающих сексуальные и романтические отношения с женщинами базовой потребностью, которую общество должно помочь им удовлетворять. Здесь видно ещё одно проявление карнавализации: троп того, что простой, в том числе непривлекательный, мужчина достоин внимания красивой девушки, гиперболизируется до той степени, что в меме скуф буквально заполучает альтушку как помощь от государства. Эту ассоциацию проводят и сами инцелы, в том числе медийно известный активист и блогер Алексей Поднебесный (Xikkasgrandma, 2024).

Образ «альтушки» в меме часто подвергается объективации: в контексте мема альтушка —

инструмент для удовлетворения желаний скуфа, она не проявляет своих эмоций. Опрошенные не видят в этом пренебрежительное отношение к женщинам, и только 9 человек отметили, что эти мемы смешные из-за того, что они иронизируют над женщинами (7 из 9 этих респондентов — девушки, поддерживающие феминизм). Но более половины респондентов считают мемы смешными из-за иронии над альт-субкультурой и 7 респондентов в развернутых ответах высказались о том, что популярность мема связана в первую очередь с распространением альт-субкультуры, и почти треть всех респондентов утверждает, что мемы транслируют негативное отношение к альтушкам. Следовательно, данные анкетирования не подтверждают предположения о том, что в семантическом ядре мема заложена объективация женщин как социальной группы — пользователи сети воспринимают это только как комментарий в адрес девушек, выглядящих определённым образом и не совсем вписывающимся в социальные стандарты поведения и гендерной экспрессии.

Подытоживая результаты анализа, необходимо снова подчеркнуть, что сделать единый вывод о смысле и восприятии мемов невозможно. Это связано с тем, что мемы стремительно реплицируются, странствуют между дискурсивными полями и, как было доказано выше, перестают являться самостоятельным фреймом. Все же, мем «альтушки с Госуслуг» является выражением политического мнения и рефлексией процесса цифровизации в России пользователей очень широкого спектра политических взглядов, а для критически настроенных к внедрению Госуслуг и действиям государства пользователей этот мем также выполняет функцию обхода цензуры и «места близости» с элементом деления на Своих и Чужих, однако нет свидетельств того, что мем используется в качестве дискурсивного оружия как инструмент локального активизма. Гендерные роли, романтические отношения и движение инцелов — это другой блок тем, относящихся к гендеру и сексуальности, которые находят отражение в «альтушках с Госуслуг». Эти могут оказаться полезными для более широкого анализа природы русскоязычных политических мемов, отношения молодежи к цифровизации в России и восприятия романтических отношений в медиа.

Список литературы:

1. Bakhtin, M. M. (1984). *Rabelais and His World* (Vol. 341). Indiana University Press.
2. Dawkins R (1989). *The Selfish Gene* (new edition). Oxford; New York: Oxford University Press.
3. Denisova, A. (2016). Political memes as tools of dissent and alternative digital activism in the Russian-language Twitter.
4. Esteves, V., & Meikle, G. (2015). 'Look@ This Fukken Doge': Internet memes and remix cultures. *The Routledge companion to alternative and community media* (pp. 561–570). Routledge.
5. Gee, J. P. (2004). *Situated Language and Learning: A Critique of Traditional Schooling*. Psychology Press.
6. Lievrouw, L. (2011). The next decade in Internet time: Ways ahead for new media Studies. *SSRN Electronic Journal*.
7. Mina, A. X. (2019). Memes to movements: How the world's most viral media is changing social protest and power. Beacon Press.
8. Rushkoff, D. (1996). *Media virus!: hidden agendas in popular culture*. Ballantine books.
9. Seiffert-Brockmann, J., Diehl, T., & Dobusch, L. (2017). Memes as games: The evolution of a digital discourse online. *New Media & Society*, 20 (8), 2862–2879.
10. Гурова, Е. К., & Ломыкина, Н. Ю. (2020). Карнавал в Сети: как формула протеста побывала мемом. *Медиалингвистика*, 7 (3), 318–331.
11. Кузнецов, И. С. (2022). Мемы. Научный взгляд на феномен поп-культуры, захвативший мир. Эксмо.
12. Прилуцкий А. М. (2021). Электронный концлагерь Антихриста": Семиотика мифологемы. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*, (3), 216–227.
13. РИА Новости. (2024, 6 мая). На «Госуслугах» предложили создать раздел для знакомств. <https://ria.ru/20240506/znakomstva-1944067299.html>
14. РБК Тренды. (2024, 27 ноября). Кто такие альтушки и причём здесь «Госуслуги». <https://trends.rbc.ru/trends/social/665ec0919a79474fac383901>
15. *Altushka dlya Skufa*. (2024). [Видеоигра]. Steam. https://store.steampowered.com/app/2901520/Altushka_dlya_skufa/?l=russian
16. Hikkasgrandma. (2024, 7 мая). Хиккан & поднебесный — альтушка / как получить альтушку с ГосУслуг [Video]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=pj9zO0qHvPI>

Приложение

Для проведения опроса соблюдались критерии репрезентативности по отношению к группе молодёжи, которая активно пользуется социальными сетями: было опрошено 120 респондентов в возрасте от 14 до 36 лет, которые регулярно просматривают контент во «ВКонтакте» или Telegram. В начале анкеты участники указывали свой возраст, пол и мировоззрение (на выбор было предложено несколько вариантов, широко описывающих популярные идеологии и движения). 101 респондент из 123 подтвердил, что знаком с данным мемом и продолжил проходить анкетирование, отвечая на полуоткрытые вопросы о причинах, по которым эти мемы являются смешными для аудитории, и о характеристиках предполагаемой аудитории мемов; 47 человек из 101 оставили ответы на открытые вопросы о том, что является смешным в «альтушках с Госуслуг», и о предположительных причинах возникновения этого мема.

Использованные рисунки являются автоматическими визуализациями данных опроса на платформе Google Forms.

Результаты опроса доступны на платформе Google Sheets по ссылке: https://docs.google.com/spreadsheets/d/1QT4VoS19nByckNNTLeapBwreb8hcbfgd_bO2SuCwiU/edit?gid=2036249315#gid=2036249315. При необходимости, полная версия опросника доступна по запросу у автора.

СТРАТЕГИИ ДЕМОНСТРАЦИИ ЛОЯЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ ФЕДЕРАЛЬНОМУ ЦЕНТРУ

Введение

Согласно теории федерализма, централизованные федерации являются наиболее стабильными и эффективными: это может подтвердить пример СССР, отошедший от централизованной формы и впоследствии потерявший свою территориальную целостность (Filipov, 2005, p. 103–104), а современная Россия всё же стремится к централизации, из-за чего возникает зависимость регионов от федерального центра. В условиях недемократического режима губернаторам необходимо выполнять неформальные задачи, к которым относится выражение лояльности действующему президенту (Klimovich, 2023). Стратегии лояльности могут варьироваться, но в России мы выделяем три основные: риторика, электоральная, методы государственного принуждения. При этом, в современных условиях политической нестабильности вопрос частоты использования методов государственного принуждения стоит особенно остро. Заметна тенденция увеличения уголовных дел по тяжким статьям, в т. ч. за преступления экстремистской направленности. Тем не менее, подобные меры существовали и до 2022-го года (Born, Weerdesteijn, & van Wijk, 2024). Например, закон об иностранных агентах был принят еще в 2012-м году и повлек ужесточение контроля над некоммерческими организациями, в т. ч. оппозиционными (Goncharenko & Khadaroo, 2020). Несмотря на то, что тенденция увеличения контроля за населением существует давно, она не была достаточно изучена в контексте вертикальных механизмов взаимодействия регионов с центром, с чем и связана научная актуальность данной статьи.

Так, исследование фокусируется на том, насколько использование методов государственного принуждения является эффективной стратегией демонстрации лояльности российских губернаторов федеральному центру?

В статье приводится обзор литературы, посвящённой трём видам стратегий демонстрации лояльности в российском контексте, теоретическая рамка исследования, необходимая для формулирования гипотезы, затем следуют описание методологии, результаты построения моделей и их интерпретация.

Обзор литературы

Мы определяем стратегию демонстрации лояльности как практику взаимодействия с населением, региональными элитами и федеральным центром, которая используется губернаторами для показа достижения целей, поставленных центром, и последующего получения выгоды, например, федеральных трансфертов, ренты (Gelman, 2010, p. 9), или публичной похвалы от представителей центральных органов власти. Мы разделяем стратегии на ненасильственные и насильственные.

К первому типу относится электоральная стратегия. Она заключается в том, что губернаторы и региональные элиты мобилизуют население голосовать за партию «Единая Россия» на парламентских выборах и за Владимира Путина на президентских, а также обеспечивают высокую явку. Авторы, которые изучают тему директивного финансирования и федеральные трансферты в контексте поощрения лояльных губернаторов, приходят к консенсусу, что распределение бюджета может быть мотивировано политически. Например, результат данной стратегии заключается в том, что большее количество трансфертов может быть направлено в регион, где явка и процент голосов за инкубентов наиболее высоки (Turovsky & Gaivoronsky, 2017). Также поощряются те регионы и местные элиты, которые проводят массовую культурную мобилизацию и реализовывают федеральные проекты, благодаря чему создаётся позитивный имидж инкубентов (Sharafutdinova & Turovsky, 2017, pp. 178–179) — чем выше рейтинг партии, тем больше людей могут поддержать её на выборах, гарантируя большинство в региональном и национальном парламентах.

Риторика, или вербальное одобрение действующей политики губернаторами, также является способом проявления опосредованной лояльности ненасильственным методом. Так, авторы исследовали тенденции поддержки доминирующего инкубента, что было исследовано на примере президентства Дмитрия Медведева — главы регионов в своей речи поддерживали его инициативы, однако к концу его срока вектор сместился в сторону следующего президента, чтобы продемонстрировать ему лояльность и сохранить свою нынешнюю позицию или выгоды для региона (Batur & Mikhaylov, 2014, p. 989). В изучении риторики губернаторов и глав

национальных республик отмечается дискурс федерализма периода 1990–2000-х годов. Он заключался в поддержке региональной политики центра, несмотря на попытки сепаратизма и изначального отказа участвовать в подписании Федеративного договора 1992 года: главы республик Чечня и Татарстан в своей речи часто приравнивали термины «демократия» и «федерализм» (Sharafutdinova, 2013, pp. 363–365). Итогом стало сохранение в этих республиках более высокого уровня экономической и политической автономии (Sharafutdinova, 2013, p. 361). К 2010-м использование нарратива о федерализме сменилось на государственность и самостоятельность каждой отдельно взятой национальной республики в составе России (Yuzbekova & Starodubtsev, 2023, p. 54), а позже — полноправие всех республик (Yuzbekova & Starodubtsev, 2023, p. 63), что может предположительно говорить об отказе от сепаратистских настроений 90-х.

Методы государственного принуждения также позволяют регионам продемонстрировать свою лояльность центру. В результате широкого распространения Интернета онлайн-мобилизация граждан на протесты стали очень популярны, поэтому мы фокусируемся на ней. Например, в литературе упоминается, что чаще всего материалом для возбуждения уголовных дел служит активность пользователей в социальной сети «ВКонтакте» (Gaufman, 2021, p. 120). Так, после принятия закона «О противодействии терроризму», известного как «Пакет Яровой», в 2016 году, социальная сеть стала часто используемым инструментом осуществления методов государственного принуждения по отношению к оппозиционерам и активистам (Gurkov, 2021, p. 103). В результате использования этого закона было возбуждено большое количество уголовных и административных дел по ряду статей (Poupin, 2021). Отмечается, что неопределённые их формулировки дают возможность манипуляции с трактовкой, что является эффективным способом для государственного принуждения в отношении конкретных активистов (Antonova, 2019).

Данный закон активно использовался против активистов-представителей национальных меньшинств, выступающих против отмены обязательного изучения родных языков в учебных заведениях в рамках языковой реформы 2017 года. Например, из-за неприятия этой реформы гражданами Татарстана и Башкортостана произошла протестная мобилизация, но лишь умеренная из-за неудачного опыта прошлых лет и превентивных действий правоохранительных органов, что в итоге предотвратило волну этнических протестов (Yusupova, 2022, p. 628).

Несмотря на выделение в литературе общих паттернов о государственном принуждении в современной России (т. е. манипуляция с трактовкой законов и выделение роли сети Интернет) всё ещё требует изучения вопрос, насколько действительно методы государственного принуждения являются эффективной стратегией в контексте демонстрации лояльности федеральному центру.

Теоретическая рамка

Исходя из выше описанных разновидностей стратегий демонстрации лояльности, предполагается, что федеральный центр ожидает политическую лояльность от губернаторов, а губернаторы — что центр гарантирует им выживаемость и доступ к дополнительным благам (Гельман & Рыженков, 2010, с. 137). При этом, губернаторы могут воспринимать лояльность как борьбу с представляющими угрозу для инкубентов политическими оппонентами. Предположительно, именно эта борьба может являться триггером для реализации мер государственного принуждения на региональном уровне. Некоторые авторы утверждают, что наиболее активны в этом контексте молодые и недавно назначенные губернаторы (Kozlov, Libman, & Schultz, 2018, p. 272), следовательно, мы ожидаем повышение уровня использования инструментов государственного принуждения от данной группы губернаторов и в нашем анализе.

Выделяется и тенденция смены губернаторов во время президентства Дмитрия Медведева и омоложение губернаторского корпуса (Blakkisrud, 2011, p. 368), соответственно, мы ожидаем более низкую выживаемость в этом периоде. Смену должностных лиц также связывают с реакцией на решение экономических проблем, например, по преодолению кризиса 2008-го года, что требует рассмотрения социально-экономических переменных (Reisinger & Moraski, 2013, pp. 13–15).

Кроме выделенных нами социально-экономических показателей важно отметить и электоральные — высокая явка и процент голосов доказано влияют на политическую выживаемость губернаторов (Sharafutdinova & Turovsky, 2017).

Исходя из исследовательского вопроса и вышеупомянутой теории мы формулируем гипотезу:

H1. Чем выше уровень использования инструментов государственного принуждения в регионе, тем выше вероятность выживаемости губернатора.

Методология и дизайн исследования

Данная гипотеза может быть проверена методом регрессионного анализа с помощью построения логистической модели. Также был проведен анализ выживаемости, который включает в себя метод Каплана-Мейера и модель пропорциональных рисков Кокса. Эти методы позволяют нам анализировать временной отрезок до наступления определенного события — в нашем случае, отставку губернаторов — при этом рассматривая возможность так называемых цензурированных событий, то есть, когда мы можем не увидеть событие в течение наблюдаемого времени (Austin, 2017, p. 186).

Независимой переменной является уровень применения инструментов государственного принуждения. Данную переменную мы можем операционализировать как частоту применения статей 280 и 282 УК РФ и статьи 20.2 КоАП РФ. Мы берём именно зарегистрированные случаи применения

статей в целом, а не только приговоров, потому что частота обращения силовых структур и судов к тяжким статьям сигнализирует об интенсивности использования инструментов государственного принуждения. Данные о количестве зарегистрированных дел по УК РФ взяты с сайта Генеральной прокуратуры РФ. Данные о количестве дел за нарушение статьи КоАП взяты из базы данных ОВД-Инфо (признан Министерством Юстиции Российской Федерации иностранным агентом). Зависимая переменная выживаемость губернаторов является бинарной: 0 в случае отставки в выбранный год, 1 в случае политического выживания. Переменные, связанные с электоральными процессами (явка и доля голосов за инкубентов) доказано влияют на выживаемость, поэтому являются контрольными (данные взяты с сайта Центральной Избирательной Комиссии), в дополнение к ним мы берём и несколько социально-экономических показателей из базы Федеральной Статистики.

Контрольные переменные:

1) плотность населения региона, чел. на км²;
2) явка на президентские выборы 2008, 2012 и 2018 годов и явка на ближайшие предыдущие президентские выборы, %;

3) явка на парламентские выборы 2011, 2016 и 2021 и явка на ближайшие предыдущие парламентские выборы, %;

4) % голосов за партию «Единая Россия» на ближайших предыдущих парламентских выборах по отношению к каждому году;

5) % голосов за Дмитрия Медведева и Владимира Путина на ближайших предыдущих президентских выборах по отношению к каждому году;

6) ВРП на душу населения за каждый год, руб.;

7) длительность нахождения губернатора на посту в годах относительно выбранного года;

Данные поделены на 14 временных отрезков, каждый отрезок равен календарному году. Отрезки охватывают период президентства Дмитрия Медведева (2008–2012), весь третий срок (2012–2018) и часть четвертого срока (2018–2021) Владимира Путина. Мы не включаем в анализ временные отрезки после 2022 года по причине сильного изменения политического контекста и отличной от предыдущих периодов необходимой операционализации независимой переменной.

В анализ включены все регионы РФ на момент 2021 года, исключая Республику Крым и город Севастополь, поскольку эти регионы не могут иметь данных о явке и проценте голосов ранее 2016 и 2018 годов для парламентских и президентских выборов соответственно.

Результаты

Логистическая регрессия

Значения независимой переменной уровень применения инструментов государственного принуждения варьируются от 1 до 7000, вследствие чего мы прибегли к нормализации с помощью логарифма. По этой причине были исключены

наблюдения, в которых значение независимой переменной равно нулю, в т.ч. весь 2008 год, т.к. в данных Генпрокуратуры содержится информация только с 2009 года, а статья КоАП 20.2 не использовалась ни в одном регионе в этот год.

Так как зависимая переменная отставка является бинарной, мы используем логистическую модель. В таблице 1 представлены результаты полной модели:

Таблица 1
Сводка результатов полной логистической модели

	Dependent variable:
	Dismissal Отставка
Log(Принуждение)	0.170** (0.079)
Log(ВРП на душу населения)	0.00000 (0.00000)
Явка (Президентские выборы)	-0.017 (0.020)
Процент голосов за Медведева/Путина	-0.002 (0.014)
Явка (Парламентские выборы)	-0.008 (0.011)
Процент голосов за 'Единую Россию'	0.0002 (0.0004)
Пребывание в должности	0.130*** (0.018)
Плотность населения	-0.0003* (0.0002)
Constant	-1.572* (0.844)
Observations	1,036
Log Likelihood	-391.971
Akaike Inf. Crit.	801.943
Note:	*p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01

Статистическими значимыми в этой модели являются логарифмированное значение уровня применения инструментов государственного принуждения — Log (Принуждение) — и длительность пребывания в должности. При этом, положительные коэффициенты говорят о прямой зависимости между увеличением значений этих показателей и отставкой, т.е. чем выше степень применения инструментов государственного принуждения губернатора и длительность его полномочий, тем выше показатель вероятности отставки. Это не подтверждает нашу гипотезу, предположительно, из-за того, что методы государственного принуждения, во-первых, дорогостоящи, во-вторых, могут вредить имиджу как региона, так и федерального центра, потому что превышение определенного уровня применения инструментов государственного принуждения наносит ущерб на обоих уровнях власти. Также мы можем отметить, что все остальные контрольные переменные не являются

статистически значимыми. Незначительность в этом контексте необязательно означает, что эти переменные вообще не оказывают влияния на вероятность отставки и выживаемости, т. к. существуют исследования, посвященные именно электоральным показателям, доказывающие обратное. Это несоответствие, вероятно, связано с различиями в данных и методологии. Кроме того, важно упомянуть, что не все исследования связывают эти предикторы именно с показателями насильственных методов демонстрации лояльности.

Анализ выживаемости

С помощью анализа выживаемости мы можем наблюдать факторы, которые влияют на вероятность отставки, учитывая определённые временные отрезки, в нашем случае — каждый календарный год, начиная с 2009-го до 2021-го включительно. Мы включаем все контрольные переменные за исключением продолжительности пребывания в должности из-за того, что она снижает статистическую значимость всех остальных показателей, включая независимую переменную. Этот факт размывает достоверность полученных результатов, однако мы предполагаем, что такое может быть связано с недостаточной полнотой данных, а также отсутствием дополнительных контрольных переменных, которые могли бы нивелировать подобный эффект. Тем не менее, мы всё же считаем, что эту модель, результат которой представлен в таблице 2, также необходимо рассмотреть. Визуализация модели представлена в приложении 1.

Отрицательный коэффициент указывает на обратную зависимость между переменными Log(Принуждение) и отставкой, т. е. более высокий уровень применения инструментов государственного принуждения (статистически значимо) связан с уменьшением риска отставки губернаторов, что подтверждает нашу гипотезу. Также значима переменная процента голосов за президента, а при её повышении риск отставки уменьшается, что подтверждает ранее проведённые исследования влияния электоральных показателей на политическую выживаемость губернаторов. Стоит отметить и положительный коэффициент переменной явки на парламентских выборах при её статистической значимости: в случае увеличения явки на парламентских выборах на одну единицу опасность отставки возрастает. Подобный результат отчасти противоречит выводам в работах, посвященным электоральным методам демонстрации лояльности. Однако этот эффект наблюдался и ранее. В исследовании выживаемости в контексте манипуляции с результатами выборов на региональном уровне это объясняется тем, что как и обеспечение высокой явки, так и её отсутствие в конечном итоге приводят к похожим отрицательным значениям, что является сигналом чрезмерной лояльности (Kalinin, 2018, р. 22–23). Кроме того, в результате сбора данных было выявлено то, что низкий показатель явки, нежели высокий, является скорее

исключением, например, как в субъектах с электоральной аномалией.

Таблица 2
Сводка результатов модели пропорциональных рисков Кокса

	<i>Dependent variable:</i>
	surv_obj Отставка-Год
‘Log(Принуждение)’	-0.190*** (0.070)
‘ВРП на душу нас.’	-0.00000 (0.00000)
‘Явка (Президентские)’	-0.003 (0.018)
‘%: Медведев/Путин’	-0.090*** (0.014)
‘Явка (Парламентские)’	0.036*** (0.009)
‘%: ‘Единая Россия’	-0.0001 (0.0003)
‘Плотность населения’	0.00001 (0.0002)
Observations	1,036
R ²	0.071
Max. Possible R ²	0.822
Log Likelihood	-857.110
Wald Test	71.430*** (df = 7)
LR Test	76.686*** (df = 7)
Score (Logrank) Test	76.805*** (df = 7)
Note:	* p<0.1; ** p<0.05; *** p<0.01

Мы можем наблюдать заметное различие в результатах логистической модели и анализа выживаемости. Предположительно, такая ситуация могла возникнуть из-за несовершенства собранной базы данных и зависимой переменной: возможно, что общее количество приговоров не полностью подходит для её операционализации. И всё же, уровень применения инструментов государственного принуждения является статистически значимым предиктором в обеих моделях. Следовательно, моделирование влияния данного феномена на политическую выживаемость губернаторов требует дальнейшего изучения, в том числе с изменением и дополнением других контрольных переменных, например, социально-экономических, включая размер региона и его национальный состав, которые доказано совместно влияли на данный феномен как минимум

в период назначений 2005–2012 годов (Reisinger & Moraski, 2013, pp. 33–34).

Заключение

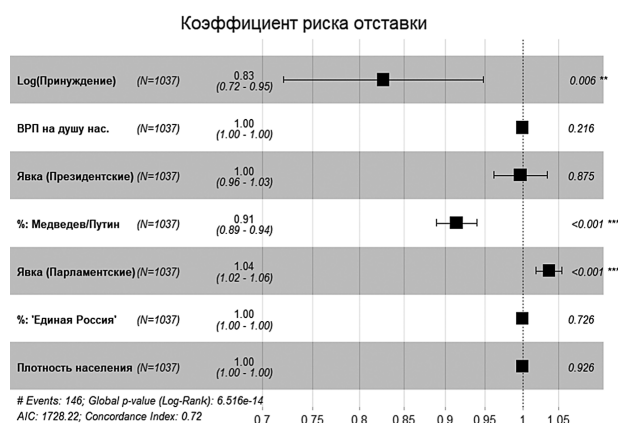
Таким образом, мы можем утверждать, что интенсивность применения инструментов государственного принуждения является эффективной стратегией в контексте демонстрации лояльности российских губернаторов федеральному центру, но его эффективность повышается преимущественно в совокупности с другими методами и показателями. Ответ на сформулированный нами исследовательский вопрос мы получили вследствие изучения релевантной литературы, построения логистической модели и проведения анализа выживаемости, результаты которых лишь частично подтвердили нашу гипотезу. Тем не менее, мы считаем, что данное исследование способно расширить перспективы изучения применения инструментов государственного принуждения в академическом поле, дополняя уже существующие исследования, которые доказано включают электоральные показатели на примере России. Это может быть сделано в результате увеличения количества дополнительных переменных и использования более комплексных статистических моделей. Кроме того, данная работа дополняет существующую область исследования инструментов государственного принуждения, которая до этого концентрировалась на изучении других аспектов публичного права. Модели, подобные нашей, могут быть также использованы для изучения отношений центра и регионов в других странах с централизованной формой федерализма.

Список литературы:

- Antonova, V. (2019). New Forms of «Soft Repression» in Russian Regions: The Case of Article 282 (Central European University, Budapest, Hungary).
- Austin, P. C. (2017). A tutorial on multilevel survival analysis: Methods, models and applications. *Revue Internationale de Statistique [International Statistical Review]*, 85 (2), 185–203.
- Baturo, A., & Mikhaylov, S. (2014). Reading the tea leaves: Medvedev's presidency through political rhetoric of federal and sub-national actors. *Europe-Asia Studies*, 66 (6), 969–992.
- Blakkisrud, H. (2011). Medvedev's new governors. *Europe-Asia Studies*, 63 (3), 367–395.
- Born, W., Weerdesteijn, M., & van Wijk, J. (2024). Dissecting dissent in Russia: A multilevel framework of nonviolent resistance in repressive regimes. *International Criminal Law Review*, 1–32.
- Filippov, M. (2005). Riker and federalism. *Constitutional Political Economy*, 16, 93–111.
- Gaufman, E. (2021). Cybercrime and Punishment: Security, Information War, and the Future of Runet. In D. Gritsenko, M. Wijermars, & M. Kopotev (Eds.), *The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies* (pp. 115–134). Springer Nature.
- Gelman, V. (2010). The dynamics of subnational authoritarianism: (Russia in comparative perspective). *Russian Politics and Law*, 48 (2), 7–26.
- Goncharenko, G., & Khadaroo, I. (2020). Disciplining human rights organisations through an accounting regulation: A case of the 'foreign agents' law in Russia. *Critical Perspectives on Accounting*, 72.
- Gurkov, A. (2021). Personal Data Protection in Russia. In D. Gritsenko, M. Wijermars, & M. Kopotev (Eds.), *The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies* (pp. 95–113). Springer Nature.
- Kalinin, K. (2018). Election fraud and political survival of subnational actors: A case of Russia. *SSRN Electronic Journal*.
- Klimovich, S. (2023). Variation of principal-agent relations in Russian federal autocracy. *Regional & Federal Studies*, 1–25.
- Kozlov, V., Libman, A., & Schultz, A. (2018). Testosterone and repression in non-democracies: Evidence from a sample of Russian governors. *Kyklos: International Review for Social Sciences*, 71 (2), 244–278.
- Poupin, P. (2021). Social media and state repression: The case of VKontakte and the anti-garbage protest in Shies, in Far Northern Russia. *First Monday*.
- Reisinger, W. M., & Moraski, B. J. (2013). Russia's governors under presidential control, 2005–2012: A survival analysis of gubernatorial tenures. 1–41. University of Iowa.
- Sharafutdinova, G. (2013). Gestalt switch in Russian federalism: The decline in regional power under Putin. *Comparative Politics*, 45 (3), 357–376.
- Sharafutdinova, G., & Turovsky, R. (2017). The politics of federal transfers in Putin's Russia: regional competition, lobbying, and federal priorities. *Post-Soviet Affairs*, 33 (2), 161–175.
- Starodubtsev, A. (2021). Federalism and regional policy in contemporary Russia.
- Turovsky, R., & Gaivoronsky, Y. (2017). Russia's regions as winners and losers: political motives and outcomes in the distribution of federal government transfers. *European Politics and Society*, 18 (4), 529–551.
- Yusupova, G. (2022). How does the politics of fear in Russia work? The case of social mobilisation in support of minority languages. *Europe-Asia Studies*, 74 (4), 620–641.
- Yuzbekova, K. S., Starodubtsev, A. V. (2023). The rhetoric of maintaining the special status of the republics of the Russian federation in the context of centralisation. *Вестник Пермского Университета. Политология*, 17 (4), 50–67.
- Гельман, В. Я., & Рыженков, С. И. (2010). Локальные режимы, городское управление и «вертикаль власти» в современной России. *Политическая Экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 6 (4), 130–151.

Приложение 1

Визуализация модели пропорциональных рисков Кокса (Forest Plot)

THE DIFFERENCE BETWEEN VLADIMIR PUTIN'S INTERVIEWS TO TUCKER CARLSON AND DMITRY KISELEV

Introduction

Politicians aim their speeches on attracting supporters and promoting their policy. Leaders in regimes with low political competitiveness are not an exception. They try to position the audience, and as the audience is different depending on the media, the speeches also should differ. There is a big layer of literature dedicated to the analysis of Putin's speeches. They are analyzed on the subject of the audiences, and usually it is done by discourse analysis. Computational Text Analysis is rarely used in these studies. Also, the difference of rhetoric depending on the international and domestic audiences is not examined.

We are going to fill this research gap by analyzing recent interviews of Vladimir Putin to Carlson and Kiselev. Carlson's interview is aimed at an international audience, while Kiselev's one is aimed at a domestic one. The analysis examines whether Vladimir Putin covers different topics in these interviews.

Literature review

In the literary review we analyze the literature which examines Putin's discourse in its various forms (e.g., public speeches). We also take into account different methodological approaches, including discourse analysis and computational text analysis.

Political scientists use discourse analysis to study various areas of political communication, and therefore the methodology is quite developed. Papers devoted to the theory of discourse begin from the 1980s (Brown & Yule 1983, Wodak, 1989). The most commonly used approach is critical discourse analysis, which is also applicable to studies of Putin's speeches (Bykov, 2020).

One of the researchers in this field, Gorham, analyzing Putin's public speeches, official documents of language policy, as well as events organized to promote the Russian language abroad, explored how Putin's language policy and his personal ways of constructing speeches connected with his political strategies and image. Gorham noted the adaptability of Putin's language as one of the characteristics of Putin's communication style. In his opinion, Putin may adapt to different communication situations and audiences (Gorham, 2005, Gorham, 2014). Nevertheless,

he does not go deeper into this topic of comparing the rhetoric of domestic and foreign policies.

In their study of Putin's rhetoric, Drozdova and Robinson used a slightly different, but still similar, methodological approach to the systematic analysis of speeches. They pointed out that despite the interest of the topic, it remains poorly understood and urged colleagues to consider the topic. The authors note that Putin's rhetoric varies depending on the audience. Speeches aimed at an internal audience have the rhetoric of striving for stability and patriotism. Putin talks about a strong state system, the support of the people, and so on, which creates a vision that the state and society are united. In speeches aimed at an international audience, Putin's rhetoric is also aimed at uniting, but only with Europe (Drozdova & Robinson, 2020, p.20). Despite the fact that the authors found differences in Putin's rhetoric aimed at different audiences, it is worth emphasizing that the study is in 2019, and the analyzed speeches are only up to 2016. It is logical to assume that something could have changed.

More detailed analyses of Putin's discourse were not noticed among foreign researchers. Roberts conducted a discourse analysis of Putin's speeches to explore constructed identity in foreign policy. And he also noted the fact of a poorly studied area. One of the reasons he highlighted the difficulty of understanding the Russian language, however, he responded that there are many materials with Putin's speech in English format (Roberts 2017, p. 5).

Nevertheless, in recent years, discourse analysis has expanded its methodological base. And despite the fact that not-automated forms of analysis are widely used in the environment, they still have their drawbacks, including limited objectivity of the results (Bykov, 2020, p.3). Therefore, researchers have recently begun to implement computational text analysis (CTA).

Ivan Bykov (2020) in his recent article studied the texts of the President Address to the Federal Assembly of Russia using the text-mining method and described the evolution of the political agenda in Russia. He examined speeches of Yeltsin, Putin and Medvedev and concluded that the ideas of democracy and human rights have not become key concepts of public policy in Russia, and the main topics of the presidents' speeches relate to Russia, the government and the

state. In his research, he urged colleagues to make more use of automated forms of discourse analysis in order to be objective and convenient to use (Bykov, 2020).

Researchers in the field do not focus on interviews and on the differences in Putin's rhetoric depending on who his audience is: citizens within the country or the international public. In our opinion, this omission should be corrected. It can be done by the analysis of the two interviews with Putin that have recently been released: with Tucker Carlson and Dmitry Kiselev in 2024. Tucker Carlson's interview with Vladimir Putin has become actively discussed in the media space. Furthermore, even the Russian media covered it more than the Kiselev interview. At the same time, the media did not compare the two interviews. Following this, the topic is not covered neither by scholars nor by the media. Nevertheless, the study of differences between content of the interviews and their audiences will be an important contribution to the existing scholarship. Among other things, from our perspective, text mining is the most relevant approach for analyzing the topic. It is so as topics can be automatically extracted, and there will be no need in manual reading of interviews.

Methodological part

The usage of Computational Text analysis can help to identify key topics discussed in the interview as well as the key words. For this topic modeling and TF-IDF techniques are used respectively.

In order to conduct analysis, we parsed two Vladimir Putin's interviews: with Tucker Carlson and Dmitry Kiselev. One row refers to one paragraph of the interview including replicas of both: Putin and interviewers as the topic discussed in the interview concerns both interlocutors. We use the whole texts as a source code in order to figure out what approach gives more coherent topic composition.

The data preprocessing includes removing punctuation, special symbols, numbers and stopwords (with the manually compiled dictionary). After that tokenization by word and lemmatization (using Yandex software Mystem) are conducted. For topic modeling we use Latent Dirichlet allocation (LDA) technique. The topic modeling is done with 5 and 6 themes as a hyperparameter. It is selected as that number of topics shows the best trade-off according to Griffiths2004, CaoJuan2009, Arun2010, Deveaud2014 metrics.

All hypotheses are made under an assumption that Putin is interested in his target audience, and that he changes the topics he talks about in order to have a match with the audience. We expect a difference as the target audience of the interview with Carlson is an international audience, while the target audience of the interview with Kiselev is a domestic one.

The hypotheses of the study are the following:

H1: The interview with Carlson covers mostly geopolitical issues.

We expect to see more focus on international relations, historical information and current war situation. It is so as the target audience is an international one, and it is not interested in Russian internal politics.

H2: The interview with Kiselev covers mostly socio-economic issues.

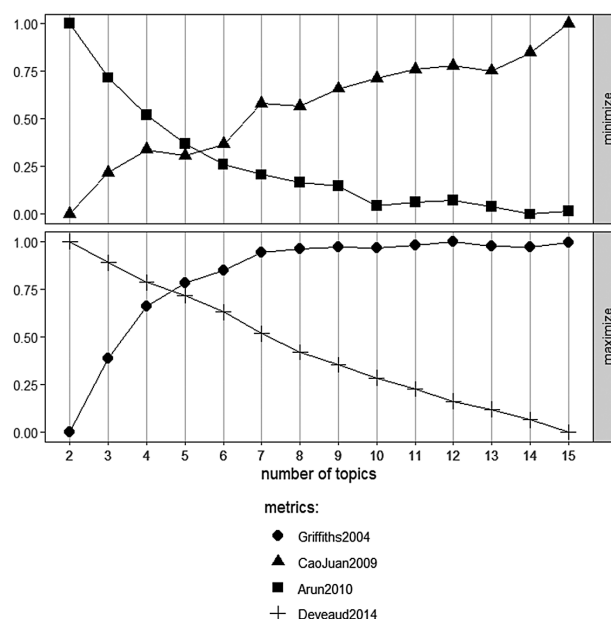
We expect to see more focus on domestic socio-economic issues as the interview is conducted nearly before the presidential elections. Usually Putin resorts to "vote-buying" trying to mobilize his electorate before the elections, and persuading that everything is going well (Panov, Ross, 2023, p.336). Moreover, Russian citizens are getting tired of military-related questions as almost half of the polls answer in such a way (Russian Field, 2023). Following this, they would be more interested in civilian topics.

It is important to note that the research can suffer from possible bias of results' interpretation. We know what Putin was talking about in both interviews as we have listened to it or have seen media coverage of the interviews. However, we are not going to use data in a way to confirm our hypothesis by any means.

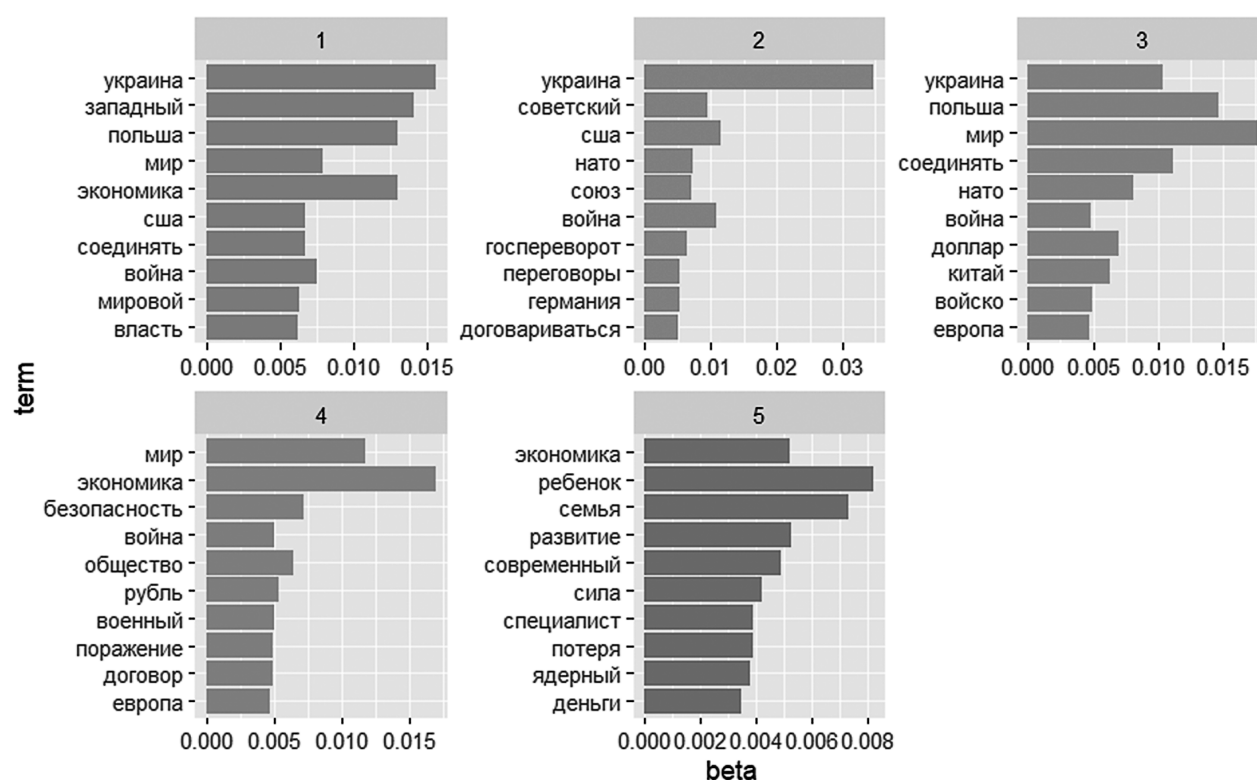
Results

In the analysis of the two Vladimir Putin's interviews, it was decided to build the model for the whole text. The optimal number of themes was selected and then assigned to the model. According to the theory, CaoJuan2009 and Arun2010 should be minimized, while Griffiths2004 and Deveaud2014 should be maximized. Based on the graph (4), the trade-off between metrics lies in 5 topics.

Accordingly, a model with 5 themes was built. The themes are clearly distinguished here. The graph below (5) illustrates this.

Graph 4. "Optimal number of topics for the model by the whole text"

Graph 5. "Top-10 popular words for each of 5 topics in the model by the whole text"

It was decided to choose themes 2 and 5 as the most clearly identified and to work with them further. Theme 2 mainly deals with foreign policy tensions. Theme 5 mainly concerns Russia's internal development, emphasizing the economy and the family.

Then the hypotheses were tested by examining the distribution of these themes in the two interviews and by identifying the key words. It turned out that topic 2 is raised much more often in the interview with Carlson than with Kiselev. This supports the first hypothesis that the interview with Carlson covers mostly geopolitical issues turned out to be correct. This is evident in the below table.

Table 1
"The popularity of topic 2 in both interviews"

document	topic	gamma
Carlson	2	0.5052175940
Kiselev	2	0.0000293366

The theme 5 at the same time was brought up more frequently in Putin's interview with Kiselev. Thus, the second hypothesis also turned out to be correct. The interview with Kiselev indeed covers mostly socio-economic issues.

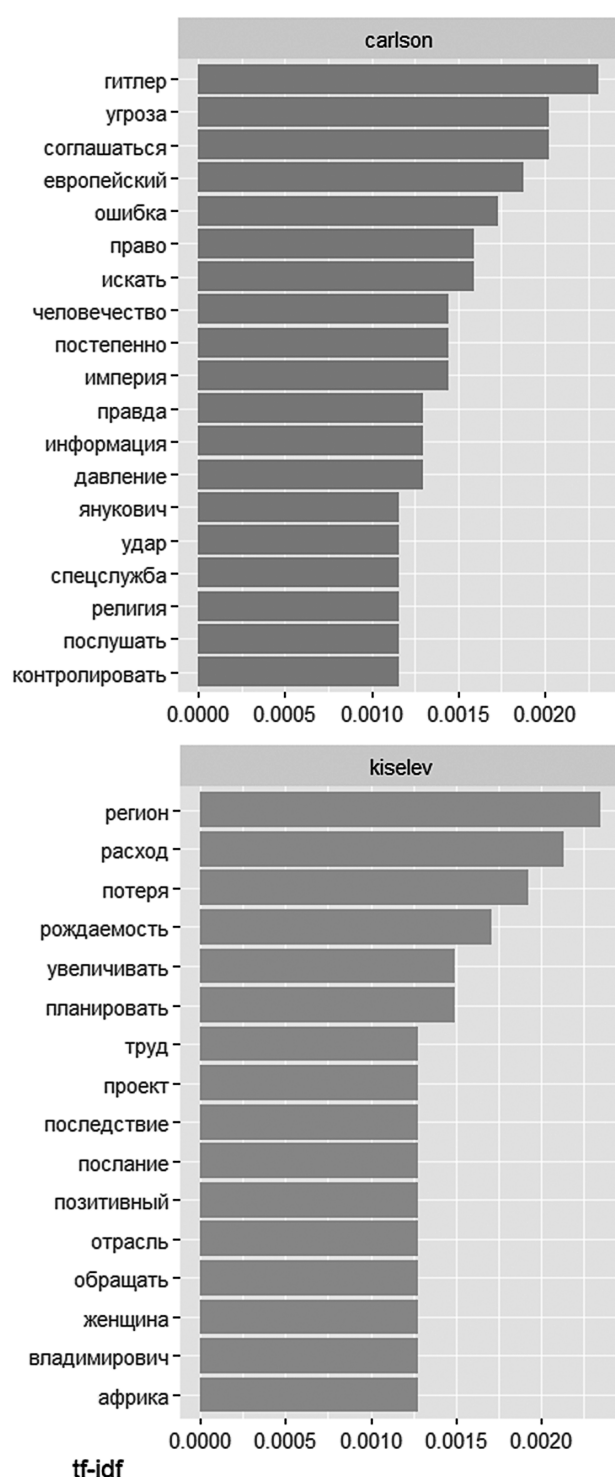
In order to cross-check the validity of our results, the TF-IDF technique was used. With this approach, we can effectively look at the frequency of use of

specific words, as it does not take into account frequently used words without a specific meaning (e.g., "interesting").

Table 2
"The popularity of topic 5 in both interviews"

document	topic	gamma
Carlson	5	1.984605e-05
Kiselev	5	7.079618e-01

Looking at the results, it can be said with confidence that our hypotheses proved to be correct. And here a more or less clear division by themes can be noticed. The most used words in Carlson's interview are *Gitler* (Hitler), *ugroza* (threat), *soglashat'sya* (agree), *evropejskij* (european). Also such words as *Yanukovich*, *imperiya* (empire), *specsluzhba* (special services). In an interview with Kiselev, the most used words are *region*, *raskhod* (expenditure), *poterya* (loss) and *rozhdmost'* (birth rate). Also such words as *trud* (labor), *zhenshchina* (woman) and *pozitivnyj* (positive) are used. Indeed, Vladimir Putin's interviews with Tucker Carlson and Dmitry Kiselyov differ in the distribution of discussion topics. Moreover, it turned out to be true that the geopolitical situation, Russia's relations with the West, and war issues are more popular topics for the interview with Carlson, while Russia's internal development, the economy, and family support were more often heard in the interview with Kiselev.

Graph 6. "Top-15 frequently used words in Putin's two interviews"

Conclusion

Politicians usually refer to different target audiences through the particular media. The aim of politicians during an interview is to convince listeners in topics they are interested in. In this research we studied how Putin's interviews do differ based on the potential target audience. The topics are examined by topic modeling, while the keywords are checked by TF-IDF technique.

Both raised hypotheses are proven by the research. As a result of the analysis, we have figured out that the interviews made by Carlson and Kiselev do differ in their topics and keywords. In the research it is assumed that such differences in topics can be connected with the fact that the interviews are aimed at different target audiences. The interview with Carlson is made for an international audience while the interview with Kiselev is made for the domestic audience.

According to the topic modeling results, the topic related to the war and international relations occurs more often in the interview made by Carlson rather than by Kiselev. At the same time, the topic related to economics and social policy occurs more often in the interview made by Kiselev rather than by Carlson. The same result can be seen by usage of TF-IDF technique. However, the hypotheses are not proved statistically, the conclusion is made based on topic modeling and TF-IDF.

As for the prospects for future research, the difference in topics can be observed on different sample of interviews given by Putin. It should be done in order to make more clear and coherent conclusions on whether the content of the interview depends on the target audience of the interview. As well, statistical tests should be conducted on the sample used in the study in order to have grounds to say that there is a statistical difference in the content of the interview.

References:

1. Brown G., Yule G. (1983). *Discourse Analysis*. — Cambridge: Cambridge University Press.
2. Bykov, I. (2020). 'Studying Political Discourse of the President Address in Russia with the Text Mining Technique'. *Journal of Philosophy, Culture and Political Science* 73 (3). <https://doi.org/10.26577/jpcp.2020.v73.i3.08>.
3. Drozdova, O. & Robinson, P. (2019). 'A Study of Vladimir Putin's Rhetoric'. *Europe-Asia Studies* 71 (5): 805–23. <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1603362>.
4. Gorham, M. S. (2005). 'Putin's Language'. *Ab Imperio* 2005 (4): 381–401.
5. Gorham, M. S. (2014). *After Newspeak: Language Culture and Politics in Russia from Gorbachev to Putin*. Cornell University Press. <https://www.jstor.org/stable/10.7591/j.ctt5hh0vm>.
6. Panov, P. & Ross, C. (2023). "Mobilized voting" versus 'performance voting' in electoral autocracies: Territorial variations in the levels of support for the systemic opposition parties in Russian municipalities", *Regional & Federal Studies*, 33 (3): 333–354, DOI: 10.1080/13597566.2021.1962307
7. Roberts, K. (2017). 'Understanding Putin: The Politics of Identity and Geopolitics in Russian Foreign Policy Discourse'. *International Journal* 72 (1): 28–55.
8. Silge, J. & Robinson, D. (2017). *Text Mining with R : A Tidy Approach* (Vol. First edition). Sebastopol, CA: O'Reilly Media. Retrieved from <http://search.ebscohost.com/login.aspx?direct=true&site=eds-live&db=nlebk&AN=1533983>
9. Wodak R. (1989). *Language, Power and Ideology: Studies in Political Discourse*. — London: John Benjamins Publishing Company.
10. Russian Field. (2023). «Специальная Военная Операция» в Украине: Отношение Россиян. 12 Волна (16–19 Июня 2023). <https://russianfield.com/12volna>.

«I WANT IT THIRD WAY»: POPULIST MIDDLEGROUND FOR THE POLARISED POLISH SYSTEM

Introduction

Currently, the world suffers from the quality of democracy decline with regimes that were perceived as democratising got stuck in the condition of competitive authoritarianism and others even fell back into full autocracies (Levitsky & Way, 2010). Central Eastern Europe (CEE) had been the most promising region due to the high level of the Western linkage and leverage, but during the last decade states like Hungary, Serbia and Poland started to be led by conservative parties sceptical towards liberal democracy. With Hungary and Serbia remaining under a single party cabinet for several electoral cycles, in Poland three opposition blocs succeeded to overrule the dominant one. The opposition won by dint of increased turnout of younger voters (Jones, 2023), but one of the blocs succeeded more than was expected. It was an alliance of Polskie Stronnictwo Ludowe (PSL) and Polska 2050 (P2050) called Trzecia Droga (TD) that was placed at the centre of the political landscape. Our research question is: through which instruments centrist political forces may challenge polarised systems facing democratic backsliding? We assume that use of populism as a thin ideology and the Third Way ideology as a thick one helped the bloc to get the votes of antipolitical or tired of strengthened polarisation people. We analyse Polish political landscape and theories that may help to explain the shift made by TD. Then we explain the use of qualitative content analysis and scrutinise digital campaigns of the parties in social networks to assess their ideological affiliation. In the end we discuss the results trying to understand the role of blocs like TD in Poland, CEE countries and other young democracies.

Political context

Since 2005 Polish politics could be described as a duopoly of two biggest parties — conservative Prawo i Sprawiedliwość (PiS) and modest christian-democratic Platforma Obywatelska (PO) — with both players forming a cabinet in course and other parties being minors (Cichosz & Kozierska, 2023). Financial crisis of 2008 that became the trigger for the failure of the democratisation and European integration for post-socialist states led to spread of populism,

negatively affecting the quality of democracy (Kriesi & Pappas, 2015). The struggle between two parties sharpened between 2015 and 2023 when PiS dominated Sejm entirely and deepened political polarisation, leading to democratic backsliding (Przybylski, 2018) and unpopular governmental policies on abortions and sexual minorities together with non-compliance to the EU judiciary (Fella, 2024).

Although Polish political spectrum has a shift to the right, so the conflict between PO and PiS had not been placed on a traditional left-right dimension, elite-driven polarisation initiated by PiS led to a more radical standpoints of two parties which created void in the political centre (Tworzecki, 2019). This radicalisation alienated some moderate voters who were dissatisfied with the mediated political representation by PiS that was in power. These people are also dissatisfied with PO's more liberal views or their position as an entrenched elite. These parts of the population can be called antipolitical with antipolitics being "coherent sets of political attitudes and ideas (political belief systems) containing preferences for unmediated mechanisms of democratic representation, informed by distrust in mediated democratic representation" (Wood, 2022, p. 30). The question arises — what political power is going to represent these people during the elections that was aimed at changing antidemocratic PiS dominance?

Trzecia Droga as an electoral bloc, created on 27 April 2023, was formed of two political parties — a centrist-right agricultural PSL, traditional partner of PO, and a centrist liberal P2050, founded by ex-candidate for 2020 Polish presidential elections Szymon Hołownia in 2020.

At elections this bloc showed a successful result of 14.4% of votes to Sejm, the lower house. TD succeeded to pass the 8% threshold for electoral blocs in a proportional voting with PO and PiS receiving 30.7% and 35.4% respectively, failing to form the government on their own. The cabinet was formed by the Lewica-PO-TD coalition with a more broad share of PO partners in it and importance of the new ministries (Cichosz & Kozierska, 2023). The turnout increased from 61.7% in 2019 to 74.4%. These changes showed that the influence of third parties increased drastically. The upper house parliamentary elections took place simultaneously, however, their

result was defined by the preliminary agreements of opposition due to a majoritarian system. The contribution of TD to this electoral success is defined by creating an alternative moderate centre-right agenda, being able to attract both potential PiS voters and part of the anti-political electorate dissatisfied with the PO agenda in their campaign. How did it happen?

Theoretical framework

We discovered two possible elements which may constitute ideological positioning of TD. From the broad perspective of a thick ideology, TD's self-positioning refers to the famous political movement of the Third Way aimed at pacifying left-right antagonism, combining the ideas of traditional social democracy with moderate conservative values (Giddens, 2000). Third Way possesses an ideological basis which was at its best described in Giddens' monograph inspired by performance of Western politicians in 1990s–2000s. Key theses of Third Way include:

- 1) new mixed economy with little constraints to free market initiative and governmental support of entrepreneurship;
- 2) moderating role of state in securing social justice;
- 3) state of social investment;
- 4) radical centre positioning (decisions on policies are made in accordance with relevance and not with ideological association);
- 5) the state without enemies;
- 6) cosmopolitan democracy;
- 7) active civic participation;
- 8) democratic principles in families;
- 9) equality as inclusion, and others (ibid.).

Given this, we assume that Trzecia Droga's thick ideology fits the Third Way ideological paradigm and its core principles.

On the other hand, the prominent studies in the field of ideology propose that except for thick ideologies one may appeal to thin ideologies which would reinforce the main one, e.g. populism. Mudde identified it as "an ideology that considers society to be ultimately separated into two homogeneous and antagonistic groups, 'the pure people' versus 'the corrupt elite', and which argues that politics should be an expression of the *volonté générale* (general will) of the people" (2004, p. 543). Populism should not be seen as left or right, it can be applied to any political movement (Jagers & Walgrave, 2009). Thus, perceiving populism as a thin ideology helps to underline its role as a supplementary tool for ideological struggle. Norris argues that "populism does not provide a vision about the good society or present a coherent set of ideas" (2020, p. 3), mainly antagonising another actor, blaming it for being 'the corrupt elite' opposed to general will.

To operationalise and generalise populism we use the features listed by Taggart (2002), that allow us to analyse populism as a rhetoric tool (Norris, 2020, p.7):

- 1) hostility to representative politics;
- 2) identification with a 'heartland' that represents an idealised conception of the community they serve;
- 3) lack of core values;
- 4) a reaction to a sense of extreme crisis;
- 5) self-limiting quality of populism;
- 6) highly chameleonic, e.g. constrained by the context where it exists.

The context of two opposing political blocs and ongoing social unrest caused by extreme socio-economic crisis in Poland makes the system more vulnerable towards populist forces. At the same time, TD was created by two parties with different electorates and backgrounds for the particular goal (constrained by the context) and the bloc did not become stable after the elections. It lets us assume that the influential result of a new political power in this context may be affected by populist campaigning tools, in other words, Trzecia Droga's thin ideology fits the populist paradigm and its core principles.

Since we have questioned two main components of TD's ideology, in the following section we proceed with empirical analysis to falsify our assumptions using content analysis of TD's rhetoric.

Methodology

Content analysis as a method of scientific research is a way of creation of objective and systematised description of the studied phenomenon to ensure validity and replicability of the inferences (Elo & Kyngäs, 2008, p. 108). The final goal is to gain some knowledge using both manifested text data and latent meanings which require the context to be studied as well (Hsieh & Shannon, 2005). This research proposes an inductive content analysis characterised by open-coding and absence of a preliminary codebook. It helps to avoid personal bias and treat data sources more attentively, however, one needs to be aware of context to be able to catch the narratives correctly (Elo & Kyngäs, 2008).

Our goal was to study ideological and populist narratives promoted by representatives of TD prior to the 2023 elections. For this purpose, we have analysed posts in TD social media accounts. We did not refer to the recordings of debates since they are often tied to particular events and may not cover the full extent of the TD's agenda. The study of social media allows us to consider a long publication period and evaluate populist approaches to campaigning not only at the level of declared ideas, such as in manifestos, but also TD self-positioning in the context of political reality.

Data

Four Facebook* accounts were selected as data sources, including accounts of PSL and P2050 parties and their leaders, Władysław Kosiniak-Kamysz and Szymon Hołownia. Facebook* was chosen as the social network with the largest audience reach. A summary

of the data sources is provided in Appendix I. The posts included in the analysis should have been published between 11 August 2023 (when TD was allowed to participate in elections as an electoral bloc) and 15 October 2023 (election day). The 4 resulting pdf files containing 188 selected posts merged in accordance with the source were uploaded to MAXQDA Analytics Pro 24.4.1 software. 727 detected narratives were open-coded by both authors resulting in the final codebook of 144 codes.

Results

The main findings are presented in the Appendix II. It is divided into 4 thematic messages with subcategories, describing the features of the narratives.

Non-political agitation

TD non-political positioning has much in common with principles by Giddens. The huge part of agitation here is devoted to the support of enterprise by lowering taxes and standing for fair competition. Economic plan of TD reminds the new mixed economy — while supporting open trade with Europe, TD justifies limitations on import of Ukrainian grains, creating balance between protectionism and free trade. Special attention is devoted to the principles of democratic family, problems of gender inequality (both social and economic), and inclusion of the disabled people. According to TD, the state should bear social responsibility for its citizens' welfare. Our analysis showed that some of TD narratives also fail into the category of populist ones. For instance, the notion of the uncontrolled flow of grains from Ukraine strongly concerns the populist perception of 'heartland', problems of native land. Interestingly, despite being attentive to social agenda, TD avoids mentioning LGBT** being insecure about support of these claims by a potential electorate. This can be identified as a systematic lack of core values which would tie separate political powers of TD into one force.

Political agitation

Political claims by TD present narratives similar to that one can find in Giddens' works. The most popular message is devoted to the construction of TD's political identity as an alternative to both major political parties. At its best this claim is embodied in TD's main slogan — 'dosyć kłótni, do przodu!' ('enough of disputes, let's go on!'), therefore fitting Third Way perception of the radical centre and settling polarised antagonisms. In this regard, the portrait of TD as of the European progressive force can also be recalled. TD's attention towards autonomy of local government fits the idea of state devolution by Giddens. In the new Poland there should be none enemies. This bloc of messages also faces the problem of lack of core unifying values (TD avoided the topic of Russian-Ukrainian conflict), at the same time

promoting narratives of anti-establishment (anti-PiS) character. In their terms, PiS government led Poland to severe social and economic unrest, which is also a populist mentioning of heartland problems.

Critique of PiS government

This message provides the most valuable information for our analysis, accusing PiS of being either incompetent or simply bad. It provides us with many messages of reactionist character — TD in its agitation reacts to problems which they accuse PiS of, reinforcing this reaction with emotional anti-PiS messages (i.e., blaming them in massive children's death due to cut of healthcare spendings). All these narratives are promoted through a prism of care for Poland and strong claims that it is under threat because of PiS policies, giving us strong excuses to consider this rhetoric populist by its nature.

Unification of the Poles

On the other hand, the issues related to national reconciliation and unification of Polish society offer many reasons to claim that TD follows Third Way ideological steps. Images of political unification constantly refer to the idea of a strong civil society which secures the realisation of the general will of the people. The portrait of TD as of attentive, caring, close to people force per se allows us to think of its ties with this system of thinking, moreover, this rhetoric is extremely reinforced with notions of issues of traditional values and spiritual bonds of the Poles, such as personal stories, influential historical events, and cultural heritage. All together they promote a perception of intergenerational link.

Discussion

Creation of an electoral bloc between these two parties could be motivated by internal demands of the PSL and P2050 establishment willing to gain the office and being insecure about chances of passing the threshold. Having received their chance, TD addressed the Third Way and populists narratives to their campaigning.

The Third Way ideology was adopted by TD as a façade for moderate ideas to attract the votes of centrist and antipolitical voters by offering moderate decisions. TD agitation avoided topics which reinforced their positioning but could frighten potential voters. Instead, they promoted 'safe' opinions which are impossible to argue with (support for diseased children, the poor, disabled people, measures to help gender inequality). The ideology was adjusted to Polish context with the agenda being less leftist, avoiding LGBT** issues, direct position on abortions, or too liberal egalitarianism.

The populist ideology is also used with respect to the context as Taggart (2002) depicts populism as chameleonic by its nature. TD regularly refers to

the importance of Poland as the 'heartland' paying attention to the localised and internal problems caused by the country's main enemy — PiS, that are the 'corrupt elite' opposed to 'pure people'. Still, their program avoids controversial topics and uses reactionist tools. It shows a lack of core values (needed to balance between two different parties in the bloc) and maintains a crisis-oriented agenda. Generally, populist techniques fail to produce their own ideas. Instead, they follow the goal of PiS discreditation. These narratives do not convey TD's vision about what a good society should look like. This niche is occupied by the agitation presented as the Third Way agitation. It is a thick ideology that convinces the electorate not to avoid politics, proving TD to have more valence than modern European centrists usually lack (Zur, 2021).

But it is crucial to understand that TD is not hostile to representative politics that Taggart (2002) puts as a first characteristic of populism. They do not stand for direct plebiscitarian democracy, institutions still matter for them, nor they oppose the political system of democracy since the power holders are not democratic in their essence. Can we call them populists in this case?

PiS as a main enemy of the Polish opposition is proven to be populists themselves: they criticise any kind of liberal elites, state that they speak for the whole nation and try to bypass representative democracy eliminating some democratic institutions (Lewandowski & Polakowski, 2018; Przybylski, 2018). They are closer to what is traditionally called populist parties in European democracies now, opposing pluralism and setting authoritarian rules of the game (Norris & Inglehart, 2019). But it is not populism as a thin ideology — it prescribes populists' particular policy beliefs and ideas on particular issues that makes it a thick version of populism influenced by 'cultural backlash' (ibid.).

TD used populist ideas to mobilise those voters that were crucial for the opposition to get a majority, aiming at stopping democratic backsliding. People that position themselves in the political centre tend to be less sophisticated about politics (Rodon, 2015), which makes them vulnerable to state-funded populism during the crises or vice versa alienate from politics. In the Polish case, TD helped to mobilise two categories of population that had not been covered by other parties and were not on the particular sides of cleavages: farmers that support either PiS or PSL and mostly young people unhappy with democratic backsliding but not supporting PO more liberal values. Unification of PSL and P2050 helped to assure the voters that their interests will be represented by a force able to negotiate with other opposition blocs and satisfy voters by moderate policy decisions in their program. This way, the thick ideology of the Third Way helped the thin populist ideology to be absorbed by the electorate, serving an attractive façade, which resulted in TD getting the office, satisfying goals of both parties.

This case shows that in democracies facing the threat of antidemocratic populists at power, to fight the

democracy back it is possible and crucial to mobilise the electorate that are not partisan to polarised incumbent and opposition. It can be done through façade ideology combined with populism aimed at criticising the party of power for the centrist party to be both valent and active during the campaign. Thus, politicisation of political centres in younger democracies by parties with moderate position and populist techniques can help to overrule the incumbent. It can be firstly applied to the CEE countries (Slovakia, Bulgaria, etc.), however, the presence of active centre parties in states like Taiwan and South Africa might make it relevant to other regions. We assume that it can also work in the opposite direction, helping antidemocratic powers to succeed which is to be discovered in further research. Our theoretical assumption should be proven by the other cases as well.

Notes:

* Facebook belongs to Meta Platforms Inc. which is recognised as an extremist organisation in the territory of the Russian Federation.

** The activities of the international LGBT public movement are recognised as extremist and banned in the territory of the Russian Federation.

References:

1. Cichosz, M., & Kozierska, J. (2023). Poland: Resilience to the External Crisis, Permanent Coalition Patterns, and Weakening of the Position of the Prime Minister. In *Coalition Politics in Central Eastern Europe*. Routledge.
2. Elo, S., & Kyngäs, H. (2008). The qualitative content analysis process. *Journal of Advanced Nursing*, 62 (1), 107–115.
3. Fella, S. (2024). Poland: The Law and Justice Government and relations with the EU, 2015–2023.
4. Giddens, A. (2000). *The Third Way: The Renewal of Social Democracy*. Polity Press.
5. Hsieh, H.-F., & Shannon, S. E. (2005). Three Approaches to Qualitative Content Analysis. *Qualitative Health Research*, 15 (9), 1277–1288.
6. Junes, T. (2023, October 18). Young voters' turnout in Poland showed it's 'No country for Old Men'. Euronews.
7. Kriesi, H., & Pappas, T. S. (2015). European populism in the shadow of the great recession.
8. Levitsky, S., & Way, L. A. (2010). *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War*. Cambridge University Press.
9. Lewandowski, A., & Polakowski, M. (2019). Elites vs the people: Populism in the political thought of Law and Justice. *Annales Universitatis Mariae Curie*.
10. Skłodowska, Sectio K — *Politologia*, 25 (2), Article 2.
11. Mudde, C. (2004). The Populist Zeitgeist. *Government and Opposition*, 39 (4), 541–563.
12. Norris, P. (2020). Measuring populism worldwide. *Party Politics*, 26 (6), 697–717.
13. Norris, P., & Inglehart, R. (2019). *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. Cambridge University Press.
14. Przybylski, W. (2018). Explaining Eastern Europe: Can Poland's Backsliding Be Stopped? *Journal of Democracy*, 29 (3), 52–64.
15. Rodon, T. (2015). Do All Roads Lead to the Center? The Unresolved Dilemma of Centrist Self-Placement. *International Journal of Public Opinion Research*, 27 (2), 177–196.

16. Taggart, P. (2002). Populism and the Pathology of Representative Politics. In Y. Mény & Y. Surel (Eds.), *Democracies and the Populist Challenge* (pp. 62–80). Palgrave Macmillan UK.
17. Tworzecki, H. (2019). Poland: A Case of Top-Down Polarization. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 681 (1), 97–119.
18. Wood, M. (2022). The Political Ideas Underpinning Political Distrust: Analysing Four Types of Anti-politics. *Representation*, 58 (1), 27–48.
19. Zur, R. (2021). Stuck in the middle: Ideology, valence and the electoral failures of centrist parties. *British Journal of Political Science*, 51 (2), 706–723.

Appendixes

Appendix I

Sources of data collection prior to the analysis

Facebook account name	Number of followers, thousands of people	Number of posts	Number of narratives detected
Polskie Stronnictwo Ludowe	54	25	104
Władysław Kosiniak-Kamysz	133	25	83
Polska 2050	86	82	294
Szymon Hołownia	1.100	56	246
Total	n/a	188	727

Appendix II

Main codes and the most popular subcodes extracted from the data

Code name	Number of narratives assigned	Coding message
Thematic message I – Non-political agitation	236	Main technique of the agitation is to state the problem and then offer the solution
Social groups agenda	86	Gender inequality and women agenda, teenagers mental health issues, LGBT** agenda mentioned three times only
Socio-economic agenda	77	Support for overtaxed entrepreneurship and farmers suffering from uncontrolled flow of Ukrainian grain
Green agenda	20	Support for green energy innovations and fight with deforestation
Healthcare agenda	20	Support for underpaid doctors and claims to increase accessibility of healthcare
Education agenda	19	Bring innovations to educational process
Thematic message II – Political agitation	181	Main technique of the agitation is to state the problem, accuse PiS of it, and then offer the solution
Trzecia Droga political positioning as alternative to both parties	70	'Enough of disputes, let's go!'. Unproductive party disputes weaken Poland. Historic value of elections as a chance to win PiS
Future political life in Poland	61	Wide coalition government which operates through formal democratic institutions. State should serve the people, not vice versa
Defence as top priority	35	Foreign affairs are omitted, Russian-Ukrainian conflict is slightly mentioned. Militaries are in the focus
Public media agenda	15	PiS accused of state propaganda which is to be dismantled.
Thematic message III – Unification of the Poles	192	Campaign is personified. Political unions as personal partnership. Focus on faces
Political unification / mobilisation	102	Need for cooperation despite the differences, unification of different political forces, reconciliation of the people
Portrait of Trzecia Droga	39	Hardworking, close to people, attentive, caring, stands for equal opportunities, intergenerational connections
Electoral agenda	27	New campaign decisions
Spiritual bonds of the Polish people	24	Anniversaries of historical events, personal stories
Thematic message IV – Critique of Prawo i Sprawiedliwość government	118	Personal critique is rare, the most common recipient is 'pisowcy' (PiS members) – depersonalisation of the opponent
PiS abuse of democracy	20	Extraconstitutional decisions, growing control over judiciary
PiS inhumane actions	20	Dirty stories and scandals
PiS disunites the Polish people	17	PiS fuels polarisation and discrimination of the 'others'
PiS government incompetence	16	Failed policies
PiS as anti-people force	14	Lies, ignorance of people's needs

Notes:

* Facebook belongs to Meta Platforms Inc. which is recognised as an extremist organisation in the territory of the Russian Federation.

** The activities of the international LGBT public movement are recognised as extremist and banned in the territory of the Russian Federation.

VIRTUAL FEDERALISM? CONSTRUCTION OF AUTONOMY AND SELF-REPRESENTATION OF THE RUSSIAN GOVERNORS IN SOCIAL MEDIA

Introduction

Contemporary Russia is considered a highly centralized federation in the political context of the so-called 'vertical of power'. In this context, regional authorities are subordinated to the powerful federal centre (Goode, 2014, 24). Hence, the national authorities consider the heads of the regional executive as agents responsible for political stability and satisfactory electoral performance in the 'entrusted' regions (Golosov, 2011, 682). Therefore, governors in Russia have comparatively limited autonomy and low political agency, being hardly distinguishable from the non-elected officials in the bureaucracy (Demin, Libman, and Eras, 2019).

Nevertheless, from the legal perspective, a regional governor remains an agent to the people of the region alongside the national authorities (Klimovich, 2023). Moreover, a governor who clearly favours the interests of the federal authorities over these of the regional communities, faces a legitimacy gap. Hence, in these conditions regional governors are pushed to pursue goals of self-interest, service to the national authorities and representation of the regional communities at once. Thus, political autonomy might be vital for them to adequately perform as regional leaders. Besides, when Russian regional governors construct autonomy via extension of their political agency, they choose the cautious strategies to avoid angering the national authorities by crossing the invisible red lines put by them.

For instance, as stated in Yuzbekova and Starodubtsev (2023), the heads of ethnic republics have been successively performing various discursive practices to outline the special statuses and assumed powers of their republics in relation to other regions for many years, with later decline. Furthermore, with social media becoming the popular channel of public communication in the period of Medvedev's presidency, as proposed by Toepfl (2012), many governors started to maintain social networks with their personal pages and shaping the regional discourse to satisfy the central authorities.

Nevertheless, as governors became content-makers, some of them happened to be much more influential than others (Filatova, 2020). For example, Ramzan Kadyrov became exceptionally successful in blogging: he managed to not only personalize

his image, but to strengthen autonomous control over the region and construct collective identity, acquiring bargaining power vis-a-vis the federal authorities (Starodubtsev, 2018; Avedissian, 2016; Rodina and Dligach, 2019). This evidence leads to the assumption that governors can also use social media to construct political autonomy in the conditions of centralization. In other words, social media may provide governors with a platform through which they can construct autonomy. This article analyses conditions which make governors able to express their personal agency, construct autonomy in social media and not be punished by the central authorities.

In Between the Central Authorities and the Regional Communities

In the federal relations, bargaining for power follows logic of distribution of power between the federal centre and the regions (Riker, 1964). With regards to the Russian Federation, the contemporary federal relations demonstrate evolution from strong regionalism in the 1990s to centralization afterwards (Ross, 2014). Sharafutdinova (2006) argues that the power of the regional elites in the 1990s was also dependent on "discursive opportunity structures", which were rhetorical frames focused on themes of self-determination and democratization. Considering noticeable difference in discursive statuses, the governors of non-ethnic regions tried to mimic the ethnic republics and push a change of the administrative status (Sharafutdinova, 2013).

As the relations between regional and national elites entered the stage of two-sided commitment problem in the period of centralization late '00s (Reuter, 2010), these relations from this time gradually transformed to the principal-agent relations (Klimovich, 2023). Moreover, loyalty — competence trade — off became actual for regional governors since they were mostly selected by the incumbent for their loyalty to the national authorities (Egorov and Sonin, 2011). In the new mode of relations between the national authorities and governors, the delivery of successful electoral results was delegated to governors who are incentivized to engage in a collective action of electoral manipulation (Rochlitz, 2016; Sidorkin and Vorobyev, 2020).

Discursive powers for construction of gubernatorial autonomy

In this research, gubernatorial autonomy is defined based on the concept of bureaucratic autonomy as the ability of the chiefs of the executive to use their own discretionary authority to implement policies made by political principals, as well as to make policy according to their own wishes when mandates are ambiguous, incomplete, corrupt, or contrary to their perception of national interest (Bersch and Fukuyama, 2023, 214). Autonomy as such is transferred from the central government to the subnational authorities after their justified request or for the administrative purposes (Benedikter 2009, 39). As in Berger and Luckmann (1966, 48), the perceptions about social reality become institutionalised behaviours through interaction. The discourse establishes the main narrative via language for the construction of social reality (Gergen, 1999, 68). As social reality is defined by the individuals and groups and the power dynamics is embedded into language, people usually try to frame their rhetoric in such a way that ensures prevalence of their vision (Burr, 2015, 225).

As it is stated in Sambanis and Milanovic (2014, 1850), “demands cannot be entirely constructed by elites if conditions are unfavourable [...]”. Hence, a basis in a form of prerequisites for autonomy is needed, but the actual autonomy demand is constructed by the elites. The regional elites assess economic calculations and political context to decide whether autonomy means potential gains for the region (Parks and Elcock 2000). The subjective dimension of reality can be reaffirmed and through the process of habitualization it can transform to the objective aspect of the social world (Andrews, 2012). Ultimately, an actual extension of autonomy occurs when the national authorities do not punish or limit governors after making construction attempts.

Methodology

The research is based on short in-depth qualitative content analysis in a comparative framework that follows the principles of the ground theory to some extent, since the totally deductive approach may not capture the in-depth complexity of the acquired data (Gilgun, 2013, 125). The collection of data for the research is performed in VK as the most popular Russian social media platform and the only widely available in the Russian Federation after than ban of other popular social networks of foreign origin (Filatova, 2020).

Four gubernatorial VK pages with 1276 posts published in the year 2021 were selected for analysis in a logic of diverse cases based on preliminary assessment. The selection was based on finding governors of different to each other based on the MediaIndex by Medialogia (2021), social media popularity, according to the CPKR (2021) and votes gained through the last gubernatorial elections

(Central Election Commission of the Russian Federation, 2022).

The coding is largely based on Yuzbekova and Starodubtsev (2023, 54) and consists of these codes:

- 1) The references to legal-political characteristics of the regions/
- 2) The emphasis on identity-related features of the region through mentions of uniqueness.
- 3) Framing of the region as advanced, innovating federal-level leader in contrast to other regions.

Findings

163 posts were published by the St. Petersburg governor Aleksandr Beglov (2021) on the official VK page. The most typical post of the governor is close to this:

“I’ll briefly talk about several city events of the past week. [...]”

Due to numerous requests from citizens, the land on Dalnevostochny Avenue, occupied by a paid parking lot, was vacated. To maintain a balance of interests of citizens and organizations, we will carry out work to regulate the provision of such land plots [...]” (Beglov, 2021).

The form of address is neutral and very formal. Usually, Beglov reports about the achievements and the news as well as the COVID-19 pandemic statistics rather than performs vivid personal agenda. Still, the governor verbally somewhat emphasizes St. Petersburg identity at least in 76 posts out of 163, addressing the citizens as “peterburzhtsy [St. Petersburg people]”. Moreover, governor emphasizes the form of address “leningradsty [Leningrad people]”, usually referring to the elderly or in the context of the Great Patriotic War, history of the city. Sometimes he expresses personality, talking about his favourite moments in history, personal stories.

Bashkortostan’s Radiy Khabirov (2021) produced impressive 558 VK posts in 2021. Though most of his posts are related to reports and the bureaucratic performance, there are many posts of more personal agenda as well as those appealing to the Bashkir identity, famous persons and language. One of the most emotionally vibrant posts is this one:

“...in my soul there is pain and endless gratitude to the heroes of the war. Such emotions accompany me today at the production of “Salavat’s descendants will not retreat!” (“At uinatyp aldan bara”) in our Bashdrama... Yes, I have never hidden that the name of General Shaimuratov has a special meaning for me, very important for my worldview and understanding of the place of a man and a warrior in life. [...]”

And, of course, I will not tire of repeating words of gratitude to President Vladimir Putin, who personally studied Shaimuratov’s dossier at the request of several generations of Bashkortostan residents and, as an exception, awarded him the title of Hero of Russia.” (Khabirov, 2021).

This post also demonstrates how effectively Khabirov managed to appeal for the Bashkir identity,

demonstrate his personality and at the same time signal loyalty to the president. Moreover, Khabirov produced two posts on the international relations with the Republic of Belarus and Kazakhstan. The peculiar thing is that in both posts he never mentions the Russian Federation, so it appears as that the Republic of Bashkortostan is an independent equal to its foreign partners.

Furthermore, Sergey Nosov (2021) has his own VK blog as a community “Sergey Nosov Live” rather than as a personal page. He produced 141 posts in his community. Many of the posts are indeed of very low quality and they report about the governor not from his perspective:

“The Governor of the Magadan Region visited the Omsukchan urban district on a working trip. Sergey Nosov inspected [...] formation of a comfortable environment” (Nosov, 2021).

The form of address in these posts usually is “dear friends”. However, he has his own site named as «A website about the Russian statesman, Sergey Nosov, the head of the Magadan Oblast» (Nosov, 2024). This leaves a perception that Nosov is completely deprived of individuality and that he presents himself as the Russian statesman first and only than as the governor.

Continuing the assessment, Sergey Sytnikov (2021) of the Kostroma Oblast produced 414 posts on his VK page. The quality of the posts is much higher than of Nosov. Usually, he addresses the audience as “dorogie zemlyaki [dear fellow countrymen]”, thus somewhat emphasizing the territorial identity. Still, only in 46 posts he mentions the regional demonym “kostromichi [the Kostroma people]”. Furthermore, Sytnikov (2021) usually rhetorically demonstrates the Kostromskaya Oblast as the one of many other territories of the Russian Federation:

“[...] Today, Russian President Vladimir Vladimirovich Putin decided to ban the export of unprocessed wood from the country. The decision is extremely important for regions like ours, where the timber industry is one of the leading sectors of the economy. [...]”

Thanks to the decision of the head of state, the timber industry complex of the country, including the Kostroma region, will receive a new impetus for development”.

6 times in a year, the governor mentioned the term “malaya Rodina [Little Homeland]”. In one of the posts with this reference he also called the oblast as the «home region» and said about “protection of security of the citizens of the Kostroma Oblast” rather than ‘inhabitants’, which is more usual. Therefore, Sytnikov seems to be more referencing to the people of the region, emphasizing them as being the people’s leader committed to the regional community, in contrast to Nosov.

Afterall, Aleksandr Beglov’s personal VK page reminds the blogs of public bodies despite him being high in mentions and PR activity as a governor in the city of federal significance. In contrast, Radiy Khabirov’s personal VK page demonstrates more personal agency and use of rhetoric creating a picture of autonomous Bashkortostan. This leaves an impression

that Radiy Khabirov is free to express personal agency and construct autonomy being moderately loyal and competent governor in a special region. At the same time Aleksandr Beglov is mostly like Radiy Khabirov being loyal governor in a special region, but with somewhat lower personal competence.

Furthermore, Sergey Sytnikov skilfully attempts to moderately emphasize the regional identity despite being not popular in social media and governing the Kostroma Oblast, which can be classified as a regular Russian-majority region without some special status or comparatively vivid identity. As opposed to Sytnikov, Sergey Nosov demonstrates the total lack of any mentions of regional identity markers, prevalence of federal interests and low content quality.

Conclusion

As a result, it is presumed that to be able to construct gubernatorial autonomy in social media, governors must be moderately loyal and competent governing in the regions, which receive the special treatment from the central authorities due to their status or salience of specific identity, be it ethnic or regional identity. The combination of these conditions makes it possible for governors to construct autonomy using social media without limitations from the central authorities. The explanation is that the central authorities consider loyal governors who can accomplish the tasks of maintaining stability and ensuring the electoral support in the regions with special status or salient identity indispensable, so it is free to make concessions and accept rhetorical and symbolical autonomy of these governors.

Even though the heads of ethnic republics are expected to be usually less constrained by the national authorities due to the salience of ethnic identity, it is suggested that governors of non-republican Russian-majority regions with the basis in a form of specific regional identity or political history also have a potential for construction of autonomy. For example, there is evidence that governor of the Nizhegorodskaya Oblast Gleb Nikitin tried to emphasize a special territorial identity in the region (Kaminchenko, 2022). In addition, in case of the Ural Republic in the 1990s, there was an attempt to raise the legal-political status of the Sverdlovsk Oblast to the republican status based on specific regional identity (Osipov, 2021). The further research might elaborate on the following dimension, since in this study there was not enough evidence to capture these trends.

Afterall, this research has very limited projection capacity and external validity due to very thin empirical base, which was intended to be introductory to the topic. The next research in the same direction might focus on the development of categorization and cover more cases of gubernatorial blogging through years in a comparative framework. Still, this article calls the scientific attention to the issue of gubernatorial autonomy in contemporary Russia and its construction in social media.

References:

- Andrews, T. (2012). What is social constructionism?. Grounded theory review, 11 (1).
- Avedissian, K. (2016). Clerics, weightlifters, and politicians: Ramzan Kadyrov's Instagram as an official project of Chechen memory and identity production. *Caucasus Survey*, 4 (1), 20–43. <https://doi.org/10.1080/23761199.2015.1119998>.
- Beglov, A. (2021). Personal page. *Vkontakte*. https://vk.com/a_beglov.
- Benedikter, T. (2009). The world's modern autonomy systems: Concepts and experiences of regional territorial autonomy. https://bia.unibz.it/esploro/fulltext/book/The-worlds-modern-autonomy-systems-concepts/991005772404201241?repId=12235049860001241&mId=13234951170001241&institution=39UBZ_INST.
- Berger, P., & Luckmann, T. (2016). The social construction of reality. In *Social theory re-wired* (pp. 110–122). Routledge.
- Bersch, K., & Fukuyama, F. (2023). Defining bureaucratic autonomy. *Annual Review of Political Science*, 26 (1), 213–232. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-051921-102914>.
- Burr, V. (2015). *Social constructionism*. Routledge.
- Central Election Commission of the Russian Federation. (2022). <http://www.cikrf.ru/>.
- Centre for Political Conjuncture. (2021, December). 'Governors as heroes of social networks'. <http://cpkr.ru/issledovaniya/tsifrovye-portrety-glav-rossiyskikh-regionov/gubernatory-geroi-sotssetey-vypusk-zadekabr-2021/>.
- Demin, A., Libman, A., & Eras, L. (2019). Post-socialist transition, authoritarian consolidation and social origin of political elites: The case of Russian regional governors. *Eurasian Geography and Economics*, 60 (3), 257–283.
- Egorov, G., & Sonin, K. (2011). Dictators and their viziers: Endogenizing the loyalty – competence trade-off. *Journal of the European Economic Association*, 9 (5), 903–930.
- Filatova, O. G. (2020). Heads of Russian regions in social media: Audit of public communications. *PR i Reklama v Izmennajushhemsja Mire. Regional'nyj Aspekt*, (23), 6.
- Gergen, K. J. (1999). An invitation to social construction: Co-creating the future.
- Gilgun, J. F. (2013). Grounded theory, deductive qualitative analysis, and social work research and practice. *Qualitative research in social work*, 107, 107–135.
- Golosov, G. V. (2014). The regional roots of electoral authoritarianism in Russia. In *Russia's Authoritarian Elections* (pp. 93–109). Routledge.
- Goode, J. P. (2014). Legitimacy and Identity in Russia's Gubernatorial Elections. *Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*, 3 (1), 59–82.
- Kaminchenko, D. I. (2022). Instagram Political Functions At The Regional Level. *Information Society*, (2), 73–81.
- Khabirov, R. (2021). Personal page. *Vkontakte*. <https://vk.com/radiyhabirov>.
- Klimovich, S. (2023). Mind the gap between the governor and the people: The common agency problem in Russian authoritarian federalism. *Publius: The Journal of Federalism*, 53 (2), 301–324.
- Medialogia. (2021, December). 2021 Governor Media Rating. <https://www.mlg.ru/ratings/vlast/governors/10814/>.
- Nosov, S. (2021). Sergey Nosov Live. Community. *Vkontakte*. <https://vk.com/nosovliveru>.
- Nosov, S. (2024). A Website about the Russian Statesman, Sergey Nosov, Head of the Magadan Oblast. Personal website. <https://nosovlive.ru/>.
- Osipov, I. V. (2021). The Idea of the Ural Republic During the State Transformation of the Russian Federation. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4, Istoriia, Regionovedenie, Mezhdunarodnye Otnosheniia*, 26 (3). <https://search.proquest.com/openview/c34057d2c8853c2dcfeee4b3798c4ee5/1?pq-origsite=gscholar&cbl=2049705>.
- Parks, J., & Elcock, H. (2000). Why do regions demand autonomy?. *Regional & Federal Studies*, 10 (3), 87–106. <https://doi.org/10.1080/13597560008421133>.
- Reuter, O. J. (2010). The politics of dominant party formation: United Russia and Russia's governors. *Europe-Asia Studies*, 62 (2), 293–327.
- Riker, W. H. (1964). Federalism: Origin, operation, significance. (*No Title*).
- Rochlitz, M. (2016). Political loyalty vs economic performance: evidence from machine politics in Russia's regions. *Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP*, 34.
- Rodina, E., & Dligach, D. (2019). Dictator's Instagram: personal and political narratives in a Chechen leader's social network. *Caucasus Survey*, 7 (2), 95–109. <https://doi.org/10.1080/23761199.2019.1567145>.
- Ross, C. (2014). Regional elections and electoral authoritarianism in Russia. In *Russia's Authoritarian Elections* (pp. 111–131). Routledge.
- Sambanis, N., & Milanovic, B. (2014). Explaining regional autonomy differences in decentralized countries. *Comparative Political Studies*, 47 (13), 1830–1855. <https://doi.org/10.1177/0010414013520524>.
- Sharafutdinova, G. (2006). When do elites compete? The determinants of political competition in Russian regions. *Comparative Politics*, 273–293.
- Sharafutdinova, G. (2013). Gestalt switch in Russian federalism: The decline in regional power under Putin. *Comparative politics*, 45 (3), 357–376.
- Sidorkin, O., & Vorobyev, D. (2020). Extra votes to signal loyalty: regional political cycles and national elections in Russia. *Public Choice*, 185 (1), 183–213.
- Starodubtsev, A. (2018). *Federalism and regional policy in contemporary Russia* (p. 188). Taylor & Francis.
- Sytnikov, S. (2021). Personal page. *Vkontakte*. https://vk.com/sk_sitnikov.
- Toepfl, F. (2012). Blogging for the sake of the president: The online diaries of Russian governors. *Europe-Asia Studies*, 64 (8), 1435–1459.
- Yuzbekova, K., & Starodubtsev, A. (2023). Ritorika Podderzhaniya Osobogo Statusa Respublik Rossijskoj Federacii v Usloviyah Centralizacii [Rhetoric of Maintaining the Special Status of the Republics of the Russian Federation in Conditions of Centralization]. *Bulletin of Perm University. Political Science* 17 (4).

HOW IS THE FEAR PRODUCED UNDER THE COVID-19 IN RUSSIAN PUBLIC DISCOURSE?

Introduction

The COVID-19 pandemic may seem to be over, but its effects continue to linger in the society. This research argues that the pandemic has brought to light deeper social and political issues that were often overlooked. The paper argues that the pandemic marks a turning point in the relationship between the government, sovereignty, and society. It reshaped the social contract and has had a significant impact on our perceptions and practices.

One of the main questions this research seeks to answer is how fear is produced in Russian public discourse around COVID-19. The study suggests that fear plays a central role in consolidating discourse about the pandemic. It examines the role of media language in shaping perceptions and how these have become normalized. The paper's originality lies in its emphasis on "fear" during the pandemic, especially in the Russian context, where there is a lack of research. The structure includes a review of literature on theoretical concepts of fear, a section on methodology justifying analytical approaches, and findings from media discourse analysis using text mining and critical and political discourse methods. Finally, it concludes with insights into the transformation of fear in discourse and its connection to broader Russian narratives during the pandemic.

Literature review

The research starts with reviewing the phenomenon of fear. This state played essential role during the COVID-19, mostly because of its "unknown" entity where the humanity was dumbfounded the myriad reports of death and widespread of the disease that was pioneerly faced by our generation being unprepared with treatment. That is why here should be recalled Thomas Hobbes (1967), who is considered as one of the main theorists of fear that shapes and limits human life. Moreover, he distinguishes fear from rational and irrational (Blits, 1989). Such distinction is possible for him due to the secondary position of soul in his writings. Hobbes writes that fear and desire are both components of human's motion towards an object or away from it. However, the irrational or spiritual fear is caused by the unknown, something that cannot be truly decoded by the subject as threat or good. Subsequently, it makes the subject unable to move, not physically,

but towards or away from the object, because the object in this case simply cannot be detected (Epstein, 2013). One might argue that such irrational fear can be simply called "anxiety", however, going deeper to this topic one should underline that fear has a particular referent object, while it may not have a specific referent subject, that characterized fear as irrational. Moreover, anxiety is not a response of a subject to the threat, it is a product of existential lack where the subject faces its incompleteness, in other words, it is a feeling of turmoil, not a feeling of threat (Lacan & Price, 2014). Thus, anxiety is a product of an actualized subject's incompleteness within it, some inner feeling that could appear in a social field, but it does not operate socially or it is not shared socially, while fear is socially produced and constituted phenomena.

Going further, the inability of a human to move, provided by irrational fear, is well characterized in the work of G. Agamben where he stresses that irrational fear causes reducing the meaning of life to life itself, devaluing any social aspects of a subject (Agamben, 2002; Agamben, 2022).

Moreover, scholar emphasizes that the main trouble with such alteration over the subordination of social (bios) in a sake of biological existence (zoē) (Agamben, 2002) is that such irrational fear is habitualised, which means that everyday practices are becoming valuable only from the biological perspective. Agamben calls such a state of a human as "Homo Sacer", making a link with the terminology of Roman Law, where such a person was considered as an excluded person, who might be killed, but should not be sacrificed (Olivier, 2023). It means, what Agamben calls "bare life", that the subject is excluded from social domain. Also, he characterizes such conditions as a "state of exception" (Agamben, 2005) that is inspired by works of C. Schmitt (Schmitt, 1932).

Continuing with exclusion, this paper would like to specify the peculiarity of it during the COVID-19 using the concept of "necropolitics" by Achille Mbembe (2006), who enters the debate with Agamben in absentia on the issue regarding the structure of exclusion. Both of them are inspired by M. Foucault concept of biopower that stands for managing and controlling humans at the level of population and human's body (Lemke, 2001). However, Mbembe specifies that "biopower" is not an inclusive tool itself, because the targets of it are also made under the impact of discourse, subsequently, "biopower" supports

inequality in terms of exclusion. Such exclusion is characterized by the situation when a sovereign not only led people to death, but underlined whose death is more acceptable and logical due to less resistance to virus, for instance. Here should be found the point of main disagreement between Agamben with his “state of exception” and Mbembe’s (2006) “state of acception”, because, indeed, irrational fear during the consolidation of COVID-19 discourse creates a situation of marginalizing groups of people due to the following principles: age, chronic diseases, race and even ethnicity. Such marginalization constructs the perception that the deaths of ones are less valuable than others, not only in the perception of others, but also in the mind of the person, who is going to die. Such an alteration is well described by Tony Sandset (2021), drawing a link between Judith Butler’s (2004) concept of “precarious life” and Mbembe’s “necropolitics”, explaining that, indeed, the dichotomy between “grievable” and “ungrievable” lives should be criticized due to social construction through not only social-material goods, but also through norms and cultural sentiments, that is a key argument of Agamben to explain the situation of different perception to the deaths of people.

Drawing a conclusion, this paper would like to notice, how irrational fear of the unknown constructs the situation of constant exclusion and subordination that devalues the social part of a subject, reducing life to only a biological domain. Moreover, through the reproduction of its fear in the discourse, it leads to habitualization of the phenomenon in life that is also influenced by the objective position of the fear due to the consolidated discourse around the COVID-19.

Methodology

This paper examines the representation of fear in Russian media discourse during the COVID-19 pandemic, focusing on the transformation of fear from the “unknown” (Hobbes, 1967) to the “habitualized”, attempting to answer the question: How was the fear reproduced during the COVID-19 and constructed everyday practices? The devaluation of life and the concept of “zoē” (Agamben, 2012) are explored through everyday practices, using public discourse as a means to analyze power relations within the COVID-19 discourse. The paper contributes to the academic discourse by discussing how societal responses to fear influence public discourse, policies, and social dynamics. Meanwhile, going deeper to the methods themselves, the paper would introduce the following ones: text-mining, Critical Discourse Analysis and Political Discourse Analysis. The paper attempts to show that the research over social phenomena in discourse requires both quantitative and qualitative or interpretivist approaches, especially to scrutinize the transformation of the meaning of “fear” into the practices. Quantitative methods of processing are needed to process the big amount of information and find crucial patterns, while qualitative methods supply them with deep and meaningful thoughts. Thus, text-mining is equipped for tracing a trend of news reports within the COVID-19

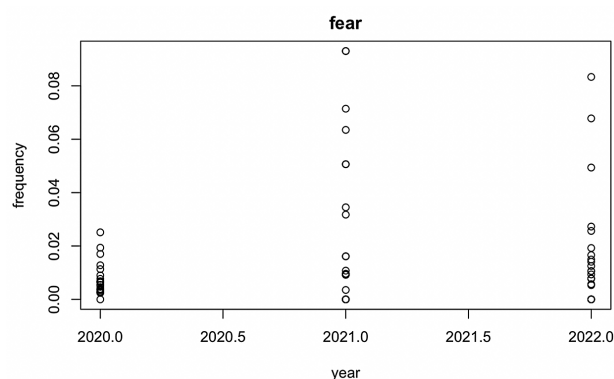
period, which is divided by three years: 2020, 2021 and 2022. As a data source “Integrum Worldwide” (2024) is used, where Russian media sources could be parsed in Russian language. News were taken under the following logic: “COVID” or “Pandemia” are included into the keywords of the news article respectively to the above-mentioned division by years. Articles were chosen randomly from various Russian media platforms. Furthermore, the research takes a more adventurous way in an interpretation of text-mining results using CDA (Critical Discourse Analysis) and PD (Political Discourse). Critical one is supposed to tackle the issue of language, which is not plainly a reflection of the reality or the order of things, but rather is operated performatively and constitutively within power relations realized through discourse (Van Dijk, 2017). CDA provides a research with general interaction strategies (which create either negative or positive representation that is achieved through various macro modality), semantic macrostructures (choosing topics where subjects are not simply described negatively or positively, but the accentuation or de-accentuation of their actions is focused on different events within one news report) and local values (using of detailing or reduction, implicitness or explicitness) (Wodak & Meyer, 2001). However, the research could not have any novelty and topicality without applying PD as an essential analytical tool to show the transformation of “fear” meaning linguistically and further on a level of practice. In other words, PD is used to show the change of performativity of practices within three COVID-19 periods underlying the alteration of meaning and focusing on “habitualizing” function of practice in discourse.

Findings

This part is organized in a way to trace the consolidation of the COVID-19 discourse under “fear”. Although the methods are not applied in a disjoint manner, it is necessary to mention that text-mining and CDA are paired in order to learn the media discourse over three periods: 2020, 2021, 2022 and trace the reproduction of fear within it. Afterwards, to provide the research with generalized interpretation of the observations, political discourse analysis is applied. However, before going to the analysis, the paper spots the understanding of “fear” used in the work, where the “fear” is experiencing the change in its meaning over three years of pandemic assembling different chains of equivalences and further transforming to a floating and an empty signifier itself.

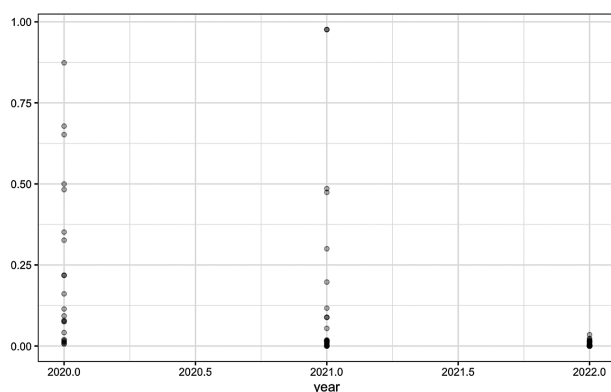
The way fear is articulated depends on the context in which it occurs. Therefore, this study attempts to apply dictionary-based statistics on popular tokens in the corpus as “quarantine”, “isolation” and “pandemia”. Plot 1 shows the weighted frequencies of the words related to the “fear” from the above-mentioned dictionary. It illustrates that the peak usage of such words was in 2021, when presumably the meaning of words was crystallized in the media discourse. Moreover, the lowest frequency of fear related words was in 2020, however, this does not merely mean that “fear” was not produced via text in the media discourse. Words used in the dictionary were not

articulated in the year 2020 because it was the time of only the beginning of COVID-19 discourse consolidation.

Plot 1. Weighted frequency of fear-related words by year

To trace the peculiarities around COVID-19 and fear within years, topic modeling was used. Several models have been built and tested. The results were verified using the method of word intrusion. The result of structural topic modeling without using the prevalence argument presented one interesting topic clustered around the USA. Words “security”, “peace” and “Trump” were also included in it. The next step in this work is to isolate the theta coefficients in order to consider the probability of the appearance of this topic depending on the year. As a result, the subtopics received the highest probability values in 2020 (see Plot 2). However, the greatest probability of one of the subtopics turned out to be in 2021.

Plot 2. Probability of topic appearance by year

Such references to “USA”, “Trump” in a combination with “security” should be understood as the attempts of the symbolic elites to give a form to fear, to make fear given with an object. In other words, linking COVID-19 with the USA and its signifying chains gives a subject an object that should threaten it. However, one might fairly notice that the USA’s image as a referent subject or how it is articulated in Russian official discourse: “enemy” also lacks a particular objectness. This paper agrees with it and goes deeper claiming that such an image of “USA” was constructed through habitualizing the fear of it. Moreover, it should not be understood as the fear of the unknown, but rather as the fear of other. To gain

a deeper understanding, the political discourse approach should be applied. However, this research does not focus on the political reasons and propaganda themselves, but rather demonstrates that during the consolidation of the COVID-19 discourse, it entered into a relationship with the Russian official international relations discourse and organized the discursive field. Furthermore, the paper points out that the field of discursivity is organized through the articulation of “fear” in the consolidating COVID-19 discourse in relation with the Russian official international relations discourse which had already been consolidated and where the “fear” as an element was crystallized and localized. This is why the research is able to show a lined up chain of equivalences to “fear” as an empty signifier.

The collective West = USA = threat (perforation) = weapon = COVID-19

2021 was a year when the consolidation of COVID-19 discourse finished and “fear” obtained its own signifying chain. However, the first lockdowns and face mask rules called in the Russian discourse “*masochnyj rezhim*” took place in the second part of 2020, their assembling happened only in 2021, even more the meanings were not just articulated within the discourse, they were habitualized. That does not simply mean that people got used to it, they firstly normalized it and articulated it as “normal life”. Life is mostly considered of biological basis, where any social action is anticipated by biological means. In other words, biological value subordinates social one. Recalling Agamben’s view on an exclusion of a subject from bios, reducing its life to biological means, it would be possible to explain such coronavirus social changes the same way. However, the paper tries to show a deeper perspective because Agamben’s idea is applicable to the state of exception, while subjects are put into the temporary and abnormal perception of reality, the feeling of a catastrophe. Meanwhile, it is wrong to observe COVID-19 as a state of exception because it was not resolved and cannot be, even by a sovereign. Significantly, the sovereign is not able to do it because COVID-19 discourse became a part of the state that is headed by the sovereign. It is exactly what is meant in this research by habitualized meanings in COVID-19 discourse through articulation of “fear” within.

Firstly, talking about habitualization it is important to show that meanings in the COVID-19 were articulated by references to other discourses, as it was shown with the international relations discourse above. To trace the habitualization, the paper points out the way how medical discourse became a part of COVID-19 everyday discourse. Also, the paper would like to point out that COVID-19 everyday discourse is a crucial one to understand it. This discourse is not only oral, it is also filled with texts, for instance posts or simply messages in social networks. Shortly, this discourse is observed to see the normalization and habitualization of social changes in everyday practices during the COVID-19.

For instance, observing medical COVID-19 terminology such as self-isolation, social distancing, PCR test, vaccination, ventilator or facemasks paper

notes had been perceived as mostly a part of doctors' vocabulary before 2021 when they became everyday words. Needless to say that words themselves cannot be perceived, while only their meanings are perceived. Thus, such a list of terminology from medical discourse was articulated in the COVID-19 discourse organizing assemblage of fixing meaning. It means that notions of above-mentioned terminology refer to COVID-19. Moreover, it provides a subject with a particular set of actions organizing social practices. For instance, taking the term "self-isolation", that not only temporarily excludes a subject from bios, but also authorizes other subjects to exclude it for a particular time period, 10 days. Furthermore, the same argumentation works with social-distances of 1,5 meters or facemasks' rules. Taking a step further, it is necessary to notice that such meanings and social practices were institutionalized in 2021. For instance, the appearance of information plates regarding social distance and preventive measures against the virus or fines for not wearing facemasks. Above-mentioned interpretation is done for a sake of proving the subordination of bios during the COVID-19, but rather to show rationalization and institutionalization, articulating COVID-19 itself as a "fear" in its discourse in 2021. Also, due to the Plot 1, it is observed that COVID-19 related terminology became frequent to stress out "fear" in the media discourse.

This means that there is no longer "fear", only COVID-19, because all social activities have been subordinated to COVID-19 in some way. This idea is supported by the concept of "rational fear" mentioned in the literature review. This drives people to take certain actions that lead to the establishment of a social contract. Therefore, the situation with COVID-19 can be seen as a revision of the old social contract and the creation of a new one. In this new social contract, COVID-19 is seen as an external force affecting the state, the sovereign, and subjects. The re-establishment of social contact in this context can be clearly seen in today's world, where wearing masks has become the norm for subjects to follow, and for the sovereign to impose penalties and exclude people who do not wear masks.

Making the last point to the idea of habitualization of COVID-19 that is juxtaposed with "fear" itself previously, the paper shows how the COVID-19 discourse was contributed with colloquial words such as "corona" to name COVID-19 and "muzzle" to name a facemask. Firstly, the appearance of colloquial words for everyday usage shows the normalization of phenomena in social life. Secondly, the appearance of COVID-19 slang shows the high level of acceptance of it in everyday life, where there is a tendency to shortcut and simplify some terminology. Moreover, the usage of these words in Russian discourse demonstrates collective involvement into the COVID-19 discourse. That should not be understood as an obvious idea because of the widespread virus, it is important that such colloquial words were equipped by society as a homogeneous one. Thirdly, the appearance of COVID-19 slang words serves as an argument about the normalization of the virus, meaning that life as social as biological cannot be imagined by a subject

without it. Thus, the research observed that "fear" became normalized in 2022 because COVID-19 itself was normalized at the level of language and practice.

Conclusion

Thus, the paper researched the consolidation of COVID-19 through the prism of "fear" producing within. The paper points out that during the first stage of discourse consolidation or simply in 2020 the "fear" production was organized via referencing "fear" as a floating signifier in the Russian official international discourse, assembling a chain of equivalences by referencing an already consolidated international security discourse in Russia. Taking a step forward to learn the meanings and practices in the consolidated COVID-19 discourse, the paper observes the change of "fear" as a floating signifier to the empty signifier where the COVID-19 itself dominates other meanings. It has happened because of the crystallization of meanings in COVID-19 discourse. Those meanings further were habitualized because of the general discursive strategy of normalization towards the virus and what is more important because the COVID-19 discourse was filled with colloquial words. Lastly, the paper tried to prove the last assumption that the COVID-19 discourse creates forcing conditions for re-establishing of social contract where the sovereign is given the power to subordinate social life for the sake of biological existence without introducing a state of exception. That should become a further topic of the research, observing how the normalized and habitualized procedures are used by a sovereign, making a research focus on the COVID-19 as "fear" itself within the pandemic discourse.

References:

1. Agamben, G. (2002). Giorgio Agamben: Homo sacer. Die souveräne Macht und das nackte Leben. *Frankfurt am Main: Suhrkamp*.
2. Agamben, G. (2005). State of Exception Paperback.
3. Agamben, G. (2022). Clarifications. In *An und für sich*.
4. Blits, J. H. (1989). Hobbesian fear. *Political Theory*, 17.3, 417–431.
5. Butler, J. (2004). Precarious life: The powers of mourning and violence. *Verso*.
6. Epstein, C. (2013). Theorizing Agency in Hobbes's Wake: The Rational Actor, the Self, or the Speaking Subject? *International Organization*, 287–316.
7. Hobbes, T. (1967). Hobbes's leviathan. *Рипол Классик*.
8. Integrum World Wide (2024). <http://www.integrumworld.com/>.
9. Lacan, J. & Price A. R. (2014). Anxiety: The Seminar of Jacques Lacan Book X.
10. Lemke, T. (2001). The birth of bio-politics: Michel Foucault's lecture at the Collège de France on neo-liberal governmentality. *Economy and society*, 30.2, 190–207.
11. Mbembe, A. (2006). Necropolitics. *Raisons politiques*, 21.1, 29–60.
12. Olivier, B. (2023). Beyond Agamben's 'Homo sacer'. *Psychotherapy & Politics International*, 1–22.
13. Sandset, T. (2021). The necropolitics of COVID-19: Race, class and slow death in an ongoing pandemic. *Global Public Health*, 16.8–9, 1411–1423.
14. Schmitt, C. (1932). The Concept of the Political.
15. Van Dijk, T. (2017). Discourse and power. *Bloomsbury Publishing*.
16. Wodak, R. & Meyer, M. (2001). Methods of Critical Discourse Analysis.

Раздел 5

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

РОЛЬ ФРАНЦУЗСКОГО НАСЛЕДИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ КАМБОДЖИ

Введение

В постколониальную эпоху европейские государства осознают ответственность за развитие своих бывших подчинённых территорий и ищут для себя наиболее выгодные варианты распространения влияния в глобальном масштабе. Подобной стратегии следует и Франция, заинтересованная в сохранении своего как военного, так и культурного присутствия в Тихоокеанском регионе. Исторической сферой влияния Франции был Индокитай, где до сих пор часть населения говорит по-французски. Исходя из статистических данных за 2018 год, количество франкофонов в Камбодже уступает Лаосу и Вьетнаму (Невежина, 2020). Большинство кхмерской интеллигенции, изъяснявшейся по-французски, подверглось репрессиям при диктатуре Пол Пота, что объясняет снижение популярности французского языка к концу XX века. Остро стоит вопрос интеграции Камбоджи во франкофонные организации для сближения с Пятой Республикой по политическим и социально-экономическим причинам.

Актуальность работы состоит в том, что в современном исследовательском поле влияние французской мысли на формирование политических институтов Камбоджи проанализировано недостаточно. Данное исследование представляет попытку заполнить пробел в академической дискуссии. Диалог Париж — Пномпень можно рассценивать как шаг к реализации Стратегии Франции в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР) (France's Indo-Pacific Strategy, 2021), так и попытку заглянуть вину перед бывшей колонией. Последнее является популярным нарративом в исследованиях проблем неокOLONIALИЗМА западными учеными (McPherson, 2015). Помимо восприятия Камбоджи французской стороной видится актуальным проанализировать отношение кхмеров к Франции и как к бывшей метрополии, и как к надёжному союзнику в современных геополитических реалиях.

Цель исследования — оценить влияние политических институтов, привнесённых Францией в Камбоджу как во время колониального периода (1863–1963 гг.), так и после Парижского соглашения 1991 года, на двусторонние отношения Парижа и Пномпеня.

Для достижения цели был поставлен ряд задач:

- 1) проанализировать ряд информационных и новостных порталов для выявления отношения политической элиты Камбоджи к образу Франции и её политическому наследию;
- 2) обозначить наиболее важные французские нововведения в политической системе Камбоджи и их роль в современном государственном управлении;
- 3) проанализировать инициативы Парижа в отношении Пномпеня в рамках реализации Стратегии в ИТР;
- 4) оценить отношение Камбоджи к участию во французских инициативах.

Качественный и количественный контент-анализ представляют использованные методы. Новизна настоящего исследования вытекает из результатов, полученных на основе анализа риторики как камбоджийских СМИ, так и ведущих региональных информационных агентств.

Теоретическая рамка и краткий обзор литературы

Работа проведена в теоретической рамке конструктивизма. В камбоджийском обществе преобладают установки, объединяющие каждого вокруг фигуры короля. Для кхмеров монарх — посланник Бога на земле, который объединяет людей духовно и напоминает им о величии нации и её традиций (Thaiongtrak, 2023). Институт монархии видится не только как элемент политической системы, но и оплот конфессиональной целостности. Следовательно, в Камбодже преобладает коллективная мысль. Исходя из конструктивистской рамки, государство занимает определённое место, сложившееся исторически в системе международных отношений, несмотря на динамику внутри системы (Grass, 2023). Пережив серьёзные потрясения XX века, Камбоджа столкнулась с необходимостью помощи извне. Донором помощи стала знакомая с XIX века Франция, которая, установив протекторат в 1863 году, помогла устоять кхмерской государственности. Стоит обратить внимание, что Пномпень рассматривает Париж в конструктивистских координатах как союзника. При помощи бывшей метрополии Камбоджа стремится обрести устойчивое место в современном мире,

вырабатывая символы и образы, отличающие её от других стран Индокитая (в особенности Вьетнама, образ которого в глазах кхмеров в системе «свой-чужой» ярко воспринимается как последний) и связывающие её с Западом экономическими, культурными и лингвистическими связями.

Вопрос колониального наследия в Камбодже поднимается в академических кругах Пномпеня крайне редко. Причиной тому является формирование исторической памяти вокруг трагических событий второй половины XX века. Постколониальная рефлексия не болезненная ввиду того, что Камбоджа не была захвачена европейцами — был установлен протекторат по просьбе камбоджийского короля (Sisowath, Dator, Pratt & Seo, 2006). В центре внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей — режим красных кхмеров, вьетнамская интервенция, стабилизация внутривнутриполитической ситуации усилиями западных держав, миссия ООН в Камбодже (временный орган — ЮНТАК). При обращении к статьям камбоджийских исследователей было выявлено, что на постколониальном этапе ученые воспринимали французское политическое и культурное наследие как противоречивый феномен (Sochan, 2024). Особенности политической системы Камбоджи представила в своих исследованиях Бектимирова Н. Н. (Бектимирова, 2015), однако на роли французского наследия в формировании политических институтов отечественные исследователи внимания не заостряли. Из немногочисленных монографий и статей, затрагивающих французское колониальное влияние на государственность Камбоджи, следует выделить исследование Н. Таиджонграк, доктора социологических наук (Thaïjongrak, 2023). Новизна исследования вытекает из редкого освещения темы в академических трудах как отечественных, так и зарубежных исследователей.

Репрезентация влияния Франции на Камбоджу в СМИ

В ходе изучения наиболее авторитетных новостных и информационных порталов Королевства Камбоджа (The Phnom Penh Post; Khmer Times; The Cambodia Daily) было определено, что риторика, характеризующая сотрудничество с Францией на современном этапе, в большинстве случаев позитивная. Эксперты отмечают вклад французской стороны в создание партийной системы и образование в Камбодже. Журналисты посвящают статьи модернизации общества: колониальная администрация упразднила рабство и деление общества на группы, схожие с индийскими варнами (Chhun, 2023). Упоминание двустороннего сотрудничества в разных сферах встречается часто в СМИ, что подчёркивает релевантность проблемы. Частота упоминаний слова «Франция» в новостных порталах Камбоджи высокая (с января по август 2024 года в камбоджийских СМИ Франция упоминалась более 40 раз), чаще всего относится

к современности. Колониальный период упоминается редко, в основном либо как констатация факта, либо как вклад европейцев-созидателей; издательства подчеркивают неоспоримый вклад колониальной администрации в урбанизацию Камбоджи. Однако СМИ, обзоревающие тенденции в ИТР (Nikkei Asia; The Diplomat; The Straits Times), предоставляют сведения и о негативной коннотации периода французской экспансии (McPherson, 2015). Взаимодействие Пятой Республики и уже суверенной Камбоджи эксперты оценивают по-разному. Камбоджийские СМИ подчеркивают неоспоримое значение французских инициатив и культивируют образ Франции как гаранта поступательного развития кхмерского государства (Seun, 2024). Информационные агентства, обзоревающие регион в целом, представляют реформы конца XX века в Камбодже как выражение коллективной ответственности европейцев за состояние бывших колоний.

Влияние французской мысли при формировании политической системы Королевства Камбоджа

Камбоджа обладает своей историей развития государственности. Сегодня камбоджийские элиты заявляют о культуре древней кхмерской цивилизации, традициях в управлении и всеобъемлющей роли буддизма. Безусловно, частота упоминания заслуг французской колониальной администрации умоляла бы специфику древней государственности Камбоджи. Однако кхмеры выражают благодарность европейцам за их вклад в образование и управление на разных этапах взаимодействия Парижа и Пномпеня.

Кхмеры принимали французские нововведения неспешно, но взаимодействие с европейцами укрепило кхмерское самосознание и сконцентрировало внимание вокруг фигуры короля, который благодаря помощи Франции смог противостоять экспансии соседей. При французской администрации была написана первая конституция Камбоджи. В ней закрепили принцип выборности монарха; после создали специальный орган для выбора короля, что сохраняется и на сегодняшний день (Thaïjongrak, 2023). Чтобы облегчить управление протекторатом, французы занялись переустройством внутри кхмерского общества: отменили торговлю людьми, избавились от феодальных пережитков, упразднив разделение на группы по происхождению. Налаживая бюрократический аппарат, европейцы обучали потенциальных кадров французскому языку.

В конце XX века Всемирный банк и Международный Валютный фонд призвали руководство Камбоджи к проведению реформ, которые бы обеспечили экономическую открытость. Долгое время находясь в международной изоляции и переживая внутривнутриполитические кризисы, Камбоджа видела необходимость интегрироваться в мировое

сообщество и обрести место в системе мирового экономического хозяйства (Sisowath et al., 2006).

Для Франции, после Второй Мировой войны несколько утратившей свои позиции, было жизненно важно поддерживать статус «проповедника» западных демократических идеалов. Вопрос помощи бывшим колониям был приоритетным для Парижа. В 1991 году в столице Франции было заключено мирное соглашение, направленное на разрешение внутренних конфликтов в государстве кхмеров. Под влиянием идей и желания Франции в Камбодже были созданы политические партии, должное внимание получили права человека. Видится важным отметить, что взаимоотношения между партиями регулировались механизмами, предложенными международным сообществом, где инициатором выступил Париж (Sachsenroeder, 2012).

ЮНТАК (United Nations Transitional Authority in Cambodia), учрежденный по результатам Парижских соглашений, организовал парламентские выборы в мае 1993 года, явка на которых составила около 90%. По итогам голосования, большую часть мест в парламенте должна была занять партия с промонархическими позициями «ФУНСИНПЕК», образованная королем Норodom Сиануком в Париже. Однако было сформировано коалиционное правительство с Народной партией Камбоджи (НПК) (Sachsenroeder, 2012).

ЮНТАК инициировал создание многопартийной системы с демократическими парламентскими выборами. Несмотря на очевидное доминирование НПК в политической системе, многопартийность формально закреплена в Конституции Камбоджи. Тем не менее борьба с оппозицией крепла. С. Рейнси, объединившись с Партией прав человека в 2012 году, сформировал Партию национального спасения Камбоджи — монолитную оппозиционную силу с национал-либеральными взглядами. Партия получила 55 мест в парламенте на выборах 2013 года, организовала ряд антиправительственных выступлений, что привело к запрету её деятельности в 2017 году (Кучеренко, 2020).

Следовательно, наличием работающей партийной системы, несмотря на ужесточение режима с 2014 года, Камбоджа обязана французской инициативе. Тем не менее в коллективистском обществе сложно выработать культуру политического диалога и реформировать внутрипартийную систему, что сыграло на руку представителям НПК, узурпировавшим власть.

Либеральная общественность осудила выборы в 2023 году премьер-министра Камбоджи, сына бывшего главы правительства, руководившего страной практически сорок лет (Строкань, 2023). Но внутренние лозунги о том, что Камбодже требуется политическая стабильность, превосходят по важности для кхмеров критику с Запада.

Принимая во внимание отнюдь не гибкие традиции в управлении, сращивание административных и партийных структур и сохранение института

монарха (Кучеренко, 2020), важно подчеркнуть, что современная Камбоджа, несмотря на французское влияние в административном аспекте, не спешит перенимать западные демократические принципы в полной мере. Однако французское наследие до сих пор играет существенную роль в государственном строе Камбоджи, и элитам невыгодно отказываться от работающих механизмов, символизирующих историческую преемственность с Францией.

Двусторонние отношения Франции и Камбоджи на современном этапе

Сегодня правительство Камбоджи ищет больше возможностей для сотрудничества с Францией в политической, экономической и культурной сфере. В период с начала декабря 2022 года по начало августа 2024 уполномоченные лица три раза посетили Париж с официальным визитом. Обе стороны сошлись на упрочении торговых связей, инвестиций, а также кооперации в сфере обороны (Seun, 2024). По словам официального представителя правительства Камбоджи Пен Бона, отношения Франции и Камбоджи были полны понимания с самого их начала (Van, 2024).

Камбоджа, которая сталкивается с последствиями выбросов углеводородов в атмосферу из-за преобладания угля в энергетике, а также низким уровнем жизни из-за замедленных темпов урбанизации видит для себя возможность упрочения тесных связей с Евросоюзом (May, 2024). В начале 2024 года четыре ведущие французские компании в сфере энергетики подписали меморандумы о взаимопонимании с Камбоджей. Соглашения показали готовность Франции взять на себя обязательства в реализации проектов в области возобновляемых энергоресурсов (Van, 2024).

Привлечение французских инвестиций в сектор туризма, производство текстиля, чистую энергетику, а также логистику является основной целью правительства Камбоджи (May, 2024). В 2023 году объем инвестиций Французского агентства развития (Agence française de développement; AFD) в упомянутые отрасли и не только составил 215 миллионов евро (Ben, 2024).

Французское наследие оставило отпечаток в системе высшего образования в Камбодже. Внедрение западных принципов обучения не противоречило культурному коду кхмеров. Взаимодействие между европейскими образовательными стандартами и кхмерскими духовными принципами сформировали базу для становления конкурентоспособных университетов в Пномпене (Vor, 2024).

Париж благосклонно отнесся к идее проведения саммита Франкофонии в 2026 году в Камбодже (Chansambath, 2024), что свидетельствует о налаживании Камбоджей тесных внешнеполитических связей с Европой. Французское посольство в Камбодже продвигает программу более

динамичного обучения французскому языку. Также предпринимаются меры по становлению французского языка как языка науки, образования и профессиональной деятельности (Im, 2020). Подобная политика упрочения франкофонии в Индокитае объясняется не только долгим совместным прошлым Пномпеня и Парижа, но и неудачей французского правительства разрешить конфликт в Сахеле и поддержать эффективность распространения культурного и политического влияния на Африканском континенте.

Эксперт камбоджийского исследовательского института Тонг Менгдавид утверждает, что Франция с момента заключения в 1991 году Соглашения о мире и франкофонии является гарантом социально-экономического развития Камбоджи (Sochan, 2024). Показатели помощи Парижа Пномпеню в сфере образования и здравоохранения высоки (Chansambath, 2024). Подобные отношения требуют от правительства Камбоджи преемственность французской культуры и политического наследия, а также лидера с западным образованием. Премьер-министр Камбоджи, Хун Манет, получил степень доктора философии в Бристольском университете, что говорит о сохранении западных ценностей в условиях нынешней внешнеполитической конъюнктуры (Строкань, 2023). Однако не следует забывать об экономических выгодах для Пномпеня от сотрудничества с Пекином. Следовательно, камбоджийская политическая элита находится в поиске грамотного баланса.

Париж поощряет стремление Пномпеня к тесному сотрудничеству. Укрепление отношений с бывшей колонией отвечает плану реализации стратегии Франции в ИТР, что подчеркивают совместные интересы в упрочении морской безопасности и устойчивого развития. Франция требует от союзника стабильных внутренних реформ, а также просвещенного лидера с европейским образованием, который бы смог обеспечить поступательное развитие при сохранении культурной самобытности.

Заключение

Необходимо отметить, что монархические, этнические и конфессиональные идеи в Камбодже, которая и без французской экспансии имела опыт государственности, замедлили распространение французских новшеств. Бывшие колонии, которые имеют свой опыт суверенности и политических традиций, оказываются менее восприимчивыми к европейским стандартам. Однако имеющиеся административные французские традиции в Камбодже политическая элита стремится сохранить для упрочения сотрудничества с Европой. Сохранение французской идеи о выборности монарха, центральной и сакральной фигуры для кхмеров, показывает расположенность камбоджийской стороны к европейскому наследию. Партийная система, несмотря эксцессы со стороны правящей

партии, продолжает работать благодаря тому, что Париж сумел предложить грамотные инициативы для стабилизации внутренних процессов. Хотя фактически власть принадлежит НПК, прочие партии существуют на легальном основании и участвуют в выборах, что удаляет Камбоджу от полной автократии.

До тех пор, пока правительство Камбоджи будет открыто к сотрудничеству с французскими партнерами, западная сторона не будет выступать против сформировавшегося в азиатском государстве недемократического политического режима. В современных геополитических реалиях правительству Камбоджи необходимо приложить усилия для сохранения тех политических и социальных основ, которые заложили некогда французские колонизаторы. Для взаимовыгодных отношений в текущей международной обстановке французская сторона должна принимать во внимание особенности кхмерской государственности, а их партнёр в ИТР должен преуспеть в восприятии и распространении французской культуры. Следовательно, для эффективной интеграции в мировую политику и глобальные экономические структуры Камбодже необходимо тесно сотрудничать с бывшей метрополией, которая занята реализацией собственной глобальной стратегии.

Список литературы:

1. Бектимирова, Н. Н. (2015). Возможна ли в Камбодже культура политического диалога?. Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, (28), 77–92.
2. Зинченко И. А. (2019). Институционализация внешней культурной политики V Французской Республики. Вестник Московского университета. Серия 8. История, (6), 76–95.
3. Невежина, Е. А. (2020). Французский язык в Юго-Восточной Азии: проблемы и тенденции современной языковой политики. Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, (4), 65–79.
4. Строкань, С. (2023, 7 августа). В Камбодже основали династию премьеров. Коммерсантъ. <https://www.kommersant.ru/doc/6148027>
5. Кучеренко Г. Н. (2020). Политическая оппозиция в Камбодже после 1993 года. Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 3 (4 (49)), 168–183.
6. Ben, S. (2024, May 24). AFD reaffirms commitment to Cambodia's development. Khmer Times. <https://www.khmertimeskh.com/501493926/afd-reaffirms-commitment-to-cambodias-development/>
7. Bor, P. (2024, March 20). Battambang school awarded Label France Education multi-lingual recognition. The Phnom Penh Post. <https://www.phnompenhpost.com/national/b-bang-school-awarded-label-france-education-multi-lingual-recognition>
8. Chansambath, B. (2024, March 5). Cambodia's strategic overture to France. EAST ASIA FORUM. <https://eastasiaforum.org/2024/03/05/cambodias-strategic-overture-to-france/>
9. Chhun, S. (2023, May 1). The abolition of slavery, a legacy of French colonialism. Khmer Times. <https://www.khmertimeskh.com/501281968/the-abolition-of-slavery-a-legacy-of-french-colonialism/#>

10. France's Indo-Pacific Strategy. (2021) Paris, Ministry for Europe and Foreign Affairs. https://www.andrewerickson.com/wp-content/uploads/2021/07/France_Indo-Pacific-Strategy_20210728.pdf
11. Freeman, J. (2014, January 23). In Phnom Penh, Cambodia, the French influence lives on. The Washington Post. https://www.washingtonpost.com/lifestyle/travel/in-phnom-penh-cambodia-the-french-influence-lives-on/2014/01/23/8023ea12-7eec-11e3-9556-4a4bf7bcbd84_story.html
12. Grass, K. (2023). Alexander Wendt's "Social Theory of International Politics": A Realist Critique. *Perspectives on Political Science*, 52 (3), 145–150. <https://doi.org/10.1080/10457097.2023.2218138>
13. Im, K. (2020). Higher Education in Cambodia: Engendered, postcolonial Western influences and Asian values. *Cambodia Journal of Basic and Applied Research (CJBAR)*, 2 (1), 119–151.
14. May, K. (2024, January 22). France grant major loans to boost Cambodia's growth, development. The Phnom Penh Post. <https://www.phnompenhpost.com/national/france-grant-major-loans-to-boost-cambodia-s-growth-development>
15. McPherson, P. (2015, May 5). Glimpses of Cambodia's French Past. The Diplomat. <https://thediplomat.com/2015/05/glimpses-of-cambodias-french-past/>
16. Ry, S. (2024, July 8). Manet calls on France to explore Kingdom's investment potential. The Phnom Penh Post. <https://www.phnompenhpost.com/business/manet-calls-on-france-to-explore-kingdom-s-investment-potential>
17. Sachsenroeder, W. (2012). The contemporary political landscape in Cambodia. *Cambodia: Progress and Challenges Since*
18. Seun, S. (2024, January 18). The importance of Hun Manet's visit to France for the diplomatic scene in Cambodia. The Phnom Penh Post. <https://www.phnompenhpost.com/opinion/the-importance-of-hun-manet-s-visit-to-france-for-the-diplomatic-scene-in-cambodia>
19. Sisowath, C., Dator, J., Pratt, D., & Seo, Y. (2006). Globalization and Generational Change: The Evolution of Cambodia's Social Structure. In *Fairness, Globalization, and Public Institutions: East Asia and Beyond* (pp. 300–311). University of Hawai'i Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv3zp081.26>
20. Sochan, R. (2024, January 17). The French connection: exploration of long links. The Phnom Penh Post. <https://www.phnompenhpost.com/post-in-depth/the-french-connection-exploration-of-long-links>
21. Thaijongrak, N. (2023). Elective Monarchy: The Legacy of French Colonization in Cambodia. *Research Association for interdisciplinary studies*. <https://rais.education/wp-content/uploads/2023/12/0325.pdf>
22. Van, S. (2024, January 23). Cambodia's French pacts boost renewable goals. Asia News Network. <https://asianews.network/cambodias-french-pacts-boost-renewable-goals/>

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМИ ИДЕНТИЧНОСТЯМИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ИЗРАИЛЬСКО-ПАЛЕСТИНСКОГО КОНФЛИКТА

Мир XXI века — мир глобализации. Но несмотря на такие процессы как стирание границ, сжатие времени и пространства, а также унификация и интеграция культур и экономик, национально-культурные конфликты остаются важной частью мирового политического процесса. Сегодня региональные противоречия, например израильско-палестинский конфликт, оказываются элементами глобального мирового общества и не могут быть отделены от него. В результате, острой темой становится вопрос защиты национально-культурной идентичности в современной реальности.

Тема культурно-национальной идентичности широко освещалась исследователями. Проблеме взаимосвязи глобализации и национально-культурной идентичности было уделено внимание следующих исследователей: А. В. Костина, О. Н. Прокаева, Н. Н. Федотова (Костина, 2010; Прокаева, 2016; Федотова, 2011). Проблему глобализации изучали: Г. А. Дробот, А. В. Золин (Дробот, 2008; Золин, 2007). Изучению идентичности были посвящены работы Э. Эриксона (Эриксон, 1996). В работах Р. Халиди (Халиди, 2009) изучаются истоки палестинской идентичности. Вопрос о еврейской идентичности поднимался в работах Т. Герцля, А. Рубинштейна, З. Ханин (Герцль, 1898; Рубинштейн, 2002; Ханин 2007). О самом израильско-палестинском конфликте писали: А. Д. Эпштейн, И. В. Рыжов (Эпштейн, 2003; Рыжов, 2013) и др.

Для изучения того, как страны защищают свою национально-культурную идентичность в условиях глобализации был использован исторический анализ в сравнительной перспективе. Данный метод позволяет тщательно изучить конфликт, определить способы взаимодействия Израиля и Палестины друг с другом и с мировым сообществом, а также выделить основные пути защиты и формирования их национальной идентичности.

Термин идентичность получил широкое распространение благодаря работам Э. Эриксона (Эриксон, 1996). Под идентичностью обычно понимают особенность человеческой психики определять свою принадлежность к разным социальным группам, или же соотносить себя с тем или иным человеком. Наиболее важной классификацией идентичности является её разделение на позитивную и негативную. Данная теория также

была сформулирована Э. Эриксоном. Позитивная идентичность формируется на основе чувства гордости и самоуважения от причастности к той или иной социальной группе, когда негативная формируется от противного, от противопоставления себя «чужому» или «другому».

Чтобы дать определение «национально-культурной идентичности», нужно объяснить ключевое понятие «нация». Нация — социально-политическая общность людей, соединенная определенными культурными, историческими, языковыми, территориальными, экономическими связями и осознающую себя в качестве таковой. Понятие «нация» имеет две основных составляющих: этатическую и этническую. Под этатическим элементом понимают нацию как политическое (государственное) образование. В свою очередь, под этническим элементом понимают некий особый культурный код (Кожевникова, 2012, 13). Культурная же идентичность формируется под воздействием социально-ориентированных практик. На основе изученных концепций было сформулировано понятие национально-культурной идентичности, под которой будет пониматься чувство принадлежности человека к определенной социально-политической группе, отличающейся особой культурой, имеющей общую территорию, историю, единство экономической деятельности, единый язык и этническое происхождение.

Выделяют три основных подхода к национально-культурной идентичности: примордиализм, конструктивизм и инструментализм (Манапова, 2020, 123–124). Для примордиализма характерно воспринимать этнические группы как основу для объединения людей. Приверженцы конструктивизма воспринимают нацию как конструкт, то есть — продукт интеллектуальной деятельности. Э. Геллнер, обосновывая свою точку зрения, пишет: «Национализм порождает нации, а не наоборот» (Геллнер, 1991, 127). Третий, инструменталистский, подход заключается в понимании нации как инструмента политиков.

Ещё одним важным теоретическим аспектом представляется вопрос влияния глобализации на национально-культурную идентичность. Процесс глобализации характеризуется несколькими признаками: размывание межгосударственных границ, усиление роли негосударственных регуляторов

международных отношений, появление глобального онлайн-пространства.

Такие черты глобализации приводят к следующим противоречивым результатам: растворение национальной идентичности и одновременно рост национального самосознания (Прокаева, 2016, 65–66).

Первый процесс связан с тем, что в условиях глобализации национально-культурная идентичность испытывает утрату национального самосознания из-за влияния глобальной культуры (Куруленко, 2015, 233).

Навязывание определенных традиций, обрядов, ценностей приводит к тому, что национально-культурная идентичность теряет способы и возможности для самовоспроизводства. Происходит гомогенизация культур (Герасимова, 2017, 69).

Страх стирания культурных границ, утраты своей национально-культурной идентичности приводит к росту национального самосознания, обострению национальных конфликтов (Александров, 2013, 16). Ярким примером в данной ситуации является Израильско-Палестинский конфликт.

Израильско-палестинский конфликт — это исторический конфликт, имеющий черты политического, межэтнического и религиозного, продолжающийся по сей день; составная часть более широкого арабо-израильского конфликта.

Предмет конфликта — территории, ранее входившие в Подмандатную Палестину. Израиль видит в ней историческую родину (Шмидт, 2017, 36), когда для арабов Иерусалим, а точнее Эль-Кудс — один из религиозных центров, упомянутых в Коране (Баранов, 2016, 304).

На основе проведенного анализа активной фазы конфликта, было выделено 3 этапа его развития. Первый этап начинается в середине XIX в., когда появились и оформились идеи о национальном государстве евреев. Здесь можно отметить следующих авторов: Э. Ротшильд, Гесс, Т. Герцль и др., которые стали основателями политического сионизма (Звягельская, 2012). Движение за создание государства Израиль позволило конструировать национально-культурную идентичность еврейского народа.

Развитие политического сионизма сопровождалось алиям — массовым переселением евреев на территорию Палестины, что в свою очередь, привело к конфликтам между евреями и палестинскими арабами (например, погром в 1920 г.). Тем не менее, идея о создании еврейского государства получила поддержку среди мирового сообщества.

После распада Османской империи, палестинские арабы получили ещё один толчок для формирования своей идентичности — отсутствие собственного государства. Таким образом, палестинцы испытывали на себе негативную идентичность (противопоставление себя — «чужим» евреям) и положительную идентичность — желание создать собственное государство (Халиди, 2009).

Данное противостояние продолжалось вплоть до 1948 г., когда официально было провозглашено государство Израиль. Тем не менее, последствия 1948 г. были разрушительны для Палестины. Половина арабов Палестины были изгнаны из своих домов, в то время как традиционное палестинское политическое руководство было рассеяно и дискредитировано. Ожидалось, что данный крах пошатнет становление палестинской идентичности и приведет к поглощению Палестины соседними арабскими странами. Однако, травма 1948 года усилила и укрепила уже существующую палестинскую идентичность (Халиди, 2009). Так начался второй этап конфликта — военный, продолжавшийся с 1948 г. по 1994 г.

Второй этап данного противостояния характеризуется большим количеством военных конфликтов (Суэцкий кризис, Шестидневная война, Война Судного дня). Интересы Палестины по большей части представляла Арабская Лига Государств. В 1964 году была создана Организация Освобождения Палестины (ООП), основная цель которой — ликвидация сионистского присутствия в Палестине. Это закрепило в сознании палестинцев, что суверенитет Палестины основан не на учреждении государственности, а на спасении территории ислама от иудеев.

Однако, ООП не сумела создать ни прочное государство, ни государственную структуру. Более того, её географическое положение часто было вне Палестины. В разные периоды с 1960-х по 1980-е годы XX века ООП располагалась в Иордании, Ливане и Тунисе.

Второй этап характеризуется сильным влиянием глобализационных процессов на данный конфликт. Позиция стран по отношению к глобализации разнится. Израиль, поддерживаемый Великобританией и затем США, стал использовать различные механизмы для поддержания своего развития и своей идентичности. Интересен феномен «Индийского сдвига» — достижение мягкой силы Израиля (Арефкин, 2017, 139). Благодаря активной торговле, сближению в научно-техническом секторе, позиция Индии по Израилю сменилась от резко негативной в 1950–1970 годах до стратегического партнерства в 2010–2020-х гг. (Морозов, 2018, 126–127). Такое тесное сотрудничество позволило начать программу по борьбе с терроризмом, что для Израиля означало защиту от таких организаций, как ХАМАС.

В это же самое время, отношение арабских стран к глобализации было иным. У Запада было три стратегических цели в ближневосточном регионе: 1) экономическая и политическая либерализация; 2) поддержка Израиля; 3) сохранение стабильности в регионе, богатом нефтью. Такие противоречивые цели западного мира по отношению к Ближнему Востоку не могли восприниматься арабским миром положительно (Кудряшова, 2005, 101). В результате в арабских странах сложилось

восприятие Запада как некоего врага, который поддерживает вражескую нацию — евреев.

К концу второго этапа усилился рост национального самосознания палестинцев. Этому способствовало разочарование палестинцев от того, что ООП так и не добилась поставленных целей. Более того, палестинцы чувствовали себя оставленными арабскими союзниками (Саммуди, 2009, 17), что усилило не мусульманскую, а национальную идентичность палестинцев.

Это привело к началу палестинской интифады. Данное восстание началось стихийно, лишь к середине 1988 г. ООП сумела восстановить контроль над Палестиной. Палестинцы ощущали потребность в решении накопившихся проблем, была предпринята попытка защитить свою идентичность. Значение первой интифады было велико. Благодаря ей начался переговорный процесс, закончившийся подписанием в 1993 г. соглашений в Осло (Шевелев, 2023, 182). По их результатам ООП становилась участником переговорного процесса, а в 1994 г. было создано автономное государство Палестина, организована Палестинская национальная администрация в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан.

Так, с 1994 г. начался третий этап развития конфликта. Он представляет собой ряд точечных операций, проводимых Израилем и Палестиной, с целью защиты своих национальных идентичностей. Все военные операции третьего этапа имеют часть схожих черт: во-первых, конфликты в отличие от войн XX в. стали более локальным. Основные акторы конфликта — Палестина (а точнее Сектор Газа и ХАМАС) и Израиль. Во-вторых, и Израиль, и ХАМАС сделали сильный упор на негативной идентичности, и их цель — уничтожение «другого». В-третьих, все конфликты были непродолжительными.

Другой особенностью данного этапа является готовность арабских стран сотрудничать с Израилем по экономическим вопросам. Об этом свидетельствуют Соглашения Авраама 2020–2021 гг., подписанные между Израилем и ОАЭ, Бахрейном, Марокко и Суданом. При этом в настоящем конфликте (2023–2024 гг.) данные страны поддерживают Палестину, что представляется сохранением арабской культурной идентичности. Тем не менее, данные соглашения вызвали множество споров в арабских странах. Турция, Иран и Палестина осудили подписание договоров, обвиняя арабские страны в предательстве «общееарабских» интересов (Гудкова, 2022, 73–75).

Новый конфликт (2023–2024) отличается от военных операций 2000–2022 гг. тем, что очень быстро вышел за рамки Израиля и Палестины. Уже 8 октября начались столкновения с Хезболлой (Ливан), затем с Сирией. В декабре–январе ХАМАС поддержали йеменские хуситы — конфликт повлиял на морскую торговлю через Суэцкий канал. В апреле в войну вступил Иран, совершив

ракетную атаку. В результате конфликт перестал быть локальным.

На данный момент есть 3 вероятных пути разрешения конфликта. Первый из них — это продолжение израильской политики сдерживания, которая заключается в защите национально-культурной идентичности Израиля с частичным задействованием военных резервов и стремлению к минимизации потерь. Основные меры предпринимаются для противостояния таким радикальным группировкам, как ХАМАС и Исламский Джихад. Главным в данном конфликте становится — Израиль, который контролирует полностью ситуацию. Такой сценарий существует уже с начала 2000-х. Тем не менее, у такой политики есть и свои ограничения — конфликт не решается, жертв становится больше.

Последние события, в результате которых Израилю выдвинули обвинения в геноциде палестинцев могут говорить о другой тенденции. Она заключается в полной аннексии Палестины. Такое развитие событий технически возможно. Израиль обладает поддержкой в мировом сообществе, а также сильной армией. Он более централизован в отличие от разобщенных палестинских территорий. Однако, такой план рискован, и нарушит все достигнутые соглашения.

Третий вариант включает новые механизмы регулирования, которые появились благодаря глобализации. Например, экономическое сближение стран Ближнего Востока. Развитие экономических связей позволило бы урегулировать израильско-палестинский конфликт. Похожие меры уже предпринимались, например, Соглашения Авраама. Еще одной экономической мерой могло быть введение санкций относительно Израиля и Палестины, однако, это наиболее маловероятно в связи с определенным положением Израиля в мировой политике. Другим инструментом можно считать существование таких наднациональных институтов как ООН и т. д. Несмотря на то, что резолюции ООН не обладают юридически обязывающей силой, они показывают отношение мирового сообщества к конфликту, что создаёт давление на Израиль и Палестину. Этому же давлению способствуют и современные коммуникационные технологии, которые создают определенный контекст конфликта по всему миру.

Изучение национально-культурной идентичности на примере Израильско-Палестинского конфликта позволило прийти к следующим выводам:

1) Еврейская национально-культурная идентичность получила мощный толчок после появления политического сионизма. Идея создать собственное государство сумела сплотить народ и построить фундамент национально-культурной идентичности. Возникшая благодаря идеологам сионизма, еврейская национальная идентичность обрела черты конструктивистской и позитивной идентичности.

2) В свою очередь палестинская идентичность формировалась под воздействием двух процессов. Первый — формирование негативной идентичности, вызванное еврейскими алиями и резким изменением этнического состава на землях Палестины. Второй, основанный на позитивной идентичности, — это построение своего собственного государства. Процесс начался после распада Османской Империи и до сих пор не завершился.

3) В данном конфликте можно выделить три этапа: со второй половины XIX в. до 1948 года — когда конфликт еще не был оформлен институционально, а территория не принадлежала ни Израилю, ни Палестине. С 1948 по 1994 г. — данный этап характеризуется сильнейшими военными конфликтами, затрагивающими весь Ближневосточный регион. Палестина не являлась активным участником конфликта и не участвовала в переговорном процессе. Этап завершается после первой интифады, которая доказывает наличие сформировавшейся национально-культурной идентичности палестинцев, и подписания соглашений в Осло. На данный момент продолжается третий этап конфликта. Он характеризуется локальностью конфликта, борьбой Израиля не с Палестиной, а с радикальными организациями — ХАМАС и Палестинский Джихад. Арабские государства начинают экономическое сближение с Израилем.

4) Влияние глобализации на Израильско-Палестинский конфликт. Для Израиля глобализация стала подспорьем для экономического, военного и внешнеполитического развития. С другой стороны, Палестина, ассоциирующая глобализацию с Израилем и его союзниками, негативно оценивает глобализацию, как и другие арабские государства.

5) Были рассмотрены модели развития ситуации в регионе. Можно выделить три основных сценария. Основной и наиболее вероятный — продолжение Израилем политики сдерживания Палестины. Другой, негативный сценарий — уничтожение Палестины, лишение её автономности. Сценарий возможен, так как на данный момент наблюдается рост национально-культурной идентичности в обеих странах. Третий вариант развития событий наиболее позитивный — он включает в себя практики регулирования конфликта, которые появились благодаря глобализации.

Исследование расширяет представление о израильско-палестинском конфликте на основе фактора идентичности. Изучение конфликтов с точки зрения идентичности может быть использовано для анализа и других противоречий, что может быть полезно в социально-политических науках.

Список литературы:

- Александров, Д. С. (2013). Трансформация национального самосознания в условиях глобализации. PhD Thesis. Ставрополь.
- Арефкин, Р. В. (2017). Современная концепция «Мягкой силы» Израиля. Дискурс-Пи, (1), 136–142.
- Баранов, А. В. (2016). Проблема освобождения Палестины как концепт политики панисламизма в мировоззрении Имама Хомейни. История и историческая память, (13–14), 300–323.
- Геллнер, Э. (1991). Нации и национализм. Москва: Прогресс.
- Герасимова, И. А. & Ивахнов В. Ю. (2017) Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации. Сервис+, (2), 66–76.
- Герцль, Т. (1898). Еврейское государство: Опыт новейшего решения еврейского вопроса. Одесса: «Книгоиздательская» типогр. Я. Х. Шермана.
- Гудкова, К. А. (2022). Влияние «Авраамовых соглашений» на безопасность в Ближневосточном регионе. Гуманитарный акцент, (2), 73–77.
- Дробот, Г. А. (2008). Глобализация: понятие, этапы, противоречия, оценки. Социально-гуманитарные знания, (2).
- Золин, А. В. (2007). Понятие глобализации. Logos et Praxis, (6), 55–57.
- Кожеевникова, Ю. А. (2012). Кризис национальной идентичности в глобализирующемся мире. PhD Thesis. Москва.
- Костина, А. В. (2010). Кризис современной идентичности и доминирующие стратегии идентификации в границах этноса, нации, массы (окончание). Знание. Понимание. Умение, (1), 187–194.
- Кудряшова И. В. (2005). Глобализация и государство на арабском Востоке. Полит. наука, (4), 92–107.
- Куруленко, Э. А. & Нефедова Д. Н. (2015). Национально-культурная идентичность в условиях глобализирующейся реальности. Известия Самарского научного центра Российской академии наук, 17 (1–1), 231–234.
- Манапова, В. Э. (2020). Концепции исследования национальной идентичности: их сходства и различия. Общество: философия, история, культура, 9 (77), 122–125.
- Прокаева, О. Н. (2016). Влияние процессов глобализации на проблему национальной идентичности. Инновационная наука, 5–3 (17), 65–67.
- Рубинштейн, А. (2000). От Герцля до Рабина и дальше: сто лет сионизма. Минск: МЕТ.
- Рыжов, И. В. & Бородина, М. Ю. (2013). Арабо-израильский конфликт: историческая ретроспектива, современное состояние и тенденции. Вестник ННГУ, (6–1), 332–339.
- Саммоуди, М. Ю. (2009). Отношение СССР/России к палестино-израильскому конфликту в конце 1940-х — начале 2000-х годов. PhD Thesis. Москва.
- Федотова, Н. Н. (2011). Глобализация и изучение идентичности. Знание. Понимание. Умение, (1), 72–80.
- Шмидт, В. (2017). Еврейская колонизация Палестины и великие державы. Восточный архив, 1 (35), 36–44.
- Щевелев, С. С. (2023). Первая интифада в Палестине (1987–1993 годы). Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки, 9 (1), 172–184.
- Эпштейн, А. Д. (2003) Бесконечное противостояние: Израиль и арабский мир: войны и дипломатия: История и современность. Москва: Ин-т изучения Израиля и Ближ. Востока.
- Эрикссон, Э. (1996). Идентичность: юность и кризис. Москва: Издательская группа «Прогресс».
- Khalidi, Rashid. (2009). Palestinian Identity: The Construction of Modern National Consciousness. New York: Chichester: Columbia University Press.
- Khanin, Z. & Chernin V. (2007). Identity, Assimilation and Revival: Ethnosocial Processes among the Jewish Population of the Former Soviet Union. Ramat-Gan: the Rappaport Center for Assimilation Studies and Strengthening of Jewish Vitality, Bar-Ilan University.

ANALYSIS OF THE INFLUENCE OF NON-ECONOMIC ETIOLOGY FACTORS ON EU COMPETITION POLICY

Introduction

In the modern world, the European Union is one of the biggest and most influential political organisations. The EU acts as one of the dominant players in politics, economics, culture, and so on, not only within the European region but etiam globally.

In this paper, I decided to focus specifically on this area, as this topic seems to me not only relevant in an era of global change and shifts in the global political and economic balance of power but also offers broad horizons for empirical research that can be applied to practical endeavours.

I determined that there is a gap in the body of academic literature in the field, which consists in a lack of empirical, quantitative research on the level of impartiality of the European Commission in the implementation of competition policy. My research question is the following: “Are the actions of the EC in the field of competition policy motivated by non-economic factors?”

To answer this question, I will employ a quantitative methodological framework and build a regression model using first of all but not limited to official data provided by the European Commission in the public domain.

Literature review

Structure and objectives

The competition policy of the EU is believed, alongside the Single Market, to be one of the two major “pillars” of European economic power (Wise, 2007).

At its core, EU competition policy is enshrined in Articles 101 to 109 of the Treaty on the Functioning of the European Union (further: TFEU) as well as other fundamental protocols (see (Competition Policy | Fact Sheets on the European Union | European Parliament, 2023), which aimed at enforcing prohibitions and measures “against anti-competitive agreements between different companies, as well as against anti-competitive behaviour by companies that are large enough — either individually or jointly — to harm competition by means of independent behaviour, and by vetting mergers between previously independent companies to verify whether these are likely to result in non-competitive market structures” (Sauter, 2011).

All of the scope of the competition policy is divided into three major spheres: cartels, mergers and acquisitions, and State Aids. Each of the spheres has its own procedures, legislation, and practices.

To ensure the enforcement of the aforementioned rules and principles, the EC has such instruments as public undertakings, state intervention and in general, a more public and economical approach. However, according to some scholars (Wright, 2010) the EC rarely intervenes itself after the Court was involved.

The institutional architecture of the EU competition policy also includes a network of national competition authorities and the European Competition Network (further: ECN), which is a partner of the EC in enforcing competition rules and ensuring their effective and efficient application at both the national and supranational levels (see Teleki, 2021 for more).

Evolution of the EU competition policy

The attainment of administrative integrity of such a high degree the EC holds today was achieved through a continuous, protracted and incremental process, observed since the adoption of the Common External Tariff in 1968 (acc. to Guay & Damro, 2016 and Blockx, 2018). Alongside the administrative centralization, the EC has concurrently advanced its State Aid policy, which is now considered an indispensable part of its broader competition policy framework.

Another evolutionary change (Corlu, 2021 and Valle Lagares, 2010) is the increase in the extraterritoriality of the enforcement of competition policy provisions by the CJEU and the European Commission. Due to its growth in importance and scale, the Commission began to play a role as a definitive actor not only in the Single Market but also in foreign Markets also, following the expansion of EU enterprises worldwide.

Moreover, a significant evolutionary transition is a widely recognised (see Witt, 2018) shift towards more effects-based approach observed since late 1990s.

With the administrative centralization of its authority, the EC gained also a significant degree of flexibility as well as it has grown its role as an adviser for national courts and regulatory bodies in the enforcement of competition policy provisions across the Union (Ibáñez Colomo & Kalintiri, 2020).

The new COVID-19 frameworks show that the Commission is moving to release more freedom and more authority to Member States in tackling the issues of fair competition during COVID (Costa-Cabral et al., 2020).

Summing up, the evolutionary process of the EU competition policy has been marked by various milestones and dictated by the need to adapt to a changing political and economic landscape.

Yet, numerous stakeholders (see Brent, 1995) contend that the Commission assumes a dual role concurrently acting as both prosecutor and adjudicator, due to the multifaceted function imposed on it.

The EC decisions and rationales behind them — critique

As stated in the foundational treaties that form the core of this policy, the major guiding principles that regulative bodies should be guided by are economic rationale and the ideals of a free and fair market for all member states.

Nevertheless, a rising chorus of dissent emerges from diverse areas, including the academic community, political echelons, legal circles, and statespersons.

The first allegation is that, according to several scholars (see Verouden, 2003; Wesseling, 2000 and Hawk, 1995), the EU and its agencies, in this case, the European Commission, pursue purely political goals while disregarding the original principles of economic considerations behind competition policy. It is argued (Marco Colino, 2009) that the idea of the establishment of a common market was the highest priority for the EC since it was largely believed that it would revive mass production and prevent monopolisation at the same time.

Another dimension of criticism that comes to mind quite quickly is the protectionism of the European Commission. One recent article (Bauer & Pandya, 2024) focuses on the fact that the EU stands at a crossroads. In the wake of the global financial crisis, the world has witnessed a new rise in protectionism and the EU partly adhering to these inclinations. The authors warned that such actions if continued may induce other nations to follow the lead and adopt protectionist measures as well.

Another article (Auer & Manne, 2019) provides a quantitative analysis of fines imposed on EU- and non-EU-originating companies. In the article, there is empirical evidence regarding the fines imposed on companies since the entry into force of Regulation 1/2003¹¹. According to the data, the amount of fines imposed on non-EU originated companies was €10.91 billion, while the same number for EU-originated companies was much smaller: €1.17 billion. These values are a clear indication of a trend that authors further investigate.

In conclusion, the EU has emerged as a significant global force, with considerable influence in both political and economic areas. But today, its policy framework has faced growing criticism and scrutiny from various stakeholders.

Theory & methodology

Theoretical framework & hypothesis

Based on the literature review I conducted on the topic, it seems clear that there are several major assumptions regarding the impartiality of the EU competition policy.

One important assumption I intend to explore is the “origin bias” of the Commission while enforcing competition policy decisions.

Another potential bias is industry type. There are voices that accuse the Commission of being unfair

towards enterprises working in certain industries, especially when combined with their origin (see Wallace et al., 2020).

After taking into account all the critique and theory in the field, I decided to formulate my hypothesis as follows: “The European Commission, when making decisions related to the punishment of companies that violate EU antitrust laws, is guided, among other things, by non-economic factors.”.

Methodology and model setup

Method

After thorough consideration, I have chosen quantitative research for the reason that one can find plenty of quantitative data in the public domain, especially because the field of competition policy in the EU enjoys a very high degree of transparency.

Furthermore, I have decided to create two separate models on the basis of their content. The first model will cover the cartel cases that took place in the EU after 2010, while the second model will focus on the merger cases since 2010.

For the first model (further: the cartels model), the traditional linear regression method is used. For the second model (further: the merger model), the binary regression method is used.

To justify the aforementioned setup and methodological framework, I would like to state that it would have been better for the explanatory power of the model to include all the available observations. However, I believe that in this case, equal volumes for both types of Commission decisions, coupled with the scope of this work and the time and resource constraints imposed on the author, was the best choice available.

Models and variables

Cartels model

In the cartel model, four variables (dependent and three independent) are present.

The fine variable is the dependent one, has a character type, and encodes the amount of fine (in euros) imposed on a company accused of a cartel.

Nota bene, some companies have avoided fines due to the fact that they have informed the authorities about the existence of the cartel. These companies do not receive fines under leniency notice. In the dataset, they have a value of 0 for this variable.

The origin variable is an independent variable. It encodes the origin of the company, whether it is EU-originated or not.

Due to the scope of the paper, I decided to limit this classification simply to two outcomes: from the EU or not, so the type of the variable is binary.

The industry variable is another independent variable. It has a categorical type.

The Past interactions variable encodes the presence of previous violations of the EU antitrust laws. It is a binary variable where 1 stands for the presence of previous violations and, respectively, 0 for the absence.

Merger model

In the merger model, four variables are also present.

The Decision variable is dependent and has a binary type. It encodes the decision of the EC regarding the merge case. Importantly, due to the very small number of rejections of merges, I decided to code as 1 the permission to merge without any conditions and as 0 permission but with additional conditions or commitments. This issue will be discussed in detail in the next section.

The Origin variable is the same as the Origin variable in the previous model.

The Industry variable is the same here as in the previous model.

The Decision date variable encodes the date when the final decision regarding a certain case was made.

Sources of data

As it was previously mentioned, there is a lot of data in the public domain. For my work, I used two major databases in the field of competition policy. The first source is the official database (Competition Policy Case Search) of the European Commission. This database contains all the cases in the cartels, mergers, etc. This database is public and open. The second database I used is the Global Competition Review website (Cases and Precedents — Global Competition Review).

Model results & interpretation

Cartels model

It is important to begin with that the model is statistically significant; its p-value is 0.02777, which is less than a threshold ($p < 0.05$). Its explanatory power (the value of R-squared) is 0.2102, meaning that roughly 21 percent of dependent variable variation is explained by the model.

The most significant is “OriginTrue,” which has the lowest p-value. Its estimate means that if a company is from the EU, its fine would be statistically higher than for foreign firms. It contradicts many critics who argue that the EC is a protectionist entity.

The second group of statistically significant coefficients consists of two industry categories: “Food and vegetable preserves” and “Manufacture of paper.” These two categories have medium statistical significance (**). The model shows that companies from these sectors of the economy have statistically lower fines than companies from other industries (220 070 000 and 220 140 000 euros, respectively).

Finally, the last group of significant coefficients contains the “Financial services,” “Abrasive products,” and “Rail transport” industries. According to the model output, companies working in the financial sector have statistically higher fines, while companies working in two other categories have, on the contrary, lower fines than average.

Also, it is noteworthy that the “Past interactions” variable is totally insignificant, meaning that the Commission treats all companies equally in the dimension of the past misdemeanours present.

After taking the results of the model into thorough consideration, I decided to run a model with an interaction effect between the “Origin” and “Industry” variables to check whether it is possible to increase the explanatory power of the model.

Cartels model — an interaction effect update

The interaction effects model immediately proved to be more significant in terms of its explanatory power. The p-value of the model is 0.04, which is still below the threshold by more than for the first model. On the other hand, the explanatory power is 31.17 percent, which is the growth of approximately one and a half times [see app. Fig. 2].

Another important change is the emergence of new statistically significant factors. First of all, the model shows that the EU-originated companies (“OriginTrue”) working in the financial sector have statistically lower fines (258 448 000 euros lower) than companies in other sectors of industry, which is even more essential here than the foreign financial companies. Secondly, EU-originating companies in the plastic manufacturing industry also have statistically lower fines than both companies in other industrial sectors and foreign plastic manufacturers.

Moreover, one can observe the change in significance of previously significant factors. Thus, “financial services” became a statistically insignificant factor, while “food and vegetable preserves” increased in significance from a lower level (*) to the highest possible level (**).

Merger model

The merger model, which was a binary regression type, revealed unexpected but important results [see app. Fig. 3]. First of all, the only statistically significant predictor turned out to be the decision date variable. The model shows that the later the decision was made by the Commission, the higher the probability of merger permission without any conditions or commitments.

Another important discovery is the total insignificance of industry type, and it is no less surprising that the origin of the company also has no statistical significance, even though it was the most significant predictor in both previous models. Both of these two factors lead to the conclusion that the Commission is impartial in its merger control section.

Conclusion

This work was my first research attempt in the field of research on European competition policy. A literature review and analysis of the state of the art of the European antitrust law, has revealed that the major enforcer of the competition policy — the EC has faced a growing chorus of criticism from numerous actors both inside and outside the EU. The Commission was accused of being susceptible to domestic political influence, the use of protectionist practices, and deviations from pure economic reasoning in solving competition cases. All this mounting concern has grown in volume since 2010, resulting in a drop in trust in the EC actions among many scholars, lawmakers,

and politicians, as well as a rising demand for rigorous analysis of the Commission actions.

Taking all of the above into account, the research question was asked: what non-economic factors (if any) influence the EC actions in competition policy enforcement?

To find the answer to the posed question, I have created three regression models in total. It is noteworthy that the EC might be biased in favour of European companies in certain sectors of the economy. Thus, certain industries, such as “Food and vegetable preserves” and “Manufacture of paper,” exhibit statistically lower fines, indicating potential inequities and partiality. This data offers extensive material both for practical application and for further analysis in this area. It was also revealed that the EC decisions regarding the merge approval or denial depend highly on the date of the decision, showing a clear evolutionary pattern that requires further investigation.

Ultimately, my hypothesis was confirmed, since there are significant factors influencing the Commission decision regarding the case. Looking ahead, this research lays the foundation for further exploration of the topic and investigation of the issues present there.

To sum up, though this paper presents a significant step in researching the complexities of competition policy enforcement in the EU, this journey is far from the end. By embracing qualitative methods and an interdisciplinary approach, future research endeavours in the field will have the potential to create a comprehensive understanding of this intricate policy framework.

References:

- Auer, D., & Manne, G. A. (2019). Is European Competition Law Protectionist? A Quantitative Analysis of the Commission's Decisions (SSRN Scholarly Paper 3709918). <https://doi.org/10.2139/ssrn.3709918>
- Blockx, J. (2018). The Impact of EU Antitrust Procedure on the Role of the EU Courts (1997–2016). *Journal of European Competition Law & Practice*, 9 (2), 92–103. <https://doi.org/10.1093/jeclap/lpy004>
- Brent, R. (1995). The Binding of Leviathan? — The Changing role of the European Commission in Competition Cases. *International & Comparative Law Quarterly*, 44 (2), 255–279. <https://doi.org/10.1093/iclqaj/44.2.255>
- Corlu, H. (2021). Extraterritorial Application of Eu Competition Law: The New Standardbearer of Legal Imperialism? *Ankara Avrupa Calismalari Dergisi*, 20, 411–446. <https://doi.org/10.32450/aacd.1050057>
- Costa-Cabral, F., Hancher, L., Monti, G., & Ruiz Feases, A. (2020). EU Competition Law and COVID-19 (SSRN Scholarly Paper 3561438). <https://doi.org/10.2139/ssrn.3561438>
- Guay, T., & Damro, C. (2016). European Competition Policy and Globalization. <https://doi.org/10.1057/9781137318671>
- Hawk, B. E. (1995). System Failure: Vertical Restraints and EC competition law. *Common Market Law Review*, 32 (4). <https://kluwerlawonline.com/api/Product/CitationPDFURL?file=Journals\COLA\COLA1995044.pdf>
- Ibáñez Colomo, P., & Kalintiri, A. (2020). The Evolution of EU Antitrust Policy: 1966–2017. *The Modern Law Review*, 83 (2), 321–372. <https://doi.org/10.1111/1468-2230.12503>
- Ikejiaku, B., & Dayao, C. (2021). Competition Law as an Instrument of Protectionist Policy: Comparative Analysis of the EU and the US. *Utrecht Journal of International and European Law*, 36, 75–94. <https://doi.org/10.5334/ujiel.513>
- Karayanidi, M. S. (2011). Does the European Commission Have Too Much Power Enforcing European Competition Law? *German Law Journal*, 12 (7), 1446–1459. <https://doi.org/10.1017/S2071832200017387>
- Marco Colino, S. (2009). Vertical agreements and competition law: A comparative study of the EU and US regimes. *Hart*. <https://cadmus.eui.eu/handle/1814/23985>
- Sauter, W. (2011). Competition policy. In A. M. El-Agraa (Ed.), *The European Union: Economics and Policies* (9th ed., pp. 197–213). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511844041.016>
- Sauter, W. (2016). *Coherence in EU Competition Law*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198749158.001.0001>
- Teleki, C. (2021). Due Process and Fair Trial in EU Competition Law: The Impact of Article 6 of the European Convention on Human Rights. *Brill Nijhoff*. <https://brill.com/display/title/59494>
- Valle Lagares, E. (2010). International Agreements Regarding Cooperation in the Field of Competition: The New Strategy of the European Commission. *Journal of European Competition Law & Practice*, 1 (2), 155–157. <https://doi.org/10.1093/jeclap/lpp013>
- Verouden, V. (2003). Vertical agreements and Article 81 (1) EC: The evolving role of economic analysis. *Antitrust Law Journal — ANTITRUST LAW J*, 71, 525–575.
- Wallace, H., Pollack, M., Roederer-Rynning, C., & Young, A. (n.d.). *Policy-Making in the European Union*. Oxford University Press. Retrieved 10 May 2024, from <https://www.oxfordpoliticstrove.com/display/10.1093/hepl/9780198807605.001.0001/hepl-9780198807605>
- Wesseling, R. (2000). *The modernisation of EC antitrust law Rein Wesseling*. (1st ed.). Hart Pub. <https://doi.org/10.5040/9781472558992>
- Wise, M. (2007). Competition Law and Policy in the European Union. *OECD Journal: Competition Law and Policy*, 9 (1), 7–80. <https://doi.org/10.1787/clp-v9-art2-en>
- Witt, A. (2018). The European Court of Justice and the More Economic Approach to EU Competition Law — Is the Tide Turning? (SSRN Scholarly Paper 3300114). <https://papers.ssrn.com/abstract=3300114>
- Wright, K. (n.d.). The European Commission's Own 'Preliminary Reference Procedure' in Competition Cases? — Wright — 2010 — *European Law Journal* — Wiley Online Library. Retrieved 23 April 2024, from <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1468-0386.2010.00531.x>
- Bauer, M., & Dyuti, P. (n.d.). EU Autonomy, the Brussels Effect, and the Rise of Global Economic Protectionism |. Retrieved 25 April 2024, from <https://ecipe.org/publications/eu-autonomy-brussels-effect-rise-global-economic-protectionism/>
- Carugati, C. (2023, October 9). Competition with politicisation is not competition, it's harmful protectionism. Bruegel | The Brussels-Based Economic Think Tank. <https://www.bruegel.org/first-glance/competition-politicisation-not-competition-its-harmful-protectionism>
- Cases and Precedents — Global Competition Review. (n.d.). [Dataset]. Retrieved 3 May 2024, from <https://globalcompetitionreview.com/tools/cases-and-precedents>
- Competition policy | Fact Sheets on the European Union | European Parliament. (2023, September 30). <https://www.europarl.europa.eu/factsheets/en/sheet/82/competition-policy>
- Competition policy case search. (n.d.). [Dataset]. Retrieved 1 May 2024, from <https://competition-cases.ec.europa.eu/search>
- EUR-Lex — 31996Y0718 (01) — EN. (1996, July 18). OPOCE. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX%3A31996Y0718%2801%29>

“PIOVE SUL BAGNATO”: ITALIAN POLARIZATION DURING CRISES

Introduction

One of the main trends of recent times for European countries is political polarization and a decrease in trust in institutions (Edelman Trust Barometer, 2024). Despite the gradual nature of this process, the level of social division has increased significantly in recent years. The academic discussion is now built around issues related to the causes and manifestations of such strong polarization in different European countries. In this article, we will try to understand the causes of polarization in Italy within the framework of the concept of a polycrisis (Lawrence et al., 2024), which assumes the effect of not one, but several crisis factors on political polarization, during which a completely right-wing government was formed in this country for the first time since 1945.

Literature review

Almost like any other concept in political science, polarization does not have a unified definition on which every scholar could agree upon. Here will be covered some of the major theories of polarization, and later on we will focus on one of them, most suitable for this research. And the increasing usage of this term in media and public discourse to generically describe a context in which opposing and conflicting positions occur does not help to reduce conceptual and methodological confusion (Lelkes, 2016). Some of the definitions of political polarization which are provided by public opinion literature use such factors as fragmentation of social groups, hostility towards each other, increased political tensions and crossing the line of democratic conflict (Iannelli et al., 2021). In some other definitions, the main component of polarization is the rise of extreme positions among people, and shift of distribution of political opinions that radicalizes, clustering towards the extremes (Fiorina & Abrams, 2008). In contrast to that, some researchers suppose that polarization constitutes a threat for democracy at the extent to which individuals align along with multiple domains of political conflict, even when individuals do not take extreme positions (Baldassarri & Gelman, 2008). For these scholars, the final result of these lines of disagreement is a polarized society, in which individuals are organized in opposite factions with alternative and irreconcilable systems of beliefs

and views. In this research we will observe polarizing processes in Italy from the perspectives of the first two frameworks, and we will look at some of the issues that divide Italian society and the ways in which it is used by politicians.

Reasons of polarization

Looking at discussions on causes of political polarization, some researchers identify its macro-social causes in the institutional context of the country or as a consequence of any crises. Others, in turn, focus on the greater agency of political actors. This part will be dedicated to the major predictors of polarization highlighted by researchers.

Returning to the definitions of polarization highlighted in the discussion, it is worth noting that an important factor often highlighted by researchers is ideology, which is both a factor of self-determination for voters and a factor shaping the political system (Mason, 2014). Thus, polarization formed that way is more typical for the first half of the 20th century, characterized by cleavage based on antagonism (Mouffe, 1993), which will not be useful for our analysis. The antagonistic interpretation of polarization leads to another highlighted type of polarization — affective. Based on the emotional confrontation of people who consider themselves belonging to different political camps, this type of polarization is based rather on a personal perception of the friend-enemy dichotomy (Iannelli et al., 2021). It is relevant due to the increasing importance of new media and the Internet, forming the “echo-chambers” in which people with similar views concentrate in media consumption bubbles due to algorithms, which results in a loss of communication between people with different views (Sunstein, 2017). In addition to the factors associated with party polarization, an important part of the discussion is an argument appealing to the electoral system of the state (Han, 2015). Also it is worth noting that presence of an issue-oriented polarization based not entirely on specific features of the country’s institutional landscape as on events occurring in general (Russo & Valbruzzi, 2022). This insight intersects with the assumptions of the theory of retrospective voting, which claims that the result of voting largely depends on macroeconomic indicators one or two years before the election (Healy & Lenz, 2013b).

From the above-mentioned factors, it follows that for the study of polarization in the modern world, the most relevant framework will be affective and issue-based polarization (Herold et al. 2023), which is studied within the paradigm of discourse analysis, as well as the theory of retrospective voting, which can be studied within the framework of regression analysis.

Background

So how did the Brothers of Italy (Fdl) become the winners of parliamentary elections of 2022? Previous government was formed in February of 2021 by technocratic Draghi. The main goal of this “government of national unity”, which included all major parties (creating a super-coalition), except for Fdl, was fighting the consequences of COVID-19 (Garzia and Karremans, 2021). This government was unusual in Italian politics, which previously struggled to build a strong coalition (Improta et al., 2022), and there have been four prime-ministers in four years (2018–2022). Although it might have prevented Draghi from strong opposition that could block COVID-19 restoration measures, this government could not be described as a stable one. The presence of non-party-branded issue has led to further divisions and struggle for power inside the parties, and to certain difficulties in maintaining their own political identity, which was previously based on left-right divisions (Russo & Valbruzzi, 2022).

Another evidence of the presence of deep divisions in Italian society is a graphic of V-Dem (Figure 3), in which we have compared the level of political polarization of Italy and Europe (averaged) over the course of 1946–2022. There we can see that Italy’s level of polarization is significantly higher than European one. Therefore, we can conclude that Italian society is in fact politically polarized, and in the next part of our work we will look at the main reasons behind this situation.

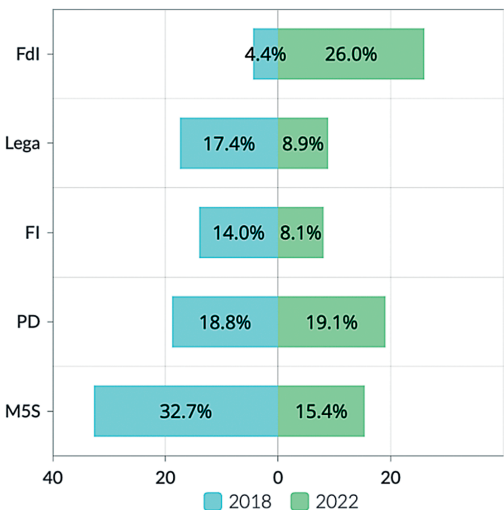

Figure 2. Comparison of vote shares of major political parties at Italian parliamentary elections of 2018 and 2022

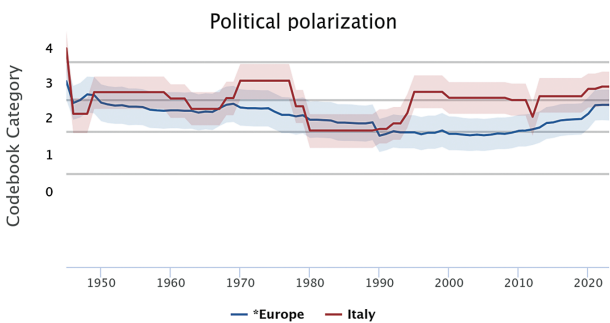

Figure 3. Graphic of Political Polarization in Italy and in Europe (averaged) 1946–2022 (V-Dem, 2024)

Case choice justification

The choice of Italy as a case for our study could be argued by the fact that this country is a unique case, the only polarized democracy in Western Europe in which a right-wing coalition, including populists, came to power during polarization processes. In other countries, like Finland, there is a broad government coalition that has support from centrist parties. Moreover, Italy is a state which confronted all major European crises of past years — migration, COVID-19, financial hardships, and Italy has severely suffered from them (Russo & Valbruzzi, 2022). This makes our case choice even more solid, as the results from this work could be used in further research on political polarization in Europe. In our further analysis, we will focus on two major political forces, contributing to polarization: Fdl and PD (Democratic Party). As we have discussed earlier, Fdl — the party positioned as a far-right party, became more popular, unlike center-right FI, which lost big shares of support. And we can observe the similar process on the other side — radicalization of left-leaning electorate and transformation of PD (Minaldi, 2023). The most illustrative indicator of this shift could be noticed in the strengthening of the progressive faction inside PD’s leadership. The leader of this movement is Elena Schlein — pro-feminist, openly bisexual, and a high-ranking politician, former Vice-President of Emilia-Romagna. Her policies are much more liberal and progressive than usual stances of center-left politicians in Italy, including traditional green propositions, left economic measures, hard pro-choice and pro-migrant stance. (Ciarniello et al., 2024).

Thus, we can see a major shift of positions of PD, which shows us an increased polarization, as the above-mentioned issues become dividing lines among Italian people (SISP, 2023). Therefore, we can see a traditional deepening of left-right divide, with the decreasing role of centristic parties.

Quantitative part of analysis

First of all, we will try to identify the relationship between the indicators and popularity of Italian parties and indicators related to the polycrisis of 2021–2022. For the energy crisis, these indicators

will be electricity prices, as consumers face this manifestation of the crisis. We also selected the inflation indicator, since in 2021–2022 inflation rates for the eurozone became record for the first time in several decades (Pallotti et al., 2024). In addition, the number of migrants arriving by sea was taken for analysis, since after the Covid pandemic, in which the number of migrants decreased (Mediterranean Situation, 2024), migration can become a sensitive topic of political discourse again. The popularity of political parties is based on the average values of the results of public opinion polls conducted by different polsters. The dataset includes observations from January 2021 to September 2022, broken down by month.

The method of this part of the study will be regression analysis, which will help determine whether there is a relationship between changes in selected indicators and the popularity of left and right parties. For regression analysis, the two largest parties on the right and left flanks of the Italian party system, namely FdI and the PD, will be taken. Regression analysis is used in studies of electoral behavior to identify causal relationships (Healy & Lenz, 2013) and in our case it will serve as a primary analysis that will show how relevant the theory of retrospective voting is for analyzing the growth of polarization in the Italian political system, as well as to determine which crisis points the parties appealed to during the election campaign. We put forward the following hypotheses for this part of the study:

H1 The rise in electricity prices is positively associated with the growing popularity of FdI and the PD.

We assume that rising electricity prices will lead to polarization (Improta et al., 2022), because both PD and FdI will propose solutions dictated by their ideological stance, which, in the conditions of the suppression of the technocratic Draghi cabinet, will lead to an increase in the popularity of the parties.

H2 The rise of inflation is positively related to the percentage of popularity of FdI and PD.

We assume that an increase of inflation, similar to an increase of electricity prices, will lead to an increase in polar sentiments in society.

H3 The rise of the number of migrants arriving by sea is positively related to the popularity of FdI.

We assume that the increase in the number of migrants arriving by sea will lead to an increase in the popularity of right-wing populism, which may be caused by a sharp increase in migration after its reduction during the covid pandemic.

Results

As a result of regression analysis we can see that the first hypothesis is not fully correct and electricity prices are a predictor of growth of popularity only for PD. That could be explained by the previous activity of right-wing governments aimed at rapprochement with Russia, including one in the energy sector. As

for the second hypothesis, we can clearly say that inflation is a suitable predictor of growth for both FdI and PD. As for the third hypothesis, it can be revealed that migration is a suitable predictor for FdI popularity. Both models are statistically significant having p-values for F statistic less than 0.05. As for the explanatory power of the models it can be said that R² for both models is quite high and approximately explain 90% of variation in change of party popularity.

Table 1

Regression results		
	Dependent variable:	
	Popularity of FdI	Popularity of Democratic party
Electricity price	0.0005 (0.003)	0.005** (0.002)
Inflation Rate	0.529*** (0.137)	0.210** (0.081)
Immigration (arrivals by sea)	0.0002*** (0.0001)	-0.0001 (0.00003)
Constant	16.802*** (0.329)	18.801*** (0.196)
Observations	21	21
R ²	0.904	0.894
Adjusted R ²	0.887	0.875
F Statistic (df = 3; 17)	53.476***	47.836***
Note:	*p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01	

Qualitative part of analysis

As some scholars suggest, there is a tight connection between the issues of immigration and handling the covid crisis, especially if we will focus on the ways of capitalization on them by Meloni and other leaders of the right-wing coalition (Caiani et al., 2021). Hence, during the covid pandemic, Italy has experienced strict lockdowns, closed borders — like other countries of Europe. But since Italy has been in the middle of immigration crisis at the same time, two crises overlapped with each other. One of the episodes like this occurred in July of 2020, with the arrival of migrants that could have been infected with coronavirus to the Italian coast (De Maio, 2020). This was widely discussed on Meloni's Twitter account (@GiorgiaMeloni), with a series of posts between 27 and 30 of July, which could help us detect the main narratives used by right-wing politicians in Italy and the ways this leads to increase of affective polarization. Her views on closed borders were always positive, following a trend of increasing border security which was influenced by the pandemic (Wodak, 2021). Here we can remember the dichotomy 'us' versus 'them' which could be used to discriminate against those who do not belong to the group (Mazzoleni & Bracciale, 2018). Further implementation of this strategy is ostracizing Others, which involves a narrative based on "the dangerous" Others concept that targets a common enemy within groups of the population that are stigmatized and excluded from "the people". In this way, the Others are seen as a dangerous threat for the homogenous "us" group and addressed by those leaders as scapegoats (Wodak, 2015).

Thus, the above-mentioned Twitter thread was dedicated to the situation, when several dozens of immigrants arrived in the Calabria region, and 13 of them were positively tested for COVID-19. Such cases occurred in several regions of Italy, which led to protests of local residents (Repubblica, 2020). Thus, two major topics of right-wing rhetoric are combined — uncontrolled illegal immigration leads to further spreading of the virus, which proves the argument about the incoming threat from migrants. And Georgia Meloni implemented several discursive strategies, while discussing this problem on her Twitter. Firstly, we can notice the “Us vs Them” strategy, which is built by constructing simplistic dichotomies and by positive self- and negative other-presentation (Wodak, 2015), in the beginning of the second sentence — “We cannot afford... fugitives who arrive”. Thus, here the image of disrespectful “Them” and struggling “Us” is constructed. There is also a picture, attached to this tweet (Figure 5), which states: “Mass escapes and burst landings. The migrant bomb explodes”. Here another strategy is used — dramatization and exaggeration of events, which are used to denounce, trivialize and demonize the Others (ibid) — the analogy of bomb is used for these purposes. The strategy of provocation — aggressive campaigning, addressing of manifold audiences as well as setting the agenda in the media (ibid), can be spotted in the usage of hashtag “StopLandings” (#BastaSbarchi).

Hence, in one post we were able to find three discursive strategies, which are used by right-wing populists to provoke fear among the public, and exclusionary attitudes towards “Others” (in our case — migrants). And this example allows us to trace roots of rising affective polarization in Italy, which is built upon feelings, emotions and dichotomic perception of the situation.

Figure 5. Picture, posted by Georgia Meloni on July 27, 2020 (Twitter)

Conclusion

Summing up, it can be noted that the polycrisis faced by European countries since 2021 has had a strong impact on the level of political polarization. As this study shows, the extreme increase in electricity prices, inflation and migration influx affect both the popularity of parties and shape their rhetoric, which resulted in an increase in the polarization of the political system, caused by the presence of several dividing issues, such as migration and handling the COVID-19 crisis. As our analysis has shown, the theory of retrospective voting, which was used to study American electoral processes, is also applicable to European politics, within the framework of the polycrisis.

The methodology of further research can be improved to confirm multiple causality within the framework of polycrisis. Due to the review of discursive strategies, used by the head of FdI, Georgia Meloni, we were able to spot an example of usage of polycrisis as premise of the increase of affective polarization in Italian society.

References:

1. Baldassarri, D., & Gelman, A. (2008). Partisans without Constraint: Political Polarization and Trends in American Public Opinion. *American Journal of Sociology*, 114 (2), 408–446.
2. Bauvir, E. (2024, July 12). POLITICO Poll of Polls — Italian polls, trends and election news for Italy. POLITICO.
3. Caiani, M., & Carvalho, T. (2021). The use of religion by populist parties: the case of Italy and its broader implications. *Religion State & Society*, 49 (3), 211–230.
4. Candito, D. A. (2020, July 13). Amantea, l'esercito controllerà gli immigrati positivi. *La Repubblica*.
5. Ciarniello, N., De Blasio, E., & Selva, D. (2024). Neoliberal feminism and political leadership: The representation of Giorgia Meloni and Elly Schlein in popular culture. *Cultural Sociology*.
6. De Maio, G. (2020, November 30). The impact of COVID-19 on the Italian far right: The rise of Brothers of Italy. *Brookings*.
7. Fiorina, M. P., Abrams, S. A., & Pope, J. C. (2008). Polarization in the American public: misconceptions and misreadings. *The Journal of Politics*, 70 (2), 556–560.
8. Han, S. M. (2015). Income inequality, electoral systems and party polarisation. *European Journal of Political Research*, 54 (3), 582–600.
9. Healy, A., & Lenz, G. S. (2013). Substituting the end for the whole: why voters respond primarily to the Election-Year economy. *American Journal of Political Science*, 58 (1), 31–47.
10. Iannelli, L., Biagi, B., & Meleddu, M. (2021). Public opinion polarization on immigration in Italy: the role of traditional and digital news media practices. *The Communication Review*, 24 (3), 244–274.
11. Il Report sulle Primarie PD 2023 — Candidate and Leader Selection. (2023, February 28).
12. Improta, M., Mannoni, E., Marcellino, C., & Trastulli, F. (2022). Voters, issues, and party loyalty: the 2022 Italian election under the magnifying glass.
13. Lawrence, M., Homer-Dixon, T., Janzwood, S., Rockstöm, J., Renn, O., & Donges, J. F. (2024). Global Polycrisis:

- The causal mechanisms of crisis entanglement. *Global Sustainability*, 1–36.
14. Lelkes, Y. (2016). Mass polarization: manifestations and measurements. *Public Opinion Quarterly*, 80 (S1), 392–410.
 15. Mason, L. (2014). "I disrespectfully agree": The differential effects of partisan sorting on social and issue polarization. *American Journal of Political Science*, 59 (1), 128–145.
 16. Mazzoleni, G., & Bracciale, R. (2018). Socially mediated populism: the communicative strategies of political leaders on Facebook. *Palgrave Communications*, 4 (1).
 17. Minaldi, G. (2024). The left turn of the Italian democratic party (PD): primary elections and policy preferences. *Studia Politica. Romanian Political Science Review*, 23 (2/2023), 243–259.
 18. Mouffe, C. (1993). *The return of the political*.
 19. Pallotti, F., Paz-Pardo, G., Slacalek, J., Tristani, O., & Violante, G. L. (2024). The unequal impact of the 2021–22 inflation surge on euro area households. *European Central Bank*.
 20. Russo, L., & Valbruzzi, M. (2022). The impact of the pandemic on the Italian party system. The Draghi government and the 'new' polarisation. *Contemporary Italian Politics*, 14 (2), 172–190.
 21. Puleo, L., & Piccolino, G. (2022). Back to the Post-Fascist past or landing in the populist radical right? The Brothers of Italy between continuity and change. *South European Society & Politics*, 27 (3), 359–383.
 22. Russo, L., & Valbruzzi, M. (2022). The impact of the pandemic on the Italian party system. The Draghi government and the 'new' polarisation. *Contemporary Italian Politics*, 14 (2), 172–190.
 23. Thiel, S. (2017). Ruth Wodak (2015). *The Politics of Fear. What Right-Wing Populist Discourses Mean*. London: SAGE. DOAJ (DOAJ: Directory of Open Access Journals).
 24. Variable Graph — V-Dem. (2024). V-Dem.
 25. Wodak, R. (2021). *The Politics of fear: the shameless normalization of Far-Right discourse*.

DISCURSIVE PATTERN CHANGES OF THE IRANIAN OPPOSITION DURING THE 'WOMAN LIFE FREEDOM' PROTESTS

Introduction

September 2022 marks the most significant critical juncture in the contemporary history of Iranian politics (BBC News, 2022). Many Iranians responded to the death of Mahsa Jina Amini under the custody of the Islamic Republic (IR) morality police with demands for regime change and overthrow of the IR. (BBC Persian, 2022a) (BBC Persian, 2022b) People from every province took to the streets to voice their dissent for the ruling elite, and the subsequent events amalgamated to the longest ongoing protest movement in the country since the 1979 Islamic Revolution. (BBC Persian, 2022c) Surveys by the GAMAAN Institute manifest this demand in a sequence of empirical studies. (GAMAAN, 2022) The 2022 polls indicate that 80.9% of Iranians oppose the IR, up from 71% in 2019. Participants of the same poll inside Iran showed overwhelmingly optimistic views of the protests, with 67.3% believing it will succeed in toppling the government. (GAMAAN, 2023) Despite the popular demand of the public for a change, more than a year of civil disobedience, and continued local resistance, the opposition groups have failed to create a united front to consolidate the movement.

The central research question this study aims to address is: What are the discursive patterns of opposition fragmentation, and how do they emerge? To tackle this question, the research outlines five key concepts through a literature review, forming the theoretical basis for subsequent empirical investigation. A mixed-methods approach, blending qualitative and quantitative analyses, is proposed to comprehensively dissect the phenomenon.

Literature Review

Discursive institutionalism serves as a overarching framework within political science, recognizing the essential role of discourse in the transmission and exchange of ideas that ultimately shape institutions (Schmidt, 2010). Schmidt describes that discursive institutionalism extends beyond mere communication of ideas, individuals, collectives and history — emphasizing the importance of the discursive milieu that facilitates institutions (Ibid.). The author argues that the cradle and construction of institutions are

inextricably linked to the “foreground discursive abilities” (Ibid.) of thinking and speaking agents. A revolution, in this work, is conceptualized as the process within the *Institution of the Opposition*. We observe how sentient actors, engrossed in oppositionality, leverage discourse to sculpt the definition of oppositionality and the contours of what constitutes the WLF. (Ibid.)

In “Discursive Turns and Critical Junctures” (2020), D. della Porta et al. identifies events such as the Charlie Hebdo attacks as catalysts capable of challenging prevailing interpretations and instigating pivotal changes in public debates across various interconnected issues (della Porta et al., 2020). Such incidents, she posits, precipitate a polarization of viewpoints and also lead to a newfound consensus through public controversies and discursive engagements (Ibid.). This event catalyzed a communicative arena teeming with diverse actors, including journalists, exiled politicians, athletes, human rights societies and a breed of oppositionality produced under the pressure of security forces in social media (Foran, 1994).

With the onset of a critical juncture in political discourse, traditional actors of the institution of opposition face an ultimatum: adapt or perish (Moaddel, 1995). This adaptation, however, unfolds with bifurcating into two divergent paths: The pursuit of consensus through cooperation or the competitive hegemonization of the discursive fram (Ibid.) This dichotomy encapsulates the essence of the discursive behaviour within opposition factions. Such behaviour manifests through what we can conceptualize as *episodic junctures*.

Episodic junctures are, in essence, the consequential events that ripple out from the epicenter of a critical juncture, each carrying the potential to either consolidate the emerging discourse or to further complicate the narrative terrain. Understanding the discursive patterns of the WLF protests necessitates the individual examination of these episodic junctures. These episodes can be characterized as aftershocks and formative events that provide the canvas upon which actors sketch their strategic discursive patterns or lack thereof — which is observed in the opposition’s current state of failure. These episodic junctures represent the points of recalibration, where the dynamics of discourse are reassessed, and new strategies are formulated in response to the unfolding narratives.

During a revolutionary political mobilization, actors adopt the projection of their discursive frames in congruence with the emerging episodes to resonate with a broader audience (Kuypers, 2010). Frames in this term are shaped around selective episodic disruptions — discursive episodes — and play a critical role in the manifestation of collective action. They reveal ideological visions as inherently contested and dynamic, with discourse serving as a direct conduit of meanings within frames, thus signifying the overarching ideology that guides its development. To understand how the discourse of the WLF movement failed, it is imperative to explore the conditions, spaces, and the content of the discourses and their episodic frames.

Methodology

To answer “What” are the discursive patterns, we must deconstruct patterns as recurring discursive themes and frames employed by opposition groups to challenge the status quo, mobilize support, and articulate their vision for maximized support from the public. To answer “How” discursive patterns of fragmentation emerge, we must recognize their absence in the nascent phases of the phenomenon under study. These two queries embody the central research question, which reads: What are the discursive patterns of opposition fragmentation, and how they emerge?

The emergence of discursive patterns is inherently linked to the co-constitution of *discursive acts* and their respective *actors*. Concurrently, alongside the identification of these actors, and assessing their frames at the onset of the movement, we undertake an examination of their discursive output and political expressions over a 72-week period (September 2022 — February 2024) to process the timeseries change of their discursive patterns.

The primary tool adopted for this research is Critical Discourse Analysis (CDA), which encompasses a spectrum of qualitative research methods, including discourse analysis, symbolic analysis, semiotics, and ethnography. Discursive Pattern Analysis (DPA) is then employed to identify the key discursive episodes through the temporal evolution of discursive patterns. In this research, DPA is conducted within a defined timeframe, specifically from September 8th to January 15th, which is subdivided into 72 weeks. DPA encompasses five primary methods: Thematic Analysis, Discursive Tokenization, Discursive Frequency Analysis, Time-Series Analysis, and Comparative Analysis.

84 Telegram channels were selected based on a detailed selection method outlined in the subsequent section. Subsequently, all textual posts and discursive outputs from these channels spanning from September 8th to January 15th were scraped using publicly available OSINT tools and Telegram API. Then, the scraped content underwent Tokenization, which involved categorizing specific phrases into semantic codes, which were subsequently processed in the next stage as thematic components. Thematic coding analysis was then employed to systematically categorize the discursive

content into distinct themes. In total, 43 distinct themes were created through this manual coding process. These themes were then organized into three overarching discursive patterns observed within the dataset.

Lastly, we employ the Temporal Token Frequency Analysis in this study to combine elements of Time-series analysis and Keyword Frequency analysis. Token frequency analysis was conducted for each dataset, enabling the determination of the distribution of tokens within the three overarching thematic structures identified in the study. Each discursive pattern was analyzed as a separate time series to understand its temporal behavior over the 72 weeks. This decomposition provided insights into the underlying patterns and cyclic behavior of each discourse type. Change point detection was also employed to identify significant shifts in the discursive patterns over time.

As the DPA helps us with identifying the date of the key discursive episode whence the shift happens, we employ Episodic Discursive Analysis (EDA) to adequately examine these events — or ‘phenomena’ — with extensive contextual detail. EDA recognizes discursive acts and actors as mutually constitutive forces behind discursive episodes.

Findings

Protest slogans, manifesting as chants and graffiti, are vital in conveying the ideology of the WLF movement. They encapsulate participants’ grievances and aspirations, evolving dynamically within the context of the movement. These slogans form “streams,” reflecting the movement’s shifting sentiments and facilitating political groups’ efforts to align with public discourse.

Following Mahsa Amini’s death, a revolutionary stream emerged, characterized by strong anti-establishment sentiments and personal attacks against the regime. The slogans often included humor and vivid imagery to express public anger. As state repression intensified, slogans shifted to foster solidarity and collective action among protesters. The pivotal slogan “Woman, Life, Freedom” gained traction, symbolizing unity and opposing decades of gender oppression while accommodating nationalistic sentiments, emphasizing a collective identity.

Parallel to the WLF movement, a political stream involving the Iranian diaspora emerged, marked by diverse opposition groups competing for alignment with the protest narrative. An incident at a gathering in Paris highlighted tensions between monarchist and leftist factions, illustrating the discord within the opposition. Despite the political stream abroad, the revolutionary fervor persisted within Iran, with media manipulation of slogans to serve particular agendas, particularly among monarchist outlets. The rise of an internecine stream indicated internal conflict within the opposition, which emerged has hostile overlap of discursive frames by opposition groups with a history of distrust and hostility — namely the confederalists, monarchists and republicans.

The slogan “Woman, Life, Freedom” unified diverse protest movements and introduced concepts like Jineology, or Kurdish feminism, to mainstream discourse. However, while initially centered on women’s rights, the movement expanded into a national dialogue on civil rights, exposing issues such as honor killings and domestic violence under Iran’s gender apartheid system. Different interpretations of liberty emerged among opposition groups, with monarchists focusing on national liberation from the IR and confederalists advocating for self-determination and autonomy. The discourse was complicated by differing perspectives on national identity, with republican advocates rejecting the idea of a multinational society. The variance of interpreting the ethos of the movement can better be understood in an anatomy of the opposition and their spaces of discourse.

There are two primary spaces for discursive exchange between Iranian oppositional blocs: street demonstrations and the digital sphere. While platforms like Telegram are available through commonly used VPNs, access to X, ClubHouse, Reddit and similar “public square” applications require more expensive circumvention tools. Yet, the constriction of these digital spaces has not entirely impeded the flow of discourse. Activities within these restricted areas often find their way onto more accessible platforms through screenshots shared on WhatsApp and Telegram, thereby creating secondary spaces for discursive exchange. Vice versa, screenshots from these platforms would also find their way back into the public square applications to generate more reactions and enable a sense of discursive exchange.

The examination of the Telegram channels belonging to the three key political blocs revealed three recurrent discursive patterns: Universal solidarity (Solidarity), as a reflection for frame expansion, alignment, and openness to consensus building. In-group consolidation (Ingroup), is another reflection of competitive frame expansion when groups embolden the ideological and identity lines between their support base and nonpartisan groups. Out-group hostility (Outgroup) as a mechanism of competitive frame expansion and aggressive hegemonization of the discursive frame — an antithesis to deliberative consensus building.

Pearson’s correlation coefficient was used to analyze the linear relationships between three key discursive patterns quantified as percentage representations over 72 weeks. The correlation between Solidarity and In-group discourse yielded a coefficient of -0.796 , indicating a strong negative relationship. This suggests that increases in solidarity discourse coincide with decreases in in-group discourse, reflecting a shift towards more inclusive themes due to external events or internal compromises. Conversely, in-group consolidation negatively impacts solidarity discourse as part of consensus-building. The correlation between Solidarity and Out-group discourse showed a coefficient of -0.569 , indicating a moderate negative relationship. This implies that as solidarity increases, out-group hostility tends to decrease, suggesting that fragmentation arises not from out-group hostility but from in-group consolidation.

Lastly, the relationship between In-group and Out-group discourse produced a near-zero coefficient of -0.044 , indicating negligible correlation.

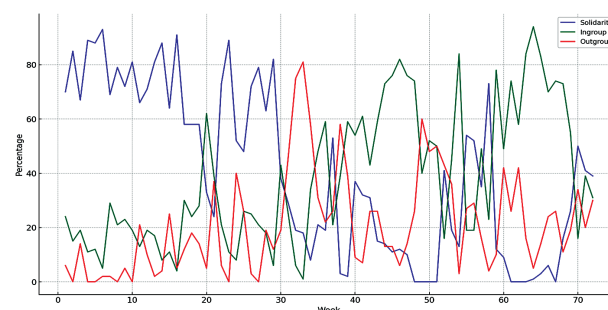

Figure 1. Overlap of Discursive Patterns Over Time

Time series analysis decomposes time series for each of the discursive patterns to understand underlying trends. Although the theory posited a linear shift in the discursive patterns, the obtained results demonstrate fluctuations and discursive complexities that necessitate an episodic assessment of discursive shift.

Solidarity discourse showed a general decline over the period, with the seasonal component indicating periodic fluctuations. The data confirms the observation of a decline in solidarity discourse. Ingroup discourse is posited with increasing trend, with the seasonal component reflecting less pronounced periodic fluctuations than Solidarity and more consistency throughout the 72 weeks. Lastly, The Outgroup hostility discourse shows more variability compared to Solidarity and Ingroup, with more peaks and troughs. The declining trend in Solidarity discourse and inclination in Ingroup discourse complements the theory on discursive shift being mechanized through frame expansion and frame consolidation strategies. However, the seasonal fluctuations indicate cyclical factors affecting solidarity, further necessitating an assessment of the the episodes behind the discursive shifts.

The increasing trend in Ingroup discourse also complements a strong emphasis on frame consolidation and competitive expansion — over consensus building. This is indicative of a strengthening of identity politics and in-group solidarity in response to external challenges.

The irregularities with hostile out-group discourse could signify changing attitudes towards outgroups during discursive episodes as external circumstances that require strategic recalibrations. Given the universality of this assumption and lack of correlation between In-group consolidation and outgroup hostility, the role of far-axial groups — as posited in the second theory — can be minimized or nullified.

Using OLS regression, a significant negative coefficient for solidarity discourse indicates its decline, while ingroup consolidation shows a positive coefficient, marking its increase over time. Outgroup hostility also displays a slight upward trend but is likely affected by unmeasured variables.

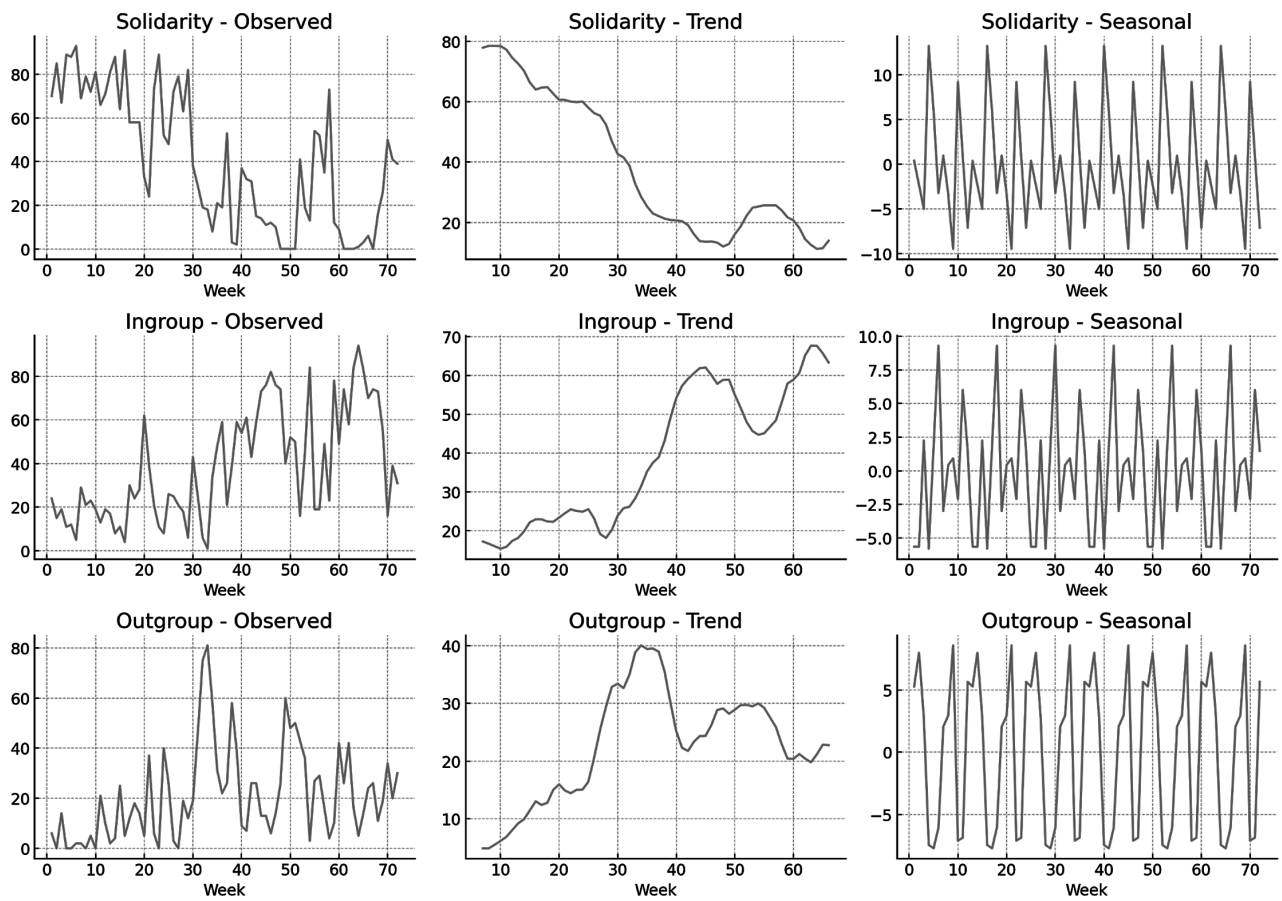

Figure 2. Time Series Analysis of the Discursive Patterns

Table 1
Coefficients Table for OLS Regression

	R-Squared	Coefficient for time	P-Value
Solidarity	0.522	1.0589	<0.0001
Ingroup	0.497	0.8256	<0.0001
Outgroup	0.109	0.2928	0.005

According to the Change Point Detection, which was utilized through rolling mean in Augmented Dickey-Fuller (ADF) Test, we further identified several weeks where substantial changes in the discourse were observed:

Change Point Detection identified significant weeks (around weeks 31–34, 61, and 63) where discourse patterns changed significantly for each discursive pattern.

The death of Mahsa Jina Amini on September 16, 2022, ignited widespread protests in Iran. Social media platforms became crucial for sharing news of casualties, kidnappings, and arrests, fostering a collaborative discourse among Iranians. The critical incident on September 30, known as Bloody Friday, saw the IR's violent suppression of protests in Zahedan, further escalating tensions. This series of events catalyzed solidarity discourse within the movement, with Esmailiun emerging as a key figure amid growing public support — given on September 23, he had organized an international protest in Toronto

with 50,000 participants and the most prominent internationalization of the Woman Life Freedom movement.

In the evolving episodes, leadership was contested primarily among the feminist journalist, Alinejad, Esmailiun, and the monarchist representative, Pahlavi. While Pahlavi's supporters drew on his dynastic legacy, Alinejad and Esmailiun appealed to those disillusioned with royalist narratives. Both sides rejected the notion of a single leader, advocating for council-based governance. However, public discourse fixated on individual personalities, deepening factional divides. Accusations of authoritarianism against Pahlavi's supporters intensified hostilities, revealing the first emergences of In-Group discursive patterns.

The Mahsa Charter — which was meant to unify the three blocs of the opposition — was officially released on March 10, 2023, after weeks of delay. Its minimalist design, devoid of traditional nationalist symbols, represented a shift towards inclusivity and exclusion of traditionalist discursive components. This design was a deliberative divorce from the existing currents that were most strongly supported by monarchists and nationalist republicans. The charter's content drew parallels with other international human rights agreements but faced criticism from various factions, particularly over perceived feminist and leftist undertones.

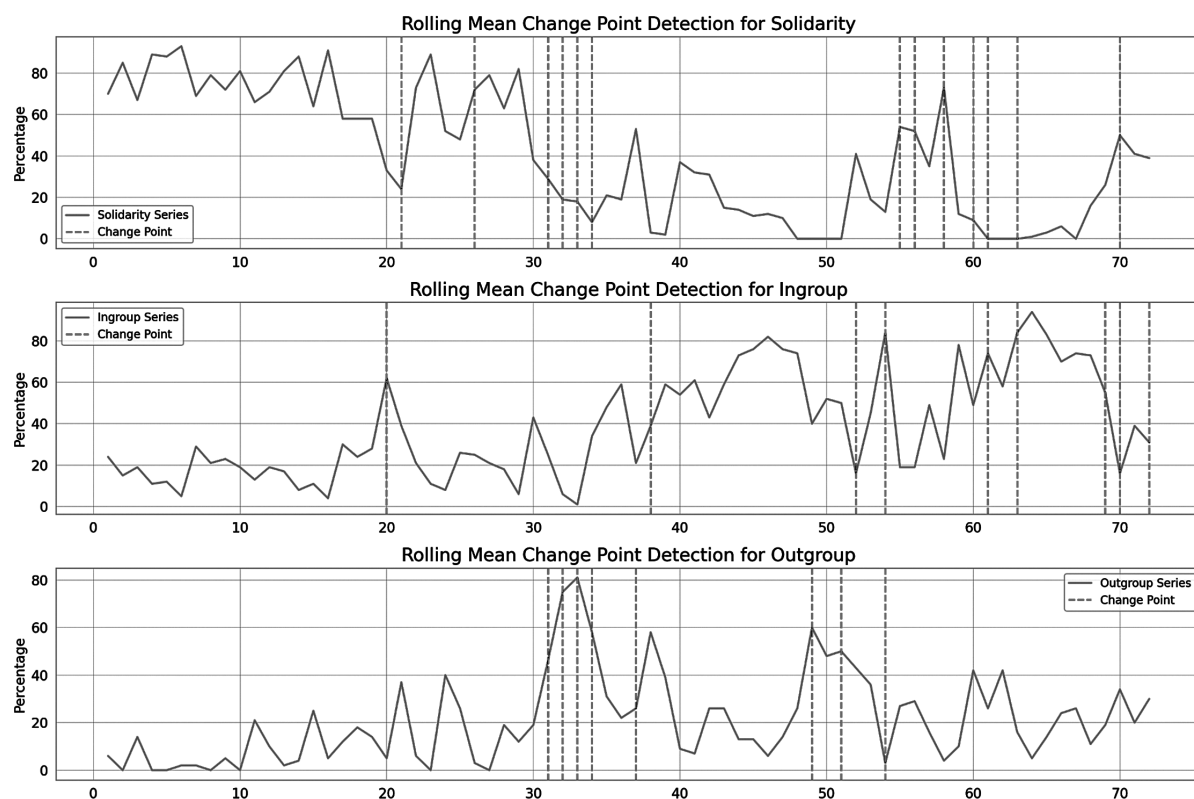

Figure 3. Change Point Detection

Under what the signatories of the charter called “external pressure from monarchists”, key members abandoned of the Mahsa Charter. The term “Iranian Intermezzo” aptly described the fleeting unity and subsequent fragmentation among opposition signatories. Alinejad revealed the Coalition Council’s formation aimed at enhancing diplomatic pressure on the IR. However, escalating pressures led to significant internal strife. This period coalaced with the height of In-Group consolidation and Out-Group hostility, with Monarchists — on the far right — and Confederallists — on the far left — being the primary groups who celebrated the fracturing of the council.

The WLF movement remains manifest in Iran through civil disobedience and widespread discontent, highlighted by the February parliamentary election boycott. Despite Pahlavi’s openness to collaboration, his controversial past and the presence of extremist narratives among his supporters have complicated potential alliances.

The ongoing dialogue around coalition-building reflects the complexities of aligning diverse interests and ideologies in the pursuit of a common goal. Ultimately, the failure to achieve deliberative consensus — over pluralist agonism — strengthens the IR’s resilience against its opposition.

Conclusion

Efforts to control the opposition narrative through specific frames and to project politically charged agendas as expressions of universal solidarity were

indeed observed. However, the long-term outcomes and the episodic evolution of these strategies lack a coherent strategic rationale. The discursive shifts leading to fragmentation are more accurately explained by the competitive frame expansion among supporters of Pahlavi and the counter-expansions by his critics, led by figures such as Alinejad and Esmailiun.

Notably, the solidarity discourse appears inherently tied to Iran’s domestic context, whereas the diaspora’s opposition narrative is characterized by in-group consolidation and out-group hostility, largely detached from the immediate political landscape in the country. The emergence of solidarity discourse is closely linked to critical junctures that resonate deeply with the public, gaining momentum when opposition groups announce collaborative efforts. However, the actual impact of these groups’ discursive projections on the movement remains limited during active protest phases in Iran. The competitive frame expansion and internal disputes among legacy opposition factions tend to exert a negligible effect on the ground, unless they align with a dominant, hegemonic frame.

The collapse of the Coalition Council serves as a case study demonstrating how significant attention and perceived importance can exacerbate the fragmentation of the opposition. This suggests that hegemonic frames, rather than those built on consensus, are more unstable and prone to collapse under their own weight, akin to an overinflated bubble.

Moreover, the rise of celebrity politics and a focus on person-centric movements rather than systemic ones places disproportionate influence in the hands of

a few individuals, potentially destabilizing the broader opposition effort. The declining relevance of the legacy opposition's frames, coupled with its inability to achieve significant outcomes or foster consensus, inadvertently supports the status quo of the IR.

References:

1. ACLED. (2023, April 12). *Anti-government demonstrations in Iran: A long-term challenge for the Islamic Republic*. <https://acleddata.com/2023/04/12/anti-government-demonstrations-in-iran-a-long-term-challenge-for-the-islamic-republic/>
2. ADFI. (n.d.-a). *Alliance for democracy and freedom in Iran*. Retrieved May 15, 2024, from <https://adfiran.com/en/>
3. ADFI. (2023, March 9). *The Mahsa charter: Charter of solidarity and alliance for freedom*. <https://adfiran.com/en/docs/mahsa-charter/>
4. BBC. (2023, March 13). At least 22,000 detainees' participation in protests confirmed; most of the released were not in prison. <https://www.bbc.com/persian/iran-64939314>
5. BBC News. (2019, December 14). Government should explain about recent protesters' casualties. <https://www.bbc.com/persian/science-50782298>
6. BBC News. (2018, February 5). Iranian women protest against compulsory hijab. *BBC News*. <https://www.bbc.com/news/av/world-middle-east-42954970>
7. BBC News. (2022, October 23). Iran protests: Huge rally in Berlin in support. *BBC News*. <https://www.bbc.com/news/world-europe-63361813>
8. BBC Persian. (2022, September 15). A history of journalism in Iran. <https://www.bbc.com/persian/articles/c13jgpgznx5o>
9. BBC Persian. (2022, September 15). Mahsa Amini in coma; police say she 'suddenly suffered heart complications'. <https://www.bbc.com/persian/articles/c13jgpgznx5o>
10. BBC Persian. (2022, October 14). The connection, similarities, and differences of protests in 1401 with 88, 96, and 98. <https://www.bbc.com/persian/articles/cw4ngndq3dwo>
11. Benford, R. D., & Snow, D. A. (2000). Framing processes and social movements: An overview and assessment. *Annual Review of Sociology*, 26, 611–639. <http://www.jstor.org/stable/223459>
12. Constitutional Party of Iran. (2023, February 23). Cooperation pact. <https://iranpci.net/3160/%D9%BE%DB%8C%D9%85%D8%A7%D9%86-%D9%87%D9%85%DA%A9%D8%A7%D8%B1%DB%8C/>
13. della Porta, D., et al. (2020). Discursive turns and critical junctures: An introduction. In *Discursive turns and critical junctures: Debating citizenship after the Charlie Hebdo attacks* (pp. 1–10). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190097431.003.0001>
14. GAMAAN. (2021, June 18). Iran's 2021 elections: Final survey report. <https://gamaan.org/>
15. GAMAAN. (2023). Iran's media survey: 2023. <https://gamaan.org/>
16. GAMAAN. (2022). Iran's political systems survey: 2022. <https://gamaan.org/>
17. GAMAAN. (2021). Survey of the 2021 presidential election in Iran. <https://gamaan.org/>
18. Mirzaei, K. (2023, February 2). The government in crisis: Is Iran's regime in danger? *Al-Monitor*. <https://www.al-monitor.com/originals/2023/02/government-crisis-irans-regime-danger>
19. Mohammadi, K. (2023, May 14). Iranian protests: What you need to know. *The Independent*. <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/iran-protests-explained-2023-b2376124.html>
20. Moghadam, V. M. (2022). Women, life, freedom: The women's movement in Iran. *Socialism and Democracy*, 36 (2), 1–13. <https://doi.org/10.1080/08854300.2022.2121020>
21. Nasr, V. (2023, February 12). Iran: The long road to democracy. *The Atlantic*. <https://www.theatlantic.com/international/archive/2023/02/iran-democracy-revolution-2023/672675/>
22. Nassiri, M. (2023, February 25). An analysis of the protests in Iran: The role of social media. *The Observer*. <https://www.observer.com/2023/02/an-analysis-of-the-protests-in-iran-the-role-of-social-media/>
23. Rudolph, F. (2022, November 20). The Mahsa Amini protests: A revolutionary moment in Iran. *Foreign Affairs*. <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2022-11-20/mahsa-amini-protests>
24. Rudolph, F. (2023, March 12). After Mahsa Amini: Iran's ongoing protests. *Harvard International Review*. <https://hir.harvard.edu/after-mahsa-amini-irans-ongoing-protests/>
25. Kuypers, J. A. (2010). Framing analysis from a rhetorical perspective. In P. D'Angelo & J. A. Kuypers (Eds.), *Doing news framing analysis* (pp. 286–311). New York: Routledge.
26. Maleki, A. (2024, February). *Iranians' attitudes toward the 2024 legislative elections*. GAMAAN. Retrieved from <https://gamaan.org/>
27. Maleki, A., & Tamimi Arab, P. (2023, February 4). *Iranians' attitudes toward the 2022 nationwide protests*. GAMAAN. Retrieved from <https://gamaan.org/wp-content/uploads/2023/09/GAMAAN-Protests-Survey-English-Report-Final.pdf>
28. Manoto TV. (2023, January 16). *Special newsroom interview with Prince Reza Pahlavi* [YouTube video]. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=Te59UAOnzE>
29. Milburn, F. (2017). Iranian Kurdish militias: Terrorist-insurgents, ethno freedom fighters, or knights on the regional chessboard? *CTC Sentinel*, 10 (5), 1–9. Retrieved from <https://ctc westpoint.edu/iranian-kurdish-militias-terrorist-insurgents-ethno-freedom-fighters-or-knights-on-the-regional-chessboard/>
30. Moaddel, M. (1995). Ideology as episodic discourse: The case of the Iranian revolution. In S. M. Lyman (Ed.), *Social movements* (pp. 306–328). Main trends of the modern world. London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-1-349-23747-0_11
31. Radio Farda. (2023, September 19). *24 hours in Saqqez: The burial of Mahsa Amini*. Retrieved from <https://www.radiofarda.com/a/32595712.html>
32. Razavi, S. (2023). Discord in the diaspora: Agonism in the woman, life, freedom movement for democracy. *International Journal of Middle East Studies*, 55 (4), 754–758. <https://doi.org/10.1017/S0020743823001435>
33. Rezaei, F. (2021). Iran's revolutionary guard and the rising cult of Mahdism: Missiles and militias for the apocalypse. *Iran Chamber Society*. Retrieved from <https://www.iranchamber.com/>
34. Sadjadpour, K. (2024, May 14). Why did the 'Georgetown' meeting and the coalition of opponents of the Islamic Republic collapse? Interview by M. Vaezi-Nejad. *Aasoo*. Retrieved from <https://www.aasoo.org/fa/articles/4773>
35. Schmidt, V. A. (2010). Taking ideas and discourse seriously: Explaining change through discursive institutionalism as the fourth 'new institutionalism'. *European Political Science Review*, 2 (1), 1–25. <https://doi.org/10.1017/S175577390999021X>
36. Seven Aban Front. (2023, March 11). *Analytical statement of the Seventh of Aban Front on the charter of solidarity*.
37. Seven Aban Front. (2022, October 29). *Fundamental statement of solidarity for the freedom of Iran*.

POLITICAL DETERMINANTS OF MONETARY POLICY DURING ECONOMIC TRANSITIONS: A STUDY OF EXCHANGE RATE REGIME PREFERENCES IN POST-SOVIET STATES

Introduction

The dissolution of the Soviet Union in 1991 led to independent states in the post-Soviet region, each facing substantial economic and political transitions. The shift from a centrally planned to a market-oriented economy required effective monetary policy frameworks tailored to their unique circumstances (Savchenko, 2002). Unlike established economies, post-Soviet states had to build monetary systems from scratch, contending with challenges shaped by historical legacies and institutional capacities (Elliot & Dowlah, 1993; Wagener & Van Selm, 1993).

Policy reforms produced varied outcomes, with some states achieving rapid growth while others struggled (Berkowitz & DeJong, 2003). Crises in the former Soviet Union (FSU) revealed domestic vulnerabilities in monetary policy, such as weak institutions and corruption (Dabrowski, 2016; Baranov & Somova, 2015). Establishing monetary institutions and fostering private sector independence were key to rethinking economic paradigms (Elliott & Dowlah, 1993; Sandoyan & Davoyan, 2012).

The introduction of national currencies brought significant challenges, including technical complexities and a lack of local expertise (Savchenko, 2002). Diverging regulations among monetary authorities created arbitrage opportunities, exacerbating inflation and uncertainty in transitional markets (Lewarne, 1993). This research explores the political factors influencing monetary policy preferences in post-Soviet states, aiming to shed light on shifts in exchange rate regime preferences and contribute to discussions on economic development and institutional reform in the region.

Literature Review

This literature review examines the relationship between political dynamics, central banking policies, exchange rate regimes, and economic transitions in post-Soviet states. It highlights the importance of central bank independence, transparency, and accountability for effective monetary governance. A key focus is the challenge central banks face in balancing political pressures with macroeconomic stability during transitions. It also explores exchange

rate dynamics, emphasizing the need to select appropriate regimes and manage currency speculation.

Macroeconomic policymaking is shaped by both economic theory and political factors. Public Choice Theory suggests governments may manipulate policies for electoral gain, while Rational Choice Theory emphasizes that policymakers act strategically for political survival (Alesina, 1988). Short-term political goals often conflict with long-term economic stability, especially in election cycles (Borooah, 1988; Taylor, 2001).

Institutional factors significantly affect policy outcomes, with central bank independence enhancing monetary policy effectiveness (Iversen & Soskice, 2006). Independent central banks tend to maintain lower inflation and achieve more stable economic outcomes (Fischer, 1995). However, historical legacies and political influences complicate monetary policymaking in post-Soviet states, underscoring the importance of financial market development and policy coordination for sustainable outcomes.

Central bank autonomy is crucial for maintaining macroeconomic stability, particularly in the face of exchange rate pressures and speculative attacks (Teimouri & Zietz, 2017; Bordo & Siklos, 2015). The tension between transparency, accountability, and credibility is critical for managing expectations and stabilizing markets (Mishkin, 2004; Goy et al., 2022). Transparent communication is essential, but excessive transparency may hinder long-term goals (Schaling & Nolan, 1998).

Exchange rate dynamics create a trade-off between stability and flexibility. Fixed regimes offer stability but may lead to overvaluation, while floating regimes provide flexibility but expose economies to volatility and speculative attacks (Tornell & Velasco, 2000; Brodsky, 1984). Managing speculative attacks is a significant challenge, especially in transition economies (Masson, 2001).

The review highlights that exchange rate misalignments can impact fiscal sustainability and competitiveness, but flexible policies can mitigate these risks (Corsetti et al., 2011). Central bank interventions have mixed results, sometimes reducing volatility but potentially exacerbating it under certain conditions (Dominguez, 1998). Since the 2008 financial crisis, asymmetric intervention strategies

have become more common, particularly in response to currency appreciation (Akdogan, 2012).

In conclusion, the interaction of political, economic, and institutional factors plays a crucial role in shaping central banking policies and exchange rate regimes in post-Soviet states. Future research should continue exploring the influence of political pressures, institutional frameworks, and international dynamics on monetary policy outcomes.

Conceptual Framework

The transition from centrally planned to market-oriented economies presents significant challenges for post-Soviet states, especially in monetary policy and exchange rate regimes. Political factors often shape policymakers' decisions beyond economic fundamentals. This paper explores the relationship between political determinants and exchange rate regime preferences in post-Soviet states, building on existing literature to form a comprehensive framework.

Institutional strength plays a key role in exchange rate regimes. According to the Institutional and Historical Characteristics Hypothesis, a country's institutional background affects exchange rate decisions (Papaioannou, 2003). Weaker institutions may favor fixed rates to stabilize inflation expectations, though fiscal pressures can undermine such regimes (Levy Yeyati et al., 2010; Maraoui et al., 2022). In contrast, stronger governments are more likely to sustain fixed regimes (Markiewicz, 2006). Political systems also influence these preferences: democracies with proportional representation often choose floating rates for flexibility (Leblang, 1999), while authoritarian regimes tend to favor fixed rates for control (Steinberg & Malhotra, 2014). Strategic electoral behavior in democracies may lead to delays in necessary devaluations to avoid political consequences (Frieden et al., 1998). Factors like instability and inflationary pressures also shape regime choices (Edwards, 1999; Poirson, 2001). In the post-Soviet context, left-leaning governments tend to prefer fixed rates during economic liberalization (Bodea, 2010).

Political stability is another key determinant, with unstable countries more likely to adopt floating regimes (Rodriguez, 2016; Poirson, 2001), while stable governments favor fixed regimes (Markiewicz, 2006). Government ideology also matters, as left-leaning administrations tend to support floating rates to maintain monetary control (Berdiev et al., 2012; Chang & Lee, 2017). Election cycles can further influence exchange rate decisions, with governments sometimes relaxing controls to stimulate growth (Berdiev et al., 2012).

Two hypotheses emerge: fixed regimes are associated with higher political stability, stronger (non-left) ideologies, lower democracy levels, and less central bank independence; floating regimes are

linked to lower stability, left-leaning governments, higher democracy levels, and greater central bank independence.

Research Design

This research employs Qualitative Comparative Analysis (QCA) to investigate political determinants influencing exchange rate regime preferences in post-Soviet states. QCA effectively analyzes the complex interplay of factors shaping monetary policy preferences amid economic transitions. To deepen this analysis, Fuzzy-Set Qualitative Comparative Analysis (fsQCA) is used, allowing for the exploration of complex causal configurations and accommodating small-N comparative studies (Mello, 2014). The structured research design begins by identifying relevant post-Soviet states that have undergone economic transitions, focusing on political and institutional factors such as political stability, government ideology, democracy level, and central bank independence.

Data are collected from academic sources and expert interviews and converted into fuzzy-set scores. The analysis aims to identify combinations of factors that lead to specific exchange rate preferences. The exchange rate regime is classified using the *de facto* system developed by Ilzetzi et al. (2022), which emphasizes actual behavior. Political conditions are evaluated through various measures, including a domestic conflict dataset for political stability, party orientation data for government ideology, the Polity Score for democracy (Gurr & Marshall, 2020), and a comprehensive dataset for Central Bank Independence (Garriga, 2016). The outcome variable is classified using a code by Ilzetzi et al., facilitating a comprehensive fuzzy calibration scheme. Overall, this robust research design offers insights into the political determinants of monetary policy in post-Soviet states.

Results

This section presents the QCA results through a truth table and logical minimization to analyze the political determinants of monetary policy in post-Soviet states' economic transitions, particularly regarding exchange rate regime preferences. Truth tables display possible variable combinations, revealing patterns between political factors and policy outcomes. A consistency threshold of 0.8 was applied (Ragin, 2008). Logical minimization then simplifies these combinations into core configurations, highlighting key conditions that influence specific exchange rate regime preferences.

The truth tables reveal complex relationships between political and economic factors and the outcome. Both floating and fixed exchange rate scenarios show distinct patterns, highlighting nuanced interactions among variables.

Table 1

Truth Table of Floating Exchange Rate Regime

Pol.Stab	Ideology	Democracy	CBI	Election	Gov. Strength	OUT	n	incl	PRI	cases
0	0	0	0	0	1	1	1	1.000	1.000	BLR 2002
0	0	0	1	0	1	1	1	1.000	1.000	BLR 2011
0	0	1	0	1	0	1	1	1.000	1.000	MDA 1994
0	1	0	1	1	1	1	1	1.000	1.000	TJK 1999
0	1	1	0	1	0	1	1	1.000	1.000	LTU 1993
1	0	0	0	1	1	1	1	1.000	1.000	KAZ 1995
1	0	1	0	1	1	1	1	1.000	1.000	ARM 1995
1	1	1	1	1	0	1	1	1.000	1.000	MDA 1998
1	1	0	1	1	0	1	1	0.952	0.952	UZB 1999
1	1	0	0	0	0	1	2	0.905	0.889	TKM 1993, UZB 1993
0	0	0	0	1	1	1	2	0.835	0.835	AZB 1995, AZB 1993
1	0	0	1	0	1	1	1	0.823	0.786	KGZ 1999

This table presents the truth table results for the floating exchange rate regime (denoted by 1 on the OUT column)

In floating exchange rate scenarios, electoral dynamics significantly influence outcomes in nine cases, reflecting the impact of election periods. A high degree of Central Bank Independence (CBI) is observed in these instances, emphasizing the central bank's role in shaping outcomes. Low levels of democracy are present in ten cases, indicating adverse effects on the outcome variable.

Political stability and government ideology directly impact floating exchange rates in nine cases, highlighting the importance of stability and ideological orientation. Democracy correlates with election periods and government strength in nine and ten cases, respectively. A low democracy coupled with a weak government or a high democracy with a strong government tends to favor a floating regime. Additionally, inverse relationships between political stability and government strength in nine cases suggest that greater stability may correspond to weaker governance, underscoring the complex interplay between stability and governance effectiveness.

Table 2

Truth Table of Fixed Exchange Rate Regime

Pol.Stab	Ideology	Democracy	CBI	Election	Gov. Strength	OUT	n	incl	PRI	cases
0	0	0	0	0	0	1	1	1.000	1.000	AZE 1996
0	0	1	0	0	0	1	1	1.000	1.000	LVA 1994
0	1	0	0	0	0	1	1	1.000	1.000	UZB 1992
1	1	1	0	0	1	1	1	1.000	1.000	LTA 1994

This table presents the truth table results for the fixed exchange rate regime (denoted by 1 on the OUT column)

The truth table results for fixed exchange rates reveal simpler political combinations and consistent patterns: low central bank independence and no elections are necessary conditions for a fixed exchange rate regime. An inverse relationship exists between political stability and government strength; high stability with weak government or low stability with strong government tends to favor fixed exchange rates.

The inclusion scores consistently exceed 0.8, indicating high reliability, while the Proportional Reduction in Inconsistency (PRI) values highlight the model's explanatory power. The truth tables show varied political contexts affecting exchange rate choices, with a notable contrast between 14 cases of floating exchange rates and only 4 of fixed ones, indicating a preference for flexibility among policymakers.

In floating regimes, political instability, lack of democracy, and weaker government often correlate with currency flexibility, while stable, democratic contexts may support either regime. Fixed exchange rates are typically associated with less stable political conditions, characterized by weaker democratic oversight and government capacity, suggesting their use for stability and control. The lack of central bank independence in fixed regimes indicates a government preference for direct monetary control. Overall, these findings underscore the complex interplay of political factors in exchange rate regime choices, emphasizing a trend toward flexibility and autonomy in monetary policy.

Table 3

Logical Minimization Table for Floating Exchange Rate Regime

	inclS	PRI	covS	covU	Cases
~Pol.Stab»~Ideology»~Democracy»~CBI»Gov.Strength	0.879	0.879	0.111	0.102	BLR 2002; AZB 1995, AZB 1993
~Pol.Stab»Democracy»~CBI»Election»~Gov.Strength	1.000	1.000	0.069	0.069	MDA 1994; LTU 1993
Pol.Stab»~Ideology»~CBI»Election»Gov.Strength	1.000	1.000	0.079	0.079	KAZ 1995; ARM 1995
Pol.Stab»Ideology»CBI»Election»~Gov.Strength	0.978	0.978	0.065	0.065	UZB 1999; MDA 1998
~Ideology»~Democracy»CBI»~Election»Gov.Strength	0.916	0.908	0.077	0.068	BLR 2011; KGZ 1999
~Pol.Stab»Ideology»~Democracy»CBI»Election»Gov.Strength	1.000	1.000	0.026	0.026	TJK 1999
Pol.Stab»Ideology»~Democracy»~CBI»~Election»~Gov.Strength	0.905	0.889	0.091	0.091	TKM 1993, UZB 1993
M1	0.938	0.934	0.509		

The minimization of floating exchange rate regimes reveals key political and economic factors influencing countries' exchange rate decisions. The hypothesis suggests that nations with political stability, robust democratic institutions, independent central banks, and effective governance tend to favor fixed exchange rates. In contrast, countries experiencing political risks, left-leaning governments, or weak governance are more likely to adopt floating rates. The effect of elections on exchange rate regimes varies depending on each country's political and economic context.

Results show high inclusion scores (inclS) and a significant proportional reduction in inconsistency

(PRI), indicating that these factors notably affect exchange rate choices. However, low raw coverage (covS) and unique coverage (covU) imply that these conditions do not fully explain outcome variations, necessitating further research.

The relationship between floating exchange rate systems and low political stability, alongside left-wing ideologies, shows limited support, with Tajikistan in 1999 as a notable exception. This suggests that the hypothesis does not consistently apply across the cases examined, highlighting the need for additional analysis and data collection to better understand the link between exchange rate regimes and socio-political factors.

Table 4

Logical Minimization Table for Fixed Exchange Rate Regime

	inclS	PRI	covS	covU	cases
~Pol.Stab»~Ideology»~CBI»~Election»~Gov.Strength	1.000	1.000	0.071	0.027	AZE 1996; LVA 1994
~Pol.Stab»~Democracy»~CBI»~Election»~Gov.Strength	1.000	1.000	0.081	0.037	AZE 1996; UZB 1992
Pol.Stab»Ideology»Democracy»~CBI»~Election»Gov.Strength	1.000	1.000	0.041	0.041	LTA 1994
M1	1.000	1.000	0.149		

The analysis of logical minimization for fixed exchange rate regimes reveals key insights into the relationship between exchange rate regimes and political factors. A consistent pattern indicates that countries with low central bank independence (CBI) and non-election periods tend to prefer fixed exchange rate regimes, as shown by high Sufficiency Inclusion Scores (inclS) and Proportional Reduction in Inconsistency (PRI), which reflect strong explanatory power. Nonetheless, coverage metrics suggest that other factors also play a role.

The hypothesis linking fixed exchange rate regimes to political stability, non-Left government ideologies, lower democracy levels, and higher government strength finds partial support in certain cases. However, some countries with fixed regimes exhibit higher democracy levels or left-leaning ideologies, indicating a need for further investigation. Overall, this analysis highlights the complexity of factors influencing exchange rate regime choices and the need for nuanced research to guide political economy policy recommendations.

Discussion

This section analyzes the political determinants influencing exchange rate regime preferences among post-Soviet states, particularly the shifts between floating and fixed regimes. Building on earlier sections that defined each regime, this analysis explores regime transitions in response to political conditions, revealing both commonalities and divergences across various countries.

Political changes during transitions from floating to fixed regimes indicate critical junctures in the economic trajectories of post-Soviet states. For instance, Belarus shifted from a floating to a fixed

regime between 2002 and 2003, driven by a significant reduction in political instability events from 125 to zero. Similar patterns were observed in Moldova and Lithuania, where political stability played a pivotal role in shaping exchange rate preferences.

Government ideology and electoral dynamics emerged as key factors influencing these transitions. Moldova's leftward ideological shift and Latvia's rightward move coincided with their transitions to fixed regimes. Election periods further highlighted the interconnectedness of political factors and exchange rate policies.

Distinct variations characterized the trajectories of post-Soviet states, with Latvia experiencing increased political instability during its transition from floating to fixed regimes. In terms of government strength, mixed dynamics were observed; Moldova and Lithuania saw reductions in government seats, while Azerbaijan's share increased during their transitions.

The transition from fixed to floating regimes showcases another dimension of exchange rate policy dynamics. Political instability in Belarus led to a shift towards a floating regime from 2010 to 2011. In contrast, Uzbekistan and Azerbaijan demonstrated that declining political instability could coincide with a move towards floating rates.

Overall, this research highlights the intricate relationship between political determinants and exchange rate regime preferences in post-Soviet states. Political stability, government ideology, and electoral dynamics significantly shape exchange rate policies, revealing a broader trend toward flexibility in monetary policy while underscoring the need for nuanced understanding in policymaking within the political economy. Further research is suggested to explore additional case studies and variables for a deeper understanding of these complex dynamics.

Conclusion

The dissolution of the Soviet Union in 1991 marked a transformative era for post-Soviet states, necessitating tailored monetary policies to navigate economic transitions. These countries faced diverse economic paths influenced by historical legacies, political ideologies, and institutional capacities, encountering challenges like high inflation, limited monetization, and weak institutional frameworks. Establishing monetary institutions and modernizing financial systems was crucial for economic integration and stability, yet regulatory incompatibility and underdeveloped banking systems continued to hinder progress.

Political determinants significantly influenced exchange rate regime preferences, with factors such as political stability, government ideology, democracy levels, central bank independence, and electoral dynamics shaping policies. This research employs Fuzzy-Set Qualitative Comparative Analysis (fsQCA) to examine the relationship between political determinants and exchange rate preferences from 1992 to 2012.

Findings reveal a complex landscape of exchange rate preferences, especially regarding floating exchange rates. Patterns emerged, such as a tendency toward floating rates during elections or in contexts with greater central bank autonomy. However, the interplay between democracy levels, government strength, and political stability introduced variations, leading to sometimes contradictory regime preferences. Additionally, regime transitions illustrated the dynamic nature of exchange rate policies, influenced by political stability and government ideology.

This research enhances understanding of the political determinants shaping exchange rate policies in post-Soviet states, emphasizing the intricate interactions between political and economic factors. Future research could expand the timeframe, compare regime choices across subregions, investigate the impact of global economic trends, and explore the macroeconomic implications of different regime choices. Understanding these dynamics is crucial for policymakers and scholars, ultimately informing robust policy recommendations and fostering sustainable economic growth in the region.

References:

- Akdogan, I. U. (2020). Understanding the dynamics of foreign reserve management: The central bank intervention policy and the exchange rate fundamentals. *International Economics*, 161, 1–35.
- Alesina, A. (1988). Macroeconomics and politics. *NBER Macroeconomics Annual*, 3, 13–52.
- Auboin, M., & Ruta, M. (2013). The relationship between exchange rates and international trade: A literature review. *World Trade Review*, 12(3), 577–605.
- Baranov, A. O., & Somova, I. A. (2015). Analysis of main factors of inflation dynamics in post-Soviet Russia. *Studies on Russian Economic Development*, 26, 110–123.
- Berdiev, A. N., Kim, Y., & Chang, C. P. (2012). The political economy of exchange rate regimes in developed and developing countries. *European Journal of Political Economy*, 28(1), 38–53.
- Berkowitz, D., & DeJong, D. N. (2003). Policy reform and growth in post-Soviet Russia. *European Economic Review*, 47(2), 337–352.
- Bodea, C. (2010). The political economy of fixed exchange rate regimes: The experience of post-communist countries. *European Journal of Political Economy*, 26(2), 248–264.
- Boero, G., Mavromatis, K., & Taylor, M. P. (2015). Real exchange rates and transition economies. *Journal of International Money and Finance*, 56, 23–35.
- Bordo, M. D., & Siklos, P. L. (2015). Central bank credibility: An historical and quantitative exploration. "NBER Working Paper No. 20824". National Bureau of Economic Research, Cambridge, Massachusetts.
- Borooah, V. K. (1988). Public choice theory and macroeconomic policy. In *Public Choice* (pp. 61–90). Dordrecht: Springer Netherlands.
- Brodsky, D. A. (1984). Fixed versus flexible exchange rates and the measurement of exchange rate instability. *Journal of International Economics*, 16(3–4), 295–306.
- Chang, C. P., & Lee, C. C. (2017). The effect of government ideology on an exchange rate regime: Some international evidence. *The World Economy*, 40(4), 788–834.
- Corsetti, G., Dedola, L., & Leduc, S. (2011). Demand imbalances, exchange rate misalignment and monetary policy. Working Paper, University of Cambridge, Cambridge, UK.
- Dabrowski, M. (2016). Currency crises in post-Soviet economies — a never ending story? *Russian Journal of Economics*, 2(3), 302–326.
- Dominguez, K. M. (1998). Central bank intervention and exchange rate volatility. *Journal of International Money and Finance*, 17(1), 161–190.
- Edwards, S. (1999). The choice of exchange rate regime in developing and middle income countries. In *Changes in Exchange Rates in Rapidly Developing Countries: Theory, Practice, and Policy Issues* (pp. 9–28). University of Chicago Press.
- Elliott, J. E., & Dowlah, A. F. (1993). Transition crises in the post-Soviet era. *Journal of Economic Issues*, 27(2), 527–536.
- Fischer, S. (1995). Central-bank independence revisited. *The American Economic Review*, 85(2), 201–206.
- Frieden, J., Ghezzi, P., & Stein, E. (1998). The political economy of exchange rate policy in Latin America. "IDB Working Paper No. 136". Inter-American Development Bank, Washington, DC.
- Garriga, A. C. (2016). Central bank independence in the world: A new dataset. *International Interactions*, 42(5), 849–868.
- Goy, G., Hommes, C., & Mavromatis, K. (2022). Forward guidance and the role of central bank credibility under heterogeneous beliefs. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 200, 1240–1274.
- Gurr, T. R., & Marshall, M. G. (2020). Polity v project, political regime characteristics and transitions, 1800–2018. Center for Systemic Peace.
- Ilzetzi, E., Reinhart, C. M., & Rogoff, K. S. (2022). Rethinking exchange rate regimes. In *Handbook of International Economics: International Macroeconomics* (Vol. 6, pp. 91–145). Elsevier.
- Iversen, T., & Soskice, D. (2006). New macroeconomics and political science. *Annual Review of Political Science*, 9, 425–453.
- Leblang, D. A. (1999). Domestic political institutions and exchange rate commitments in the developing world. *International Studies Quarterly*, 43(4), 599–620.

26. Levy Yeyati, E., Sturzenegger, F., & Reggio, I. (2010). On the endogeneity of exchange rate regimes. *European Economic Review*, 54(5), 659–677.
27. Lewarne, S. (1993). Legal aspects of monetary policy in the former Soviet Union. *Europe-Asia Studies*, 45(2), 193–209.
28. Maraoui, N., Amor, T. H. A. H., Khefacha, I., & Rault, C. (2022). How economic, political and institutional factors influence the choice of exchange rate regimes? New evidence from selected countries of the MENA region (CESifo Working Paper No. 9709). CESifo GmbH.
29. Markiewicz, A. (2006). Choice of exchange rate regime in transition economies: An empirical analysis. *Journal of Comparative Economics*, 34(3), 484–498.
30. Masson, P. R. (2001). Exchange rate regime transitions. *Journal of Development Economics*, 64(2), 571–586.
31. Mello, P. A. (2014). Fuzzy-set qualitative comparative analysis. In *Democratic participation in armed conflict: Military involvement in Kosovo, Afghanistan, and Iraq* (pp. 46–62). Palgrave Macmillan UK.
32. Mishkin, F. S. (2004). Can central bank transparency go too far? (NBER Working Paper No. 10829). National Bureau of Economic Research.
33. Papaioannou, M. G. (2003). Determinants of the choice of exchange rate regimes in six Central American countries: An empirical analysis (IMF Working Paper 03/59). International Monetary Fund.
34. Poirson, H. (2001). How do countries choose their exchange rate regime? (IMF Working Paper 01/46). International Monetary Fund.
35. Ragin, C. (2008). Fuzzy sets and fuzzy-set relations. In *Redesigning social inquiry fuzzy sets and beyond* (pp. 29–43). University of Chicago Press.
36. Rodriguez, C. M. (2016). Economic and political determinants of exchange rate regimes: The case of Latin America. *International Economics*, 147, 1–26.
37. Rosati, D. (1996). Exchange rate policies during transition from plan to market. *Economics of Transition*, 4(1), 159–184.
38. Sandoyan, E., & Davoyan, L. (2012). Enhancing financial deepening as a factor of reducing the inflationary pressure in post-Soviet economies. *Journal of Global Policy and Governance*, 1, 65–71.
39. Savchenko, A. (2002). Toward capitalism or away from Russia?: Early stage of post-Soviet economic reforms in Belarus and the Baltics. *American Journal of Economics and Sociology*, 61(1), 233–257.
40. Schaling, E., & Nolan, C. (1998). Monetary policy uncertainty and inflation: The role of central bank accountability. *De Economist*, 146(4), 585–602.
41. Steinberg, D. A., & Malhotra, K. (2014). The effect of authoritarian regime type on exchange rate policy. *World Politics*, 66(3), 491–529.
42. Taylor, J. (2001). How the rational expectations revolution has changed macroeconomic policy research. In *Advances in Macroeconomic Theory: International Economic Association* (pp. 79–96). London: Palgrave Macmillan UK.
43. Teimouri, S., & Zietz, J. (2017). Economic costs of alternative monetary policy responses to speculative currency attacks. *Journal of International Money and Finance*, 73, 419–434.
44. Tornell, A., & Velasco, A. (2000). Fixed versus flexible exchange rates: Which provides more fiscal discipline? *Journal of Monetary Economics*, 45(2), 399–436.
45. Wagener, H. J., & Van Selm, G. (1993). Soviet regional disintegration and monetary problems. *Communist Economies and Economic Transformation*, 5(4), 411–426.
46. Way, C. (2000). Central banks, partisan politics, and macroeconomic outcomes. *Comparative Political Studies*, 33(2), 196–224.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абрамов П. В.** — выпускник магистерской программы «Городское развитие и управление» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург
- Афанасьев К. С.** — к. филос. н., доцент ЛГУ имени А. С. Пушкина
- Баронене С. Г.** — к. филос. н., доцент НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург
- Богатырева А. А.** — студент бакалаврской программы «Политология и мировая политика» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург
- Болданова Д. Б.** — студент бакалаврской программы «Политология и мировая политика» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург
- Борна А.** — студент магистерской программы «Сравнительная политика Евразии» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург
- Ботникова Е. Э.** — студент факультета политологии СПбГУ
- Бузенкова Ю. В.** — студент бакалаврской программы «Социология и социальная информатика» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург
- Васильева А. Е.** — студент бакалаврской программы «Управление и аналитика в государственном секторе» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург
- Вивчар Т. А.** — старший преподаватель базовой кафедры МЦСЭИ «Леонтьевский центр» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург
- Волкова Н. В.** — к. п. н., доцент НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, научный сотрудник МЦСЭИ «Леонтьевский центр»
- Гатауллина А. И.** — выпускник бакалаврской программы «Управление и аналитика в государственном секторе» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург
- Гахардо М. А.** — студент магистерской программы «Сравнительная политика Евразии» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург
- Гончаренко Д. Р.** — студент бакалаврской программы «Политология и мировая политика» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург
- Дуев И. В.** — студент бакалаврской программы «Политология и мировая политика» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург
- Жаров Г. Л.** — студент бакалаврской программы «Политология и мировая политика» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург
- Заиченко Н. А.** — к. пед. н., профессор НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург
- Иванова К. О.** — студент бакалаврской программы «Политология и мировая политика» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург
- Канаев И. И.** — студент магистерской программы «Городское развитие и управление» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург
- Колчинская Е. Э.** — к. э. н., доцент НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, научный сотрудник МЦСЭИ «Леонтьевский центр»
- Корякин К.** — выпускник магистерской программы «Сравнительная политика Евразии» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург
- Краснолобова Т. А.** — студент бакалаврской программы «Политология и мировая политика» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург
- Кутявина В. С.** — студент бакалаврской программы «Управление и аналитика в государственном секторе» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург
- Лазарев Е. Е.** — студент магистерской программы «Городское развитие и управление» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург
- Ламанов Д. В.** — студент бакалаврской программы «Управление и аналитика в государственном секторе» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург
- Леонтьева М. М.** — студент бакалаврской программы «Управление и аналитика в государственном секторе» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург
- Лимонов Л. Э.** — д. э. н., профессор НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, научный сотрудник МЦСЭИ «Леонтьевский центр»
- Ляхова А. И.** — студент бакалаврской программы «Политология и мировая политика» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург
- Михайловская С. В.** — студент бакалаврской программы «Управление и аналитика в государственном секторе» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург
- Никифоров В. И.** — студент бакалаврской программы «Политология и мировая политика» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург
- Овчаренко В. М.** — студент бакалаврской программы «Политология и мировая политика» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург

Панкова Е. М. — студент бакалаврской программы «Политология и мировая политика» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург

Парфёнова А. А. — выпускник магистерской программы «Управление образованием» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург

Перова П. С. — студент факультета международных отношений СПбГУ

Семенова М. В. — студент бакалаврской программы «Социология и социальная информатика» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург

Семичев Д. М. — студент бакалаврской программы «Политология и мировая политика» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург

Сизов Д. И. — приглашенный преподаватель НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург

Слепченко А. П. — студент бакалаврской программы «Политология и мировая политика» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург

Смирнова Ю. Д. — студент бакалаврской программы «Управление и аналитика в государственном секторе» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург

Совчик Е. И. — студент бакалаврской программы «Политология и мировая политика» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург

Степанова Е. С. — старший преподаватель НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург

Хурда Д. П. — старший преподаватель НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург

Чернецкий И. С. — студент магистерской программы «Городское развитие и управление» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург

Щукина Т. В. — студент бакалаврской программы «Международные отношения» НИУ ВШЭ

Яковлева П. Э. — старший преподаватель НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург

Яковченко А. Н. — студент бакалаврской программы «Управление и аналитика в государственном секторе» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург

АННОТАЦИИ

Щукина Т. В. Соотношение подходов к гендерной политике ООН-Женщины и Правительства Республики Казахстан в 2016–2023 гг.

В данной статье рассматривается соотношение подходов к гендерной политике, реализуемых Структурой «ООН-Женщины» и Правительством Республики Казахстан в период с 2016 по 2023 годы. Исследовательский вопрос касается особенностей перевода международных стандартов гендерного равенства на контекст Казахстана. Исследование построено на интерпретивистской методологии, с использованием теории перевода политики. В качестве основного метода применен дискурс-анализ документов с погружением в социокультурный контекст. В результате исследования выявлено, что Правительство Казахстана стремится балансировать между политикой, направленной на расширение экономических прав и возможностей женщин, и политикой, направленной на сохранение рождаемости и национальных традиций, что находит отражение в изменении интерпретации международных стандартов. Также обнаружены различия в фокусах гендерной политики акторов.

Ключевые слова: ООН-Женщины, гендерная политика, Казахстан, Центральная Азия, перевод политики, локализация.

Shchukina T. V. Correlation of approaches to gender policy of UN Women and the Government of the Republic of Kazakhstan in 2016–2023

This article examines the correlation of approaches to gender policy implemented by the UN Women Structure and the Government of the Republic of Kazakhstan in the period from 2016 to 2023. The research question concerns the specifics of translating international standards of gender equality into the context of Kazakhstan. The research is based on an interpretative methodology, using the theory of policy translation. The main method used is the discourse analysis of documents with immersion in the socio-cultural context. As a result of the study, it was revealed that the Government of Kazakhstan seeks to balance policies aimed at the economic empowerment of women and policies aimed at preserving fertility and national traditions, which is reflected in the changing interpretation of international standards. Differences in the focus of the gender policy of the actors were also found.

Keywords: UN Women, gender policy, Kazakhstan, Central Asia, policy translation, localization.

Бузенкова Ю. В. Специфика агентности молодых Святых последних дней: результаты исследования в Санкт-Петербурге

Одной из важных сфер для исследования молодежной агентности является религия, поскольку религиозные организации можно рассматривать как

в контексте структурирования и подавления агентности индивидов, так и с точки зрения предоставления ресурсов для нее. Данная работа посвящена анализу специфики агентности молодых мормонов в Санкт-Петербурге. Схожие характеристики в отношении церкви как института присущи и Святым последних дней, однако есть и специфические черты, отличающие мормонов, что может способствовать переопределению концепции агентности внутри сообщества. Теоретическая рамка исследования основывается на обсуждении взаимоотношений между социальной структурой и агентностью, в том числе ее способности проявляться в подчинении структуре.

В результате полевой работы были собраны 10 интервью с членами ЦИХСПД в Санкт-Петербурге в возрасте от 19 до 27 лет. Анализ показал, что в повседневной жизни молодые люди противопоставляют себя секулярной логике и опираются на позитивных и негативных мистических акторов, которые искушают человека или, наоборот, помогают ему принимать решения. Степень вовлеченности человека в церковь укрепляет связь с этими мистическими силами, а также может быть использована для утверждения своей идентичности в качестве верующего.

Ключевые слова: молодежь, агентность, мормоны, молодые Святых последних дней, ЦИХСПД.

Buzenkova J. V. The specificity of the agency of young Latter-day Saints: the results of a study in Saint Petersburg

One of the important areas for research on youth agency is religion, since religious organizations can be seen both in terms of structuring and suppressing agency of individuals, and in terms of providing resources for it. This work is devoted to the analysis of the specificity of the agency of young Mormons in Saint Petersburg. Similar characteristics regarding the church as an institution are also typical for the Latter-day Saints, however, there are specific features that distinguish Mormons, which may contribute to redefining the concept of agency within the community. The theoretical framework of the study is based on a discussion of the relationship between the social structure and agency, including its ability to manifest itself in subordination to the structure.

As a result of the fieldwork, 10 interviews were collected with members of the LDS Church in Saint Petersburg aged 19 to 27. The analysis showed that in everyday life, young people oppose themselves to secular logic and rely on positive and negative mystical actors who tempt a person or, conversely, help making decisions. The degree of a person's involvement in the church strengthens the connection with these mystical forces, and can also be used to assert identity as a believer.

Keywords: youth, agency, Mormons, young Latter-day Saints, LDS Church.

Семенова М. В. Образ тела у молодых женщин с расстройствами пищевого поведения: качественное исследование

Это исследование направлено на изучение восприятия образа тела и факторов, ответственных за его формирование, среди молодых женщин, которые идентифицируют себя как страдающие расстройствами пищевого поведения. В исследовании использовалась качественная методология. Данные были собраны с помощью 10 полуструктурированных интервью с молодыми женщинами в возрасте от 18 до 25 лет, которые идентифицируют себя как имеющие РПП, и проанализированы с использованием метода индуктивного тематического кодирования. Основные коды — это идеальный образ тела, проблемы, связанные с образом тела, влияние семьи, а также средств массовой информации и сверстников, которые были расширены в ходе исследования. Женщины подчеркивают, что средства массовой информации, которые распространяют образы стройного, спортивного и здорового тела, и семья, которая критикует или одобряет определенные фигуры, формируют образ тела и приводят к РПП. Исследование помогает изучить наши знания о взаимосвязи между образом тела, РПП и влиянием агентов из окружения, таких как семья, сверстники и средства массовой информации, на молодых женщин, что может помочь разработать более эффективные методы вмешательства и поддержки для этой группы.

Ключевые слова: образ тела, молодые женщины, расстройства пищевого поведения, стандарты красоты, агенты социализации, медиа.

Semenova M. V. Body Image among Young Females with Eating Disorders: A Qualitative Study

This study aims to investigate the perception of body image and the agents responsible for its formation among young women who self-identify as having eating disorders. The qualitative methodology is used in the research. The data was collected through 10 semi-structured interviews with young women with age criteria from 18 to 25 who self-identify as having EDs, and was analyzed by using the inductive thematic coding method of analysis. The main codes are the ideal body image, the body image concerns, the influence of family, as well as media, and peers, that were expanded. Females highlighted that the media, which spread images of a thin, sporty and healthy body, and the family, which criticize and approve certain figures, shape the body image and lead to EDs. The study helps to explore our knowledge about the issue between body image, EDs and the influence of environmental agents such as family, peers, and media on young females, which can help develop more effective methods of intervention and support for this group.

Keywords: body image, young females, eating disorders, beauty standards, agents of socialization, media.

Хурда Д. П., Заиченко Н. А. Факторы влияния на цифровую социализацию участников образовательных отношений

Современная школа функционирует в условиях цифровой экономики, создавая цифровую образовательную среду в стенах образовательных учреждений. В новых реалиях, обусловленных использованием цифровых технологий в учебной процессе, одной

из актуальных управленческих проблем становится цифровая социализация участников образовательных отношений. Для того, чтобы цифровая социализация приняла социально-контролируемую форму необходимо обновить правила взаимодействия внутри школы, развивать цифровые навыки, создать школьный цифровой этикет, и как следствие, сформировать у учителей и учащихся адекватное цифровое поведение. Целью данного исследования является определение факторов влияния на цифровую социализацию участников образовательных отношений. В соответствии с поставленной целью были разработаны модель цифрового поведения, описаны такие явления как цифровой этика и цифровой этикет, разработана модель цифровых компетенций педагога и учащегося, а также инструменты и критерии оценки цифровой социализации. В ходе анализа результатов диагностики выявлено, что, чем выше уровень реальной социализации, тем выше уровень цифровой социализации. Также определены факторы влияния на цифровую социализацию участников образовательных отношений.

Ключевые слова: цифровая социализация, цифровое поведение, цифровая этика, цифровизация образования, цифровые компетенции.

Khurda D. P., Zaichenko N. A. Factors of influence on the digital socialization of participants in educational relations

A modern school operates in a digital economy, creating a digital educational environment within the walls of educational institutions. In the new realities caused by the use of digital technologies in the educational process, one of the urgent management problems is the digital socialization of participants in educational relations. In order for digital socialization to take a socially controlled form, it is necessary to update the rules of interaction within the school, develop digital skills, create school digital etiquette, and as a result, form adequate digital behavior among teachers and students. The purpose of this study is to determine the factors influencing the digital socialization of participants in educational relations. In accordance with this goal, a model of digital behavior was developed, such phenomena as digital ethics and digital etiquette were described, a model of digital competencies of a teacher and a student was developed, as well as tools and criteria for evaluating digital socialization. During the analysis of the diagnostic results, it was revealed that the higher the level of real socialization, the higher the level of digital socialization. The factors of influence on the digital socialization of participants in educational relations are also identified.

Keywords: digital socialization, digital behavior, digital ethics, digitalization of education, digital competencies.

Парфёнова А. А., Баронене С. Г. Клиентоориентированный подход как управленческий инструмент персонализации образовательного процесса (кейс магистерской программы «Управление образованием» НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург)

Тема работы возникает из запроса на управление взаимоотношениями с потребителями образовательных услуг. Актуальность обусловлена потребностью в лучшем понимании запросов своих клиентов для совершенствования образовательных продуктов

и процессов, поскольку все они направлены на привлечение и удержание внешних (студентов) и внутренних (преподаватели) клиентов.

Работа имеет исследовательскую цель — проверить валидность инструментов клиентоориентированного подхода для усиления персонализации образовательного процесса как ценности при организации образовательной программы. Практическая цель — апробировать инструменты клиентоориентированного подхода в практике управления магистерской программой «Управление образованием» НИУ ВШЭ Санкт-Петербургского кампуса.

Для решения задач исследования в работе применяются разнообразные методы: теоретические (анализ и теоретическое моделирование), эмпирические (качественные и количественные — фокус-группа, опрос, интервью, контент-анализ с помощью программы ATLAS.ti.23).

Проведенное исследование показывает, что инструменты клиентоориентированного подхода являются валидными для определения качества персонализации учебного процесса и имеют потенциал использования для образовательных продуктов, ориентированных на персонализацию.

Ключевые слова: персонализация, персонализация обучения, лояльность студентов клиентоориентированный подход, клиентоориентированность, удовлетворённость обучением.

Parfenova A. A., Baronene S. G. Customer Centricity as a Management Practices of Personalization Process (HSE — St. Petersburg Master's program «Education Management» Case)

The research topic emerges from the demand for managing relationships with consumers of educational services. The relevance is driven by the need for a better understanding of the demands of clients to enhance educational products and processes, as all efforts are directed towards attracting and retaining both external (students) and internal (faculty) clients.

The purpose of the study is to check validate the tools of the customer-oriented approach for enhancing the personalization of the educational process as a value in organizing an educational program. The practical goal is to test the tools of the customer-oriented approach in the management practice of the Master's Program in Educational Management at HSE University, St. Petersburg campus.

Research methods: various methods are employed in the paper to address the research tasks: theoretical methods (literature analysis and theoretical modeling) and empirical methods (qualitative and quantitative — focus group, survey, interview, content analysis using the ATLAS.ti.23 program).

The conducted research demonstrates that the tools of the customer-oriented approach are valid for determining the personalization of the educational process and have the potential for use in popularizing the personalized model of organizing education.

The research materials can be utilized by the heads of higher education institutions and educational program managers.

Keywords: personalization, personalized learning, customer centricity, customer orientation, satisfaction with education, student loyalty.

Сизов Д. И., Волкова Н. В. Особенности восприятия лидерства в контексте совладающего поведения

Целью исследования является выявление различий в представлениях о лидере по мнению обучающихся 8–10 классов из общеобразовательных учреждений (*не спортсмены*) и учреждений дополнительного образования физкультурно-спортивной направленности (*спортсмены*), а также в выборе стратегий совладающего поведения и их влияние на жизнестойкость обучающихся.

В исследовании рассмотрены концептуальные основы феномена лидерства в контексте совладающего поведения. В частности, представлен блиц-анализ научных трудов зарубежных и отечественных авторов, рассматривающих собственно феномен лидерства и стратегии совладающего поведения с точки зрения понимания данных понятий, природы их возникновения и проявления в человеческой жизни. В результате проведенного исследования выявлены различия в представлениях о лидерстве у обучающихся 8–10-х классов, выявлены стратегии совладающего поведения, которые использует различные группы респондентов: спортсмены и не спортсмены. Выявлены следующие факты: представления о лидерстве зависят от выбора стратегии совладающего поведения у обучающихся 8–10-х классов; стратегии совладающего поведения оказывают влияние на жизнестойкость обучающихся 8–10-х классов. Предложено практическое применение полученных результатов исследования.

Ключевые слова: ученическое самоуправление, связующее лидерство, ситуационное лидерство, эмоциональный интеллект, стратегии совладающего поведения, жизнестойкость.

Sizov D. I., Volkova N. V. Peculiarities of leadership perception in the context of coping behavior

The aim of the study is to identify differences in perceptions of the leader according to students of grades 8–10 from general education institutions (hereinafter referred to as athletes) and institutions of additional education of a physical culture and sports orientation (hereinafter referred to as athletes), as well as in the choice of coping behavior strategies and their impact on the resilience of students. The study examines the conceptual foundations of the phenomenon of leadership in the context of coping behavior. In particular, the scientific works of foreign and domestic authors on both the phenomenon of leadership and coping strategies were analyzed. Understanding of these concepts, their nature of origin and manifestation in human life. As a result of the conducted research, differences in the ideas of leadership among students in grades 8–10 were revealed, strategies of coping behavior were revealed, which are used by different groups of respondents: athletes and non-athletes.

The era of uncertainty sets the conditions for the education system to develop students' ability to live and work in stressful situations, to form various coping strategies for "young leaders". The purpose of the article is to analyze scientific publications in the field of leadership focused on identifying the features of coping behavior strategies.

The following facts are revealed: ideas about leadership depend on the choice of coping behavior strategies for students in grades 8–10; coping behavior

strategies affect the resilience of students in grades 8–10. The practical application of the obtained research results is proposed.

Keywords: student self-management, connecting leadership, situational leadership, emotional intelligence, coping strategies, resilience.

Ляхова А. И. Патриотизм в школьном образовании как наследие советской системы: исследование Федеральных государственных образовательных стандартов в российских школах в контексте продвижения патриотических нарративов в период с 2009 по 2022 год

Данная статья исследует патриотические нарративы в российских федеральных государственных образовательных стандартах с 2009–2012 по 2022 год, чтобы оценить, усилилось ли их использование. Теоретическая рамка предполагает, что черты бывшей советской системы, такие как патриотизм, возобновляются на нынешней консервативной стадии цикла. Качественный контент-анализ восьми ключевых документов об образовательных стандартах показал, что с течением времени количество символов, связанных с «русскостью», ценностями, культурой и историей, увеличилось. Более того, в стандартах 2022 года появились четкие патриотические нарративы, соответствующие политической программе государства по укреплению статуса России как мировой державы. Результаты подтверждают предположение об усилении патриотических нарративов в соответствии с советским наследием. Патриотизм российского государства подпадает под понятие «слепого» патриотизма, который препятствует критическому мышлению. Подобная пропаганда в школах может негативно сказаться на развитии когнитивных навыков учащихся. Необходимо пересмотреть эту доминирующую версию патриотизма в системе образования. В дальнейших исследованиях следует изучить практику занятий в классах, выходящую за рамки стандартов, чтобы в полной мере оценить влияние государственной пропаганды патриотизма.

Ключевые слова: Федеральные Государственные Образовательные Стандарты, патриотические нарративы, система образования, патриотизм.

Lyakhova A. I. Patriotism in School Education as the Soviet system heritage: Investigating Federal State Educational Standards in Russian Schools in the context of Promoting Patriotic Narratives in the Period from 2009 to 2022

This paper investigates the presence of patriotic narratives in Russian Federal State Educational Standards from 2009–2012 to 2022 to assess whether their use has intensified. The theoretical framework suggests that features of the former Soviet system, like patriotism, are recurring in the current conservative stage of the system's cycle. A qualitative content analysis of eight key educational standards documents showed an increase in symbols related to "Russianness", values, culture, and history over time. Moreover, distinct patriotic narratives emerged in the 2022 standards, aligned with the state's political agenda of promoting Russia's status as a global power. The findings confirm the assumption of intensified

patriotic narratives in line with the Soviet legacy. The Russian state's patriotism falls under "blind" patriotism that discourages critical thinking. This propagation in schools may be detrimental for developing students' cognitive skills. There is a need to reconsider this dominant version of patriotism in the educational system. Further research should examine classroom practices beyond the standards to fully assess the effects of state patriotism promotion.

Keywords: Federal State Educational Standards, patriotic narratives, education system, patriotism.

Абрамов П. В. Увеличение роли местного самоуправления в Санкт-Петербурге как шаг к управленческой оптимизации

В данной работе анализируется система распределения финансовых ресурсов и полномочий между региональным и местным уровнями власти в Санкт-Петербурге с точки зрения их централизации. В статье применяются такие методы исследования, как пространственный анализ относительно распределения финансово-экономических показателей во внутригородских муниципальных образованиях Санкт-Петербурга с использованием программы GeoDa, статистический анализ существующей структуры доходов местных бюджетов с применением анализа структурных сдвигов, моделирование, а также анализ научных работ в рамках теории бюджетного федерализма и практико-ориентированных статей по тематике данной работы, анализ правовых источников, регулирующих распределение полномочий и доходов между двумя уровнями власти. Результатом анализа стал вывод о чрезмерной централизации финансовых ресурсов и полномочий в Санкт-Петербурге. В качестве альтернативы предлагается создание двухуровневой системы местного самоуправления и ликвидация административных районов Санкт-Петербурга. Для оценки финансовых последствий реализации предложений была построена модель альтернативного подхода к распределению бюджетных средств.

Ключевые слова: государственные финансы, межбюджетные отношения, местные бюджеты, местное самоуправление, администрации районов, город федерального значения, Санкт-Петербург.

Abramov P. V. Increasing the Role of Local Government in Saint Petersburg as a Step Towards Managerial Optimization

This paper analyzes the system of distribution of financial resources and powers between the regional and local levels of authority in St. Petersburg from the perspective of their centralization. The article uses research methods such as spatial analysis regarding the distribution of financial and economic indicators in the intra-city municipalities of Saint Petersburg using GeoDa program, statistical analysis of the existing structure of local budget revenues using the analysis of structural shifts, modeling, as well as analysis of scientific works within theories of fiscal federalism and practice-oriented articles on the subject of this work, analysis of legal sources regulating the distribution of powers and income between the two levels of authority. The result of the analysis was the conclusion about excessive

centralization of financial resources and powers in Saint Petersburg. As an alternative, it is proposed to create a two-tier system of local government and liquidate the district administrations of Saint Petersburg. To assess financial consequences of implementing the proposals, a model of an alternative approach to the distribution of budget funds was built.

Keywords: public finances, intergovernmental relations, local budgets, local government, district administrations, federal city, Saint Petersburg.

Чернецкий И. С., Лазарев Е. Е., Канаев И. И., Лимонов Л. Э. Оценка индикаторов устойчивого развития российских регионов

В статье представлены результаты оценки индикаторов устойчивого развития субъектов Российской Федерации, в рамках которой были проанализированы регионы Уральского и Северо-Кавказского федеральных округов, а также город Москва. Оценка базируется на данных по 15 показателям, отражающим достижение целей устойчивого развития. На основе этих данных были рассчитаны интегральные индексы устойчивости регионов и их темпы роста. Авторами построены тепловые карты, которые позволяют наглядно продемонстрировать текущее состояние регионов по этим показателям. Проведена типологизация регионов по значениям интегральных индексов и темпов их роста, что позволило сгруппировать субъекты России на основе их устойчивости.

Ключевые слова: устойчивое развитие, индикаторы устойчивого развития, интегральные индексы, региональная экономика, регионы России.

Chernetsky I. S., Lazarev E. E., Kanaev I. I., Limonov L. E. Assessment of indicators of sustainable development of Russian regions

The article presents the results of the assessment of indicators of sustainable development of the subjects of the Russian Federation, in which the regions of the Ural and North Caucasus Federal districts, as well as the city of Moscow, were analyzed. The assessment is based on data on 15 indicators reflecting the achievement of the Sustainable Development Goals. Based on these data, integral indices of regional sustainability and their growth rates were calculated. The authors have built heat maps that allow us to visually demonstrate the current state of the regions according to these indicators. The typologization of regions according to the values of integral indices and their growth rates was carried out, which made it possible to group the subjects of Russia on the basis of their stability.

Keywords: sustainable development, indicators of sustainable development, integral indices, regional economy, regions of Russia.

Михайловская С. В., Вивчар Т. А. Межмуниципальная интеграция как фактор управления развитием территории (на примере Ленинградской области)

Научная статья посвящена оценке потенциальных возможностей межмуниципального сотрудничества на основе анализа социально-экономического развития Ленинградской области, который позволил сформулировать актуальные рекомендации его

совершенствования. Исследование опирается на анализ основных форм сотрудничества в зарубежных странах и в России. Базой исследования являются нормативно-правовые акты, регулирующие местное самоуправление в Российской Федерации, а также анализ уровня развития межмуниципальной интеграции в России, кластерный анализ социально-экономического развития муниципальных образований и оценка влияния пространственной близости муниципалитетов на межмуниципальное сотрудничество в Ленинградской области, статистические данные Росстата. Научной новизной работы является разработанная автором модель интеграции муниципальных районов Ленинградской области по вопросам транспортной инфраструктуры и ее графическая визуализация. Предложены конкретные рекомендации по совершенствованию организации межмуниципального сотрудничества в Ленинградской области и на территории Российской Федерации в целом.

Ключевые слова: межмуниципальная интеграция, межмуниципальное сотрудничество, муниципальные образования, вопросы местного значения, органы местного самоуправления, Ленинградская область.

Mikhailovskaya S. V., Vivchar T. A. Inter-Municipal Integration as a Factor of Territorial Development Management (on the Example of the Leningrad Region)

The scientific article is devoted to the assessment of the potential possibilities of inter-municipal cooperation based on the analysis of the socio-economic development of the Leningrad region, which made it possible to formulate relevant recommendations for its improvement. The study is based on an analysis of the main forms of cooperation in foreign countries and in Russia. The research is based on normative legal acts regulating local self-government in the Russian Federation, as well as an analysis of the level of development of inter-municipal integration in Russia, a cluster analysis of the socio-economic development of municipalities and an assessment of the impact of spatial proximity of municipalities on inter-municipal cooperation in the Leningrad region, statistical data from Rosstat. The scientific novelty of the work is the author's model of integration of municipal districts of the Leningrad region on transport infrastructure issues and its graphical visualization. Specific recommendations are proposed to improve the organization of inter-municipal cooperation in the Leningrad region and in the territory of the Russian Federation as a whole.

Keywords: inter-municipal integration, inter-municipal cooperation, municipalities, issues of local importance, local governments, Leningrad region.

Гатауллина А. И., Колчинская Е. Э. Развитие промышленных кластеров как фактор повышения конкурентоспособности предприятий химической отрасли

Исследование посвящено анализу влияния кластеров на экономическую деятельность предприятий. В процессе проведения исследования были собраны данные о предприятиях химической промышленности,

функционирующих в кластерах, а также собрана информация о предприятиях, осуществляющих свою деятельность самостоятельно. Данные о количестве сотрудников, выручке предприятий и собственном капитале предприятий были собраны из базы данных «СПАРК». Для сравнения двух групп предприятий автором работы был проведен регрессионный анализ. Результаты исследования подтверждают положительное воздействие вступления предприятий отрасли «Химическая промышленность» в кластер на их выручку. Это свидетельствует о возможности достижения более высоких показателей выручки компаниями в кластере по сравнению с компаниями вне кластера. Выводы исследования могут быть полезны для бизнес-сообществ, региональных органов власти и разработчиков экономической политики при принятии решений о поддержке и развитии промышленных кластеров.

Ключевые слова: промышленный кластер, химическая промышленность, регрессионный анализ, предприятие кластера, влияние кластера, кластерная политика, коэффициент локализации.

Gataullina A. I., Kolchinskaya E. E. Development of industrial clusters as a factor in increasing the competitiveness of chemical industry enterprises

The research is devoted to analyzing the impact of clusters on the economic activity of enterprises. During the study, data on chemical industry enterprises operating in clusters were collected, as well as information on enterprises operating independently. The data on the number of employees, revenue of the enterprises and equity capital of the enterprises were collected from the SPARK database. To compare the two groups of enterprises, the author conducted regression analysis. The results of the study confirm the positive impact of the entry of enterprises of the “Chemical Industry” sector into the cluster on their revenue. This indicates the possibility of achieving higher revenue figures by companies in the cluster compared to companies outside the cluster. The conclusions of the study can be useful for business communities, regional authorities and economic policy makers when making decisions on the support and development of industrial clusters.

Keywords: industrial cluster, chemical industry, regression analysis, cluster enterprise, cluster impact, cluster policy, localization coefficient.

Васильева А. Е. Пространственный автокорреляционный анализ социально-экономической сферы Российской Федерации

Данная статья посвящена пространственному автокорреляционному анализу социально-экономической сферы регионов России. Пространственный анализ был сделан на основе 19 показателей (10 экономической сферы и 9 социальной сферы) 85 регионов. Для составления интегральных индексов развития социальной и экономической сфер была рассчитана матрица парных коэффициентов корреляции и весовые коэффициенты частных показателей. Пространственный анализ включал в себя расчет пространственной автокорреляции на основе локального и глобального индексов Морана, а также

кластерный анализ на основе LISA и анализа «горячих точек» (в программах ArcGIS и GeoDa). Результатом исследования стало выявление пространственных зависимостей уровня социально-экономического развития регионов и наличия высокого уровня пространственной автокорреляции и значительной межрегиональной дифференциации по экономическим показателям. На основе кластерных анализов было выделено 6 групп из 22 регионов Российской Федерации, внутри которых наблюдалась наибольшая пространственная зависимость. Все три гипотезы исследования были доказаны.

Ключевые слова: пространственное развитие, социально-экономическая сфера, пространственная автокорреляция, индекс Морана, кластерный анализ, анализ «горячих точек», LISA.

Vasileva A. E. Spatial Autocorrelation Analysis of the Social Sphere of Russian Federation

This article is devoted to the spatial autocorrelation analysis of the level of socio-economic development of the regions of Russia. The spatial analysis was based on 19 indicators (10 of the economic sphere and 9 of the social sphere) of 85 regions. On the basis of the matrix of paired correlation coefficients were compiled integral indices of social and economic spheres. Spatial analysis included the calculation of spatial autocorrelation using the Local and Global Moran's indices, as well as the LISA cluster analysis and Hot-Spot analysis. It was performed in ArcGIS and GeoDa. As the result, spatial dependencies of the level of socio-economic development were identified. Presence of the high level of spatial autocorrelation and significant interregional differentiation in economic indicators were confirmed. Finally, 6 groups of 22 regions of the Russian Federation, within which the highest spatial dependence was observed, were identified based on the results of cluster analyses. All of the study hypotheses have been proven.

Keywords: spatial development, socio-economic sphere, spatial autocorrelation, Moran's index, cluster analysis, Hot-Spot analysis, LISA.

Леонтьева М. М. Ревитализация «серого пояса» Санкт-Петербурга: развитие и функциональное наполнение промышленных территорий

В статье рассматривается функциональное развитие «серого пояса» Санкт-Петербурга, то есть бывших и до сих пор действующих промышленных территорий, находящихся между центром города и полу-периферией. Исследование нацелено на выявление влияния практик соучаствующего проектирования на появление объектов с различным функциональным наполнением в ходе ревитализации «серого пояса». Вовлечение различных городских акторов в процесс преобразования неактивных городских территорий может стимулировать появление объектов, отвечающих интересам максимально возможного числа людей. В исследовании представлены результаты серии экспертных полу-структурированных интервью.

Ключевые слова: «серый пояс», ревитализация, соучаствующее проектирование, промышленные территории.

Leontyeva M. M. Revitalization of the «Grey Belt» in St. Petersburg: Development and Functional Filling of Industrial Territories

The article examines the functional development of the «grey belt» of Saint Petersburg, which includes former and still-operating industrial areas located between the city center and the semi-periphery. The study aims to identify the impact of participatory design practices on the emergence of spaces with diverse functional purposes during the revitalization of the «grey belt». Engaging various urban actors in the transformation process of inactive urban areas can stimulate the creation of spaces that address the interests of the widest possible range of people. The study presents the results of a series of expert semi-structured interviews.

Keywords: «grey belt», revitalization, participatory design, industrial areas.

Ламанов Д. В., Степанова Е. С. Особенности и проблемы комплексного освоения территории жилой застройки в Санкт-Петербурге

В данной статье рассматривается понятие комплексного освоения территории как подхода к жилой застройке. Также в работе произведен анализ критериев обеспеченности и доступности объектов социальной инфраструктуры в контексте реализации данного вида проектов. Проведен пространственный анализ трех кейсов в рамках комплексного освоения территории в Санкт-Петербурге, а также составлена сравнительная таблица проектов. На основании результатов исследования выдвинуты концептуальные предложения, касающиеся улучшения проектов комплексной жилой застройки.

Ключевые слова: комплексное освоение территории, застройка в Санкт-Петербурге, расчет показателей обеспеченности и доступности, социальная инфраструктура.

Lamanov D. V., Stepanova E. S. Features and problems of integrated development of residential development in St. Petersburg

This article discusses the concept of integrated development of the territory as an approach to residential development. The paper also analyzes the criteria for the provision and accessibility of social infrastructure facilities in the context of the implementation of this type of project. A spatial analysis of three cases within the framework of the integrated development of the territory in St. Petersburg was carried out, and a comparative table of projects was compiled. Based on the results of the study, conceptual proposals have been put forward regarding the improvement of integrated residential development projects.

Keywords: integrated development of the territory, development in St. Petersburg, calculation of indicators of security and accessibility, social infrastructure.

Смирнова Ю. Д., Яковлева П. Э. Анализ сетей концентрации креативных индустрий на примере «Лофт Проект Этажи»

Креативные индустрии играют важную роль в экономике современного города. Они являются силой притяжения для новых организаций и людей,

способствуют реализации креативного потенциала населения. В статье проанализированы создаваемые в целях их объединения креативные кластеры на примере пространства «Лофт проект Этажи». Для этого применен метод сетевого анализа, позволяющий оценить связи между участниками объединения, проанализировать влияние этих связей на территорию присутствия творческого объединения.

Ключевые слова: креативные индустрии, креативные кластеры, «Лофт проект Этажи», сетевой анализ.

Smirnova U. D., Yakovleva P. E. Analysis of concentration networks of creative industries on the example of «Loft Project Etage»

Creative industries play an important role in the economy of a modern city. They are a force of attraction for new organizations and people, contributing to the realization of the creative potential of the population. The article analyzes the creative clusters created in order to combine them using the example of the Loft Project Etage space. For this purpose, the method of network analysis was applied, which allows to assess the connections between the participants of the association, to analyze the impact of these connections on the territory of the presence of the creative association.

Keywords: creative industries, creative clusters, Loft Project Etage, network analysis.

Яковченко А. Н., Афанасьев К. С. Нелегальное уличное искусство как основной источник нарушений требований к благоустройству территорий крупнейшего города

Статья посвящена оценке влияния нелегального уличного искусства на благоустройство территорий, а также разработке рекомендаций по снижению затрат на ликвидацию нарушений, связанных с ним. В рамках исследования проведены интервью с 41 специалистом в сфере благоустройства и 11 экспертами по уличному искусству. Выявлено, что нелегальное уличное искусство является одним из основных источников нарушений. Предложены меры по оптимизации текущих решений и внедрению новых подходов для снижения бюджетных расходов.

Ключевые слова: благоустройство, крупнейший город, оптимизация, бюджетные расходы, уличное искусство.

Yakovchenko A. N., Afanasiev K. S. Illegal street art as the main source of violations of the requirements to the improvement of territories of the largest city

The article is devoted to the assessment of the impact of illegal street art on the landscaping of territories, as well as the development of recommendations to reduce the cost of eliminating violations associated with it. Within the framework of the research 41 specialists in the field of landscaping and 11 experts on street art were interviewed. It is revealed that illegal street art is one of the main sources of violations. Measures to optimize current solutions and introduce new approaches to reduce budget expenditures are proposed.

Keywords: landscaping, largest city, optimization, budget expenditures, street art.

Кутявина В. С. Потенциал и развитие креативных кластеров в г. Санкт-Петербурге

Статья посвящена анализу уровня развития креативных индустрий в городе Санкт-Петербурге и разработке эффективных решений по реализации политики города в отношении креативных кластеров. Определены очаги концентрации организаций, осуществляющих основную деятельность в сфере креативных индустрий на территории города, и представлена их картографическая визуализация. Выявлены места потенциального возникновения новых креативных кластеров на территории города. Разработаны общие рекомендации по реализации политики Санкт-Петербурга в области креативных кластеров. Полученные результаты могут способствовать выработке новых стратегий развития креативной экономики Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: креативный кластер, креативные индустрии, городская среда, картографирование, Санкт-Петербург.

Kutyavina V. S. Potential and Development of Creative Clusters in St. Petersburg

This article is dedicated to the analysis of the level of development of creative industries in the city of St. Petersburg and the formulation of effective solutions for implementing the city's policy regarding creative clusters. It identifies focal points of concentration for organizations primarily engaged in creative industries within the city and presents their cartographic visualization. Potential locations for the emergence of new creative clusters in the city are highlighted. General recommendations for implementing St. Petersburg's policy on creative clusters have been developed. The results obtained may contribute to the formulation of new strategies for the development of St. Petersburg's creative economy.

Keywords: creative cluster, creative industries, urban environment, cartography, St. Petersburg.

Совчик Е. И. Сравнение государственной политики, направленной на развитие малых и средних городов, через призму территориального управления: примеры Франции и Италии

Настоящая статья стремится раскрыть влияние логики территориального управления на содержание и эффективность политических решений, направленных на развитие малых и средних городов. В частности, детально обсуждается институционально обусловленный выбор между нисходящими и восходящими, а также между муниципализацией и регионализацией в контексте программ поддержки малых и средних городов. Во Франции, где ключевые полномочия, связанные с разработкой планов территориального развития, были переданы муниципалитетам, Action cœur de ville предоставляла местным властям возможность самостоятельно определять стратегии возрождения городов, вместе с тем назначив национальные власти ключевым финансовым донором. В статье отмечается, что выбор в пользу такой схемы привёл к большей выборочности, гибкости и разнотипности мер по поддержке городов, однако ограничил доступ частных инвесторов и позволил

сфокусироваться исключительно на центральных муниципалитетах в ущерб окружающим их функциональным зонам. В Италии, где наблюдалась тенденция к федерализации управления, Strategia Nazionale per le Aree Interne возложила ключевые административные и финансовые полномочия на региональные органы власти. Было выявлено, что такое решение оказало стимулирующее воздействие на промышленное развитие центральных муниципалитетов и соседних населенных пунктов, но не способствовало решению проблемы депопуляции и, кроме того, создало определенные риски несогласованности действий.

Ключевые слова: малые и средние города (МСГ), децентрализация, территориальное управление, муниципализация, регионализация, Программа «Центр города», «Национальная стратегия для внутренних районов».

Sovchik E. I. Comparison of the public policies targeting small- and middle-sized towns through the prism of territorial governance: cases of France and Italy

The article aims at disclosing the influence of the mode of territorial governance on the content and effectiveness of the policies targeting small and medium-sized towns. In particular, the institutionally determined choices between top-down and bottom-up strategies as well as between municipalisation and regionalisation are discussed. In France, where key powers related to spatial policymaking were transferred to municipalities, Action cœur de ville encouraged local authorities to decide urban revitalisation strategies independently, while making the State a key financial donor. As has been demonstrated, such a design resulted in higher relevance, flexibility, and multidimensionality of policy responses, but restricted the entrance of private investors and focused mainly on central municipalities. In Italy, where a trend towards federalisation could be observed, Strategia Nazionale per le Aree Interne assigned the key administrative and financial responsibilities to subnational authorities. It has been revealed that such a decision had a stimulating impact on the industrial development of central municipalities and neighbouring localities, but did not help to solve the problem of depopulation and created certain risks of miscoordination.

Keywords: small and medium-sized towns (SMSTs), decentralisation, territorial governance, municipalisation, regionalisation, Action cœur de ville, Strategia Nazionale per le Aree Interne.

Слепченко А. П. Мемы как отражение политики: цифровая модернизация в России

Эта статья посвящена исследованию мемов как способа эмоционального выражения политического опыта россиян с помощью юмора и ищет ответ на вопрос о том, связан ли популярный в 2024 году мем «альтушки с Госуслуг» с цифровизацией в России. Учитывая политические функции мема, автор приходит к выводу, что рассматриваемый мем в первую очередь стоит трактовать через призму карнавала Михаила Бахтина и карнавального сопротивления, так как он несёт в себе черты абсурдного высмеивания современной политики и социокультурного

контекста. Чтобы раскрыть смыслы, заложенные в семантическое ядро мема, используются методы дискурс-анализа и заочного анкетирования. В результате анализа автор приходит к выводу, что пользователи сети действительно воспринимают мем «альтушки с Госуслуг» как высмеивание государственного контроля и широкого функционала государственных сервисов, в том числе электронных повесток, однако также через эти мемы выражается обеспокоенность проблемами отношений между мужчинами и женщинами, которая облечена в юмористические архетипы «альтушек» и «скуфов». Помимо этого, выясняется, что карнавальная абсурдность мема позволяет ему иметь широкую аудиторию разной идеологической направленности и стирает изначальный посыл, заложенный в него создателем.

Ключевые слова: Политический дискурс, мемы, цифровизация, карнавальное сопротивление, медиа, современная российская политика.

Slepchenko A. P., Memes as reflection of politics: digital modernization

This article is devoted to the study of memes as a way to emotionally express the political experience of Russians through humour and seeks an answer to the question of whether the meme “alt-girls from Gosuslugi”, popular in 2024, is related to digitalization in Russia. Considering the political functions of the meme, the author comes to the conclusion that the meme in question should first of all be interpreted through the prism of Mikhail Bakhtin’s carnival and carnivalesque resistance, since it carries the features of an absurd ridicule of modern politics and socio-cultural context. To reveal the meanings embedded in the semantic core of the meme, methods of discourse analysis and correspondence questionnaires are used. As a result of the analysis, the author comes to the conclusion that netizens really perceive the meme “alt-girls from Gosuslugi” as ridiculing state control and the wide functionality of public services, including electronic subpoenas, but also through these memes concern is expressed about the problems of relations between men and women, which is clothed in the humorous archetypes of “alt-girls” and “scoofs”. In addition, it turned out that the carnival absurdity of the meme allows it to have a wide audience of different ideological orientations and erases the original message embedded in it by the creator.

Keywords: Political discourse, memes, digitalization, carnivalesque resistance, media, contemporary Russian politics.

Краснолобова Т. А. Стратегии демонстрации лояльности российских губернаторов федеральному центру

В данной статье изучается вопрос того, насколько использование методов государственного принуждения является эффективным инструментом в отношениях центра и регионов на примере демонстрации лояльности российских губернаторов федеральному центру. В результате изучения релевантной литературы об основных видах стратегий демонстрации лояльности глав российских регионов, сбора необходимых данных, построения регрессионной логистической модели и проведения анализа выживаемости, автор

приходит к выводу, что методы государственного принуждения действительно обладают определённой эффективностью, но лишь в дополнение к другим стратегиям, в частности электоральным, таких как гарантия высокого процента голосов за партию власти в парламенте или правящего президента. Общий результат проведённого исследования заключается в том, что доказывается значимость использования методов государственного принуждения в российском контексте отношения между федеральным центром и регионами, а также предлагает дальнейшие перспективы изучения данного феномена, дополняя уже существующий пласт литературы в этой области.

Ключевые слова: отношения центр-регионы, российские регионы, лояльность, методы государственного принуждения, электоральные методы, риторика, губернаторы, анализ выживаемости.

Krasnolobova T. A. Russian governors’ strategies of demonstrating loyalty to the federal center

This article examines the question of how effective the use of state coercion methods in relation to centers and regions is based on the loyalty of Russian governors to the federal center. As a result of studying relevant literature on the phenomenon of political loyalty on Russian example, considering the main types of strategies for demonstrating loyalty to the heads of Russian regions, collecting the necessary data, building a regression logistic model and conducting a survival analysis, the work concludes that methods of state coercion do have a certain effectiveness, but in addition to other methods, in particular, electoral, as a guarantee of a high percentage of votes for the incumbent president or party in parliament. The overall result of the study is that it proves the importance of using methods of state coercion in the Russian context of relations between the federal center and the regions, and also offers further prospects for studying this phenomenon, complementing the existing literature in this field.

Keywords: center-regions relations, Russian regions, loyalty, methods of state coercion, electoral methods, rhetoric methods, governors, survival analysis.

Панкова Е. М., Богатырева А. А., Болданова Д. Б. Различия между интервью Владимира Путина Такеру Карлсону и Дмитрию Киселеву

В своих выступлениях политики стремятся привлечь сторонников. Они используют разные нарративы для разных целевых аудиторий. Несмотря на это, существует нехватка количественных исследований на тему зависимости риторики Владимира Путина от целевой аудитории. В данном исследовании с помощью тематического моделирования и метрики TF-IDF анализируются интервью Владимира Путина Такеру Карлсону и Дмитрию Киселеву. Целевые аудитории делятся на международную и отечественную. Анализ показывает, что риторика Владимира Путина в этих интервью различается. Интервью с Такером Карсоном касается в основном геополитической ситуации, отношений России с Западом и исторических вопросов. Между тем, в интервью Дмитрия Киселева речь идет, в основном, об экономической ситуации, финансовой помощи семьям и внутренней политике.

Последующие исследования могут быть сосредоточены на других интервью Владимира Путина, чтобы определить, меняется ли его риторика в целом в зависимости от аудитории.

Ключевые слова: интервью, текст майнинг, Путин, целевая аудитория, риторика.

Pankova E. M., Bogatyreva A. A., Boldanova D. B. The difference between Vladimir Putin's interviews to Tucker Carlson and Dmitry Kiselev

Politicians aim their speeches to attract supporters. They do use different narratives for different target audiences. Despite this difference, there is a lack of quantitative studies on Putin's rhetoric depending on the target audience. In the study Vladimir Putin's interviews with Tucker Carlson and Dmitry Kiselev are analyzed by topic-modeling and TF-IDF metric. The target audiences are divided into international and domestic ones. The analysis shows that Vladimir Putin's rhetoric varies in these interviews. The interview with Tucker Carlson concerns mostly geopolitical situation, Russia-West relations and historical issues. Meanwhile, an interview with Dmitry Kiselev covers the economic situation, financial assistance to families, and internal policy. Future research can be focused on other Vladimir Putin's interviews in order to determine whether his rhetoric generally varies depending on the audience.

Keywords: interview, text-mining, Putin, target audience, rhetoric.

Овчаренко В. М., Семичев Д. М. «I Want It Third Way»: популистский компромисс для поляризованной польской системы

Политические процессы в Польше во второй половине 2010-х и начале 2020-х в первую очередь описывались через призму эрозии демократии и евроскептического консерватизма партии Право и Справедливость во главе с Ярославом Качиньским. Однако последние парламентские выборы 2023 года привели к значительным изменениям на политической арене страны — оппозиционные объединения смогли победить и сформировать новое правительство. Значительное количество голосов неожиданно досталось созданному незадолго до выборов блоку Третий Путь. На примере Польши мы пытаемся понять, с помощью каких инструментов центристские объединения могут влиять на поляризованные государства, столкнувшихся с эрозией демократии. Мы ожидаем, что блок использует идеологию Третьего Пути и популизм для получения поддержки избирателей. Мы анализируем избирательные кампании партий в социальных сетях, используя индуктивный качественный контент-анализ. Оба наших предположения оказались верны, однако популизм оказался значительно важнее полноценной идеологии Третьего Пути, за которой скрывается стремление попасть во власть, вооружённое популистскими техниками. Это исследование позволяет нам расширить понимание центристских сил в молодых демократиях в Европе и за ее пределами.

Ключевые слова: Польша, популизм, Третий Путь, выборы, контент-анализ, поляризация, эрозия демократии.

Ovcharenko V. M., Semichev D. M. «I Want It Third Way»: Populist Middleground for the Polarised Polish System

Lately Polish political processes were characterised through the prism of democratic backsliding and eurosceptic conservatism of the Prawo i Sprawiedliwość party led by Jarosław Kaczyński. However, the last 2023 parliamentary elections led to the tremendous change in the power distribution with opposition parties taking the office from PiS. The significant share of votes unexpectedly fled to the newly established Trzecia Droga party bloc. In the Polish example we try to understand what instruments centrist parties might use to challenge the polarised states facing democratic backsliding. In this research, we assume that this bloc adopted Third Way ideology together with populism to get the support. We analyse electoral campaigns of parties in social networks using inductive qualitative content analysis. We found the support for both our assumptions with populism being more integral than the full ideology of Third Way, used as a façade for office-seeking empowered with populist techniques. This research might be used to broaden our perception of centrist powers' role in young democracies in Europe and across the globe.

Keywords: Poland, populism, Third Way, elections, content analysis, polarisation, democratic backsliding.

Корякин К. Виртуальный федерализм? Построение автономии и саморепрезентации российских губернаторов в социальных сетях

В этой статье рассматривается вопрос построения губернаторской автономии в контексте централизации в России. Обычно подразумевается, что губернаторы используют социальные сети для демонстрации лояльности и выступают в качестве субнациональных агентов национальных властей. Тем не менее, есть свидетельства того, что некоторые губернаторы более успешны и активны в социальных сетях, чем другие. Более того, предполагается, что губернаторы заинтересованы в использовании социальных сетей, поскольку там они могут выстраивать свою автономию для собственной деятельности в качестве региональных лидеров. В статье делается попытка ответить на вопрос о том, что именно позволяет губернаторам выстраивать автономию посредством социальных сетей без негативной реакции со стороны федерального центра. Ответ, основанный на качественном контент-анализе, заключается в том, что губернаторы должны иметь предпосылки необходимого уровня в виде продемонстрированной лояльности и компетентности при управлении в регионах с особым статусом или, в качестве альтернативы, с сильной местной идентичностью. Также предполагается для дальнейшего исследования, что не только этнические республики, но и нереспубликанские регионы с русским большинством могут обеспечить основу для построения автономии.

Ключевые слова: губернаторы, социальные сети, автономия, региональная идентичность, российская политика.

Koriakin K. Virtual Federalism? Construction of Autonomy and Self-Representation of The Russian Governors in Social Media

This article concerns the issue of construction of gubernatorial autonomy in the context of centralization in Russia. It is usually implied that governors use social media to signal loyalty and perform as subnational agents of the national authorities. Still, there is evidence that some governors are more successful and vivid in social media than others. Moreover, it is suggested that governors are self-interested in using social media, since there they can construct their autonomy to perform as regional leaders. The article tries to answer what makes governors able to construct autonomy using social media without negative reaction from the federal centre. The answer based on the qualitative content analysis is that governors need to have the prerequisites of the necessary levels of demonstrated loyalty and competence while governing in the regions with special status or, alternatively, strong identity prevalent there. It is also assumed for the further research that not only the ethnic republics, but also the Russian-majority non-republican regions can provide basis for construction of autonomy.

Keywords: governors, social media, autonomy, regional identity, Russian politics.

Дуев И. В., Иванова К. О. Как производится страх перед COVID-19 в российском публичном дискурсе?

В 2020 году произошло нечто важное, что заставило весь мир ввести большое количество ограничений и предписаний для граждан — распространить страх в связи с пандемией коронавируса. В этом исследовании рассматривается, как страх воспроизводился в российском медиадискурсе. В статье используются инструменты интеллектуального анализа текста для обработки и анализа новостных источников, в то время как политический и критический дискурс анализ используется для интерпретации результатов и выявления скрытых смыслов, а также повседневных практик, возникших в связи с распространением дискурса страха. В исследовании также затрагивается тема перекалывания вины за произошедшее на иностранные государства из-за необходимости разъяснить ситуацию. В статье делается попытка рассмотреть, как (и действительно ли) изменился смысл человеческой жизни и отношение к ней. Исследование сочетает в себе как качественные, так и количественные методы, стремясь представить обобщенные результаты.

Ключевые слова: коронавирус, страх, дискурс, биос, язык, практики.

Duev I. V., Ivanova K. O. How is the fear produced under the COVID-19 in Russian public discourse?

In 2020, something important happened that forced the whole world to impose a large number of restrictions and regulations on citizens — the spread of fear in connection with the COVID-19 pandemic. This study examines how fear was reproduced in the Russian media discourse. The paper uses text mining tools to process and analyze news sources, while political and critical discourse analyses are used to interpret the results and identify hidden meanings, as well as everyday practices that have arisen due to the

proliferation of the discourse of fear. The study also touches on the topic of shifting the blame for what happened to other countries with the need to explain the situation. The paper tries to consider how (and whether) the meaning of human life and the attitude towards it have changed. The research combines both qualitative and quantitative methods, trying to present the overall results.

Keywords: COVID-19, fear, discourse, bios, language, practices.

Перова П. С. Роль французского наследия в формировании политических принципов Камбоджи

В исследовании предпринята попытка оценить влияние французского наследия в формировании методов внутригосударственного управления, а также определении внешнеполитической стратегии Камбоджи. В ходе работы был проведен качественный и количественный анализ информационных порталов Королевства Камбоджа в сфере политического, экономического и культурного взаимодействия с бывшей метрополией. Французская сторона видит необходимым укрепление отношений с Пномпенем в целях расширения своего влияния в Индо-Тихоокеанском регионе. Наиболее благоприятными принципами сотрудничества являются образование и культурная преемственность, где руководство азиатского государства обращается к примеру западного партнёра. При рассмотрении факторов, которые формируют необходимость взаимовыгодного сотрудничества на двусторонней основе, был сделан вывод, что влияние внутриполитических институтов, которые привнесла Франция, велико. Камбоджийские власти не стремятся избавиться от французских нововведений в политической системе. Акцент на французской помощи в политическом и экономическом развитии обоюдно выгоден странам для выстраивания диалога.

Ключевые слова: Камбоджа, политические институты, постколониализм, Франкофония, Юго-Восточная Азия.

Perova P. S. The role of the French heritage in shaping Cambodia's political principles

The study attempts to assess the influence of the French heritage in shaping the internal political structure, as well as determining Cambodia's foreign policy strategy. An analysis of the rhetoric of leading news portals of the Kingdom of Cambodia on the issue of political, economic and cultural interaction with the former metropolis was carried out. France sees a need to strengthen relations with Cambodia in order to expand its influence in Indo-Pacific. The most propitious areas for cooperation are education and cultural continuity, where Cambodian elites are actively drawing on the example of a Western partner. In considering the factors that shape the need for mutually beneficial cooperation on a bilateral basis, it was concluded that French heritage takes a significant part in Cambodia's political structure. Cambodia's political elite does not tend to demolish French ideas in the political system. The emphasis on French legacy in political and economic development in Cambodia is mutually beneficial for both countries to maintain a dialogue.

Keywords: Cambodia, political institutions, post-colonialism, Francophonie, Southeast Asia.

Ботникова Е. Э. Отношения между национально-культурными идентичностями в условиях глобализации на примере израильско-палестинского конфликта

Автор рассматривает на примере израильско-палестинского конфликта формирование и изменение национально-культурной идентичности. Автор поднимает вопрос о способе защиты национальной идентичности в условиях глобализации. Использование сравнительно-исторического метода позволяет рассмотреть данный конфликт в перспективе, что в свою очередь даёт возможность определить закономерности во взаимоотношениях двух стран с точки зрения их национального самосознания. Автор считает, что в результате глобализации были усилены политические движения, направленные на сохранение особой культуры государств, что может приводить к эскалации конфликтов. С другой стороны, глобализация становится платформой для разрешения этих противостояний, способом для быстрого развития стран. Пример израильско-палестинского конфликта является наиболее ярким, так как обе страны имеют свою уникальную культуру и активно взаимодействуют с глобальным миром. Автор выделяет определенные этапы становления национально-культурных идентичностей Израиля и Палестины, рассматривает формирование негативной и позитивной идентичности этих стран в условиях военного конфликта, а также способы его разрешения. Автор изучает уникальные пути развития Израиля и Палестины, сформировавшиеся в результате взаимоотношения данных стран с процессом глобализации.

Ключевые слова: идентичность, глобализация, израильско-палестинский конфликт, национализм, этническая принадлежность.

Botnikova E. E. Relations between national and cultural identities in the context of globalization on the example of the Israeli-Palestinian conflict

The author examines the formation and change of national and cultural identity using the example of the Israeli-Palestinian conflict. The author raises the question of how to protect national identity in the context of globalization. The use of the comparative historical method allows us to consider this conflict in perspective, which in turn makes it possible to identify patterns in the relations between the two countries from the point of view of their national identity. The author believes that as a result of globalization, political movements aimed at preserving the special culture of states have been strengthened, which can lead to an escalation of conflicts. On the other hand, globalization is becoming a platform for resolving these confrontations, a way for the rapid development of countries. The example of the Israeli-Palestinian conflict is the most striking, as both countries have their own unique culture and actively interact with the global world. The author identifies certain stages in the formation of the national and cultural identities of Israel and Palestine, examines the formation of negative and positive identities of these countries in the context of military conflict, as well as ways to resolve it. The author studies the unique ways of development of Israel and Palestine, formed as a result of the relationship of these countries with the process of globalization.

Keywords: identity, globalization, Israeli-Palestinian conflict, nationalism, ethnicity.

Никифоров В. И. Анализ влияния факторов неэкономической этиологии на политику ЕС в области конкуренции

Целью данной статьи является исследование применения европейской политики в области конкуренции с целью выявления возможных неэкономических факторов, которые влияют на действия Европейской комиссии при вынесении решений в области политики конкуренции. В соответствии с намерениями автора, в статье представлен обзор: литературы, анализирующий структуру организаций, которые разрабатывают и реализуют политику в области конкуренции; эволюции политики в области конкуренции и участвующих в ней органов; существующих дискуссий и критикой действий Комиссии и ее (бес)пристрастности. В основном разделе предлагается теоретическая основа, ставится исследовательский вопрос и формулируется гипотеза. В последующем разделе описаны методы, переменные и процесс кодирования. В заключительном разделе анализируются результаты, полученные с помощью моделей. Основным итогом статьи заключается в том, что на действия Комиссии действительно оказывают влияние неэкономические факторы. В выводе обсуждаются ограничения и будущие перспективы этой работы.

Ключевые слова: ЕС, конкурентная политика, картели, слияния и поглощения, антимонопольное регулирование в ЕС.

Nikiforov V. I. Analysis of the influence of non-economic etiology factors on EU competition policy

The goal of this paper is to conduct research on contemporary European competition policy enforcement in order to uncover possible non-economic factors that motivate the actions of the European Commission in enforcing competition policy decisions. In order to fulfil the intentions of the author, the paper provides an extensive literature review that: analyse the structure of the entities that create and implement the competition policy; tracks the evolutionary process of the competition policy and the organs involved; provides an overview of existing debates and criticism of the Commission actions and its (im)partiality. Main section provides a theoretical basis and formulates the hypothesis. The Methodology section describes methods and variables. The next section shows and interprets the models' outcomes. The major insights of the paper are that the influence of non-economic factors on the actions of the Commission is present. In the conclusion, the limitations and future prospects of the work are discussed.

Keywords: EU, competition policy, cartel, merger, EU competition regulation.

Жаров Г. Л., Гончаренко Д. Р. "Piove Sul Bagnato": Поляризация в Италии в эпоху кризисов

Эта работа направлена на изучение влияния кризисов на политическую поляризацию в Италии. Нас интересует, какое влияние кризисы, с которыми столкнулся ЕС в 2020–2022 годах, оказали на поляризацию в Италии. Сначала мы представим краткий обзор литературы о термине «поляризация». Позже будет рассмотрен политическая ситуация Италии

и результаты парламентских выборов в 2022. Затем, основываясь на регрессионном анализе и дискурсивных стратегиях, мы попытаемся проследить, как различные экономические и социальные показатели, а именно инфляция, цены на электроэнергию, а также количество мигрантов, прибывающих морским путем, повлияли на поляризацию политической системы Италии. В результате мы приходим к выводу, что кризисы способствуют росту поляризации и росту популизма.

Ключевые слова: поляризация, Италия, популизм, выборы, дискурс анализ, регрессионный анализ.

Zharov G. L., Goncharenko D. R. "Piove Sul Bagnato": Italian polarization during crises

This work is aimed at studying the impact of crises on political polarization in Italy. We are interested in what impact the crises faced by the EU in 2020–2022 had on polarization in Italy. Firstly, we will introduce a brief literature review on the term of polarization. Later on, the political background of Italy and the results of parliamentary elections of 2022 will be reviewed. Then, based on regression analysis and framework of discursive strategies, we will try to trace how various economic and social indicators, namely inflation, electricity prices, as well as the number of migrants arriving by sea, affected the polarization of the Italian political system. As a result, we conclude that crises contribute to the growth of polarization and the growth of populism.

Keywords: Polarisation, Italy, Populism, Elections, Regression analysis, Discourse analysis, Polycrisis.

Борна А. Изменения дискурсивных паттернов иранской оппозиции во время протестов в Иране 2022–2023 гг.

Протесты «Женщина, Жизнь, Свобода» являются самым критическим моментом в современной политической истории Ирана. Несмотря на месяцы общенациональных протестов и сильную начальную поддержку формирования оппозиционной коалиции, движение раскололось, подвергшись серьезной фрагментации. В этой диссертации рассматривается загадка неудавшейся консолидации политической коалиции и последующей фрагментации с акцентом на дискурсивное учреждение оппозиционности. Используя критический дискурс-анализ (CDA), анализ дискурсивных паттернов (DPA) и эпизодический дискурс-анализ (EDA), это исследование деконструирует развивающийся дискурс среди оппозиционных групп. Исследование выявляет переход дискурсивных шаблонов от солидарности к враждебности, что связано со стратегиями согласования фреймов старой оппозиции и результатом враждебного дискурса от усилий по консолидации внутри группы. Выводы показывают, что стратегические маневры оппозиционных групп, направленные на гегемонизацию нарратива «Женщина, Жизнь, Свобода», способствовали увеличению фрагментации, что ставит под сомнение потенциал движения для единой консолидации. Анализируя дискурсивные изменения, эта диссертация предоставляет всестороннее понимание динамики, формирующей иранскую политическую оппозицию,

предлагая идеи для будущих научных исследований и практических решений для оппозиционных движений во всем мире.

Ключевые слова: политическая мобилизация, дискурс, Иран, оппозиционная политика, критический дискурс анализ, анализ дискурсивных паттернов.

Borna A. Discursive Pattern Changes of the Iranian Opposition during the 'Woman Life Freedom' protests

The 'Woman, Life, Freedom' protests mark the most significant critical juncture in contemporary Iranian political history. Despite months of nationwide protests and strong initial backing for forming an opposition coalition, the movement splintered with severe fragmentation. This thesis examines the puzzle of the failed consolidation of a political coalition and the resulting fragmentation, with a focus on the discursive institution of oppositionality. Using Critical Discourse Analysis, Discursive Pattern Analysis, and Episodic Discursive Analysis, this research deconstructs the evolving discourse among opposition groups. The study identifies the transition of discursive patterns from solidarity to hostility, attributed to the frame alignment strategies of the legacy opposition and the resultant hostile discourse from in-group consolidation efforts. The findings reveal that opposition groups' strategic maneuvers to hegemonize the WLF narrative contributed to increased fragmentation, challenging the movement's potential for unified consolidation. This thesis provides a comprehensive understanding of the dynamics shaping Iran's political opposition, offering insights for future scholarly exploration and practical implications for opposition movements globally.

Key words: Political Mobilization, Discourse, Iran, Opposition Politics, Critical Discourse Analysis, Discursive Pattern Analysis.

Гахардо М. А. Политические детерминанты денежно-кредитной политики в период экономического перехода: исследование предпочтений валютного режима в постсоветских государствах

Распад Советского Союза в 1991 году привел к возникновению независимых государств и необходимости проведения самостоятельной валютной политики. Исследование анализирует влияние политических факторов на выбор обменного курса в постсоветских странах в период экономического перехода. Применяя методы качественного сравнительного анализа (QCA) и нечеткого QCA (fsQCA), работа охватывает пятнадцать государств за период с 1992 по 2012 год и изучает изменения между плавающими, фиксированными и краулинговыми курсами.

Результаты показывают, что политическая стабильность, идеология правительства, уровень демократии, независимость центрального банка и избирательные циклы играют важную роль в выборе валютного режима. Политическая стабильность особенно важна при смене режимов, а идеология и выборы влияют на политику в долгосрочной перспективе. В то же время институциональные факторы, такие как независимость центрального банка, показывают сложные взаимодействия с политической системой.

Выводы исследования помогают понять политические детерминанты валютной политики в регионе, демонстрируя важность политических и экономических факторов в принятии решений.

Ключевые слова: обменный курс, денежно-кредитная политика, политическая экономия, Евразия.

Gajardo M. A. Political Determinants of Monetary Policy during Economic Transitions: A Study of Exchange Rate Regime Preferences in Post-Soviet States

The dissolution of the Soviet Union in 1991 marked a pivotal shift in the post-Soviet space, requiring new states to establish independent monetary policies. This research examines the political determinants influencing exchange rate regime preferences during economic transitions from 1992 to 2012 across fifteen post-Soviet

states. Using Qualitative Comparative Analysis (QCA) and Fuzzy-Set QCA (fsQCA), it explores regime choices, such as floating, fixed, and crawling peg systems.

Key findings indicate political stability, government ideology, democracy, elections, central bank independence, and government strength shape regime preferences. Political stability often drives shifts between systems, while electoral dynamics and government ideology significantly influence transitions. Institutional factors, including central bank independence, also play complex roles. Floating exchange rates are favored for monetary autonomy, while fixed regimes provide stability during uncertainty. The study offers insights into the political economy of post-Soviet states, suggesting further research into additional cases could refine understanding of these dynamics.

Keywords: Exchange Rate, Monetary Policy, Political Economy, Eurasia.

Научное издание

**СБОРНИК
студенческих работ 2024 года
факультета
Санкт-Петербургская школа
социальных наук
НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург**

Технический редактор *А. Б. Левкина*
Дизайн обложки *Е. А. Бескорцева*
Оригинал-макет *С. В. Красильнюк*

Подписано в печать 25.05.2025. Формат 60 × 84 ¹/₈.
Усл. печ. л. 20,53. Тираж 100 экз. Печать цифровая.
Заказ № 132.

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 40.
Тел./факс (812) 766-05-66. E-mail: book@renomespб.ru
ВКонтакте: https://vk.com/renome_spб
www.renomespб.ru